

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ**

OSTKRAFT

• научное обозрение • www.ostkraft.ru •

• Модест Колеров • Москва • 2022 • № 6 •

УДК 94(470):821.16"18/19"
ББК 63.3(2)+83.3(2)
О-88

Редакционная коллегия:

Л. Ф. Кацис (главный редактор),

М. А. Колеров,

С. Г. Шиндин.

Издается при поддержке Учебно-научной лаборатории
манدهльштамоведения Института филологии и истории
РГГУ (Москва)

О-88 OSTKRAFT / Литературная коллекция. Научное обозрение № 6.
М. : Модест Колеров, 2022. 384 с. (www.ostkraft.ru)
ISBN 978-5-905040-79-5

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Афанасий Мамедов. Однажды ночью о Мандельштаме ...</i>	
Памяти Юрия Фрейдина	5
<i>Михаил Выграненко. Из заметок об Иннокентии Анненском.</i>	
1. Ещё о «сладчайшем Иисусе» у Анненского. 2. Ещё раз о «черном солнце» О. Мандельштама	19
<i>Вадим Беспрозванный. «Трухоперлый Бабатя». Александр Яблоновский как литературный критик</i>	33
<i>Дмитрий Ивинский. Из заметок о поэме А. А. Блока «Две- надцать»</i>	46
<i>И. В. Кондаков. «Сложность» поэтических текстов О. Ман- дельштама как филологическая проблема</i>	97
<i>Юрий Орлицкий. Мандельштам — новатор стиха</i>	125
<i>Леонид Кацис. «Путешествие в Армению» как факт полити- ческой биографии О. Мандельштама</i>	137
<i>Артем Серебренников. Статья «Грядущее разрешение кав- казских вопросов» (1918): первая публикация В. Я. Парна- ха во Франции?</i>	253
<i>Кристина Ланда (Форли). Образ лепета в контексте темы детства у О. Мандельштама</i>	257

Зеев Бар-Селла. Сын за отца (к анализу «Жди меня...»
К. Симонова) 276

Лилия Брусиловская. Вдова поэта в воспоминаниях современников (Б. Ахмадулина, И. Бродский, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Мессерер) 286

М. А. Колеров. Забытое и сокрытое: новый текст Петра Струве о Ленине (1903). Рецензия на «Что делать?» 293

* * *

Л. Кацис. Заметки читателя историко-философской, формалистической и «украинологической» литературы. XXIII. Детская болезнь «модерности» в формализме или «Путешествие в историю литературоведения слобожанской Швейцарии». К выходу в свет монографии: Г. Бабак, А. Дмитриев. Атлантида советского нацмодернизма. Формальный метод в Украине (1920-е — начало 1930-х). М., 2021 с Приложениями 309

Вадим Беспрозванный (Анн Арбор). Олег Лекманов. О двух-адресной установке поэзии Анны Ахматовой: на примере четырех фрагментов цикла «Реквием» 369

Владимир Романович Молотников (9 августа 1947 — 26 сентября 2021). Некролог 385

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ О МАНДЕЛЬШТАМЕ... ПАМЯТИ ЮРИЯ ФРЕЙДИНА

17 ноября 2021 года в возрасте 79 лет скончался Юрий Львович Фрейдин — врач-психиатр, литературовед, друг и душеприказчик Надежды Яковлевны Мандельштам, сопредседатель «Мандельштамовского общества».

Иногда случается так, что достаточно буквально нескольких телефонных бесед, чтобы у тебя сложилось мнение о человеке, и он остался бы в твоей памяти, как яркая, выдающаяся личность. Так, навсегда останутся в моей памяти несколько телефонных бесед с Майей Каганской или несколько телефонных бесед и встреч с Александрой Ильиничной Ильф, или три долгих телефонных разговора с Юрием Львовичем Фрейдиным, одним из крупнейших знатоков жизни и творчества Мандельштама, свидетелем и участником становления и развития мандельштамоведения вплоть до сегодняшнего дня, близким другом и душеприказчиком вдовы поэта Надежды Яковлевны, хранителем ее архива, одним из редакторов-составителей вышедшего в 2014 году нового двухтомного собрания сочинений Надежды Яковлевны, ну, и, наконец, знатоком русской литературы.

Я мог бы выйти на него еще в период моей работы в журнале «Лехаим», когда делал свои «четырёхчастные» интервью. Были общие знакомые, была поставлена задача — сделать материал об Осипе Эмильевиче Мандельштаме, поговорить с теми, кто был лично знаком с вдовой поэта. Ну как тут было без него? Од-

нако к великому моему сожалению, «Хаос иудейский и христианский» (<https://lechaim.ru/ARHIV/190/mamedov.htm>), так назывался материал, вышел без участия в нем Юрия Львовича Фрейдина. Я был где-то не столь настойчив. Как всегда поджимали сроки сдачи. Поэтому, когда я готовил круглый стол уже на портале «Лабиринта» в своей рубрике «Зеленая лампа», посвященный 130-летию Осипа Мандельштама (<https://www.labyrinth.ru/now/vzglyad-chetyreh>), пришлось проявить настойчивость, которая, по-моему, несколько удивила Юрия Львовича. Мне нужен был взгляд четырех поколений.

Позвонив ему, представился, как журналист. Снова назвал имена людей, снабдивших меня контактами. Юрий Львович, был вежлив, но и только. Мне казалось, он меня «пробивает», как теперь говорят. Я это понимал, мне было известно, что климатические условия в мандельштамовском обществе достаточно специфические — то у них там ливни могут зарядить, то грянет засуха, то еще чего-нибудь, люди везде люди и люди во всем люди, я хотел показать ему, что занимаю совершенно нейтральную позицию, что моя задача сделать простой честный материал. Обещал прислать ему по электронной почте ссылки своих материалов на «Лабиринте», а он обещал посмотреть их. Перед тем, как вешать трубку, спросил меня, кого я намерен еще позвать на круглый стол. Вообще у меня есть «золотое правило» — не рассказывать ничего одному своему собеседнику о другом, выйдет материал, они увидят то, что их интересует, однако тут я решил действовать иначе. И, кажется, благодаря этому исключению из правил вышел на вторую телефонную беседу, которая оказалась очень долгой, очень сложной и, по-своему, очень интересной. Юрий Львович проверял, являюсь ли я искренним ценителем мандельштамовской поэзии и прозы, или все-таки лукавлю по-журналистски, насколько хорошо осведомлен о жизни поэта и его вдовы; но самым сложным для меня оказался момент, когда он поинтересовался, какой же отпечаток во мне оставил двухтомник Надежды Яковлевны Мандельштам. Как хорошо, что я был подготовлен к этой беседе. Несколько раз смотрел передачу «Школа злословья», на которую ведущие Татьяна Толстая и Дуня Смирнова пригласили Юрия Львовича в качестве врача-психиатра и литературоведа, поговорить, как эти две профессии уживаются в одном человеке. О, этот второй разговор был ярким примером того, как они уживаются. Чего там, с блеском уживались в нем. У меня было точно такое ощущение

ние, будто я на приеме у психиатра поговорил еще и о литературе. Я потом долго ходил понурый, вспоминая, какие были вопросы и как я на них отвечал. Люди, хорошо, знавшие Юрия Львовича, успокаивали меня: «Старик, не переживай, экзамен ты прошел». Уж не знаю, как, но, видимо, да. Мы еще попереписывались какое-то время, а потом созвонились в третий раз. Это была открытая, не в пример, двум предыдущим телефонным звонкам беседа. За окном как-то очень тоненько висела ночь, из-за чего казалось, что ты говоришь громко, а твой собеседник, напротив, очень тихо. Собеседник говорил о том, как спасти мир Мандельштама от разного рода искажений и как его спасали десятилетиями служители того импульса, тех идей, которые достались им сорок лет назад от Надежды Яковлевны Мандельштам. Его ответы на мои вопросы, стали частью юбилейного интервью, которое после ухода Юрия Львовича, и вспоминается иначе, и иначе читается. Так что вполне можно сказать, что этот мандельштамовский разговор получился благодаря однажды случившейся полуночной беседе. Благодаря ей я и Мандельштама теперь читаю иначе и иначе смотрю на воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам. А еще пишу себя надеждой, что не только я, но и многие другие, послушав Юрия Львовича, чуть-чуть да изменят свой угол зрения.

К 130-ЛЕТИЮ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА / АФАНАСИЙ МАМЕДОВ

14 января 2021 года по новому стилю или 2 января по-старому (*Я рожден в ночь с второго на третье / Января в девяносто одном / Ненадежном году — и столетья / Окружают меня огнем*) исполняется 130 лет со дня рождения одного из самых крупных и, пожалуй, самых загадочных поэтов XX века с трагической судьбой...

В мае 1938 года советские власти арестовали Осипа Эмильевича Мандельштама во второй раз, обвинили в контрреволюционной деятельности, осудили на пять лет исправительно-трудового лагеря и этапировали на Дальний Восток. Изнуренный холодом и голодом, Мандельштам скончался в пересыльном лагере 27 декабря 1938 года, его могила до сих пор не найдена.

Он прожил всего 47 лет. Три поэтических сборника, половина прозы, разбросанные в периодике небольшие тексты разного свойства — вот, пожалуй, и все, что дошло до нас. И вряд ли бы

мы узнали об Осипе Эмильевиче больше, чем рассказали о нем Георгий Иванов в «Петербургских зимах» или Анна Ахматова в «Листках из дневника», если бы не его супруга Надежда Яковлевна, в буквальном смысле совершившая подвиг. Она не только сохранила в памяти и донесла до потомков поэтическое и прозаическое наследие мужа, написала несколько книг воспоминаний. За 43 года жизни без него она создала мир Мандельштама, вывела его в бесконечность, победив тем самым еще и вечную с ним разлуку.

Каков он, мир Мандельштама? Кто придумал и соткал образ поэта-недотепы, с которым годами ассоциировался его образ? Что заставило поэта пойти на открытое столкновение с властью, лично с горцем? Почему у Мандельштама нет поэм, и почему не сложились его взаимоотношения с кинематографом? На эти и другие вопросы мы попросили ответить врача-психиатра, историка литературы и душеприказчика Надежды Яковлевны Мандельштам Юрия Фрейдина.

Афанасий Мамедов. Юрий Львович, сформулированная вами в нашей телефонной беседе задача — спасти от забвения и искажений, сохранить и передать максимально точно мир Мандельштама — не под силу одному человеку, каким бы даром человек этот ни обладал. Надежду Яковлевну Мандельштам окружало несколько поколений, возможно, лучших людей второй половины XX века. Они десятилетиями были продолжателями того импульса, той идеи, которые достались им от Надежды Яковлевны сорок лет назад. К сожалению, многие из этих людей уже покинули сей мир, став символом отпущенного им времени. Скажите, пожалуйста, насколько их служение Мандельштаму соответствовало интенциям Надежды Яковлевны, ее волевому послы? И «кто же будет продолжать за них»?

Юрий Фрейдин. Вам очень удачно вспомнилась строка «Кто же будет продолжать за них?». Это финальная строчка стихотворения, начинающегося:

Не мучнистой бабочкой белой
В землю я заемный прах верну —
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну —
Позвоночное, обутленное тело,
Осознавшее свою длину.

Стихотворение написано в Воронеже в начале лета 1936 года. Оно завершает «Первую воронежскую тетрадь». У этого стихотворения было домашнее название: «Похороны летчиков». Мы ведем наш разговор в конце декабря печально коронованного 2020 года. 27 декабря исполнилось 82 года со дня гибели Осипа Эмильевича Мандельштама (в пересыльном лагере «Вторая речка» под Владивостоком). 29 декабря исполняется 40 лет со дня смерти Надежды Яковлевны Мандельштам. А в январе мы традиционно отмечаем 130-й день рождения поэта:

Напрягаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
— Я рожден в девяносто четвертом,
Я рожден в девяносто втором
И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья с гурьбой и гуртом
Я шепчу обескровленным ртом:
— Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном.
Ненадежном году, и столетья
Окружают меня огнем.

Так в стихах, написанных в воронежской ссылке весной 1937 года, Мандельштам обозначил свой день рождения. Естественно, «по старому стилю». Эту концовку «Стихов о неизвестном солдате» помнят, наверное, все читатели стихов Мандельштама. Но был вариант, когда за ней шло еще одно двенадцатистишие:

Но окончилась та перекличка
И пропала, как весть без вестей,
И по выбору совести личной
По указу великих смертей.
Я — дичок испугавшийся света,
Становлюсь рядовым той страны,
У которой попросят совета
Все кто жить и воскреснуть должны.
И союза ее гражданином
Становлюсь на призыв и учет,
И вселенной ее семьянином
Всяк живущий меня назовет...

От такого сложного, оптимистичного и в то же время эсхатологического финала автор в итоге отказался. Однако мы знаем о его поисках и колебаниях, знаем о других его стихах 30-х годов, и о прозе того же периода, и о письмах, и о перипетиях его нелегкой судьбы. Знаем благодаря его подруге и вдове, Надежде Яковлевне Мандельштам, благодаря ее полувековой заботе о сохранении литературного наследия поэта, благодаря удивительному таланту, с каким написаны ее собственные воспоминания. Вот уже более полувека мы не устаем перечитывать их и цитировать, когда речь идет об Осипе Мандельштаме.

Как и когда «открыли» заново Мандельштама?

Шестьдесят пять лет тому назад Глеб Струве и Борис Филиппов издали в Вашингтоне однотомник стихов и прозы Мандельштама, все, что сумели найти, почти все произведения, опубликованные при жизни поэта, с 1908 по 1932 год, пока его еще издавали на родине. Там не было «Стихов о русской поэзии», «Четвертой прозы», «Разговора о Данте», не было «Воронежских тетрадей». Они сделали это сами, без какой бы то ни было помощи из Москвы или Ленинграда и, конечно, без участия Надежды Яковлевны. Она в это время выходила на пенсию, обосновывалась в Тарусе, приводила в порядок чудом сохраненные ею бумаги мужа, хлопотала о его реабилитации, создавала Комиссию по литературному наследию и прикидывала шансы на издание этого наследия. Быстро поняв, что реабилитация не будет полной (до полной реабилитации она не дожила), что издание не будет быстрым, Надежда Яковлевна решила не дожидаться милостей от начальства. В результате к концу 50-х годов в самиздате стал циркулировать «Университетский список» — машинопись стихотворений Мандельштама 30-х годов. А Надежда Яковлевна начала писать «Воспоминания». В 1962 году Глеб Струве и Борис Филиппов выпустили в Нью-Йорке первый том «Собрания Сочинений Осипа Мандельштама в двух томах» — стихотворения.

И там уже были и стихи на смерть Андрея Белого, и «Стихи о русской поэзии», и «Воронежские тетради». Конечно, в одиночку Надежда Яковлевна сделать этого не могла. Ей помогало много разных людей, близких и далеких, безвестных, как уличный сапожник в Ташкенте, и знаменитых, как Анна Андреевна Ахматова, родных, как брат Женя и посторонних, как тетя Поля Степина, тарусская домохозяйка... Перечислять пришлось бы долго,

да и не всех мы знаем: ведь с Глебом Струве, например, Надежда Яковлевна не была знакома и не состояла в переписке. Однако в 1966 года он и Филиппов уже выпустили в Нью-Йорке второй том «Собрания Сочинений Осипа Мандельштама в двух томах» — прозу, и там уже был и «Разговор о Данте», и «Четвертая проза». А ведь «Четвертая проза» до конца 50-х не только не издавалась, но и не давалась никому даже для чтения, не говоря уж о переписывании или перепечатке. При жизни Осипа Эмилевича Надежда Яковлевна, по его просьбе, для немногих друзей иногда читала «Четвертую прозу» наизусть. Боясь держать при себе в постоянных разъездах по местам преподавательской службы произведения мужа, она заучивала их — и стихи, и прозу — до тех пор, пока все не издали Струве и Филиппов, освободив ее тем самым от такого, чисто отечественного способа хранения неподцензурной литературы.

О чем Надежда Яковлевна, по вашему мнению, хотела написать в своих воспоминаниях?

Две книги Надежды Яковлевны Мандельштам написаны в жанре, не укладывающемся в привычные рамки мемуаров. Их сравнивали с обличительным «Житием протопопа Аввакума», написанным им самим. Это какая-то новая проза — гражданская, протестная — для нее пока нет подходящего названия. Иосиф Бродский считал, что книги Надежды Яковлевны продолжают в прозе поэзию близких ей людей — акмеистов Ахматовой и Мандельштама. Уже сорок лет эти книги привлекают внимание разных поколений читателей.

«Воспоминания», ходившие в самиздате с середины 60-х годов, были опубликованы нью-йоркским издательством им. Чехова в 1970-м году, по авторской машинописи, с риском вывезенной из Москвы американским славистом Кларенсом Брауном в 1966-ом году.

«Мое завещание», написанное в декабре 1966-го, она отослала на Запад вслед за первой книгой. Его опубликовали в «Вестнике русского студенческого христианского движения» в 1971-ом году, а потом и отдельной брошюрой. Как обнаружилось позднее, в авторизованной машинописи «Воспоминаний» 1968-го года оно помещено в конце, как последняя глава; однако на экземплярах уже изданной книги Надежды Яковлевны никогда не восстанавливала эту композицию.

«Вторую книгу» напечатала «ИМКА-Пресс» в 1972-м. Ее рукопись была закончена к 1970-му — Надежда Яковлевна доверила мне составить оглавление, оно там довольно сложное, и зарубежным издателям не сразу удалось воспроизвести его.

Обе книги были переведены на основные европейские языки и вызвали живой сочувственный отклик за рубежом. Надежде Яковлевне даже присудили какую-то литературную премию. Она радовалась небольшим гонорарам, привозимым ей зарубежными поклонниками русской литературы в виде чеков «Внешпосылторга» (не дай Бог связываться с валютой! — за это тогда давали большие сроки), и тратила их, как известно, в основном, на подарки старым и новым друзьям — очень любила делать подарки и передаривать все, что дарили ей, — отчасти по природной щедрости и дружелюбию, а отчасти, быть может, в память своих с Осипом Эмильевичем последних лет, когда она была его «нищенкой-подругой», и они жили буквально на милосердные даяния своих родных, друзей и просто добрых людей.

Но больше всего была рада, что там, на Западе, стали больше переводить и издавать Мандельштама, изучать его творчество. И с достаточным основанием связывала это с успехом своих книг, зная, что между ее произведениями и его творчеством никогда не возникнут отношения «конкуренции», как, например, между поэзией Гумилева и Ахматовой. Как пишет Надежда Яковлевна, Анна Андреевна нередко вспоминала о судьбе поэтов-супругов Браунингов: при жизни большей известностью пользовалась Элизабет, а после их смерти — Роберт, а про нее почти забыли.

Насколько рискованным было решение переправить книги для издания за рубеж?

Решившись отдать книги для зарубежных изданий, часто принимая в доме иностранцев — студентов, журналистов, аспирантов, просто своих читателей или поклонников поэзии Мандельштама, Надежда Яковлевна все время помнила, что «начальство бдит», и в любой момент ее могут «не погладить по головке». Разве что «не станут связываться с больной старухой», но это уж как придется.

И оказалась права: ей прислали однажды прокурорскую повестку, а потом и арестовали, но, к счастью, уже после смерти и не надолго. Накануне нового 1981-го года в ее однокомнатную квартиру в Черемушках, где друзья в скорби собрались над ее гробом, явились милиционеры, и гэбэшники и насильно увезли ее в морг.

Хорошо еще, что потом дали достойно отпеть и похоронить, а не бросили в безымянную могилу, как за сорок два года до того в лагере на «Второй речке» под Владивостоком тело ее мужа, поэта Осипа Мандельштама.

Упоминаю об этом, потому что сейчас уже за книги не арестовывают и не убивают, и трудно представить, что еще совсем недавно все обстояло совсем иначе. Не знаю, фигурировали ли книги Надежды Яковлевны в обвинительных приговорах на процессах инакомыслящих в 60–80-х годах, но точно знаю, что их непременно изымали при обысках, равно как и зарубежные издания самого Мандельштама, и номера «Воздушных путей» или «Вестника русского христианского движения», где печатались стихи Осипа Мандельштама, прежде чем войти в собрание его сочинений под редакцией Струве и Филиппова.

Она успела записать все, что хотела?

Надежда Яковлевна не раз говорила, что собирается написать третью книгу. Обретя после десятилетий молчания голос и живую аудиторию, она многое ощущала недоговоренным — ей еще было что сказать. В стремлении «доформулировать» реплики своего внутреннего диалога с пушкиноведческими работами Ахматовой и статьями Мандельштама, которые когда-то Надежда Яковлевна заучила наизусть, а теперь могла позволить себе забыть и перечитывать по зарубежному изданию, она написала «Моцарта и Сальери». Она пробовала новый для себя жанр, без гражданского протеста, накала и снижения, — только размышления о поэтическом труде двух великих поэтов («Я была свидетельницей поэзии...»). Может быть, это эссе со временем могло стать большим разделом «Третьей книги». А еще там должны были быть короткие главы. Она хотела «отругнуться» — дать ответ своим критикам — но Каверину уже ответил Струве, а сердитые заметки Лидии Чуковской тогда не были обнародованы, хотя кто-то говорил Надежде Яковлевне, что они существуют. Собиралась спорить с Харджиевым по поводу подготовленного им издания стихов Мандельштама.

Своих зарубежных гостей всегда просила привозить ей экземпляры американского издания Осипа Мандельштама, ее собственных книг — она их тут же раздавала друзьям. А также экземпляры книжки стихотворений, наконец-то изданной в «Библиотеке поэта» в 1973-м году, — их можно было купить в «Березке», куда книги исправно поставляли, допечатывая тираж в 1975 и 1977 го-

дах (стране нужна была валюта!). На прикроватном столике у Надежды Яковлевны всегда лежали все эти издания. Она их постоянно перечитывала, делала заметки на полях — в своих книгах раскрывала инициалы, иногда кратко бранила кого-нибудь. А в томах «американки» и в томике «Библиотеки поэта» исправляла по памяти то, что казалось ей неверным, спорила с комментаторами и редакторами. Особенно сильно доставалось Харджиеву. Потом книжка с пометками отдавалась кому-нибудь из молодых друзей, а Надежда Яковлевна принималась за чистый экземпляр.

Как сложилась судьба архива Осипа Эмилевича? Работала ли с ним Надежда Яковлевна, или все пометки делала по памяти?

Архив в ту пору находился у Ирины Михайловны Семенко, которая работала с ним, читая черновики и варианты, датируя списки разных лет. В начале 70-х Надежда Яковлевна написала комментарий к стихам, иногда к каждому стихотворению отдельно, иногда — к группе стихов. Давая мне экземпляр, она попросила никому не показывать и сказала, что не станет печатать при жизни: «Это для будущих мандельштамоведов». А позже велела вырезать все стихотворения, объяснив, что на этот раз не сверяла и не собирается больше сверять их с рукописями, а потому не уверена ни в самих текстах, ни в точности датировок, ни, главное, в порядке стихов — это она считала очень важным. «Ведь и так понятно, где о каких стихотворениях идет речь... Захотят — разберутся». Комментарий она не собиралась включать в «Третью книгу».

Надежда Яковлевна не раз говорила, что хочет написать в ней о расстреле царской семьи — ее буквально приводила в бешенство бессудность расправы, ее таинственность, но больше всего — убийство детей. А еще (думаю, она никогда не забывала, что Анна Андреевна называла ее «мастером снижения») собиралась написать об институтских сортирах, кошмарных общественных туалетах в общежитиях тех вузов, где ей пришлось преподавать, двадцать с лишним лет скитаясь из Ашхабада в Ульяновск, Читу, Чебоксары, Псков...

В последние годы все больше жаловалась на усталость, все реже выходила из дома. И все же написала несколько глав к своей «Третьей книге» — «Отец», «Семья», «Девочки и мальчик» (маленькая главка о царской семье) ... Иногда писала что-нибудь, если попросят — «на заказ». Заметку о грузинских стихах Мандельштама, написанных им в разные годы. Письмо к администра-

ции Принстонского университета (там преподавал профессор Кларенс Браун, надолго принявший на себя определенную ответственность за архив Мандельштама) — нужно было как-то узаконить передачу архива, чтобы его ни в коем случае нельзя было вернуть в Россию. Надежда Яковлевна была глубоко убеждена, что если уж убили поэта, то и рукописи его не оставят в покое — отнимут и уничтожат. Она беспокоилась даже когда архив, уже уйдя из Москвы, некоторое время находился в Париже и с ним работал Никита Алексеевич Струве.

Несмотря на нежную заочную любовь к Никите Алексеевичу и его «Вестнику», она боялась, что в прогрессивной Франции к власти придут коммунисты и вернут архив в Россию, а тут его просто сожгут. Да и советским танкам не так далеко до Атлантики. К сожалению, кое-что из ее мрачных предвидений тогда оправдалось, хотя и не в таком кошмарном виде. Во всяком случае, во Франции коммунисты к власти пока не пришли. Бог даст, и не придут.

Через полгода после смерти Надежды Яковлевны, разбирая (по праву и обязанности одного из официальных наследников и неофициального — такая роль официально у нас давно упразднена — но опять же ею назначенного и всеми признанного душеприказчика) бумаги в ящиках комода-секретера, ведь письменного стола не было в помине, я обнаружил многостраничную машинопись без заглавия, явно соотносимую по времени с кончиной Анны Андреевны. Такой расширенный некролог. Многое в нем перекликалось с главами «Второй книги». Вспомнилось брошенное вскользь замечание нашей общей с Надеждой Яковлевной приятельницы, из которого следовало, что «Вторая книга» сперва задумывалась и писалась совсем не так, как это стало в окончательном тексте. Видимо, Надежда Яковлевна оставила среди своих бумаг отброшенный первый вариант ее начала, хотя, в принципе, решительно избавлялась от всего лишнего. В частности, почти не хранила писем, которые получала. Кроме, конечно, писем Осипа Мандельштама. Но и их, отдавая для публикации в 3-м томе «американки», она последовательно освобождала от лишних «нежностей»: «Это — пусть печатают, когда меня не будет».

Вот тогда, летом 1981-го года, стал смутно вырисовываться возможный план посмертной «Третьей книги»: набросок об Ахматовой, «Моцарт и Сальери», комментарий к стихам О. М. 30-х годов.

Так что года полтора спустя, когда до нас добрался выпущенный в 1982-м году нью-йоркским издательством «Серебряный век» сборник «“Мое завещание” и другие эссе» — это показалось естественным исполнением замысла о «Третьей книге». В сборник вошло «Мое завещание», «Моцарт и Сальери», послесловие Надежды Яковлевны к ереванской публикации «Путешествия в Армению», заметка о стихах про Грузию, заметка к публикации стихов Осипа Мандельштама для детей, несколько писем и фотографий. Составитель книги — Григорий Поляк — предпослал ей мемуарный некролог, написанный Иосифом Бродским по-английски в 1981-м году и позже включенный в сборник «Меньше, чем единица».

И как эта «третья книга» увидела свет?

Пять лет спустя Никита Струве выпустил в Париже расширенный вариант под очень удачным заголовком: «Книга третья». Он соответствовал тому, что был задуман самой Надеждой Яковлевной, и в то же время не повторял его буквально. Струве пополнил состав комментарием к стихотворениям Мандельштама 30-х годов, главами о судьбе архива поэта и истории разрыва отношений с Н. И. Харджиевым, не включенными во «Вторую книгу», очерками Надежды Яковлевны, написанными для первого альманаха «Тарусские страницы» (под псевдонимом Н. Яковлева!), письмом к администрации Принстонского университета и еще несколькими письмами. Из них особый интерес представляют три письма второй половины 50-х годов к А. Суркову, в ту пору одному из руководителей Союза советских писателей. Меня порадовало, что напечатан комментарий к стихам 30-х годов — ведь к тому времени я уже был полностью лишен своего мандельштамовского архива: его изъяли прокуратура и ГБ во время совместного обыска и возвращать, конечно, не собирались. Так до сих пор и не вернули; правда, по тем временам — 1983-й год — оставалось радоваться, что не изъяли тебя самого, а ведь могли бы. Вот и подтвердилась правота Надежды Яковлевны, не оставившей в России той «кучки листков», которые ей чудом удалось сохранить в самые скверные годы.

Но не прошло и нескольких лет, как времена изменились неузнаваемо...

После издания «Книги третьей» прошло совсем немного времени, и появилась возможность, о которой ни сама Надежда Яковлев-

на, да и никто из ее читателей не мог и мечтать — в России начали издавать ее произведения. Сначала в журналах, «с продолжением»: воронежские главы «Воспоминаний» — в воронежском «Подъеме»; полный текст «Воспоминаний», а затем и «Второй книги» — в журнале «Юность». Чуть, раньше, в самом начале 1987-го, был еще несостоявшийся замысел пустить «Воспоминания» Надежды Яковлевны в самом массовом и традиционном еженедельном журнале, в котором в 20-е годы печатался и сам Осип Мандельштам — в «Огоньке». Сотрудник тогдашнего либерального главреда, ныне почти забытого Коротича, предлагал мне пойти в ЦК к Яковлеву или Медведеву и добиваться разрешения. Конечно, я никуда не пошел. А уже с середины 1987-го надобность в разрешениях ЦК отпала навсегда. Правда, в 1988-м главред издательства «Книга», собираясь выпускать первое отечественное издание «Воспоминаний», немного занервничал и попросил «рукопись» для ознакомления — раньше, работая в «Молодой гвардии», он не читал Надежды Яковлевны. Кажется, вместо него машинописный экземпляр книги — прямо по анекдоту про «Войну и мир»! — прочли его дети-студенты. Им понравилось. Тем и решилось дело. Там же, в первой книге было републиковано «Мое завещание» Надежды Яковлевны. А со «Второй книгой» было еще проще. Тут уже проявило инициативу издательство.

Так в 1989-м и 1990-м вышли многотиражные издания обеих книг, быстро исчезнувшие с полок книжных магазинов. Читающие люди начала 90-х годов прочли Надежду Яковлеву. Книги были переизданы в 1999-м году, к столетию со дня ее рождения.

Все, кроме «третьей».

Она разошлась по частям.

Набросок про Ахматову в 1989-м году опубликовал в «Литучебе» Павел Маркович Нерлер — оказывается, Надежда Яковлевна в свое время отдала экземпляр машинописи Наташе Штемпель, а та подарила Павлу. Эта публикация тоже очень порадовала — иногда, действительно, «рукописи не горят», хотя чаще они прекрасно полыхают, и теряются, и пропадают, и крадутся, и изымаются... Все это мы прошли на собственном опыте.

Письмо к администрации Принстонского университета напечатала «Литгазета» в 1991-м году, когда отмечалось столетие со дня рождения Мандельштама.

Эссе «Моцарт и Сальери» было републиковано в 1993-м в журнале «Знамя» и переиздано десять лет спустя во втором сборни-

ке «Тарусских страниц». Комментарий к стихам 30-х годов тоже переиздавался дважды: в 1990-ом году в воронежском сборнике «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама» и в 1992-м — в наиболее полном на тот момент однотомнике стихов и стихотворных переводов Осипа Мандельштама (без черновиков и вариантов).

Все это и решено теперь издать вместо так и не написанной Надеждой Яковлевной «Третьей книги».

Поскольку в ее состав вошло «официальное» письмо к администрации Принстонского университета по поводу мандельштамовского архива, переданного в свое время туда Надеждой Яковлевной, то встал вопрос, включать ли остальные письма Надежды Яковлевны, большей частью опубликованные. Их уже набралось довольно много: к Ахматовой, к Лидии Яковлевне Гинзбург, к Василисе Георгиевне Шкловской, к Марии Вениаминовне Юдиной, к Борису Сергеевичу Кузину (он так и не уничтожил их, несмотря на требования Надежды Яковлевны). Может быть, из них когда-нибудь составит отдельный том. Хотя, конечно, сама Надежда Яковлевна не хотела бы, чтоб их издавали, чтобы писали о ней, собирали конференции, издавали труды... «Лучше издайте Осипы стихи», — сказала бы она.

Возможно, идя навстречу такому ее пожеланию, следовало бы переиздания книг Надежды Яковлевны сопровождать печатаньем стихотворений Осипа Эмилевича. Хотя бы тех, о которых она упоминает. Так поступил Александр Анатольевич Морозов, готовя тридцать с лишним лет назад первое отечественное издание «Воспоминаний». Может быть, так нужно сделать и теперь, сначала для цифровой версии, а там, если читателю понравится, то и для книжной. Может быть, так мы сможем попытаться «продолжать за них».

Оригинал: <https://www.labirint.ru/now/vzglyad-chetyreh>

ИЗ ЗАМЕТОК ОБ ИННОКЕНТИИ АННЕНСКОМ²

1. Ещё о «сладчайшем Иисусе» у Анненского
2. Ещё раз о «черном солнце» О. Мандельштама

В последнем стихотворении <«Моя тоска»> (1909) Анненский написал о своей тоске: «Качает целый день она пустые зыбки, // И образок в углу — сладчайший Иисус...»³. 13 ноября 1909 г. М. А. Кузмин отметил в дневнике: «Анненский написал мне стихи по поводу моего выступления в защиту любви»⁴. «Выступление» и разговор двух поэтов случились 11 ноября в редакции журнала «Аполлон», что так же зафиксировано Кузминым: «На собрании я спорил с Инн<окентием> за безлюбость и христианство»⁵.

Вторая составляющая спора, «за христианство», и стала источником появления в стихах «сладчайшего Иисуса». Происхождение формулы было указано Л. Ф. Кацисом: в 1909 году был широко известен яркий доклад В. В. Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» в Религиозно-философском обще-

¹ Михаил Александрович Выграненко — независимый исследователь, Новосибирск.

² Текст представляет собой переработанные и расширенные Интернет-публикации, размещённые на сайте «Мир Иннокентия Анненского»; URL: <http://annensky.lib.ru>.

³ Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии / Вст. ст., сост., подгот. текста, примеч. А. В. Федорова. Л., 1990. С. 158.

⁴ Кузмин М. Дневник 1908–1915. / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 184.

⁵ Там же. С. 185.

стве Санкт-Петербурга (ноябрь 1907 г., опубликован в 1908 г.)⁶. Розановское выступление содержит ещё одно ключевое имя — Д. С. Мережковского, а «сладость» и «сладкость» встречаются в нём не раз:

«В блестящем докладе “Гоголь и отец Матвей” Д. С. Мережковский страстно поставил вопрос об отношении христианства к искусству (...) он думает, что Евангелие совместимо со **сладкою** преданностью музам (...)»⁷;

«Мы дебатировали в 1902 г., забыв прошлое и не предвидя будущего, отдавшись **сладкой** минуте» (418);

«Да, Павел трудился, ел, обонял, ходил, был в материальных условиях жизни: но он глубоко из них вышел, ибо уже ничего более не любил в них, ничем не любовался. Он брал материю только в необходимом и утилитарном, он знал и нуждался только в прозе плоти. Христос был единственным цветком в ней; моноцветком, если позволительно выразиться. “Я хожу, ем, сплю, вкушаю: но **наслаждаюсь** только Иисусом”, — может сказать о себе всякий подлинный христианин» (419);

«Ни Гоголь, ни вообще литература, как игра, шалость, улыбка, грация, как цветок бытия человеческого, вовсе не совместимы с моноцветком, “**Сладчайшим Иисусом**”. Но как же тогда мир? — завоплю я с Мережковским. Как же тогда мы, в цвете и радости своей жизни?» (420–421);

«Нельзя оспорить, что начертанный в Евангелиях Лик Христа — так, как мы Его приняли, так, как мы о Нем прочитали, — “**слаще**”, привлекательнее и семьи, и царств, и власти, и богатства» (426);

«Как только вы вкусите **сладчайшего**, неслыханного, подлинно небесного — так вы потеряли вкус к обыкновенному хлебу. Кто же

⁶ См.: *Кацис А. Ф.* Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000 (разделы 1.1.2 и 1.1.2 и др.).

⁷ *Розанов В. В.* Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет / Сост., вст. ст. В. В. Ерофеева; коммент. О. Дарка. М., 1990. С. 418. Далее страницы из этой публикации указываются в тексте.

после ананасов схватится за картофель. Это есть свойство вообще идеализма, идеального, могущественного. Великая красота делает нас безвкусными к обыкновенному» (426);

«(...)мир вообще и весь, хоть очень загадочен, очень интересен, но именно в смысле *сладости* — уступает Иисусу. И когда необыкновенная Его красота, прямо небесная, просияла, озарила мир — сознательнейшее мировое существо, человек, потерял вкус к окружающему его миру. Просто мир стал для него горек, плоск, скучен» (426–427).

Собственно, текст Розанова является во многом комментарием к названному докладу Мережковского, прозвучавшему в более ранних Религиозно-философских собраниях (18 апреля 1903 г.). А формула *сладчайший Иисус* кроме заголовка встречается только один раз и в кавычках, что наводит на мысль: а был ли Розанов её автором? К сожалению, автор не нашёл доклад Мережковского, который, возможно, содержал ответ. Но Мережковский тогда же опубликовал большую работу о Гоголе⁸, включившую текст доклада; она была напечатана отдельной книгой в 1906 г. под названием «Гоголь и черт»; в 1909 г. вышло её второе издание.

Конечно, Анненский читал это сочинение; он внимательно и ревностно следил за творчеством соперника и оппонента по переводам античных авторов, отмечая при этом значимость творчества Мережковского. В письме к А. Г. Горнфельду от 1 марта 1908 г. он с благодарностью и сочувствием отнёсся к сборнику статей критика «Книги и люди: Литературные беседы: I» и, имея в виду статью «Г. Мережковский и черт», солидарно заметил: «Как утомительны, напр<имер>, эти вечные контрасты Мережковского...»⁹.

Но в книге Мережковского «Гоголь и чёрт» формулы *сладчайший Иисус* нет. Однако у Анненского она встречается ещё раз — в статье «Гейне прикованный», написанной как раз во время резонансного доклада Розанова и вошедшей во «Вторую книгу отражений», что говорит о её неслучайности для Анненского. (Об этом так же напомнил и процитировал соответствующий

⁸ Мережковский Д. С. Судьба Гоголя // Новый путь. 1903. № 3.

⁹ Анненский И. Ф. Письма : в 2 т. / Сост., предисл., коммент. и указатели А. И. Червякова. Т. 2: 1906–1909. СПб., 2009. С. 187.

фрагмент Кацис¹⁰.) Замечание Анненского выглядит следующим образом:

Вот они, Христовы невесты, изменившие своему жениху. Что ни ночь, они должны выходить из своих могил и до самой зари с боковых стульев хора, среди страшно холодной монастырской церкви влагать в старинный напев слова, смысл которых навсегда для них утрачен, покуда давно умерший кистер играет на органе, и тени его рук, сопровождая бессмысленное пение, бешено путают регистры («Христовы невесты»).

И долго просят бедные призраки из этого холодного мрака, где хуже, чем в могиле, туда, на теплое светлое небо, и так жалобно молят они: «Сжался, сжался, Иисусе сладчайший»¹¹.

Анненский показывает у Гейне волнующую автора тему (или впечатляется ею): как музыка становится какофонией, как мольбы к высшему становятся фальшью, ложью. Об этом же говорит Розанов в своём докладе, но их мысли — разные. Анненский в своей статье пересказывает несколько стихотворений Гейне из сборника «Романсеро», в том числе «Христовы невесты». Дело в том, что русского перевода стихотворения (как и всего сборника) в то время ещё не было. Впервые оно было переведено в 1939 г., а затем в 1989. То, что пересказал Анненский, звучит в этих переводах так:

Ночь нас гонит из могил,
И, рыдая о потере,
Покаянья мы приносим...
Miserere! Miserere!
(пер. А. М. Пеньковского)¹²

Ночью, выйдя из могил,
Мы стучим в господни двери,
К милосердию зывая, —
Miserere! Miserere!
(пер. Р. Дубровкина)¹³

¹⁰ См.: Кацис А. Ф. Указ. соч. С. 39.

¹¹ Анненский И. Книги отражений / Изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979. С. 158.

¹² Гейне Г. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. М., 1957. С. 37–38.

¹³ Гейне Г. Избранные сочинения. М., 1989. С. 242.

Иисус, но «добрейший», появляется в первом переводе через строфу (создаётся впечатление, что переводчик знал пересказ Анненского). Слово «*miserere*» само по себе является культурной формулой, и оба переводчика передавать его не стали. А Анненский как раз перевёл и использовал ту формулу, что была на слуху в его время, — *сладчайшего Иисуса*. О том, что он знал о тогдашних дебатах, говорит его известное письмо к Т. А. Богданович от 6 февраля 1909 г., являющееся по сути программным заявлением, с очень важными положениями, среди которых: «Срывать аплодисменты на Боге ... на совести. Искать Бога по пятницам... Какой цинизм!»¹⁴. Письмо было ответом на приглашение посетить заседание Литературного общества, и из него следует, что Анненский лично присутствовал в предыдущем заседании 12 декабря 1908 г.¹⁵, на котором выступал и Мережковский.

Возвращаясь к докладу Розанова, необходимо отметить, что в нём присутствовал целый набор мыслей, созвучных интересам Анненского и наверняка останавливавших его внимание. Например, об эллинстве:

Если бы не было Эллады, мы, пожалуй, внимательнейшим образом изучили бы и историю разных монгольских племен. Мы были бы внимательны к малому и некрасивому. Но когда есть великое, какой интерес в малом? (427).

Или о страдании:

(...) одна из великих загадок мира заключается в том, что страдание идеальнее, эстетичнее счастья — грустнее, величественнее. (427).

«Идеализм» присутствует и в одной из приводившихся выше цитат. Известно из мемуаров, что Анненский всегда был идеалистом, от восторженного в молодости до вдумчивого в зрелом творчестве. Но «вкус к обыкновенному хлебу», в противопоставление «великой красоте», не терял; более того, считал важнейшим: достаточно вспомнить его призывы обратиться к «обы-

¹⁴ Анненский И. Ф. Письма : в 2 т. Т. 2: 1906–1909. С. 280.

¹⁵ Там же. С. 282, прим. 2.

денному слову» и «сырой бабе» и его «вещные» стихи. А тоска его — «всегда весёлая» ...

Особенным источником размышлений и поддержкой религиозных сомнений для Анненского представляется следующее положение Розанова: «Ни Гоголь, ни вообще литература, как игра, шалость, улыбка, грация, как цветок бытия человеческого, вовсе не совместимы с моноцветком, “Сладчайшим Иисусом”» (420) Только, как указывал Анненский в упоминавшемся письме к Богданович, «ведь для них сомнение, это — риторический [так. — М. В.] приём. Ведь он, каналья, всё решил и только тебя испытывает, а ну?! а ну?!...»¹⁶.

Формула, использованная Анненским в последнем стихотворении, была понятна его просвещённым современникам. Но была ли понята его строка? «Пустые зыбки», «образок» ... Не *сладчайший* ли *Иисус* этот «образок»? И не проглядывает ли здесь ирония Анненского? Она читается и в его словах о «теософическом коксе» из статьи «О современном лиризме», предшествующей стихотворению. Причём, не ирония вообще, а по отношению к самому себе, ведь тоска-то — «моя». Это серьезней.

А сама формула нашлась у Мережковского:

Ты, Иисусе мой сладчайший, муки в счастье превратил,
Пристыдил меня любовью, окаянного простил!

Это — строфа из его ранней поэмы «Протопоп Аввакум» (1887). В публикации 1888 г. её текст был сильно сокращён цензурой, и трудно сказать, была ли в нём эта строфа. Но в собрании сочинений 1904 г. поэма была восстановлена автором, и вполне возможно, что Анненский её читал. Тогда ирония в строке его стихотворения только усиливается. Она становится горькой.

¹⁶ Анненский И. Ф. Письма : в 2 т. Т. 2: 1906–1909. С. 279.

2. ЕЩЁ РАЗ О «ЧЕРНОМ СОЛНЦЕ» О. МАНДЕЛЬШТАМА

А ночного солнца не заметишь ты.
Осип Мандельштам. «В Петербурге мы
сойдемся снова...» (1920)

«Ночное», «чёрное солнце» Осипа Мандельштама было замечено исследователями много раз. Этот интересный, привлекательный образ в данной работе предполагается рассмотреть в связи с Иннокентием Анненским, который был одним из главных поэтических ориентиров Мандельштама.

В 1916 году Мандельштам закончил стихотворение, где собственные строки чередуются со строками перевода из трагедии Расина «Федра»¹⁷. С них оно и начинается: «Как этих покрывал и этого убора / Мне пышность тяжела средь моего позора!». Речь идёт о той же «классической шали», о которой он уже написал в стихотворении «Я не увижу знаменитой “Федры”...» (1915). Даже «ложноклассической» — в стихотворении «Вполоборота — о, печаль...» (1914). Но «шаль» — только у Мандельштама. Вот перевод этого места «Федры» М. А. Донского (действие первое, явление 3):

О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом,
И это тяжкое, неслыханное бремя
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя?¹⁸

Дальше в стихотворении Мандельштама появляется образ «чёрного солнца»: «И для матери влюбленной / Солнце черное взойдет». «Федра-ночь» горит «черным пламенем», образ рас-

¹⁷ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца. М., 2009. С. 89–90. История изучения стихотворения современным мандельштамоведением представлена в издании: Мандельштам О. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О. А. Лекманова, М. А. Амелина, коммент. и библиогр. О. А. Лекманова, Е. А. Глуховской, А. А. Чабан. М., 2017. С. 362.

¹⁸ Расин Ж. Трагедии / Изд. подгот. Н. А. Жирмунская, Ю. Б. Корнеев. Л., 1977. С. 251–252.

крывается в строке-переводе: «Любовью черною я солнце запятнала...». Ср. с соответствующим местом в переводе Донского:

О лучезарное, державное светило,
Чьей дочерью себя надменно объявила
Мать Федры! За меня краснеешь ты сейчас?
(...)
Я преступлением не запятнала руки.
Но сердце... сердце... В нем причина этой муки!¹⁹

Как видим, «чёрного солнца» у Расина тоже нет. Поэтому интересно рассмотреть мнение Н. Я. Мандельштам, которая связала этот образ с Анненским:

В стихотворении о Федре впервые говорится о черном солнце, то есть о солнце вины и гибели. В статье о Скрейбине Мандельштам говорит — «образ поздней греческой трагедии, созданный Еврипидом, видение несчастной Федры». Я не помню, есть ли у Еврипида ночное или черное солнце, существующее в греческой мифологии (Никтелиос орфиков), и не собираюсь ходить в библиотеку за справками — это сделают без меня. Мне помнится, что о черном солнце, как о видении Федры, говорится в одной из статей Анненского, и Мандельштам мог принять слова учителя на веру. О черном солнце говорил, между прочим, и Розанов. В периоды, когда кончается эпоха, солнце становится черным: «Это солнце ночное хоронит возбужденная играми чернь...»²⁰.

В не полностью сохранившемся тексте доклада Мандельштама по случаю смерти А. Н. Скрейбина, произнесённом примерно тогда же²¹, когда было написано стихотворение о Федре (что указывает на актуальность образа для поэта), сказано о Пушкине: «Ночью положили солнце в гроб...». Очевидно, поэт подразумевал

¹⁹ Расин Ж. Трагедии. С. 252, 254.

²⁰ Мандельштам Н. Я. Вторая книга: Воспоминания. М., 1990. С. 96–97. Последняя цитата — из стихотворения Мандельштама «Когда в теплой ночи замирает...» (1918).

²¹ Конец апреля 1915 — январь 1917 г.; см.: *Сурган И. З. Смерть поэта: Мандельштам и Пушкин* // Новый мир. 2003. № 3 (<http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>).

печатное извещение о смерти Пушкина²². А далее — фраза, которую процитировала Н. Я. Мандельштам:

Я вспомнил картину пушкинских похорон, чтобы вызвать в вашей памяти образ ночного солнца, образ поздней греческой трагедии, созданный Еврипидом, — видение несчастной Федры²³.

То есть то, что это образ Еврипида, предлагал вспомнить сам Мандельштам. Затем он преобразовывает его в «солнце вины» и относит не к Федре — персонажу трагедии, а к «Федре-России» на фоне мировой войны и к Скрябину как воплощению «русского эллинства». Возникает вопрос: «русское эллинство» — не то ли это «славянское возрождение», делу которого вместе служили профессиональные классики Анненский и Ф. Ф. Зелинский?²⁴ От последнего Мандельштам мог знать об этом непосредственно.

Точку зрения Н. Я. Мандельштам поддержал Вяч. Вс. Иванов: «Мандельштам не мог не заметить то противоположение и соположение *солнца* и *ночи*, которое в нем [в переводе трагедии Еврипида. — М. В.] столь очевидно»²⁵. Но в переводе Анненского не встречается ни одного образа чёрного или ночного солнца. Фрагмент, сюжетно соответствующий цитате из трагедии Расина и строке-переводу Мандельштама (явление восьмое), выглядит так:

Уж мой приговор
Написан. О, солнце! О, солнце!
О, мать земля!
Куда я уйду от несчастья?
Чем горе покрою?²⁶

²² Солнце русской поэзии закатилось! // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. 30 янв.

²³ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста, А. А. Добрицина, П. М. Нерлера, Л. Г. Степановой, Г. А. Левинтона. М., 2010. С. 36.

²⁴ См.: Зелинский Ф. Ф. Предисловие редактора // Театр Еврипида. Драмы: Т. 2 / Пер. с введ. и послесл. И. Ф. Анненского под ред. и с коммент. Ф. Ф. Зелинского. М., 1917. С. XXIII.

²⁵ Иванов Вяч. Вс. Современность античности. «Черное солнце» Федры // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II: Статьи о русской литературе. М., 2000. С. 369.

²⁶ Театр Еврипида. Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем: в 3 т., с двумя введениями, статьями

Нет «чёрного солнца» у Анненского и в сопровождающей трагедию статье, так что и «очевидности» тоже нет. Но Мандельштам, конечно, держал в уме «Ипполита», о чём намекнул в последней строке стихотворения «Я не увижу знаменитой “Федры” ...»: «Когда бы грек увидел наши игры ...»

Это же ранее уже отмечала И. З. Сурат:

Как ни ищи «ночное солнце» у Еврипида — его там нет. Мандельштам читал Еврипида в переводе Иннокентия Анненского, сильно отредактированном Ф. Ф. Зелинским, и в нем есть тема солнца, которого уже не видит страдающая Федра, — но не более того. Мандельштам, по своему обыкновению, сконтаминировал еврипидовского «Ипполита» с «Федрой» Расина «в единый метасюжет» и уже Расиновой Федре передал в стихах этот образ: «И для матери влюбленной / Солнце черное взойдет» («Как этих покрывал и этого убора ...», 1915–1916). Анализ всех многочисленных, выявленных коллективными усилиями книжных источников образа черного солнца приводит все-таки к мысли, что в основе его лежит конкретное личное событие и переживание ...»²⁷.

Таким образом, выбранное направление поисков оказалось верным. Но, очевидно, Еврипида Мандельштам читал или в анненском издании 1906 года, или в исходной журнальной публикации²⁸. Дело в том, что Зелинский включил трагедию «Ипполит» во второй том редактируемого им издания, а он появился к лету 1917 года, когда стихи о Федре были Мандельштамом уже написаны. Но очень важно, что он «сконтаминировал» и «по своему обыкновению, как «конкретное личное событие и переживание». Это ещё раз подтверждено И. З. Сурат:

Действительно, можно много найти книжных параллелей к этому образу на самом широком культурном пространстве, но Мандель-

об отдельных пьесах, объяснительным указателем и снимком с античного бюста Еврипида И. Ф. Анненского. СПб., [1906]. Т. 1. С. 296.

²⁷ Сурат И. З. Смерть поэта: Мандельштам и Пушкин // Новый мир. 2003. № 3 (<http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>).

²⁸ Это подтверждает его стихотворение 1914 года, начинающееся строками: «Как овцы, жалкою толпой / Бежали старцы Еврипида». В них подразумевается, как отмечено О. А. Лекмановым (Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 112), трагедия Еврипида «Геракл», вошедшая в «Театр Еврипида» 1906 года.

штамом он не присвоен извне, а рожден из глубин творческого сознания, на наших глазах, в процессе текста, рожден усилием познать в поэтическом образе ни много ни мало как отношения жизни и смерти²⁹.

Данное положение согласуется с мнением В. В. Мусатова: «Ис толкование черного солнца мандельштамоведрами дает в итоге картину чрезвычайно и неправдоподобно пеструю...»³⁰. Но «метафора “черного солнца”», согласно точке зрения комментатора, возникла у самого Мандельштама³¹. Оба исследователя пишут об обилии выявленных источников и толкований; при этом Сурат приводит точку зрения М. А. Гаспарова, дополняя её собственным примером:

«Подтексты его уводят к таким разнообразным источникам, как сатиры Горация, пророчество Иоила, Нерваль, Вяч. Иванов, Апокалипсис, Валерий Брюсов и Гейне в переводе Тютчева» (*Гаспаров М. А. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995. С. 23*). В этом беглом списке многое не названо, к примеру — затмение солнца в «Слове о полку Игореве», важном для Мандельштама произведении³².

Следует остановиться ещё на одном из источников образа «чёрного солнца» у Мандельштама, выявленных исследователями, — это «чёрное солнце Меланхолии» Жерара де Нерваля, который, в свою очередь, ориентировался на знаменитую гравюру Альбрехта Дюрера «Меланхолия»³³. Но Нерваль открывал акмеистам, и Мандельштаму в том числе, опять же Анненский своей незаконченной

²⁹ Сурат И. З. Указ. соч. (<http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>).

³⁰ Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000. С. 159.

³¹ Там же. С. 134.

³² Сурат И. З. Указ. соч. (<http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>). Детальный список источников и толкований образа был составлен С. Н. Бройтманом в статье «О. Мандельштам. В Петербурге мы сойдемся снова»; см.: Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008. С. 330.

³³ См.: Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (Об одном подтексте акмеизма) // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 428–430.

статьёй «Что такое поэзия?», опубликованной после его смерти и воспринятой как завещание³⁴ (а ведь написана она была в 1903 году и являла собой «переход к новому этапу творчества»³⁵). Правда, Анненский в ней представляет Нерваля достаточно иронично, но важно то, что это «чёрное солнце»-он читал (как и роман Камилля Моклера «Солнце мертвых», упоминаемый им в начале статьи). Ведь Анненский писал о «безумном Жераре» и в статьях: «Генрих Гейне и мы» и «О современном лиризме», что Мандельштам вряд ли пропустил, особенно «трагико-иронические акценты»³⁶ учителя. Может быть, «одна из статей Анненского» у Н. Я. Мандельштам и есть «Что такое поэзия?»³⁷.

По формулировке Сурат, «чёрное солнце» является «одним из наиболее таинственных образных гнёзд мандельштамовской поэзии. Заслуживающим внимания в этой связи представляется то обстоятельство, что, согласно трактовке современного американского философа и психолога Ст. Марлана, «чёрное солнце» — это актуальнейший образ эзотериков с древних времён»³⁸. Конечно, у него ничего не сказано о Мандельштаме и знаменитой трагедии Еврипида, но раскрытие этого образа в иной, мистической перспективе заставляет задаться вопросом: а знал ли об этой стороне Мандельштам, чтобы воспользоваться образом?

Вернёмся к тому, что написала Н. Я. Мандельштам:

Я не помню, есть ли у Еврипида ночное или черное солнце, существующее в греческой мифологии (Никтелиос орфиков), и не собираюсь ходить в библиотеку за справками — это сделают без меня.

А вот что, в частности, сообщает современный исследователь неоевразийства:

³⁴ Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (Об одном подтексте акмеизма). С. 421–422. К теме «Мандельштам и Нерваль» теперь см.: Вайсбанд Э. С. Нерваль Ж. де Л. // Мандельштамовская энциклопедия. Т. 1. М., 2017. С. 368–369.

³⁵ Подольская И. И. Иннокентий Анненский — критик // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 512.

³⁶ Бройтман С. Н. Указ. соч. С. 344.

³⁷ Здесь же можно указать на замечание Л. А. Колобаевой, не раскрытое, к сожалению, примерами: «Образ больного солнца появляется на небосклоне у Анненского не однажды» (Колобаева Л. А. Ирония в лирике Иннокентия Анненского // Филологические науки. 1977. № 6. С. 21).

³⁸ См.: Марлан Ст. Черное солнце: Алхимия и искусство темноты. М., 2011.

В отличие от «нордических» представлений о Черном Солнце как космическом объекте и источнике астральной энергии, древнему миру оно было известно лишь в одной своей ипостаси, подземной: как солнце загробного мира, преисподней. SolNiger — одно из важнейших понятий древнего мира, существовавшее почти у всех народов. О нем есть упоминания в «Ригведе», в «Эдде» и других древнейших источниках. В индийской мифологии олицетворением Черного Солнца является Шива, «черный свет небытия», а в египетской — Осирис, ночное солнце. В античных легендах это нижнее солнце называется «солнцем Эреба», царства мертвых. Орфики называли его «Никтелиос»³⁹.

И если о Никтелиос написала Н. Я. Мандельштам, то Анненскому, знатоку ритуально-мифологической традиции в её научном освещении, оно было наверняка известно. Конечно, он знал орфиков и то, что от них дошло до нас, как знал о мистериях, о метемпсихозе и т. д. Неслучайно А. Л. Вольтер в письме к С. К. Маковскому определял Анненского «неудачно тяготеющим к парадоксам и к Орфею». И там же иронично замечал: «Ведь почтеннейшему И. Ф. А. и по сие время кажется, что во главе нового литературного движения надо поставить не Аполлона, а Орфея!»⁴⁰.

Сам Анненский писал об этом так:

(...) установить связь первоначального фракийского культа Диониса с верой в бессмертие, которая разработана была в орфических мистериях, т. е. тайноучении, освященном именем и легендой Орфея, фракийского аэда, ученым еще не удалось.

Легенда об Орфее, поклоннике Гелия-Аполлона, который был разорван мэнадами Диониса, входила первоначально в круг культовых легенд Диониса, как легенды Ликурга и Пенфея, и уже после получила мистико-символический характер в мистериях⁴¹.

³⁹ Березина Г. Россия — «Топор Новой Зари», или В преддверии «Империи Конца», «Финального Райха» (по текстам А. Дугина) // Семантическая энциклопедия Валентина Куклева (<http://kalen-dari.com/neoevraziistvo>).

⁴⁰ Рассказ М. А. Волошина об И. Ф. Анненском (27 марта 1924 г.; записан Л. В. Горнунгом и Д. С. Усовым): Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1981. М., 1983. С. 124.

⁴¹ Анненский И. История античной драмы. Курс лекций / Сост., подгот. текста В. Е. Гитина при участии В. В. Зельченко, примеч. В. В. Зельченко. СПб., 2003. С. 70.

Можно говорить, что с традицией античного мистицизма Анненский был знаком профессионально. По его собственному признанию, оставленному в автобиографии, он и себя смолоду называл «мистиком», когда ещё не знал слова «символизм»⁴². И «чёрное солнце опосредованно упомянул в той же лекции:

Была еще попытка объяснить Ликурга как олицетворение одного из двух элементов Солнца, обладающего и губительной, и благотворной для земли силой. Думали, что Ликург — одна из ипостасей Солнца, Дионис же — другая. Как известно, в культе Аполлона это так и было. (...) документальных же данных для этого никаких нет⁴³.

Но как явного художественного образа или символа, который можно было бы воспринять и последовать ему, «чёрного солнца» у Анненского нет.

⁴² <Автобиография> // *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979. С. 495. Попутно отметим, что тема «Анненский и мистицизм» безусловно требует отдельного рассмотрения.

⁴³ *Анненский И.* История античной драмы. Курс лекций. С. 68.

Вадим Беспрозванный¹

«ТРУХОПЕРЛЫЙ БАБАТЯ». АЛЕКСАНДР ЯБЛОНОВСКИЙ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Пожелания рус<ских> писателей
на Новый год:

Для России — Бонапарта.
Для себя — издателей.

М. Цветаева

Долой советскую власть!
Ал-др Яблоновский

«Возрождение». 1 января 1926 г.

Александр Александрович Яблоновский, писатель, исключительно плодовитый журналист, автор множества фельетонов, при жизни широко известный читающей публике России, сегодня известен, главным образом, историкам литературы, причем интересом к дореволюционной деятельности Яблоновского мы обязаны, по большей части, изучению его участия в литературной и общественной жизни русской эмиграции.

Александр Яблоновский (1870–1934)², из дворян Херсонской губернии, окончил гимназию в Одессе и юридический факуль-

¹ Вадим Григорьевич Беспрозванный — PhD лектор Школы информации Мичиганского университета, США (Анн Арбор).

² См.: Беспрозванный В. Яблоновский Александр Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб. Т. 7 (в печати).

тет Санкт-Петербургского университета. Писать начал рано, еще гимназистом анонимно сотрудничал в «Одесском листке». В студенческие годы литературные опыты Яблоновского поощрил Н. Г. Гарин-Михайловский, представивший его критику и публицисту «Русского богатства» Н. К. Михайловскому, с благословения которого в первом номере журнала за 1894 г. появился рассказ «Последыши», а за ним и другие — в том же «Русском богатстве» и в прочих изданиях либерально-демократического направления. С 1900-х гг. проза Яблоновского выходит сборниками (в издательствах товарищества «Знание», Сытина и др.). Литературную деятельность Яблоновского этот период поддерживали и одобрили журнальные рецензенты и известные писатели и критики, в их числе Корней Чуковский и Максим Горький.

Однако основным занятием Яблоновского стала журналистика; он сотрудничал в десятках наиболее известных газет и журналов; только в дореволюционной прессе им были опубликованы сотни очерков и фельетонов на злобу дня. Как журналиста его более всего занимали «свинцовые мерзости» современной ему российской действительности, его статьи, как правило, имели острокритическую направленность. Преобладающая общественно-политическая тематика статей Яблоновского отодвигает на второй план его деятельность литературного критика, хотя о литературе им было написано немало — и в России, и в эмиграции.

В 1912 г. Яблоновский собрал и опубликовал некоторые свои статьи в сборнике «Родные картинки»³. Среди прочего в это собрание вошли очерки на литературные темы: в раздел «Литературные дамы» — «Ключи от беседки» (об А. А. Вербицкой и её романе «Ключи счастья» (1909), в котором обсуждалась тема сексуальной свободы женщины), «Г-жа Санжарь» (о критиках Л. Н. Толстого); «Элеонора Романовна» (Толстой и евреи); в раздел «Братья-писатели» — «Вселенские писатели» (В. Ю. Эльснер, «Остров искусств» и его участники), «Памяти Гл. Успенского» (личные впечатления о творчестве писателя, о встречах с ним, о его похоронах), статьи о Н. Г. Гарине-Михайловском и Д. С. Мережковском.

Еще девять очерков о Толстом составили отдельную подборку в «Родных картинках». Часть их посвящена последним дням и кончине писателя, а также судьбе его литературного наследия. К «тол-

³ Родные картинки. Т. 1–3. М., 1912–1913.

стовской теме» Яблоновский неоднократно обращался и в публикациях эмигрантского периода: о похоронах Толстого он писал в газетах «Сегодня» (Рига) и «Возрождение» (Париж); в последней он также напечатал статью «О толстовском “социализме”». Наиболее заметной в ряду толстовских статей Яблоновского была опубликованная в 1905 г. (т. е. еще при жизни Толстого) в газете «Сын Отечества» статья «Толстой большой и Толстой маленький». О статье резко отрицательно отозвался Чуковский, заметив, что «(…) г. Яблоновский лишний раз доказал, что можно быть очень хорошим беллетристом и весьма посредственным критиком».⁴ Возражения Чуковского вызвала попытка Яблоновского объяснить взгляды Толстого его «натурой», в которой был заложен «глубокий протест против всего общепризнанного, против всего общеизвестного».

Среди представителей «новых течений» в русской публицистике и литературе объектом особенно резкой критики Яблоновского был В. В. Розанов. Охарактеризовав его как «очень крупный талант — совершенно оригинальный, самобытный и ни на кого в России не похожий», Яблоновский замечает, что «(…) этот прекрасный Божий дар отдан в руки мелкому плоскодонному человеку» («Крестник Победоносцева»⁵). Объектами критики Яблоновского были рассуждения Розанова о семье и браке (их фельетонист находит нелепыми и декадентскими), религиозные взгляды Розанова, его воззрения на историю России. Политические убеждения Розанова 1910-х гг. журналист обозначил как «поворот вправо» — от «заискивания перед революционерами» в 1905 г. к реакционным идеям «Нового времени». Но особый гнев вызывали у Яблоновского стремление писателя к «публичной интимности» и его рассуждения о «проблеме пола». В статье «Голые люди»⁶, посвящённой «Опавшим листьям», — наиболее пространной среди антирозановских инвектив, — Яблоновский пишет:

С хитренькой смердяковской улыбкой на лице, он [Розанов] высыпает весь свой семейный сор на голову читателю. (...) Между этими личными счетами (...) приютилось несколько мыслей г. Розанова,

⁴ Чуковский К. Толстой и интеллигенция // К. Чуковский. Собр. соч. : в 15 т. Т. 6: Литературная критика (1901–1907): От Чехова до наших дней; Леонид Андреев большой и маленький; Несобранные статьи (1901–1907) / Предисл и коммент. Е. Ивановой. М., 2002. С. 361.

⁵ Родные картинки. Т. 1–3. М., 1912–1913. Т. 3. С. 38.

⁶ Речь. 1913. 12 мая; то же: Современное слово. 1913. 12 мая.

которые он сам считает очень ценными, очень вдохновенными и, кажется, даже поразительными. Разумеется, эти мысли относятся к половой сфере, потому что тут г. Розанов чувствует себя специалистом.

Розанов, в свою очередь, отзывался о Яблоновском с изрядной долей сарказма — см., например, многочисленные язвительные реплики в адрес последнего в книге «Сахарна».

Яблоновский приветствовал Февральскую революцию и проклял революцию Октябрьскую, критиковал политику большевиков, их безответственную риторику и «пораженческие» настроения. После 1917 г. тон его статей становится всё более резким и непримиримым, исключаяющим возможность какого-либо сотрудничества «с властью Ленина и Троцкого».

В 1919 г. Яблоновский приезжает в Одессу, где встречается с И. А. Буниным. В дневниковой записи от 11 февраля 1919 г. В. Н. Муромцева (Бунина) сообщает: «Был у нас Александр Александрович Яблоновский. Вид у него человека много пережившего. В Одессе он три недели. Из Киева ехали в вагонах с разбитыми окнами и дверями, с пробитой крышей»⁷.

Из Одессы Яблоновский уезжает на юг России, где активно сотрудничает в ряде изданий Ростова и Екатеринодара, в том числе в двух крупнейших газетах региона — «Парусе» и «Утре Юга». Среди газет, выходивших на территории, контролируемой Добровольческой армией, только эти две сохраняли независимую позицию, не только критикуя большевиков, но и выступая против антисемитизма и погромных действий «добровольцев».

Из Ростова Яблоновский с семьей бежал в Новороссийск, в 1920 г. с остатками Добровольческой армии эвакуировался в Египет⁸, откуда смог не без труда уехать в Берлин, а в 1925 г. в Париж, где и прожил вплоть до своей кончины в 1934 г.

В эмиграции Яблоновский продолжил свою карьеру журналиста: то, о чем он писал в Берлине и Париже, в основном касалось разрушительной роли Советской власти в судьбе России и судеб русской эмиграции. О Советской власти он писал как о сборище

⁷ Устами Буниных: Дневники : в 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main, 1977. Т. 1: 1881–1920. С. 208. О встречах Яблоновского с Буниными см. также «Оканные дни».

⁸ Мучения русских беженцев и тяготы пребывания в лагере для перемещенных лиц в Тель-Эль-Кибире отражены Яблоновским в ряде очерков: «Письма эмигранта», «Гости английского короля» и др.

продажных вождей и их прихлебателей, о русской эмиграции — с искренним сочувствием и уважением.

В сферу интересов Яблоновского эмигрантского периода были включены и «дела литературные». Объектом самых резких выпадов Яблоновского был Горький, «горьковщина» фельетониста насчитывает около сотни статей и заметок. До Горького доходили сведения об этих фельетонах: «Яблоновский осатанел... Очень жаль его, он был человек небесталанный»⁹. На смерть Яблоновского Горький откликнулся следующей репликой: «Недавно умер в Париже А. Яблоновский, один из сотрудников подлейшей газетки “Возрождение”. Он печатал в этой газетке маленькие фельетоны, грубо, старчески глупо и злобно издеваясь над Союзом Советов. Эмигранты называли его королем шуток. Шутки его относились к разряду писания на заборах неудобосказуемых слов и мазания ворот дегтем»¹⁰.

Кроме Горького Яблоновский критически отзывался о литераторах, которые для него представляли образчик «растленной» Советской власти — И. Бабеле, Д. Бедном, М. Кольцове, Ю. Олеше, А. Серафимовиче, И. Эренбурге, так называемых «комсомольских поэтах», «сменовеховцах» и «попутчиках». Героями его литературно-критических фельетонов были Андрей Белый, М. Булгаков, С. Есенин, М. Зощенко, В. Маяковский, Б. Пильняк, А. Ремизов, А. Толстой, М. Цветаева. Критика Яблоновского носила по преимуществу идеологический характер, однако в ряде статей он всё же выступал как критик литературный. Среди писателей русского зарубежья он более всего ценил И. Бунину и М. Алданова, отзывы об А. Куприне и Саше Черном всегда были положительными (с последним Яблоновского связывала многолетняя дружба).

«Трухоперлый бабатьа»¹¹ — одна из тех немногих статей Яблоновского, в которой он пишет о литературе, не касаясь вопросов идеологии и политики, равно как и этических позиций писателя. Объект его критики — обилие неологизмов в творчестве Андрея Белого, которые Яблоновский отмечает в качестве главной или, по крайней мере, наиболее заметной особенности прозы этого писателя:

⁹ [О А. А. Яблоновском] // Архив А. М. Горького. Т. 12: М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., 1969. С. 218.

¹⁰ Там же. С. 228.

¹¹ Сегодня. 1923. 22 июля.

Я человек совсем небогатый, но я охотно предложил бы поддоллара тому, кто взялся бы удовлетворительно объяснить мне нижеследующие, чисто русские слова и выражения:

— Что значит «трухоперлый забор»?

— Что значит «кислосладкий бабатьа»?

— Как следует понимать выражение: «кубический крик отстроенных зданий»?

— Какое значение имеет слово «безупокой» и что скрывается под выражениями: «радация ярких наколок», «бензиновый фырч», «критик, верепенящий приндипом», «замарчивый человек», «подносная шляпа», «перекрахмаленные щелкачи»? Это все я надергал из одного и того же воза, принадлежащего г-ну Андрею Белому. В будущей книжке «Современных Записок» появятся его воспоминания о Москве, и редакция газеты «Дни» сочла за благо угостить своих читателей отрывками из этих воспоминаний. Не думайте, однако, что я до дна исчерпал запас заковыристых словечек г-на Белого — сделать это было бы совершенно немислимо, потому что весь отрывок утыкан ими, как кулич изюминками¹².

Говоря об увлечении Белого неологизмами, Яблоновский замечает: «Сколько помнится, пристрастие к новеньким словечкам собственной фабрикации было и у покойного Лескова (вспомните его “мелкоскоп” (микроскоп) и “Аполлона Полведерского”). Но у Лескова это была своего рода шалость, тогда как у господина Белого — это вторая натура».

Позиция Яблоновского-критика в этой статье строится, главным образом, на соотнесении творчества Белого и понятия «классическая литература», в принадлежности к которой Яблоновский отказывает Белому безусловно:

Я не смею спорить — некоторые из этих словечек очень живописны и хорошо «рисуют». Мне нравится и «ерзая» барышня и «газетчик-верховсвист» и даже «честный гвоздырь социализма». Но когда из «словечек» состоит весь рассказ и когда никто из дей-

¹² Отметим, что множество неологизмов Белого, перечисленных в статье, можно без труда отыскать в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля; к Далю Белый проявлял особый интерес именно в период работы над мемуарной трилогией и романом «Москва» (см.: *Кожевникова Н. А. Роман А. Белого «Москва» и словарь В. И. Даля // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 14–39*).

ствующих лиц не говорит, — и все «вакают», «хохокают», «губанят» и «гоганят», когда никто не смотрит, а все «глаздырят» и никто не возражает, а только «гвоздырит», «бударахает» и «бутусит» — то, воля ваша, испытываешь такое чувство, как будто попал в бурсу Помяловского и ждешь, что вот-вот тебе или «вселенскую смазь» сделают, или «салазки загнут».

Можете себе представить, что таким ерническим языком написал хоть одну страницу Лев Толстой, И. А. Бунин, А. П. Чехов?

— Можете ли вы вообразить, чтобы до таких площадных выкрутасов унился автор с действительно развитым вкусом и с настоящим чувством меры?

А между тем господин Андрей Белый считается в своем кружке чуть ли не классиком и многие молодые беллетристы даже подражают ему и тоже без всякого зазрения совести и «вакают», и «хихикают»¹³, и «глаздырят» ...

Яблоновский завершает свою статью признанием: «Я имел терпение прочитать ровно половину ужасающего романа “Петербург”. Но дальше терпения моего не хватило». Следует сказать, что многие литературные критики в эмигрантской среде разделяли отрицательное мнение Яблоновского о творчестве Белого, хотя встречались и положительные отзывы¹⁴.

13 января 1934 г. газета «Возрождение» опубликовала странный некролог по поводу кончины Бориса Николаевича Булгаева (8 января 1934 г.), написанный В. Ходасевичем, а 19 января сообщила о «панихиде по Андрею Белом»¹⁵. В феврале того же 1934 г. в «Возрождении» же вышли три очерка Ходасевича «Ан-

¹³ Опечатка, должно быть «хохокают».

¹⁴ См., например, высказывание Д. Святополка-Мирского: «Андрей Белый стал “несовременен”, а так как для литературных реакционеров он всегда был неприемлем, ему очевидно придется пройти через период всеобщего невнимания, прежде чем он будет окончательно признан классиком». Ср., однако, далее: «Основной недостаток Белого всегда было некоторое отсутствие человечности, некоторое безответственное, как бы, духовность — духовность “стихийного духа” бесплотной, негсгорающей в огне саламандры» (Критические заметки // Версты (Париж). 1927. № 2. С. 258, 259).

¹⁵ «Вчера вечером в церкви Сергиевского Подворья была отслужена панихида по скончавшемуся в Москве писателе Андрею Белом. Служил о. Сергий Булгаков, пел хор учащихся Подворья. На панихиде присутствовали представители литературы и друзья покойного: А. М. Ремизов, С. П. Ремизова, Н. Н. Берберова, М. И. Цветаева, Н. Д. Городецкая, Ю. М. Рейтлингер, В. Ф. Ходасевич, К. В. Мочульский, В. В. Вейдле, М. Струве, С. Каплан, отец К. Безобразов и др.» (Возрождение. 1934. 19 янв.).

дрей Белый: Черты из жизни». В не менее популярных в эмигрантской среде парижских «Последних новостях» 12 января М. Осоргин поместил некролог «Памяти Андрея Белого», за которым последовали два его мемуарных очерка о Белом — «Встречи». Были и другие отклики, публикации.

Тем не менее, через три дня после выхода некролога (и через восемь дней после кончины Белого) Яблоновский посчитал нужным вернуться к своей статье более чем десятилетней давности и припомнить «трухоперлогобабатю», существенно переработав старый текст и радикально сменив эмфазу, припомнив словесные «нововведения» целого ряда русских писателей — «стушевать» у Достоевского, «интеллигенция» у Боборыкина, «недотепа» у Чехова, — Яблоновский пишет:

Особое и едва ли здоровое пристрастие к новым словам питал только что скончавшийся Андрей Белый. (...) Но у Белого все новые слова были неуклюжие, манерные, и читателю всегда было несколько стыдно, что человек не бездарный и не глупый занимается такой безвкусной ерундой. (...) Лично меня эти поганые словечки оттолкнули от сочинений Белого. (...) «Трухоперлого бабату» еще можно было как-то простить. Но внезапная перемена веры и перебежка в стан врагов была уже непростительна. Тем более, что Белый никогда большевиком не был, а только проживал по пролетарскому паспорту и притворялся¹⁶.

Примерно через два с половиной года после выхода первой статьи о Белом Яблоновский публикует литературно-критический фельетон — «Хвост писателя», посвященный на сей раз Ремизову¹⁷. Фельетон был приурочен к напечатанию «рассказа» Ремизова «Щипцы»¹⁸ в рижской газете «Дни». Собственно говоря,

¹⁶ О том, о сем ... // Возрождение. 1934. 16 янв.

¹⁷ Возрождение. 1926. 3 янв.

¹⁸ Это же название, «Щипцы», несколько ранее было использовано Ремизовым в литературном розыгрыше, объектом которого стала Цветаева. Сам Ремизов упоминает о том, что «(...) после вымышленного сообщения о новом парижском журнале “Щипцы” (...) обиделись литературные дамы» (Ремизов А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9: Учитель музыки: Каторжная идиллия / Подгот. текстов, коммент. д'Амелия А., Грачева А. М. М., 2002. С. 316). См. комментарий к этой цитате: «Речь идет о негативном восприятии Мариной Цветаевой одной из достаточно жестоких “шутки” Ремизова — пущенной им “газетной утке” о том, что поэта собирается участвовать в некоем новом парижском журнале с “дам-

«Щипцы» — это не рассказ, как его называет Яблоновский, а собрание кратких эссе¹⁹.

Начало статьи Яблоновского почти дословно повторяет начало вышеназванного фельетона об Андрее Белом:

«Хвост писателя»

Я человек небогатый, но охотно предложил бы один доллар тому, кто разгадает и разъяснит мне смысл ремизовского рассказа «Щипцы».

«Трухоперлый бабатя»

Я человек совсем небогатый, но охотно предложил бы пол-доллара тому, кто взялся бы удовлетворительно объяснить мне нижеследующие, чисто русские, слова и выражения (...).

Продолжим цитировать «Хвост писателя»:

Вот как начинается рассказ:

— “Ребятишки отняли у меня денежку — мое неразменное су. Хвост не взяли, побоялись, а денежки нет...” Прочитал я это начало и, признаюсь, протер глаза:

— Что такое? Что за чертовщина? Какой-то хвост? Еще недавно видел я г-на Ремизова и, как будто, никакого хвоста у него не было... Но дальше оказывается, что это был какой-то символический хвост и отнюдь не обезьяний, а нитяный, зеленый, который вместе с неизменной монеткой висел снаружи на дверях у господина Ремизова».

ским» названием “Щипцы”. См. упоминание об этом в письме К. В. Мочульского к Д. А. (в монашестве Иоанну) Шаховскому от 1925 г.: “Марина Цветаева в Париже, но к «Щипцам» никакого отношения не имеет, выдумал Ремизов, хотя и отрицает” (арх. Иоанн Шаховской. Биография юности. Paris, 1977. С. 242)» (д’Амелия А., Грачева А. М. Комментарии // Ремизов А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9: Учитель музыки: Каторжная идиллия / Подгот. текстов, коммент. д’Амелия А., Грачева А. М. М., 2002. С. 496). Теме взаимоотношений Цветаевой и Ремизова, в том числе реакции Цветаевой на «шутку» Ремизова, посвящена интересная статья Н. А. Блиш «История творческих контактов А. М. Ремизова и М. И. Цветаевой в 1920–1930-е гг.» Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2012. № 3 (снежань). С. 11–16).

¹⁹ В публикацию под названием «Щипцы» вошли следующие эссе: «Денежка», «Петух и кукушка», «И всё живое и животных», «Крокмитэн», «Хвост оторвали» (Алексей Михайлович Ремизов. Библиография. / Сост. Е. А. Синани, под ред. Т. А. Осопгиной. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Etablie par Helene Sinany sous la direction de T. Ossorguine. Paris: Institut d’etudes slaves, 1978. С. 149–150).

Далее Яблоновский укоряет Ремизова в том, что он «пользуется в литературе привилегией говорить в тоне юродивого, который он вполне усвоил»:

(...)тоном юродивого может безнаказанно говорить только человек с ведром на голове и в женской рубашке. Но человек в пиджаке, в котелке и с карт-д-идантитэ в кармане — не может. (...) При пиджаке речь о хвосте звучит нестерпимой фальшью. Все это я пишу, однако, совсем не со зла и без малейшего раздражения. А пишу только потому, что очень хотел бы видеть талантливого человека Ремизова... без хвоста...²⁰

На этот фельетон отозвалась Марина Цветаева в статье «Поэт о критике», писавшая, что «(...)к статьям уже непристойным, оттопу статьи А. Яблоновского о Ремизове, А. Яблоновского о моей “Германии” и А. Черного о Ремизове»²¹. Под «статьей А. Яблоновского о моей “Германии”», о которой комментаторы собрания сочинений Цветаевой сообщают «отдельной его [Яблоновского. — В. Б.] статьи о цветаевской “Германии” не обнаружено»²², следуют понимать, конечно, фельетон «Дамский каприз», в котором Яблоновский довольно резко высмеял «германофильство» Цветаевой.

На этот фрагмент статьи Цветаевой Яблоновский ответил фельетоном, представлявшим собой резкую и грубую (не грубее, впрочем, и не резче, других сатирических статей Яблоновского), инвективу в адрес Цветаевой, в основе которой — разбор цветаевской статьи «Поэт о критике»²³. Яблоновский припоминает свою давнюю заметку о романе «Ключи счастья» Вербицкой (см.

²⁰ Критике Яблоновского была созвучна предшествующая фельетону «Хвост писателя» рецензия Саши Черного на книгу Ремизова «Кухня» под названием «Передоновщина», опубликованная в парижской «Русской газете» 6 ноября 1924 г. Её объём был больше обычных коротких реприз Яблоновского, но по своей сатирической тональности и содержанию она очень близка «Хвосту писателя»: Саша Черный даже процитировал в ней одну из любимых фраз Яблоновского — «душистые комплименты».

²¹ Цветаева М. Собр.соч. : в 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М., 1994. С. 292.

²² Там же. С. 686.

²³ В халате // Возрождение. 1926. 5 мая. Мы не рассматриваем здесь подробно содержание фельетона Яблоновского, уже неоднократно бывшего предметом такого в цветаеведческих исследованиях.

выше) и его героине, девушке Мане. В своё время заметка вызвала бурное негодование Вербицкой. Яблоновский пишет:

Признаюсь, мне даже сейчас страшно вспомнить, что со мной сделала тогда г-жа Вербицкая. Прямо в котлету человека превратила. Но представьте же себе мое изумление, когда на литературном горизонте нашей эмиграции я обнаружил еще одну г-жу Вербицкую, да еще, так сказать, в издании дополненном и исправленном. Это — г-жа Марина Цветаева, бросившая якорь в журнале «Благонамеренный».

Буквально в следующем же выпуске «Возрождения» была опубликована еще одна антицветаевская заметка за авторством редактора этой газеты П. Струве. Струве пишет о том самом номере журнала «Благонамеренный», в котором были напечатаны статья Цветаевой «Поэт о критике», её стихотворение «Старинное благоговение» и её же выборка цитат из «Литературных бесед» Г. Адамовича. Струве замечает, что суждения Адамовича вызывают такое же уныние, как и то, что пишет Цветаева: «И то, и другое огорчительно не потому что бездарно, а потому что *безнужно*. Именно — *предметно* безнужно, при известной личной одаренности самих пишущих»²⁴.

В сравнительно недавно вышедшей книге С. Ю. Корниенко раздел одной из глав посвящен литературной полемике Цветаевой и Яблоновского²⁵. И не только полемике — автор в целом уделит значительное внимание личности журналиста, его взглядам, участию в литературном процессе. К сожалению, большинство утверждений Корниенко либо недостаточно аргументированы, либо не аргументированы никак. Объём и характер нашей статьи не позволяют остановиться на всех проблематичных утверждениях автора, мы выбрали только одно, непосредственно относящееся к рассматриваемой теме.

В письме к А. Тесковой от 27 января 1932 года, которое цитирует Корниенко, Цветаева пишет:

21-го был мой доклад “Поэт и Время”. В зале ни одного свободного места, слушатели *очень* <здесь и далее в цитате курсив М. Цве-

²⁴ Заметки писателя. 4. О пустотроби и озорстве // Возрождение. 1926. 6 мая.

²⁵ Корниенко С. Ю. Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин — Марина Цветаева. М., 2015. С. 229–282.

таевой> расположенные, хоть говорила я резкие правды. Характерно, что из всех приглашенных для обмена мнений людей старшего поколения, всех представителей времени (философов или возле) пришел только шахматист и литер<атурный> критик Зноско-Боровский. Ни одного философа, ни одного критика. Только поэты. Трогательно выступал (из публики) старичок Сергей Яблоновский²⁶ (лет за семьдесят), увидевший во мне (и в моем докладе) — свет — правдивость — бесстрашие (*его слова*)»²⁷.

Корниенко комментирует это фрагмент так: «Сразу заметим, что это совсем не тот Яблоновский, что появился в “Живое о живом”. Сергей Яблоновский никогда не писал отзывов о Цветаевой, не претендовал на исключительное место в литературной среде, и, наконец, что существенно, — для поэта он — *друг*, которого не нужно обманывать. Зато другой Яблоновский — Александр (настоящая фамилия Снадзский²⁸) оставит два отзыва о Цветаевой»²⁹.

Итак: «Сергей Яблоновский никогда не писал отзывов о Цветаевой». Означает ли это, что для того, чтобы «выступить из публики» по поводу только что прослушанного доклада, необходимо быть автором «отзывов о Цветаевой»? Оставшиеся два («не претендовал на исключительное место в литературной среде» и, «он — *друг*, которого не нужно обманывать») понятны еще менее. И, наконец: сложно представить себе, что Цветаева спутала Сергея Яблоновского, с которым давно была знакома и даже дружна, со своим литературным зоилом Александром Яблоновским, чье появление на её докладе было бы событием почти невероятным³⁰.

²⁶ «Яблоновский (настоящая фамилия Потресов) Сергей Викторович (1870–1953) — журналист, театральный критик» (Мнухин Л. Комментарии // Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6: Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М., 1995. С. 499).

²⁷ Там же. С. 401.

²⁸ Неверно. Яблоновский принадлежал к дворянскому роду Яблоновских-Снадзских, т. е. обе фамилии настоящие.

²⁹ Корниенко С. Ю. Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин — Марина Цветаева. С. 230.

³⁰ Как уже было сказано выше, не ставя перед собой задачу подробно рецензировать работу Корниенко, всё же приведём из неё ещё одну цитату: «В приложении представлены актуальные для Цветаевой два фельетона А. Яблоновского — “Дамский каприз” и “Хвост писателя”, найденные нами и введенные в научный оборот, а также ряд важных материалов, связанных с культурно-политическими контекстами русского зарубежья. Приложение ассоциировано [sic! — В. Б.]

Неубедительное объяснение причины того, отчего же Цветаева перепутала «двух Менехмов», вовсе не отменяет необходимости дальнейшего рассмотрения взаимоотношений Яблоновского и Цветаевой и возможной эволюции этих отношений. Во всяком случае, весьма примечательно, что в статье, посвящённой годовщине гибели Н. Гумилева, Яблоновский цитирует стихотворение Цветаевой «Андрей Шенье», сопроводив его кратким комментарием: «Вот, как почувствовала эту оскорбительность жизни поэта М. Цветаева»³¹.

В этой заметке мы лишь кратко коснулись некоторых сюжетов, связанных с литературно-критической деятельностью Яблоновского в годы эмиграции. Но даже далеко не полный перечень тем, ставших предметом рассмотрения статей и фельетонов журналиста, свидетельствует о том, что его участие в литературных процессах русского зарубежья было значительным и, несомненно, требует внимательного изучения. Здесь, однако, следует учесть, что:

а) и общественные, и литературные, да и личные взгляды и пристрастия Яблоновского в изгнании были результатом длительной эволюции, без учета которой многое из написанного и сказанного им в 1920–1930-е гг., понять будет затруднительно;

б) Яблоновский, как это чаще всего и бывает в реальной жизни, не был ни «типичным представителем», ни ортодоксальным «выразителем взглядов» — он мог спорить и с самим собой, руководствоваться не только «литературно-партийными» установками, но и писать, исходя из собственных представлений о предмете;

в) деятельность Яблоновского — и в годы эмиграции, и в доэмигрантский период, несмотря на его явную несклонность к групповой идеологии, не была изолирована от общественной и литературной среды, поэтому рассматривать его литературно-критическое наследие необходимо как диалектическую составляющую современного ему литературного процесса.

с основным текстом работы» (Корниенко С. Ю. Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин — Марина Цветаева. С. 13). Т.е. статьи, напечатанные в «Возрождении», источники хорошо известном и доступном, оказывается надо ещё «найти и ввести в научный оборот».

³¹ Все проходит // Возрождение. 1931. 30 авг.

ИЗ ЗАМЕТОК О ПОЭМЕ А. А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»

Эти две заметки, не сливающиеся в единый текст, не случайно печатаются вместе: они посвящены неочевидным контекстам поэмы, не только не обозначенным в ней прямо, но и лишь частично в ней отразившимся. В первой обсуждается радикальность блоковского отторжения старой императорской России, осмысленной на уровне историко-династической темы, во второй — обрисовка Блоком сожалеющего о её «погибели» «витии» и со-логубовский контекст «погибельной» темы, затрагивающий все смысловое пространство «Двенадцати».

1. ИСТОРИКО-ДИНАСТИЧЕСКИЕ АССОЦИАЦИИ ИМЁН ПЕРСОНАЖЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭМЫ

Простейший случай взаимодействия литературы («изящной словесности») и истории, видимо, таков: литературное произведение прямо откликается на те или иные исторические события или им посвящено. Эти отклики могут быть разных типов — от простого упоминания до развернутого обсуждения авторами

¹ Дмитрий Павлович Ивинский — доктор филологических наук профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ.

или героями (в т. ч. свидетелями или участниками событий, историческими лицами, выведенными под собственными или измышленными именами) с возможными выходами на политико-идеологический, религиозно-метафизический и другие уровни и контексты смысла произведения / исторического процесса.

На противоположном полюсе оказываются те случаи, когда исторические источники, события, лица не называются и при этом отсутствуют уверенно опознаваемые отсылки к ним на уровне «междустрочных» подразумеваний, намёков, иносказаний, но текст произведения допускает возможность своего осмысления в соответствующей проекции. В данном случае исследователь оказывается перед выбором: он может отбросить всё то, что не явлено в тексте прямо, непосредственно, недвусмысленно, заявив, что не считает нужным «множить сущности», а может попытаться воссоздать исторический «фон» / «подтекст» как сколь угодно необязательный, мерцающий, даже «ненужный» для понимания произведения и в силу этого иногда приобретающий некоторое самостоятельное значение, по отношению к которому уже литературное произведение может показаться необязательным или мерцающим «фоном».

Истолкование подобных казусов крайне затруднено: мы лишь приблизительно представляем себе формы *непрямого* влияния истории на литературное сознание поэтов, в том числе тех, кто обладал даром обостренного внимания хотя бы только к своей современности, каждый элемент которой необходимым образом формировался в системе многообразных связей с прошлым, и самый отбор этих элементов в пределах одного или нескольких произведений или замыслов всегда влиял на образы подобных систем.

Если же, как у Блока, интерес к современности сочетался с интересом к истории² (см., в частности: Черепнин 1967), то ситуация существенно осложняется: приходится выяснять и то, как именно воспринималась история, и то, какие именно эпизоды исторического процесса осмыслились как ключевые, и то, как именно они замыкались на современность, и насколько сознательно

² При том, что именно современность оказывалась первичной, ср.: «(...) стихотворения не пишутся по той причине, что поэту захотелось нарисовать историческую и мифологическую картину. Стихотворения, содержание которых может показаться совершенно отвлеченным и не относящимся к эпохе, вызываются к жизни самыми неотвлеченными и самыми злободневными событиями» (Блок, 6, 82–83).

и расчетливо или, наоборот, бессознательно, интуитивно, созерцательно бескорыстно осуществлялось это замыкание, отнюдь не гарантирующее проникновения хотя бы искаженных отблесков исторического в светлое поле сознания поэта и, тем более, их доминирования в этом поле (ср.: «Блок поэт бессознательный (...)» [Волошин 1919, 20]; ср. вместе с тем: «Поэт, идущий по пути символа, есть бессознательный орган народного воспоминания» [Блок, 5, 10]). Ещё более сложный вариант даёт ситуация, когда поэт сознаёт себя включённым в поле исторической катастрофы и при этом рассматривает её как благо, отвергая ненавистное прошлое: в этом случае образы прошлого отражаются в тексте не в их соответствии упраздненной катастрофой ценностной парадигме, а как зеркальные / перевернутые отражения отдельных её сегментов, уже несовместимые со своими первоначальными смыслами, тем сложнее опознаваемые и тем легче квалифицируемые как избыточные.

Всё это, как представляется, имеет прямое отношение к теме данной заметки.

«Двенадцать» — мистическая поэма о революции и революционной *современности*, именно так она всегда воспринималась, и нет никаких причин ставить под сомнение адекватность такого восприятия. Но означает ли это, что принимая данную точку зрения мы вправе отказаться от рассмотрения национально-исторического плана её содержания как *заведомо* несущественного? Вряд ли, и во всяком случае подобная позиция, как и любая другая, нуждается в каком-то обосновании. Между тем, насколько мне известно, план этот, как и вопрос о самом его существовании, будучи заслонены острейшей современной темой,³ никогда специально не обсуждались, если не считать отдельных пронизательных замечаний общего характера, сделанных литературными критиками и публицистами, ср. в особенности попытку осмысления «Двена-

³ Для её разъяснения, впрочем, Блоку потребовалась не только статья «Интеллигенция и революция», которая создавалась одновременно с «Двенадцатью» и в которой почти не было прямых выходов в историю России (кроме упоминаний о событиях первой революции и последующих лет и о России Гоголя, Петербурге Достоевского; см.: [Блок, 6, 9, 11]), но и лекция о Катилине, в которой эпизод «римского большевизма» обсуждался как в высшей степени злободневный и при этом, в его соотносённости с мифологией (Кибела, Аттис) и поэзией (Катулл, Кребийон, Ибсен), объясняющий многое, если не всё, в мировой истории, сущность которой «во что бы то ни стало» «скрывают» «ученые филологи» (Блок, 6, 83).

дцати» на фоне петровско-пушкинской литературно-исторической линии:

(...)от реального «революционного Петербурга» поэма уводит нас в захват вопросов мировых, вселенских. Все реально, до всего можно дотронуться рукой — и все «символично», все вещей знак далеких свершений. Так когда-то Пушкин в «Медном Всаднике» был на грани реального и над-исторических прозрений.

Да, такие сокрушающие сравнения выдерживает поэма Александра Блока. «Как будто грома грохотанье, тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой» — заканчивается в наши дни. Конец петровской России — конец старого мира. Было время его славы, расцвета, могущества, — и бережно понесем мы в новый мир вечные «эллинские» ценности мира старого: не испепелятся они и в огне. Но временные ценности его падут прахом в грозе и буре, в разыгравшейся вьюге. В просветы ее мы видим и теперь: на том самом месте, где прервалось тяжело-звонкое скаканье Медного Всадника, там теперь «над невской башней тишина». Где же Конь? Где же Всадник? Их нет. И там где был Конь — там теперь стоит «безродный пес, поджавши хвост»; там где был Всадник, там где в «неколебимой вышине над возмущенною Невою стоял с простертою рукою кумир на бронзовом коне» — там теперь «стоит буржуй на перекрестке и в воротник упрятал нос»...

(Иванов-Разумник 1918, 138–139;

то же: Иванов-Разумник 1919, 131–132)⁴.

Теперь напомним о том, что Блок целенаправленно изучал (по крайней мере в студенческие годы) русский XVIII век, его историю и литературу, и его познания в этой области были об-

⁴ В скобках отметим, что была предпринята и едва ли не уникальная попытка представить Петра I и его сына, а также «старую Москву» (видимо, допетровскую) читающими Блока: «Кто был самим собой — Блок “Прекрасной Дамы” или Блок “Двенадцати”? Или двойная дорога ведет обоих — “роковую” родину и ее Певца? Как отшвырнул бы Петр “Стихи о Прекрасной Даме”; как прильнул бы к ним царевич Алексей, если бы он жил в XX веке! Рука палача сожгла бы “Двенадцать” в старой Москве; эта поэма останется в русской, литературе, как поэтическое зеркало, запечатлевшее в своих излучинах революционные вихри» (Перцов 1922, 63; благодарю С. Г. Шиндина за указание на этот текст). Разумеется, адекватность историко-поэтических прозрений Перцова здесь не может обсуждаться: такого рода тексты важны лишь как свидетельство о специфике литературного мышления в эпоху, которой они принадлежат.

ширными (в какой степени этот интерес поддерживался творчеством «мирискусников», как и отношение Блока к ним и к их журналу, вопрос отдельный). Как известно, в Санкт-Петербургском университете он слушал лекции И. А. Шляпкина, одного из крупнейших тогдашних специалистов по истории русской литературы, пытался исследовать наследие А. Т. Болотова и Н. И. Новикова, оставил подробный конспект обширных записок первого, а также конспекты трудов виднейших специалистов по русской истории и литературе XVIII века, в том числе С. В. Ешевского, В. О. Ключевского, А. И. Незеленова, А. Н. Пыпина, Н. Д. Чечулина; внимательно прочел А. Н. Афанасьева, В. А. Бильбасова, Алексея Н. Веселовского, М. Н. Лонгинова, П. О. Морозова, П. П. Пекарского, В. В. Сиповского, С. М. Соловьева, Н. С. Тихонравова и мн. др. (об этом см. в особенности: Владимиров 1981). Поэтому вряд ли мы ошибёмся, предположив, что к моменту окончания Блоком университета (1906) история и культура XVIII века, как бы он их ни оценивал⁵, стали органической частью его культурного сознания и в этом смысле неизбежно влияли на его мировидение; во всяком случае именно в университетские годы Блок научился воспринимать историю России как теснейшим образом связанную с русской литературной историей (см., напр., его заметки учебного характера, затрагивавшие вопрос о воздействии Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II на историю русской литературы [Владимирова 1981, 62, 63, 68, 70, 83, 93])⁶. Существенно, что занятия Блока русским XVIII веком в значительной степени мотивировались его интересом к масонству екатерининского времени и соответствующему типу мистицизма (Альтшуллер 1982; см. также: Бого-

⁵ Некоторые замечания, касающиеся этих оценок, не сложившихся в завершённую систему: Владимиров 1981, 32–33.

⁶ Разумеется, привычка рассматривать русских поэтов и правителей в одном смысловом ряду была присуща не только Блоку, но и всему его кругу; ср., напр., у Ремизова в заметках о Блоке: «А помните, Александр Александрович, в такой же затаенный, как сейчас, без солнца и без грозowych туч, тёплый, серый летний день, бродя по опустелому Парижу, мы зашли в Сорбонну и по пустым залам ходим — и с тем же благоговением, неизбывным для Достоевского на всю жизнь: “старые камни Европы” и “дорогие могилы”. Мы ступали по следам Петра, Тредиаковского, Кантемира, Фонвизина, Карамзина, Тургеневых, Гоголя, Герцена, Погодина, Шевырева, Хомякова, И. С. Аксакова, Аполлона Григорьева. Мы — только «странники с русской земли» (Ремизов 1981, 138); благодаря Л. Ф. Кациса за указание на этот фрагмент.

молов 1999, 53–54, 74–75, 92, 440–441; Рычков, Лотарева, Халтурин 2012; Рычков 2015), оказавшему не только опосредованное, но и прямое воздействие на все творчество Блока. Вместе с тем у нас нет возможности судить о том уровне исторических «ребусов» (мистическими мы здесь не занимаемся), который мог быть для него актуален во время работы над поэмой «Двенадцать» (в принципе, сколь угодно глубокий), и по этой причине мы намерены в данной заметке ограничиться обсуждением только тех исторических параллелей к её тексту, которые были или могли быть известны любому гимназисту.

Но прежде чем перейти к этому обсуждению, зафиксируем ещё одно немаловажное обстоятельство.

Революции 1917 года и их последствия Блок воспринимал в их соотнесенности со Смутой и эпохой Петра I. Ср. в заметке «О списке русских авторов» (1919):

Составляя список русской литературы XVIII и XIX века, можно идти по пути Марфы, которая печется о многом, и по пути Марии, избравшей благую часть.

Я избираю первый путь потому, что он, как кажется мне, продиктован исторической минутой. Все наше прошлое представляется на суд поколениям, следующим за нами людям, очень отличающимся от нас, потому что переворота большего, чем переживаем мы, русская история не знала по крайней мере двести лет (с Петра), а то и триста лет (Смутное время).

(Блок, 6, 136)⁷

Говоря о «суде поколений», Блок исходил из того, что приговор «всему нашему прошлому» уже вынесен и в любом случае не подлежит пересмотру; в мае 1918 гожа он написал:

Художнику надлежит знать, что той России, которая была, — нет и никогда уже не будет (...). Мир вступил в новую эру. *Та* цивилизация, *та* государственность, *та* религия — умерли. Они могут еще вернуться и существовать, но они *утратили бытие*, и мы, присутствовавшие при смертных и уродливых корчах, может быть, осуждены теперь присутствовать при их гниении и тлении; при-

⁷ Список русских писателей XVIII века, которому посвящена эта заметка Блока, см.: Владимирова 1981, 29–30.

существовать, доколе хватит сил у каждого из нас. Не забудьте, что Римская империя существовала еще около пятисот лет после рождения Христа. Но она только *существовала*, она раздувалась, гнила, тлела — уже мертвая.

(Блок, 6, 59)⁸

Здесь смерть Римской империи, которая, «утратив бытие», продолжала «существовать» «около пятисот лет», связывается с «рождением Христа»; так и в «Двенадцати» тема гибели «старого мира» империи российской, который ещё может длить свое посмертное небытийственное «бытие», была оформлена до конца явлением преображенного мессии. Не останавливаясь подробнее на данной параллели, выглядящей далеко не случайной, отметим, что в заданной этим финалом «Двенадцати» эсхатологической перспективе конец истории — по крайней мере Российской империи, если не вообще российской в её относительной целостности, — неизбежно должен был соотноситься с её началом, и вовсе не обязательно с той прямолинейностью, что проявилась в статье 1919 года, которую мы только что цитировали.

Конечно, и вне этой перспективы, в самой блоковской современности слишком многое напоминало о постоянном присутствии петровской темы, и прежде всего сам город, в пространстве которого время от времени разыгрывались грандиозные спектакли официальных торжеств 1903 (200-летие Петербурга), 1909 (200-летие Полтавской битвы) и 1913 годов. (300-летие царствования дома Романовых)⁹, отнюдь не отменявшие другого, существенно более, если не единственно, внятного Блоку образа петербургской цивилизации как воплощённой пустоты, соотнесённой с обыденностью, не оставлявшей места для иллюзий и, кажется, вообще для сочувственного внимания к этому имперскому победно-торжественному Петербургу. Ср. в отзыве о поэзии Д. М. Цензора (1919):

⁸ Ср. «Толстопузые мещане / Злобно чтут / Дорогую память труп» в стихотворном наброске Блока «Русский бред» (Блок, 3, 373), уже соотнесённом с процитированным фрагментом (Топоров 2003, 125–126), и «Погибла Раса» в «Двенадцати» (Блок, 3, 348).

⁹ Как известно, Николай II предпочитал Петру I его отца, царя Алексея Михайловича, но не имел возможности (а быть может, и желания), особенно с началом мировой войны, отказаться от петровского государствообразующего предания.

(...) окружающее, как мы знаем, довольно несложно и небогато: Петербург с неизбежным Невским и Петром Фальконета, уличными картинками в серую погоду, трамваями, витринами, подворотнями, проститутками, случайными встречами; мансарда (хотя в Петербурге нет, в сущности, того, что можно назвать таким настоящим коротким и жестоким словом, а есть «мансардные помещения»), соседка-портниха, две соседки — одна красивая, другая дурнушка; называется все это «сказка утренняя», «сказка северная», «последняя сказка», хоть и сказок никаких тоже, в сущности, нет. О баррикадах тоже приходилось говорить в таком роде, что стоящие на них соединяют в себе «жизнь, и смерть, и любовь», потому что и баррикада Петербург тогда тоже не видал. Так и обо всем: что «все изведано», когда, в сущности, ничего не изведано (...)

(Блок, 6, 334)

В сущности, Блок делает здесь основным «приёмом» обсуждения Петербурга «фигуру фикции», и именно в том её понимании, которое будет развернуто Андреем Белым («(...) предмет охарактеризован отстоянием одной стороны от “все”, другой — от “ничто” (...)» [Белый 1934, 80]).

Но всё, обсуждавшееся нами да сих пор, имеет — в лучшем случае — только косвенное отношение к занимающей нас здесь исторической теме «Двенадцати». И мы не стали бы выдвигать её, если бы сам текст поэмы Блока не содержал нечто существенное именно в отношении этой темы.

В поэме, напомним, только три сюжетно значимых героя, и именно их имена отсылают не просто к истории России, но к её династической истории: *Ванька* (Иоанн), *Катька* (Екатерина), *Петруха* (Петр).

Давно поставленный вопрос о личных именах как «неявном способе сохранения информации во времени» (Топоров 1979, 142) затрагивает, конечно, не только сферу «мифопоэтического» и не только *sacrum* иудео-христианской традиции, но и именно временную, т. е. историческую, сферу, которая обладает собственным спектром возможностей взаимодействия и с мифом, и с религиями.

Неслучайность этих имён в поэме окрашена не только исторически, но в какой-то мере и психологически, личными вкусами автора. Ср. в «Признаниях» (1897): «Мои любимые герои в действительной жизни... *Иоанн IV*, *Нерон*, *Александр II*, *Петр I*. /

Мои любимые героини в действительной жизни... *Екатерина Великая*¹⁰» (Блок, 7, 430; курсив наш. — Д. И.).

Разумеется, позднее имена Петра I и Екатерины II связывались в сознании Блока с иными контекстами / смыслами (отнодье не сводящимися к теме индивидуальных эстетических предпочтений), как и вся история императорской России, неизбежность катастрофического завершения которой предчувствовалась им задолго до событий 1917–1918 годов. Ср. в его письме к В. А. Пясту от 6 июня 1911 года:

Я все чаще верю, что ошибки хоть бы социал-демократов в недавние годы происходили от незнания и нежелания знать деревню; даже не знать, может быть (говорю так потому, что *нам ее, может быть, и нельзя уже узнать*, и начавшееся при Петре и Екатерине разделение на враждебные станы должно когда-нибудь естественно окончиться страшным побоищем) — даже не знать, а *только* видеть своими глазами и любить, хотя бы ненавидя.

(Блок, 8, 346)

Напомним, что эпоха и личность упомянутой здесь Блоком Екатерины II во времена Николая II обладали не только мемориально-историческим, но и вполне злободневным политико-идеологическим значением, о чём красноречиво свидетельствует уже тот неоднократно обсуждавшийся современниками факт, что Распутин называл последнюю императрицу Екатериной II. Ср. хотя бы:

Единственная «мушина в штанах», она принимала министерские доклады и все более уверенно входила во вкус государственного управления. Распутин льстил ей сравнением с Екатериной II. Разумеется, в государственных делах она понимала еще меньше, нежели император в военных.

(Милюков 1991, 413)

¹⁰ О неслучайности и устойчивости интереса Блока к Екатерине II и её времени свидетельствует, в частности, сделанная им выписка из книги кн. П. А. Вяземского о Фонвизине: Слова к <нязя> Вяземского (Полн<ое> Собр<ание> Соч<инений> 1880, т. V, [стр.] 6). «Царствование Екатерины Великой или Великого, по счастливому выражению принца де-Линь, должно было служить новым и сильным побуждением к направлению поэзии нашей, замеченному выше (выше указано у Вяземского), что господствующая черта наш<ей> литературы — лирика). Сие царствование, громкое, великолепное, восторженное, имело в себе много лирического». (Владимирова 1981, 67.)

Блок не только знал об этом прозвании императрицы, но и зафиксировал его в своей книге, написанной по результатам его трудов в «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданских, так и военных и морских ведомств»:

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, в сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердым характером, была всецело под влиянием Распутина, который звал ее Екатериной II

(Блок 1921, 9; Блок, 6, 189)

Существенно, что и в дни, когда слагались «Двенадцать», Распутин оставался для Блока своего рода символом уходящей России и в этом качестве постоянно присутствовал в его сознании, ср. в статье «Интеллигенция и революция», напечатанной 18 января 1918 года, т. е. в разгар работы над поэмой:

Распутин — всё, Распутин — всюду; Азефы разоблаченные и неразоблаченные; и, наконец, годы европейской бойни; казалось минуло, что она очистит воздух; казалось нам, людям чрезмерно впечатлительным; на самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина.

(Блок, 6, 10; о Распутине ср. ниже в цитате из дневника Н. В. Устрялова)

Оставляем в стороне сплетни о любовной связи последней императрицы с Распутиным, широко распространившиеся во время войны (см. не претендующую на полноту сводку данных по этому вопросу: Колоницкий 2010, 320–326): Блок, в отличие, например, от З. Н. Гиппиус, считал их недостоверными, хотя и пришел к этому выводу только после разговора со следователем, состоявшемся 8 июня 1917 года (Блок 1928, 16; Колоницкий 2010, 322).

Петровская тема, несмотря на то, что действие поэмы разворачивается в городе *Святого Петра*, на этих уровнях — действия и городского пейзажа — прямо не затрагивается: первый импера-

тор не упомянут ни разу, и, конечно, не случайно: в революционном Петербурге / Петрограде уже нет ничего, что требовало бы присутствия этой темы как неотменяемой, даже имен — безотнositельно к *Петрухе* — Петра и города, им основанного.

Впрочем, упомянута «невская башня», встроенная в цитату из «Песни узника» Ф. Н. Глинки (1826), где фигурируют «заневские башни» (Глинка 1957, 249); ср. вариант «старая башня», в рукописях какое-то время конкурировавший с окончательным (Блок 2, 5, 307). В новейшем комментарии «невская башня» специально не обсуждается — дана лишь ссылка на книгу Л. К. Долгополова, в которой было отмечено, что «башню» эту «принято связывать» со зданием «бывшей городской думы на Невском» (Блок 2, 5, 375). Эта версия, кажется, никем специально не оспаривалась, однако не представляется убедительной: в цитируемом Блоком стихотворении Глинки имеется в виду Петропавловская крепость, где в 1826 г. содержались арестованные «декабристы» (Глинка 1957, 468), а в начале 1918 г. — в Трубецком бастионе — «враги народа» (см. об этом, в частности, выразительный очерк Д. В. Filosofova [Философов 1918]), в т. ч. «кадеты» Ф. Ф. Кокошкин и А. И. Шингарев. Как известно, последние были переведены в Мариинскую тюремную больницу и убиты там в ночь с 6 на 7 января (краткая сводка газетных сообщений об этом событии: ЛжР 2006, 92). Всё это объясняет и упоминание только об одной «<за>невской башне» (а не о нескольких, как у Глинки), и только на первый взгляд странное упоминание о «тишине» *над* ней (ср. хотя бы распространенные выражения типа *тишина мёртвая* / *смертная* и *молчание небес*, *тишина небес*). Восьмым января, как известно, датируется заметки в записной книжке Блока об этом двойном убийстве и о начале интенсивной работы над текстом «Двенадцати» (Блок 1965, 382–383).

Существенно менее различимы / опознаваемы именно как петроградские учтенные Блоком детали городской жизни и погоды начала января 1918 года, в том числе:

Черный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер! / На ногах не стоит человек. / (...) / Завивает ветер / Белый снежок. / Под снежком — ледок. / Скользко, тяжело, / Всякий ходок / Скользит — ах, бедняжка! / (...) / Старушка, как курица, / Кой-как перемотнулась через сугроб. / (...) / Вон барыня в каракуле / (...) / Поскользнулась / И — бац — растянулась! / Ай, ай!

(Блок 2, 5, 7–9)

Ср. хотя бы:

Трамваев нет. Извозчики взвинтили цены до фантастических размеров. (...) Идут пешком. По Марсову полю тянется черная лента народа. Вьюга. Снег залепляет глаза. Ничего не видно.

Кто-то впереди поскользнулся, упал в выбоину. За ним другой — третий. (...) Больно ушиблась женщина. Стонет.

У мостов — ад кромешный. Огромные сугробы, выбоины, ямы. Налетают автомобили со всех сторон, пешеходы мечутся, падают, кого-то переехали автомобилем...

(Окунев 1918)

И всё же не только имя героя поэмы, *Петрухи* (но, разумеется, не сам этот герой), напоминает о *Петре*. В «апостольской» проекции «Двенадцати» с *Петрухой* / Петром оказывается связан один из патрульных по имени *Андрюха*, единственный второстепенный персонаж поэмы, названный по имени: «Стой! стой! Андрюха, помогай! / Петруха, сзади забегай!..» (Блок 2, 5, 13). Если это кощунственная перелицовка Мф. 4 : 18–19 («Я сделаю вас ловцами человеков» [ср.: Слободнюк 1998, 300]), что нас не удивило бы (ср. еще более выразительную перелицовку Ин. 18 : 38 в стихотворении «Незнакомка» [Ивинский 2009, 48]), то *Петруха* и *Андрюха* оказываются тесно связаны: их «прообразы» апостолы Андрей Первозванный и Пётр были братьями. Одновременно с новозаветным контекстом обнаруживается исторический, столь же почти неразличимо мерцающий сквозь эту безобразную сцену поэмы: именно Пётр I учредил орден Святого апостола Андрея Первозванного (1698)¹¹, утвердил морской «андреевский» флаг (1699), а при закладке Петербурга поместил в основание Петропавловского собора ковчег с частицей мощей апостола (1703).

Возвращаясь к имени исторического Петра, отметим, что различные его формы, в т. ч. простонародная, обыгрывались им самим (ср.: «Прочтите его переписку с Ромодановским, которого он величает королем, государем, (...) а себя называет “всенижайшим холопом Питером”, либо просто *Петрушкой* Алексеевым» [Клю-

¹¹ Этот орден, конечно, фигурирует в источниках не только в связи с Петром, но и с другими монархами, в т. ч. Екатериной II; ср. в описании её коронации: «(...)на ней (...) орден святого апостола Андрея оправили обер-гофмейстери-на графиня Анна Карловна Воронцова и гофмейстери-на Елена Александровна Нарышкина» (Труворов 1893, 487).

чевский, 2, 178; курсив наш. — Д. И.]). Насколько нам известно, впервые блоковского Петруху соотнёс с Петром I Б. М. Гаспаров (Гаспаров 1977, 125 [примеч. 17]; при позднейшей перепечатке статьи эта параллель была снята: Гаспаров 1994, 19; ср. скептическую оценку её адекватности: Безродный 1986, 77 [прим. 5]).

Это не всё: о Петре и о его времени, причём не только петербургском, но и московском, напоминает в поэме Блока и само шествие двенадцати, в *петровском* контексте неизбежно отсылающее к шествиям «всешутейшего и всепьянейшего собора» (при том, что у Блока «собор» вынужденно трезвый, ср.: «Гуляй, ребята, без вина!» [Блок, 3, 355]): в обоих случаях речь идёт о конце (периода) национальной истории, в обоих случаях участники *шествия* предстают как ряженные, в обоих случаях *шествие* сопровождается кощунствами, в обоих случаях противопоставляется представителям «старого мира», наконец в обоих случаях возникают темы *двенадцати* и святок. Ср., напр., имеющиеся в источниках указания на двенадцать «архиерецов» и «грозных заик 12 человек, папиных поддьяков плешивых 12 человек» всешутейшего собора (Усенко 2005, 64). О святочной теме: «(...) кощунственные забавы Петра, выражающиеся прежде всего в церемониях Всешутейшего собора, были первоначально приурочены именно к святкам и масленице (довольно скоро они распространились, впрочем, на весь период от Рождества Христова до Великого поста) и, соответственно, включали в себя элементы святочной и масленичной обрядности». И в примечании к этому пассажи: «(...) совершенно очевидно, что Всешутейший собор мог восприниматься именно как святочное действо» (Успенский 1996, 1, 160, 181; здесь же находим попытку соотнести святочные петровские кощунственные гульбища с екатерининскими «святочными играми» и «масленичными» маскарадами, в т. ч. с маскарадом «Торжествующая Милнерва», о котором речь впереди). Если теперь мы вспомним о версии Б. М. Гаспарова, согласно которой процессия «Двенадцати» есть образ именно «святочного шествия» (которого, впрочем, как отмечает сам Б. М. Гаспаров, центральные губернии не знали, и по этой причине ему пришлось мотивировать свои рассуждения ссылкой на обычаи «западных областей Украины» [Гаспаров 1994, 14–15]), то придётся признать, что в намеченной только что *петровской* перспективе она получает некоторое правдоподобие, при том что, подчеркнем это ещё раз, эта последняя не может считаться *обязательным* условием восприятия поэмы.

Имя героини, *Катька*, в исторической перспективе очевидным образом отсылает к именам двух императриц — Первой и Второй, причём в перевёрнутом мире блоковского петербургского революционного балаганного ада эти параллели оказываются донельзя оскорбительными. О Катьке сообщается, что она сначала «с офицерами блудила», «с юнкерьем гулять ходила», а «теперь» «пошла» «с солдатьем». В исторической реальности *начала* Империи, с которой, повторим, перекликаются блоковские образы *конца*, им соответствуют мало приглядные детали биографий Марты Скавронской / Екатерины Михайловы / Императрицы Екатерины I и Екатерины II, не раз обсуждавшиеся как в исторической литературе, так и в публицистике. К числу наиболее выразительных принадлежит, конечно, герценовская характеристика царствования Екатерины II, а вместе с тем и всей послепетровской эпохи, символом которой становится у него именно бордель, что прямо соответствует содержанию блоковской поэмы, посвящённой времени её завершения:

(...) надобно вспомнить, что такое были пресловутые екатерининские времена (...). Со всяким днем пудра и блески, румяна и мишура, Вольтер, <<>Наказ<> и прочие драпри, покрывавшие матушку-императрицу — падают больше и больше и седая развратница является в своем дворце «вольного обращения» в истинном виде (...). Между «фонариком» и эрмитажем разыгрывались сцены, достойные Шекспира, Тацита и Баркова. (...) Двор — Россия жила тогда двором — был постоянно разделен на партии, без мысли, без государственных людей во главе, без плана. У каждой партии вместо знамени — гвардейский гладиатор, которого седые министры, сенаторы и полководцы толкают в опозоренную постель, прикрытую порфирой Мономаха. Потемкин, Орловы, Панин — каждый имеет запас кандидатов (...). Особая статс-дама испытывает их. Удостоенного водворяют во дворце (...) — и сама императрица везет его показывать в оперу (...). (...) Вот мир, о котором наши деды и отцы поминали с умилением (...) — всякому честному человеку должна была древняя Русь показаться чистой и доблестной в сравнении с этим бесстыдным развратом, с этим переходом Руси допетровской в новую Русь — через публичный дом.

(Щербатов 1858, IX–XII)

Неизбежный вопрос о том, в какой мере Герцен с его специфическим восприятием истории новой России повлиял на Бло-

ка — автора «Двенадцати», здесь не рассматриваем, хотя для этого имеются серьезные основания¹². Сейчас нам достаточно того несомненного факта, что Герцен присутствовал в его сознании именно в революционные годы, с очевидностью свидетельствует заметка «Герцен и Гейне», написанная в самом конце 1919 г. (Блок, 6, 141–142). Разумеется, отнюдь не только на Герцена мог опереться заинтересованный читатель, стремившийся открыть для себя подлинное нравственное лицо русской императрицы. Приведем несколько слов из позднейшего и гораздо менее сдержанного сочинения:

Происхождение этой коронованной куртизанки покрыта полным мраком. (...) Екатерина II есть (...) «незаконная дочь Фридриха Великого». (...) Еще будучи невестой, она уже успела насмотреться красивого молодого пажа своего жениха, Андрея Чернышева, который после свадьбы состоял уже в самых интимных отношениях с новобрачною. (...) Сильная натура Екатерины скоро поборола любовную скорбь сердца и потому скоро нашелся заместитель неверного Салтыкова в лице молодого польского графа Станислава Августа Понятовского (...). Жаждающая физической любви Екатерина скоро тесно сошлась с Понятовским и тот же самый Леонтий Нарышкин, служивший посредником в любовных отношениях Екатерины и Салтыкова, стал и теперь на этот же унижительный пост, у сестры которого [так! — Д. И.] встречалась по ночам эта блудница со своим польским селадомом. (...) Таким образом супруга наследника престола спустилась до любовницы преданного пьянству и шулерству артиллерийского лейтенанта, известного всему Петербургу за драки и скандалы на улицах. Скоро она познакомилась и с братьями Орлова: Иваном и Алексеем, такими же разнузданными шалопая-

¹² См., в частности, опыт обобщения обширного материала, предпринятый Г. М. Бонгардом-Левиным, который связывал блоковское «скифство» — через посредство Р. В. Иванова-Разумника, рассматривавшего «Двенадцать» и «Скифов» в одном смысловом ряду, — именно с Герценом, «для которого» «настоящий, истинный скиф — предвестник развала старого мира и торжества нового» (Бонгард-Левин 1993, 605; здесь же намечены возможности соотношения блоковско-разумниковского «скифства» с А. А. Григорьевым и с рядом произведений поэтов — современников Разумника и Блока, в том числе Бальмонта, Вяч. Иванова, Брюсова, Сологуба). Зависимость Иванова-Разумника и Блока от Герцена отмечалась и ранее, см.: Яценко 1921, 1; ср.: Якубович 1993, 795.

ми, как и Григорий, и их маленький домик на Морской стал вертепом для самых гнуснейших и противуестественных оргий. Известно, что ненасытная мессалина не удовлетворилась одним Григорием и потому его брат, Алексей, также имел счастье служить этой высокой особе.

(Степанов 1895, 4, 11, 18, 19)

Из многочисленных отзывов о Екатерине I процитируем суммарную характеристику из знаменитого труда А. И. Тургенева: «Екатерина была недостойна того высокого положения, на какое ее вознес каприз судьбы. (...) На троне она только показала свои низкие и грубые пороки. К счастью России, ее царствование не было продолжительно — она умерла 6-го (17-го) мая 1727 года» (Тургенев 1907, 1–2; впервые: Тургенев 1858, 2).

С Екатериной Второй Екатерину Последнюю, т. е. блоковскую *Катю*ку, сближают и некоторые мелочи, способные, впрочем, порождать новые ряды исторических ассоциаций: пристрастие к кружевам¹³ и шоколаду¹⁴; любопытно, что *Катю*ка Последняя «жрала» именно «шоколад “Миньон”»¹⁵ (Блок, 3, 352): это слово самым очевидным образом возвращает нас к теме придворного фаворитизма.

И с данной же темой, прямо затронутой в приведенной выше цитате из Герцена, связан в поэме Блока не названный прямо Таврический дворец, в котором 5 января 1918 года состоялось заседание Учредительного собрания и который был построен Екатериной II для светлейшего князя и ее фаворита Г. А. Потёмкина и подарен ему в 1787 году по случаю присоединения Крыма /

¹³ Фигурирующим, в частности, в некоторых анекдотах о Екатерине II; см., напр.: Львова 1880, 341. В царствование Второй, как, впрочем, и практически на всём протяжении XVIII века, кружева — устойчивый атрибут придворной моды, как женской, так и мужской; ими украшалась верхняя одежда, в частности, парадные платья и мундиры; были распространены кружевные манжеты, чулки, галстуки, сорочки, постельное бельё (см. об этом: Шапиро 2021, 212–257); у Блока речь идет о нижнем белье: «В кружевном белье ходила» (Блок, 3, 352).

¹⁴ Считается, что именно Екатерина II ввела в придворный обычай употребление шоколада, конечно не твердого, который получил распространение в России только во второй половине XIX века, а питьевого.

¹⁵ Не считаем существенным вопрос об авторстве этого стиха: важно не то, что первоначальный вариант («Юбкой улицу мела») Л. Д. Блок отвергла и предложила свой (Блок, 3, 627; Блок 2, 5, 129, 310, 374), а то, что Блок этот вариант принял.

Тавриды к Российской империи. Ср. именование Екатерины II «таврической Венерой» в письме Блока Андрею Белому от 12 декабря 1903 г.:

Я слышал, что Вас зовут в Петербург. Не ездите, милый, не переселяйтесь. Едва ли Вы хотите этого, впрочем. Мне очень хотелось бы хоть ненадолго убраться отсюда подобиру-поздорову, к Вам в Москву. А здесь не поладить ни с Медным Всадником, ни с Таврической Венерой.

(Блок 2001, 129)

Т. е. ни с одним из двух «гениев места». Любопытно, что Блок, не без некоторого раздражения, связывает здесь Екатерину II не с петербургским памятником ей, установленном в не столь уж далеком 1873 году, что было бы естественно и даже предсказуемо в связи с упоминанием о фальконетовском памятнике Петру I, и даже не только со статуей Венеры Таврической, подаренной Петру I Климентом XI¹⁶, но и именно с Таврическим дворцом (ср.: «назыв. <валась> Таврической, т. к. была в Таврическом дворце» [Библиотека, 2, 164]), который петербургская Венера построила для своего любовника и в котором, ко времени блоковского письма, статуи не было около полувека.¹⁷

От темы *Екатерининских* царственных любовных утех оставался — в пространстве уже не императорского Петербурга, а блоковского революционного Петрограда — лишь шаг к профессиональным *Каткиным*. Выясняется, что не только у делегатов Учредительного собрания, но «и у нас», т. е. у *Катки* с то-

¹⁶ Напомним, что статуя Венеры, привезённая в Петербург в 1721 году, была первоначально установлена в Летнем саду, где Петр-просветитель заставлял придворных целовать её, в 1801 году по распоряжению Александра I её перевезли в Таврический дворец, а через полвека переместили оттуда в Новый Эрмитаж; подробнее о ней см.: Леонтьев 1856.

¹⁷ О восприятии Блоком Венеры Таврической см.: Грякалова 2019, 99–102. Этой статуе Д. С. Мережковский посвятил первую книгу своего романа «Антихрист (Петр и Алексей)» (1904–1905), завершавшего трилогию «Христос и Антихрист» и, конечно, внимательно прочтённого Блоком (см. в частности: Блок, 5, 635; 6, 350, 393–395). Здесь тема «петербургской Венеры» была связана с маскарадами всешутейшего собора, с Петром I и Екатериной I, с судьбой петербургской России, символом которой и стала «Богиня Венус» (Мережковский, 4, 5–49), у Блока (возможно, не без полемического расчёта) обернувшаяся *Каткой*.

варками, «было собрание» «в этом здании», а от этого двойного *новое уложение* только шаг к петербургским собраниям комиссии по созданию Нового Уложения, начавшей свою деятельность в 1768 году по приказу императрицы Екатерины II. Напомним, что этот екатерининский сюжет, никогда не выходящий из поля зрения русских историков и политиков, приобрел более чем актуальное политическое значение уже во время подготовки Высочайшего Манифеста об учреждении Государственной Думы от 6 (19) августа 1905 года; ср. в проекте последнего, подготовленном Н. С. Таганцевым:

В разные эпохи многовекового прошлого России, русские Самодержцы не раз призывали Землю на совет в лице избранных ее представителей. (...) В XVIII столетии Императрица Екатерина II воскресила это древнее учреждение Московской Руси, собрав из выборных от всех сословий комиссию для составления нового уложения.

(Таганцев 1919, 43)

Но и шествие двенадцати в екатерининском контексте приобретает дополнительные исторические ассоциации — именно с коронационным маскарадом «Торжествующая Минерва», подробное описание которого, составленное, судя по имеющимся косвенным данным, М. М. Херасковым, было вполне доступно Блоку и могло его заинтересовать не только самой темой маскарада / маскарадности, исключительно важной для «Двенадцати», но и целым рядом частных подробностей.

В объявлении о маскараде, приложенном к основному тексту описания, в частности, выдвигается балаганно-кукольная тема, обсуждавшаяся в связи с «Двенадцатью» (Гаспаров 1994, 8–10): «(...) начнут (...) на сделанном на то театре, представлять народу разные игральщица, (...) комедии кукольные, гокус покус и разные телодвижения» (ТМ 1763, <1>¹⁸); в основном тексте эта тема связывается именно с шествием и именно с числом двенадцать — при том; что в данном случае шествие двенадцати оказывается не пешим, а конным, а вместо «винтовочек стальных» используются

¹⁸ В оригинале пагинация отсутствует; мы пользуемся экземпляром Музея книги РГБ, в котором проставлены карандашом номера листов (электронная копия: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003339999#?page=7>).

«гремушки»: «Театры с кукольщиками, по сторонам оных 12. человек на деревянных конях с гремушками» (ТМ 1763, <6>); в другом месте «12 человек» перемещаются уже на собственных ногах: «Два человека ведут быка (...), на нем сидящий человек (...) держит модель кругом вертящегося дома, пред ними 12 человек в шутковском платье с дудками и гремушками» (ТМ 1763, <6 об.>). С театром-балаганом соотнесена ещё более важная для Блока тема перевернутого мира, ср. хотя бы в «Стихах к большому Маскараду»: «В изображении своем превратной свет / Нам образ жизни несмысленных дает, / Которы напоясь невежества отравой, / Не так живут, как жить велит рассудок здравой» (ТМ 1783, <4>); ср. ещё «Хор ко превратному свету» (ТМ 1763, <12 об.>). В этом *образе жизни несмысленного* выделяются мотивы, ведущие к блоковской Катьке и её занятию: «Кто век свой волочась, превзойдет страсти меру / Увидит на конец развратную Венеру» (ТМ 1763, <5>); далее последняя появится в колеснице (ср. «летающих» на «лихаче» Катьку с Ванькой), причём не одна: «Колесница развращенной Венеры и Купидон, к коей прикованы мушины и женщины» (ТМ 1763, <10>); в херасковском описании возникает и тема бегства — от пороков, мечущих стрелы вслед бегущим от них: «Пред ними носятся тьмы горестей, тьмы бед, / И мщение течет с стрелами им вослед» (ТМ 1763, <5>); ср. у Блока убегающих от патруля Катьку с Ванькой, одержимого ревностью / местью Петруху с «винтовочкой», с неизбежной поправкой на пули вместо стрел.

Перекликаются «хлебная» и «витийственная» темы. Блоковскому «Хлеба! / Что впереди? / Проходи!» (Блок, 3, 349) соответствует маскарадный «ответ»: «Ты хочешь, чтобы свет работал и трудился, / И хлеб тебе давал, а ты бы веселился?» (ТМ 1763, <5>). Блоковский «вития» вещает о гибели России («А это кто? — Длинные волосы / И говорит вполголоса: / — Предатели! / — Погибла Россия! / Должно быть, писатель — / Вития...» [Блок, 3, 348]), в маскараде 1763 года обратная ситуация: «хор стихотворцев» сопровождает явление Астреи в «колеснице» «для золотого времени» (ТМ 1763, <10>), наступившего в Российской империи в момент интронизации Екатерины II. Явлению Астреи / Екатерины, спускающейся с небес на землю самым зримым образом, в «Двенадцати» соответствует *невидимый* Христос с *кровавым* флагом, образ которого завершает / оформляет тему исторической катастрофы (как бы она ни понималась) и ес-

ли и связан с идеей золотого века на земле, то неочевидным образом¹⁹.

В «высокий» план «Двенадцати» входит и тема «Святой Руси», в которую собираются «пальнуть пулей» и с которой неизбежно — парадоксальным образом — ассоциируется Катька. Екатерининская «Астрейя» — специфический субститут этой темы, но и «Святая Русь» обнаруживается в её языке (Екатерина II, 1, 176), а также в текстах, ей посвящённых, как комплиментарных (Богданович 1913, 114), так и оскорбительных, иронических и т. д., ср. хотя бы:

Ограниченные и надутые собой, вельможи эти хранили какое-то чувство собственного достоинства, любили матушку-императрицу и святую Русь. Екатерина II щадила их и снисходительно слушала их советы, не считая нужным исполнять их.

(Герцен, 7, 456)

Не обсуждаем здесь тот представляющийся самоочевидным факт, что, «Святая Русь» могла ассоциироваться и с другими монархами, в том числе с Петром I (см. хотя бы: Загоскин, 4, 205).

Все эти более или менее «тонкие» шоколадно-кружевные, «таврические», «уложенные», коронационно-маскарадные и иные детали / ассоциации приобретают некоторое значение не только и даже не столько сами по себе, даже взятые вместе (при всей своей выразительности и многочисленности), сколько в связи с основным сюжетом «Двенадцати», зеркально отражающим общеизвестный исторический: у Блока *Петруха* (со товарищи, разумеется) убивает *Катьку*, «переворачивая» общеизвестную ис-

¹⁹ Прибавим к этому сопоставимый характер отдельных особенностей «поэтики» / «стиля»: это не только явный, как в случае с ТМ 1763, или скрытый, как, видимо, обстоит дело в случае с «Двенадцатью» (красногвардейцы / апостолы), «барочный» аллегоризм, но и, например, использование, так сказать звукоподражаний или (в случае ТМ 1763) «зауми» (у Блока: «Тра-та-та!», «Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах! / (...) / Трах-тарарах!», «Трах-тарарах! (...) / Трах-тах-тах! / Трах-тах-тах...» [Блок, 3, 350, 353]; ср. четырежды повторенное «Тал лал ла ла ра ра» [ТМ 1763, <11 об.>]; ср. ещё: «За морем хам хам хам хам хам» и далее, а также «Шерин даберин лис тра фа (...)» и далее [ТМ 1763, <12 об. — 13>]).

торию убийства другого *Петрухи*, т. е. императора Петра III, теми «офицерами», с которыми «гулять ходила» Екатерина Алексеевна, ставшая то ли вольной, то ли невольной, но в любом случае основной причиной его смерти.

История *Катьки* и *Петрухи* «поддерживается» историей *Катьки* и *Ваньки*, которому в пространстве историко-династического «фона» «Двенадцати» соответствует Иоанн III / VI Антонович, ещё одна жертва екатерининского царствования, причём, как и в случае с Петром III, породившая слухи о, так сказать, жизни после смерти — о чудесном спасении / продлении жизни, что в какой-то мере «объясняет» саму возможность «существования» их обоих далеко за пределами их времени, например в блоковском Петербурге / Петрограде. Как известно, после смерти и Петра III, и Ивана Антоновича появились самозванцы, выдававшие себя за них, самым известным из которых был, конечно, Емельян Пугачёв, тема которого многократно отозвалась в искусстве революционно-пореволюционной эпохи, временами выдвигаясь в первый ряд. Так, она привлекла внимание С. А. Есенина, В. В. Хлебникова, В. В. Маяковского, В. В. Каменского, М. И. Цветаевой и др.; см. также: Цыганков, Оболевич 2017²⁰. О феномене самозванчества, в частности: Успенский 1996, 1, 145, 148–151. Разумеется, этот феномен обсуждался не только в связи с Петром III, но и с Петром I, причем как при жизни императора (толки о подмененном царе), так и после его смерти, и переплеталась с темой антихриста (Соловьев, 3, 1369–1373; 4, 869–870; Ключевский, 2, 281–284). Наконец, Пугачёв мог и прямо связываться с Петром I, а оба они — с «народной душой», ср.:

Петр и Пугачев — две стороны русского духа, противоположные, но, — пускай не покажется странным, — мистически родственные. Нашедший свой стержень Пугачев — это и есть Петр. (...) У обоих сила. Одна организующая, другая распыляющая. У одной плюс, у другой минус. Но цифры те же. Пугачев 1775 [так! — Д. И.] года был — силой. Пугачев 1918–1922-го — тоже. (...) С момента революции мог начать бороться в русской душе Петр с Пугачевым. Но между ног вертелся хлибкий, тщедушный книж-

²⁰ Ср. замечание З. Г. Минц о том, что у Блока уже в 1907–1908 годах пушкинские Пугачёв и буран («Капитанская дочка») оказываются «единицами символами стихии», как природной, так и народной (Минц 1973, 207).

ник и интеллигент с интернационалом под мышкой и с поправкой к голосованию (...).

Рухнул Петр. Тяжкую, неизбывную драму изживает сейчас страна — наша мать, наша родина. Одурманенный, усталый и темный ее же сын насилует ее. «Нет повести горшея на свете». Обнажим голову. Один из периодов нашей истории почил в крови, в слезах, стыд одних и мелкой, ничтожной слепоте других.

Пройдут года, скорей десятилетия, и Петр с Пугачевым снова сцепятся в народной душе. Разумеется, победит жизнь, воля к бытию, а не распыление.

(Оцуп 1922, 10–11, 14)

Ср. ещё попытку связать блоковского Христа с самозванчеством:

Поэт здесь не солгал, он видел, как видел и раньше — сначала Прекрасную Даму, потом оказавшуюся Снежной Маской, Незнакомкой, вообще совершенно двусмысленным и даже темным существом (...). И теперь он кого-то видел, только, конечно, не Того, Кого он назвал, но обезьяну, самозванца, который во всем старается походить на оригинал и отличается какой-нибудь одной буквой в имени, как у гоголевской панночки есть внутри лишь одно темное пятно. И заметьте, что это явление “снежного Иисуса” не радуется, а пугает.

(Булгаков 1993, 2, 597)

Один из вариантов «спасения» / «выживания» исторического *Ваньки* — в заточении, на воде и хлебе, в постоянном недоедании (см. сводку данных по теме т. н. «кексгольмского узника»: Семевский 1879, 506–511), что в блоковском петербургском зазеркалье дает «кабак», в котором проводят время «Катка с Ванькой», как своего рода inferнальную компенсацию. «Теперь» *Ванька* «богат», а некогда был не просто беден: согласно высочайшему указу еще от 31 декабря 1741 года, население Российской империи должно было сдавать властям все монеты с именем Иоанна Антоновича (подробнее: Бильбасов, 1, 190–191). Но и *Катка* в каком-то смысле богата: если *катенек* / *каторинок* у нее, естественно предположить, нет, то все же «у ей керенки есть в чулке».

Другой вариант судьбы Иоанна Антоновича зафиксирован в написанной и изданной незадолго до начала времени правления Пе-

тра III повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759): в Венеции *во время карнавала* главный герой встречается человека *в маске*, который сообщает о себе нечто крайне любопытное именно в занимающем нас сейчас контексте:

Un jeune homme qui était auprès d'Achmet parla après lui, et dit: Je m'appelle Ivan: J'ai été Empereur de toutes les Russies; j'ai été détrôné au berceau: mon père et ma mère ont été enfermés; on m'a élevé en prison; j'ai quelquefois la permission de voyager, accompagné de ceux qui me gardent; et je suis venu passer le Carnaval à Venise.

(Voltaire 1759, 202–203)

В современном Блоку переводе:

Молодой человек возле Ахмета сказал:

— Меня зовут Иван; я был императором в России; еще в колыбели я был лишен престола; мой отец и моя мать были заключены; меня воспитали в тюрьме; иногда меня отпускают путешествовать, под присмотром оберегающих меня, и я приехал провести карнавал в Венеции.

(Вольтер 1909, 133–134)

Имя Вольтера возвращает нас к имени Екатерины II, во всяком случае, в рамках представлений Блока о культурной истории её царствования, ср. в его конспекте книги А. И. Незеленова «Литературные направления в Екатерининскую эпоху» (СПб., 1899): «Екатерина благоговела перед Вольтером всю жизнь, считая его величайшим писателем прошедших и будущих времен» (Владимирова 1981, 63). О том, как Вольтер воспринимал политические контексты жизни и смерти Иоанна Антоновича, полагая одно время, что последний может отобрать трон у Екатерины II, см. в частности: Бильбасов, 2, 404.

А тема венецианского карнавала возвращает нас к Блоку с его «Балаганчиком» и «Незнакомкой», всегда считавшихся неотъемлемым фоном «Двенадцати».

Ревность блоковского *Петрухи* также слегка подсвечивается давней историей: после смерти Петра III (в каких-то сегментах народного династического мифа оставшегося, повторим, в живых) обсуждался брак Екатерины II «(...) с одним из Иванушкиных братьев» (Бильбасов 1908, 21), а вместе с тем (в обоих

случаях непонятно, насколько широко) и возможный брак Екатерины с самим Иоанном Антоновичем; именно этим обстоятельством С. М. Соловьев объяснял её желание увидеть царственного узника:

При личном свидании своем с Иваном, Екатерина убедилась, как нелепы были толки людей, не видавших Ивана и думавших, что Екатерина может скрепить свои права на престол, выйдя замуж за правнука царя Иоанна Алексеевича. Иван был отвезен обратно в Шлюссельбург в прежнее помещение, приготовленное было для Петра III.

(Соловьев, 5, 1374)

Ср. ещё:

К графу Григорию Григ.<орьевичу> Орлову явился капитан Московского драгунского полка Побединский с известием о существовании партии, которая считает между своими членами Ив.<ана> Ив.<ановича> Шувалова и которая хочет возвести на престол Ивана Антоновича; что он, Побединский, слышал об этом от поручика Петра Чихачева, а Чихачев — от капитан-поручика Измайловского полка Ивана Гурьева. Орлов сказал, чтоб Побединский с товарищами без боязни вступали в это дело для подробнейшего разведывания. Вследствие этого разведывания, несколько офицеров были допрошены и показали: Семеновского полка подпоручик Вепрейский показал, что сержант Лев Толстой, до коронации дней за семь, сказывал ему, что он слышал от поручика Семена Гурьева, будто собирается партия, к которой и Толстой от Гурьева приглашен. Толстой сказывал Вепрейскому, что послан Лихарев за принцем Иваном; что Семен Гурьев приглашен Александром Гурьевым, знает о том Ив. Ив. Шувалов, князь Иван Голицын, да нет ли тут Измайловых также. В день коронации Вепрейский рассказал об этом Димитрию Измайлову и предлагал на другой день ехать и объявить Григ.<орию> Григ.<орьевичу> Орлову; но Измайлов сказал, что не с чем ехать, — все это вранье, и если оговоренные запрутся, то доносчикам придется терпеть истязание. Измайловского полка капитан-поручик Иван Гурьев на допросе показал: говорил Петру Чихачеву, что Иван Шувалов и с ним четыре знатные особы, а прочих до 70 человек в согласии, чтоб быть государем Ивану Антоновичу; только скоро делать это-

го нельзя, потому что солдаты любят государыню, а со временем может быть великое кровопролитие; с Шуваловым называли и князя Никиту Трубецкого.

(Соловьев, 5, 1375–1376)

Итак, два (царственных) живых трупа, явились неузнанными и неузнаваемыми в Петрограде в момент гибели петербургской / петроградской цивилизации, и один приревновал уже не Таврическую Венеру, а даже не офицерскую, а солдатскую *Каллипигу Невского проспекта* (Иванов-Разумник 1919, 128) к другому и убил её в припадке ревности: невидимая фантасмагорическая развязка опрокинутой в грязь революционной современности российской / немецкой династической истории, в перспективе специфической эсхатологии сопровождающаяся выходом «Исуса Христа» в облике, отсылающем уже не только (может быть, и не столько) к XVIII, но и к еще большей архаике, к «смутному» XVII веку, и не к *завершённой* истории империи, а к «литературе» её предиссии и её контекстам.

Именно в этом смысловом пространстве раскрывается смысл «венчика из роз»: ср. заглавие книги Антония Радивиловского «Венец Христов, з проповедей неделных, аки з цветов рожаных, на украшение православно-кафолической святой восточной церкви, сплетенный (...)» (Радивиловский 1688), посвященной и позднее пересланной царям Петру и Иоанну Алексеевичам и царевне Софье Алексеевне (Шляпкин 1891, 128). Этот сплетенный из роз венец Христа обсуждался, в частности, в хорошо известном Блоку труде А. Д. Галахова:

Венец Христов, из проповедей недельных, аки из цветов рожаных сплетенный», славою словес венчает Христа, царя славы:

Цветами словес Царя Бога Слова
Глава да будет венчанна Христова.

Этим двустушием объясняется название сборника. Почему венец сплетен из цветов рожаных? «Как роза разгоняет и вычищает в человеке злые гуморы (...), так евангельские словеса разгоняют грехи и чинят душу чистою». Сборник посвящен венцу доброты, Гос-

поду Создателю: «Сии проповеди за венец триумфальный Тебе, как победителю и триумфатору, приписую, ибо все дни недели (воскресенья) в году выражают Твою победу над диаволом, смертью и грехом.

(Галахов, 1, 1, 363)

Напомним, что книга Галахова была в библиотеке Блока и испещрена пометами (преимущественно подчеркиваниями в тексте и отчеркиваниями на полях), в какой-то части, видимо, сделанными им (Библиотека, 1, 163–190; о Радивилковском см. в частности: Марковский 1894; см. также: Чижевский, 3, 6; Крекотень 1983; Бартолини 2017). Прибавим к этому, что в «Венце Христовом» венок из роз соотнесен не только с подразумеваемым терновым венцом, но и с «лилейным» (атрибут Девы Марии), и вся конструкция вполне укладывалась не только в ортодоксальную (с учётом специфики католического культа Девы Марии, оказавшего сильное влияние на «восточнославянское барокко»), но вместе с тем и в актуальную для Блока розенкрейцерскую парадигму, на которую в его сознании могла накладываться дантовская (ср. в т. ч.: Микелис 2018, 160).

В момент явления гостя из «барочного» / розенкрейцерского гнозиса должно было потерять свое значение если не историческое время как таковое («Исус Христос» не останавливает процессию / время, а движется впереди нее), то во всяком случае его прежние образы и смыслы, «маски» и «карнавалы», символы, эмблемы и сюжеты, всё ещё напоминающие о себе, но уже необязательным образом («память труп»), и потому их «прояснение» хотя бы до уровня, намеченного в данной заметке, может и даже должно показаться избыточным.

Проблема только в том, что в точке длящейся исторической катастрофы прошлое не сразу *сворачивается как свиток*, а перемещается на периферию еще активного сознания, которое стремится осмыслить происходящее в его «новом» обличье, но при этом неизбежно — как основу собственной неотменяемой, пусть и, быть может, переживающей «метаморфозу» (Блок, 6, 69–70, 84), идентичности — сохраняет в сколь угодно свернутом виде разрушаемые катастрофой «старые» механизмы историко-культурных ассоциаций. Так торжественная петербургская ода в перевернутом мире революции оборачивается «набором (...) частушек», «солдатской частушкой», «гнусной и бесстыдной частушкой»,

самое большое «монументальной драматической частушкой» (Блок 2, 5, 319, 359, 364, 371), и при этом напоминает о себе уже самим фактом своей неуместности / невозможности *здесь и сейчас*, в поэме, написанной *слушающим революцию* поэтом и, в силу стечения обстоятельств, знатоком литературы и истории ненавистной ему «своей» и рухнувшей на его глазах цивилизации «старого мира» императорской России, которую он уподобляет «безродному псу» (Блок 2, 5, 17). В этом «старом мире» все было основано на иерархии, замыкавшейся на династическую историю, и как только это основание оказалось упразднено, «мир» стал «безродным», т. е. лишился всего, что было с нею связано, утратил единство и неизбежно рассыпался на *Катек*, *Ванек*, *Петрух* и прочих, в нём не нуждающихся, но продолжал жить в сознании поэта хотя бы и в оболочке ненависти. Ср.:

Ненависть к прошлому и в особенности к прошлому старой России стала его сильнейшим чувством. (...) Начиная с 1918 года он находил для старой России лишь самые злые, самые несправедливые, самые убийственные слова (...). Глубину своей ненависти он сознавал. Однажды, гуляя по городу с писателем Замятиним, он сказал: «Ненавидящая любовь — это, пожалуй, точнее всего, если говорить о России, о моем отношении к ней». В этой ненавидящей любви — объяснение того, почему любые попытки спасти хоть крохи от старой России он считал убийством, а в любой попытке большевизма уничтожить прошлое ему виделось сотворение мира.

(Степун 2012, 447)

Некоторую дополнительную остроту ситуации придаёт тот факт, что Блок мог восприниматься как поэт, не только принадлежащий к этой цивилизации, но и выразивший её и даже ставший одним из её символов. Ср. в позднейшем дневнике Н. В. Устрялова (1890–1937):

24 июня 1936 г.

Империя. Растрелли, Кваренги, Камерон. «На ловлю счастья и чинов...»

Но — обаятельная власть времени! Это — *наше* прошлое, это *наше* достояние, это наши ценности, это составная часть внутреннего нашего мира, нас самих.

Интернационал мировых ценностей? Автобиография Всечеловечества?..

Царское Село, Павловск. Интернационал мировых ценностей в переплете русской истории. Или, вернее, наоборот? Русская история в переплете всечеловеческого формата. Екатерининский дворец с Елизаветинскими флюидами, с реминисценциями второй Екатерины. Царскосельский лицей — школьный дворец императора русской литературы. Парк, где Марья Ивановна Миронова встретила полную даму с собачкой.

Александровский дворец — форма расцвета и содержание упадка. Веселый век Екатерины, дни Александровы и вкус Кваренги — и ужасная печать Распутина, скудоумие и убоговкусие последнего царя, буржуазная пошлятина, овеванная и усложненная исторической трагедией. Петербург, «Петербургский период русской истории». Павловск — буйная зелень, овраг, парк с очаровательными липами и величавым проспектом. Дворец Камерона и Бренна, — какое благородство линий! Памятник Павлу — «основателю Павловска». «Коронованный Богом капрал».

Тоже — флюиды и реминисценции, несмотря на мотивчики радио, несущиеся из бокового дворцового крыла, несмотря на все эти клюквенные квасы и «эскимо».

Да, слетел ореол недоступности с этих запретных мест, и, может быть, еще не установилось последнее историческое равновесие: недоступность Олимпа должна превратиться в неприкосновенность музея. Строгий, стройный вид должен утвердиться и пребыть: в веках.

Хочется еще и еще любоваться этим единственным городом, упиться его неповторимостью — от Петра Великого до Ленина, от Державина до Блока. (...)

25 июня 1936 г.

Последний день в Ленинграде — под неумолимой атакой флюид русской истории — от Петра Великого до Ленина — и русской культуры — от Державина до Блока. (...)

26 июня 1936 г.

Вчера побывал в Петергофе. Ослепительная роскошь этих бьющих фонтанов, прекрасно реставрированных революцией. Соленый воздух моря. Благородная роскошь Большого Дворца. Волнующие детали Петровского Монплезира: кафтан великого царя, его кровать, посуда, картины. Неподалеку тут же — ботик, дедушка русского флота.

(Устрялов 1998, 39–40)

Не обсуждая здесь ни политическую позицию Устрялова, ни особенности его представлений о русской истории и культуре, зафиксируем основные детали той картины, в которую он вписывает Блока. Топонимы: Петербург / Ленинград, Царское Село, Павловск, Петергоф. Дворцы: Екатерининский (Большой Царскосельский), Александровский (Новый Царскосельский), Павловский, Большой Петергофский, Монплеизир и приравненный к ним Александровский лицей. Поэты: Державин, Пушкин, Лермонтов, возможно Достоевский и В. С. Соловьев (неназванные идеологи русского «всечеловечества»), наконец Блок, соотносённый с Державиным, как последний великий поэт с первым²¹. Правители: Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай II, Ленин.

Прибавим к этому, что тема восприятия династии Романовых в литературе «серебряного века» вряд ли может считаться достаточно исследованной. Во всяком случае, очевидно, что на противоположном от Блока смысловом полюсе могло возникать умонастроение, позволявшее, например, связать одну из русских императриц с темой мистической встречи, столь важной и для Блока, и «серебряного века» в целом. Ср. в заметке Сологуба «Елисавета» (1905):

И освобождается непостижимый Лик. Тихие глаза смотрят, видят, не видят, грустною и радостною, жестокою и нежною забавляясь игрою. Смотрит, и говорит: Это Я.

В неизменном утверждении говорит: Это — Я.

И зеркало отвращает изображение и хочет сделать его достигающим, стремящимся, чтобы порадовать Становящегося. Но дивный Лик побеждает, — в надмирном самоутверждении, нежно и жестоко ломая алую розу, Она повторяет:

— И это все Я.

Этот портрет писал Монье, художник превосходный и малоизвестный. Один из многих, кому является дивный Лик в Жизни и в Мечтаниях. Один из малого числа тех, кому удалось Это сделать в Искусстве.

Портрет Императрицы Елисаветы Алексеевны долго стоял на выставке в Таврическом Дворце. Вместе с несколькими другими, очень хорошими портретами, написанными им же. Но для меня

²¹ Прочитированный Устряловым Н. Я. Агнiewicz, конечно, в этот ряд им не включается.

и эти портреты, и вся выставка казались далекими, когда я смотрел на дивный... для Меня... Лик Елисаветы. Я предчувствовал ее. И если она придет, я ее узнаю.
(Сологуб, 10, 131–132; Сологуб 2, 2, 490)²²

Вряд ли нужно доказывать специально, что подобному типу восприятия правившей династии в целом или даже отдельных представителей рода Романовых не мог вызывать сочувствия Блок, и всего менее во время его работы над «Двенадцатью». А естественным образом возникающий вопрос о том, какое место в его сознании занимал в это время Сологуб, заслуживает отдельного рассмотрения.

Литература

Альтшуллер 1982 — *Альтшуллер М. Г.* Массонские мотивы «второго тома» (Университетские штудии А. А. Блока и их отражение в лирике 1904–1905 годов) // *Revue des études slaves*. Т. 54. Ф. 4. 1982. Р. 591–607.

Бартолини 2017 — *Бартолини М. Г.* «Коль добро и коль красно Христа ради умирати». Дискурс мученичества в украинской гомилетике второй половине XVII патристические образы и источники // *Europa Orientalis*. № 36. 2017. Р. 193–208.

Безродный 1986 — *Безродный М. В.* Из комментария к поэме Блока «Двенадцать»: имя героини // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. 1986. Вып. 735: А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник VII. С. 76–81.

Белый 1934 — *Белый А.* Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л., 1934.

Библиотека — Библиотека А. А. Блока. Описание / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Кн. 1–3. Л., 1984–1986.

Бильбасов — *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Т. 1–2. Берлин, 1900.

Бильбасов 1908 — *Бильбасов В. А.* Иоанн Антонович и Миревич. М., 1908.

²² Существенно иную, но всё же отчасти пересекающуюся с данной и не менее патетическую трактовку образа императрицы Елизаветы Алексеевны см.: Мережковский 1910, 169–182.

- Блок — Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л., 1960–1963.
- Блок 2 — Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 1997 — .
- Блок 1921 — Последние дни императорской власти. По подлинным документам составил Александр Блок. Пб., 1921.
- Блок 1928 — Дневник Ал.<ександра> Блока. 1917–1921 / Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928.
- Блок 1963 — Блок А. А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965.
- Блок 2001 — Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М., 2001.
- Богданович 1913 — <Богданович Е. В.> Трехсотлетие державному дому Романовых. 1613–1913. СПб., 1913.
- Богомолов 1999 — Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999.
- Бонгард-Левин 1993 — Бонгард-Левин Г. М. Блок и индийская культура // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 5. М., 1993. С. 589–632.
- Булгаков 1993 — Булгаков С. Н. Соч. : в 2 т. М., 1993.
- Владимирова 1981 — Владимирова И. [Душечкина И. В.], Григорьев М. [Альтишллер М. Г.], Кумпан К. А. А. Блок и русская культура XVIII века // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1981. Вып. 535: Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник IV. С. 27–115.²³
- Волошин 1919 — Волошин М. А. Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург // Камена. Журнал поэзии. Кн. 2. Харьков, 1919. С. 10–28.
- Вольтер 1909 — Вольтер. Кандид или Оптимизм. Роман. Перевод с немецкого сочинения доктора Ральфа. С добавлениями, найденными в кармане доктора, когда он умер в Миндене в 1759 году по Р. Х. Перевод Федора Сологуба. СПб., 1909.
- Галахов — Галахов А. Д. История русской словесности древней и новой. Т. 1–2 / 2-е изд. с переменаи. СПб., 1880.
- Гаспаров 1977 — Гаспаров Б. М. Поэма А. Блока «Двенадцать» и некоторые проблемы карнавализации в искусстве начала XX века // Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University. Vol. 1. 1977. С. 109–131.
- Гаспаров 1994 — Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994.

²³ Псевдонимы соавторов раскрыты в указателе содержания изданий кафедры русской литературы Тартуского университета (1990–2004) (см.: <http://www.ruthenia.ru/document/437759.html#50.3>).

Герцен — *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем : в 8 т. / Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1915–1917.

Глинка 1957 — *Глинка Ф. Н.* Избранные произведения. Л., 1957

Грякалова 2019 — *Грякалова Н. Ю.* «И мнилась мне Российская Венера...»: к источникам и интерпретации одного блоковского образа (по материалам библиотеки А. А. Блока) // Русская литература. 2019. № 4. С. 95–102.

Загоскин — *Загоскин М. Н.* Соч. : в 7 т. СПб., 1889.

Зицер 2008 — *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008.

Иванов-Разумник 1918 — *Иванов-Разумник <Р. В.>* Испытание в грозе и буре // Наш путь. 1918. № 1. С. 131–158.

Иванов-Разумник 1919 — *Иванов-Разумник Р. В.* Александр Блок. Андрей Белый. Пб., 1919.

Ивинский 2009 — *Ивинский Д. П.* «Незнакомка» и «Двенадцать» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2009. Вып. 2 (16). С. 47–48.

Ключевский — *Ключевский В. О.* Лекции по русской истории : в 3 ч. М., 1902.

Колоницкий 2010 — *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

Крекотень 1983 — *Крекотень В. И.* Оповідання Антонія Радивилівського. З історії української новелістики. Київ, 1983.

Леонтьев 1856 — *Леонтьев П. М.* Венера Таврическая // Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Кн. 1. Второе изд. М., 1856. С. 125–134.

ЛжР 2006 — Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград: 1917–1920. М., 2006.

Львова 1880 — Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елисаветы Николаевны Львовой // Русская старина. 1880. № 6. С. 337–356.

Марковский 1894 — *Марковский М. Н.* Антоний Радивилевский, южно-русский проповедник XVII в. (Опыт историко-литературного исследования его сочинений и обзор звуковых и формальных особенностей его языка). С приложением неизданных проповедей из рукописей «Огородка» и «Венца». Киев, 1894–1895.

Мережковский — *Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч. : в 24 т. М., 1914.

Мережковский 1910 — *Мережковский Д. С.* Больная Россия. СПб., 1910.

Микелис 2018 — *Микелис Ч. Дж. де. «Двенадцать»* Блока между Россией и Италией // *Studi Slavistici*. 2018. V. 15. № 1. P. 153–164.

Милюков 1991 — *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991.

Минц 1973 — *Минц З. Г.* Блок и Пушкин // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1973. Вып. 306: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. XXI. С. 135–296.

Окунев 1918 — Каждый день. Наблюдения Як:<ова> Окунева // Петроградское эхо. 1918. № 3. 5 янв. Вечерний выпуск. С. 2.

Оцуп 1922 — *Горный С. <Оцуп А. А.>*. Пугачев или Петр? Душа народа. Берлин, 1922.

Панегирическая литература 1979 — Панегирическая литература петровского времени / Изд. подгот. В. П. Гребенюк; под ред. О. А. Державиной. М., 1979.

Перцов П. Ранний Блок. М., 1922.

Радивилловский 1688 — Венец Христов, з проповедий неделных аки з Цветов Рожаных на украшение Православно-кафолической Святой Восточной Церкви сплетеныи, или Казаня неделнии на Венец всего Лета, з Писма Святого, и з Розных Учителей, на ползу душевную Православных, собранный. Киев, 1688 год.

Ремизов 1981 — Воспоминания А. М. Ремизова о Блоке / Публ. Н. А. Кайдаловой и Н. Н. Примочкиной // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981. С. 129–142.

Рычков 2015 — *Рычков А. Л.* Идеи Николая Новикова в жителстворчестве Александра Блока и его литературного окружения // Россия и гнозис : Труды Международной научной конференции «Судьбы религиозно-философских исканий Николая Новикова и его круга» в ВГБИЛ им. М. И. Рудомино 15–17.10.2012 г. Т. 2. СПб., 2015. С. 176–203.

Рычков, Лотарева, Халтурин 2012 — *Рычков А. Л., Лотарева Д. Д., Халтурин Ю. Л.* От Болотова к Новикову. Заметки об университетском сочинении А. А. Блока // Утренний свет Николая Новикова. М., 2012. С. 271–317.

Семевский 1879 — <*Семевский М. И.*> Император Иоанн Антонович: Исторический очерк по новым материалам. 1740–1764. Русская старина. 1879. Т. 24. С. 497–508; Т. 25. С. 291–306, 493–514.

Слободнюк 1998 — *Слободнюк С. Л.* «Дьяволы» «серебряного» века (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.). СПб., 1998.

Соловьев — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. / 2-е изд. Кн. 1–6. СПб., <1895–1896>.

- Сологуб — Сологуб Ф. К. Собр. соч. : в 12 т. СПб., 1909–1912.
- Сологуб 2 — Сологуб Ф. К. Собр. соч. : в 8 т. М., 2001–2003.
- Степанов 1895 — Степанов А. В. Екатерина II: ее происхождение, интимная жизнь и политика. Лондон, 1895.
- Степун 2012 — Степун Ф. А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. СПб., 2012.
- Таганцев 1919 — Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919.
- Топоров 1979 — Топоров В. Н. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина). М., 1979. С. 141–149.
- Топоров 2003 — Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.
- Труворов 1893 — Труворов А. Н. Коронация императрицы Екатерины Второй // Русская старина. 1893. № 12. С. 487–496.
- Тургенев 1858 — La Cour de la Russie il y a cent ans 1725–1783. Extraits des Dépêches des Ambassadeurs Anglais et Français. Berlin, 1858.
- Тургенев 1907 — Русский двор сто лет тому назад. (La Cour de la Russie il y a cent ans) 1725–1783. По донесениям английских и французских посланников. Первый русский перевод с берлинского издания. СПб., 1907.
- Усенко 2005 — Усенко О. Г. Сумасброднейший собор // Родина. 2005. № 2. С. 61–67.
- Успенский 1996 — Успенский Б. А. Избранные труды : в 2 т. / 2-е изд. М., 1996.
- Устрялов 1998 — «Служить родине приходится костями...»: Дневник Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. / Публ. И. Кондаковой // Источник. 1998. № 5–6. С. 3–100.
- Философов 1918 — Философов Д. <В.> Праздничная прогулка // Наш век. 1918. № 1. С. 1.
- Цыганков, Оболевич 2017 — Цыганков А. С., Оболевич Т. С. А. Франк о Пугачеве как символе русской революции // Философский журнал. 2017. № 4. С. 59–71.
- Черепнин 1967 — Черепнин Л. В. Александр Блок и история // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 37–59.
- Чижевский — Чижевський Д. Український літературний барок. Ч. 1–3. Прага, 1941–1944.
- Шапиро 2021 — Шапиро Б. Русский всадник в парадигме власти. М., 2021.

Шляпкин 1891 — Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). Исследование И. А. Шляпкина. СПб., 1891 (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 24).

Щербатов 1858 — <<>О повреждении нравов в России<>> князя М. Щербатова и <<>Путешествие<>> А. Радищева с предисловием Искандера. London, 1858.

Якубович 1994 — Блок в критике современников (аннотированная библиографическая хроника: 1902–1921) / Сост. В. И. Якубович при участии Н. Г. Захаренко, В. В. Серебряковой и Л. С. Шепелевой // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 5. М., 1993. С. 633–826.

Яценко 1921 — Яценко А. С. Русская политическая литература за границей // Русская книга. Берлин, 1921. № 6. С. 1–10.

Voltaire 1759 — *Candide, ou L'optimisme, traduit de l'allemand de M. <onsieur> le docteur Ralph. <Paris,> 1759.*

2. «ДВЕНАДЦАТЬ» И Ф. К. СОЛОГУБ: «ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА» И «КРЕЩЕНЬЕ ГРЯЗЬЮ»

В ряду «фоновых» персонажей «Двенадцати» фигурирует поэт:

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

(Блок 2, 5, 7)

Этот «портрет» вряд ли рассчитан на точную идентификацию: мало ли было в ту или иную эпоху, в т. ч. в начале января 1918 года, длинноволосых, рассуждавших вполголоса или как-нибудь еще, и не только устно, но и письменно — печатно, о гибели России... Обсуждать, кажется, нечего. В таких случаях часто говорят о «собирательном образе», иногда отдавая себе отчёт в том, что эта «собираемость», в сущности, ничего не значит: в ходе попы-

ток установить «прототип» обычно выясняется, что одни детали противоречат другим, и при этом и те, и другие настолько неопределённые, что могут быть отнесены к множеству реальных лиц и при этом никогда точно не известно, какие из них были действительно взяты от кого-то из них, какие придуманы без всякой мысли о ком бы то ни было²⁴, что именно было при этом подправлено, перепутано или опущено за маловажностью или с художественным, политическим, каким-нибудь иным расчётом.

И в нашем случае все это тем более очевидно, что появление «витии» предваряется вопросом «А это кто?», следовательно «вития» не знаком автору данного вопроса, да и в качестве «витии» / «писателя» опознается лишь предположительно («должно быть»).

Черновик прибавляет к «портрету» упоминание о головном уборе и прочтенное предположительно именование «писателя» «пророком»:

А это кто? — Длинные волосы
Котелок
И говорит вполголоса:
— Ох, погибла Россия, Создатель!
Должно быть писатель,
Вития —
Врет, как пророк <?>.
(Блок 2, 5, 121)

И опять самой естественной реакцией на любые попытки поисков «прототипа» будет недоумение: мало ли кто (пусть и в морозном январе) ходит в котелке.

И всё же, не сбрасывая со счетов всё сказанное о тщете подобных упражнений, попробуем обсудить то небольшое, что нам сообщено об этом «витии»: во-первых, такое обсуждение может вывести нас на темы, затрагивающие уже не только детали образов персонажей фона, но и глубокие смыслы «Двенадцати»; во-вто-

²⁴ Ср., напр.: «Трудно с полной определённостью сказать, кого имел в виду Блок (...). По нашему мнению, здесь присутствуют некоторые портретные черты Георгия Чулкова, писавшего в статьях тех дней о гибели России. Но, разумеется, это и собирательный портрет писателей и публицистов тех лет, в которых мог узнать себя не один Чулков, но, например, и Вяч. Иванов, опубликовавший на страницах "Народоправства" цикла стихов "Песни смутного времени"» (Иванова 2018, 37).

рых, у нас нет оснований считать, что в сколь угодно «собирательном» образе не могут быть скрыты указания на кого-то из тех поэтов, с которыми Блок был знаком и которые не приняли «красную» революцию и заявили о «гибели России». При этом мы вправе исходить из того, что эти или этот кто-то не был для Блока фигурой малозначительной: только в этом случае он мог быть как-то выделен из «собирательности».

Начнем с манеры «витии» говорить «вполголоса»: в литературном окружении Блока это была вполне узнаваемая манера:

У Мережковских говорили громко, у Сологуба — вполголоса; у Мережковских спорили о церкви взволнованно и даже запальчиво, у Сологуба — рассуждали о стихах с бесстрашием мастеров и знатоков поэтического ремесла

(Чулков 1930, 146)

Насколько нам известно, как кандидат на роль блоковского «витии» Сологуб никогда не рассматривался — и, вполне вероятно, неслучайно: у «витии» и в черновике, и в беловике «длинные волосы», Сологуб же был если не совершенно лыс, то во всяком случае всегда очень коротко остригал волосы на висках и затылке, не затронутых лысиной, а иногда и брил голову наголо.

К сожалению, данное обстоятельство, как будто самым выразительным образом компрометирующее наметившуюся «сологубовскую» тему, не позволяет нам её отбросить, упростив тем самым ситуацию. И дело даже не в том, что мы не можем исключить соприсутствие с Сологубом в обсуждаемом фрагменте «Двенадцати» какого-нибудь другого — длинноволосого — поэта, о котором по каким-то причинам мог вспомнить Блок. И не только в том, что он создавал не адресную эпиграмму, а текст, претендовавший на обобщение, и уже по этой причине (а вместе с тем и потому, что не собиравшись открыто иронизировать над Сологубом, с которым для этого был слишком давно и хорошо знаком и которого всегда воспринимал, при всех возможных оговорках, как одного из крупнейших поэтов современности²⁵) мог или даже должен был завуалировать свой антисологубовский выпад, а проще

²⁵ Ср. надписи Блока на книгах, подаренных им Сологубу (Издания, 1, 64–65), статью Блока «Творчество Федора Сологуба» (1907) (Блок, 5, 160–163); см. также: Михайлова 2011.

всего это было сделать, заменив одну общеизвестную деталь его внешнего облика на другую, прямо противоположную. Дело еще и в том, что «длинные волосы» — почти обязательный атрибут *литературного* образа поэта, ср.:

Вдохновенно он стоял у колонны, как рисуют «поэтов»: длинные волосы, испитой, измученные брови, все, как с карточки Надсон, и очень пьющий, как мне потом сказали, и очень бедно одетый, что я сразу заметил, и мне в моем смокинге стало стыдно

(Ремизов, 8, 317)

Так Ремизов (один из многих) зафиксировал эту традицию изображения «поэтов», причём именно «длинные волосы» поставил на первое место в своём перечне; обратим внимание и на упоминание о Надсоне, свидетельствующее о том, что речь идёт именно о том времени, когда популярность Надсона ещё не забылась. Теперь обратимся к тексту сологубовской «Творимой легенды», хорошо известной Блоку:

Открылась дверь. Вошел гость, князь Эммануил Осипович Давидов, знаменитый писатель, мечтательный проповедник, человек знатного рода и демократических воззрений, любимый многими, обладающий тайною удивительного обаяния, влекущего к нему сердца. Лицо очень смуглое, явственно нерусского типа. Скорбная черта слегка опущенных в углах губ. Короткая, острообрезанная, рыжеватая борода. Волосы рыжевато-золотящиеся, слегка волнистые, остриженные довольно коротко. Это удивило Триродова: на портретах он видел князя Давидова с длинными, как у Надсона, волосами. Глаза черные, пламенные и глубокие. Глубоко затаенное в глазах выражение великой усталости и страдания, которое невнимательный наблюдатель принял бы за выражение утомленного спокойствия и безразличия.

(Сологуб 2, 4, 208)

Как видим, ожидания Триродова вполне предсказуемы: он ждёт соответствия оригинала «портретам», на которых у Давидова, как и полагается, длинные «надсоновские» волосы, и удивляется, обнаружив, что реальность прямо противоположна его ожиданиям (при этом сходства гостя с Христом Триродов то ли не замечает, то ли, что более вероятно, не хочет замечать).

Теперь понятно, почему именно «длинные волосы» в стихах Блока становятся *единственной* деталью внешнего облика незнакомца, которая позволяет, пусть и с некоторой долей сомнения, идентифицировать его как «писателя» / «витию». Если же наше предположение о том, что Блок имеет в виду именно Сологуба, справедливо, то тем любопытнее, что именно в тексте последнего, только что нами приведённом, обнаруживается персонаж, одновременно длинно- («на портретах») и коротковолосый (в актуальной действительности). Данное обстоятельство побуждает нас внимательнее — в связи с «Двенадцатью» — присмотреться к соответствующему эпизоду «Творимой легенды».

Но сначала скажем несколько слов о «черновом» котелке: он во всяком случае не противоречит сологубовскому контексту, поскольку фигурирует в целом ряде литературных произведений Сологуба, в т. ч. в «Творимой легенде», ср.: «рыженький котелок», «молодой человек в котелке», «котелок на затылке», «поправил котелок», «придерживая на голове котелок», «с котелком на голове», «в котелке», «— Чего ты все в котелке? — (...) Отчего же мне (...) не носить котелка? — (...) Ты в котелке сварись», «с котелком в руке», «котелки встречающих чиновников», «мелькали котелки», «шляпу котелком», «людей в котелках», «в котелке», «приподымает котелок», «котелок он точно приподнял», «котелок вместо шлема», «рука (...) потянулась к котелку», «взял (...) котелок», «надел котелок» (Сологуб 2, 1, 112, 538; 2, 73, 204, 252, 369; 3, 684; 695; 4, 103, 543; 5, 637; 6, 20; 23, 30; 8, 448). Ср. в статье К. И. Чуковского, посвящённой все той же «Творимой легенде»:

Обманул, всех нас обманул Сологуб!

Критик Кранихфельд недавно высказал, что Триродов — социальный реформатор (...).

Критик Измайлов, что Триродов — жюль-верновский капитан Немо (...).

Критик Стеклов, что он Синяя Борода, Маршал Жиль де Ретц (...). И так дальше, и так дальше. А он, оказывается, просто смерть, господин Смерть, *Смерть в котелке* и с галстуком.

(Чуковский 1910, 96; то же, с незначительными изменениями: Чуковский 1914, 125–126; Чуковский, 7, 142; Курсив наш)

Теперь, не занимаясь более ни «длинными волосами», ни котелками, ни «витией», обсуждение которого для нас здесь глав-

ным образом только повод для начала разговора о сологубовском фоне «Двенадцати», приведём, с некоторыми сокращениями, фрагмент, следующий сразу за появлением князя, и имя которого (Эммануил — отсылка к Ис. 7: 14 и Мф. 1: 20–23; Осипович — сын Иосифа; Давидов — из колена Давидова), и внешность нарочито или даже грубо прямолинейно соотносены с Христом:

Он спокойно подошел к Триродову, и сказал, протягивая ему руку:

— Я хотел вас увидеть. Уже давно я слежу за вами, и вот наконец пришел к вам.

Триродов, с усилием преодолевая волнение и темную чувствуя в себе досаду, говорил принужденно-любезным голосом:

— Я очень рад приветствовать вас в моем доме. Я много слышал о вас (...), (...) вас очень любят и ценят.

Князь Давидов смотрел пронизательно, но спокойно, слишком, может быть, спокойно. Казалось странным, что он ничего не ответил (...), как будто бы слова Триродова прошли, как мимолетные тени легких снов, мимо него, даже не задев ничего в его душе. (...)

Князь Давидов говорил все тем же спокойным голосом, — слишком спокойным:

— (...) О многом хотел бы говорить с вами, но не успею сказать всего. Поговорим только о наиболее существенном.

И он заговорил, не ожидая ответов или возражений. Пламенная лилась речь, — о вере, о чуде, о чаемом и неизбежном преображении мира посредством чуда, о победе над оковами времени и над самой смертью. (...).

Князь Давидов с укором взглянул на Триродова. Сдержанная усмешка дрожала на губах Триродова, и упрямый вызов светился в его глазах. (...).

Триродов решительно сказал, гневно глядя на гостя:

— Дерзок и труден мой замысел, — но разве я один тосковал от уныния, — тосковал до кровавого пота? Разве я один ношу в своем теле двойственную душу? и два соединяю в себе мира? Разве я один измучен, кошмарами, тяжелыми, как вселенское бремя? Разве я один в трагические мгновения жизни чувствовал себя одиноким и оставленным?

Гость улыбался странно, грустною, спокойною улыбкою. Триродов продолжал:

— Знайте, что я никогда не буду с вами, не приму ваших утешительных теорий. (...) Я не верю ни во что из того, о чем вы так красноречиво говорите, прельщая слабых. Не верю.

Гость молчал.

— Оставьте меня! — решительно сказал Триродов. — Нет чуда. Не было воскресения. Никто не победил смерти. Над косным, безобразным миром восставить единую волю — подвиг, еще не свершенный.

Князь Давидов встал, и сказал печально:

— Я оставляю вас, если хотите. Но вы пожалеете о том, что отвергли путь, который я указываю. Единственный путь.

Триродов надменно возразил:

— Я знаю верный путь. Мой путь.

— Прощайте, — просто и спокойно сказал князь Давидов.

Он ушел, — и уже казалось, словно и не было его здесь (...), и неожиданное посещение смуглого, обаятельного гостя с пламенной речью, с огненными глазами вспоминалось, как полдневная греза, как внезапная галлюцинация.

(Сологуб 2, 4, 208–210)

Так Сологуб устами своего героя обсуждал именно то, что явилось в финале «Двенадцати» — «еще не свершенный» «подвиг» «восставления единой воли» «над косным, безобразным миром». Эта «единая воля» обсуждается Триродовым и незадолго до приезда Давидова (обратим внимание и на ироническое упоминание о «тоне (...) пророка», неожиданно возвращающее нас к соответствующей теме черновой редакции «портрета» блоковского «витии», и на то, что одному «пророку», заведомо несостоятельному «молодому», противопоставлен другой):

Триродов спросил Рамеева:

— Вы, кажется, видите в этой войне только политический смысл?

— А вы его разве отрицаете? — спросил Рамеев.

— Нет, — сказал Триродов, — очень признаю. Но, по-моему, кроме глупых и преступных деяний тех или других лиц, есть и более общие причины. У истории есть своя диалектика. Была бы война или не была бы, все равно в той или иной форме непременно произошло бы роковое столкновение, начался бы решительный поединок двух миров, двух миропониманий, двух моралей, Будды и Христа.

— В учении буддизма есть много сходства с христианством, — сказал Петр, — только тем оно и ценно.

— Да, — сказал Триродов, — на первый взгляд немало сходного. Но в существенном эти два учения — полярно противоположны. Это — утверждение и отрицание жизни, ее «да» и «Нет>>, ирония и лирика. Утверждение, «да», — христианство; отрицание, «Нет», — буддизм.

— Мне кажется, что это слишком схематично, — сказал Рамеев. Триродов продолжал:

— Схематизируем для ясности. Настоящий момент истории для этого особенно удобен. Это — зенитный час истории. Теперь, когда христианство вскрыло извечную противоречивость мира, теперь и происходит обострённая борьба этих двух миропониманий.

— А не борьба классов? — спросил Рамеев.

— Да, — сказал Триродов, — и борьба классов, насколько в социальную борьбу входят два враждебные фактора — социальная справедливость и реальное соотношение сил, — общественная мораль, — она всегда статична, — и общественная динамика. В морали — христианский элемент, в динамике — буддийский. Слабость Европы в том и состоит, что ее жизнь давно уже пропитывается буддийскими, по существу, началами.

Петр сказал уверенно, тоном молодого пророка:

— В этом поединке восторжествует христианство. Не историческое, конечно, не теперешнее, — а христианство Иоанна и Апокалипсиса. И восторжествует оно тогда, когда уже дело будет казаться погибшим и мир будет во власти желтого антихриста.

— Я думаю, это не так будет, — тихо сказал Триродов.

— Что же, по-вашему, восторжествует Будда? — досадливо спросил Петр.

— Нет, — спокойно возразил Триродов.

— Дьявол, может быть? — воскликнул Петр.

— Петя! — укоризненно сказал Рамеев.

Триродов слегка склонил голову, словно смутился, и сказал спокойно:

— Мы видим два течения, равно могучие. Странно думать, что одно из них победит. Это невозможно. Нельзя уничтожить половину всей исторической энергии.

— Однако, — сказал Петр, — если не победит ни Христос, ни Будда, что же нас ждет? Или прав этот дурак Гюйо, который говорит о безверии будущих поколений?

— Будет синтез, — возразил Триродов. — Вы его примете за дьявола.

(Сологуб 2, 4, 205–206)

Мы не будем здесь обсуждать ни пророческое вранье Триродова²⁶ в целом, ни саму идею «синтеза», в разных её воплощениях / интерпретациях захватившую весь «символизм», ни сологубовскую её трактовку. Нам пока достаточно того, что приведённые выдержки из «Творимой легенды» свидетельствуют, как минимум, об *уместности* (пусть сколь угодно скрытого) «присутствия» Сологуба в поэме Блока, прямо затронувшей темы Христа, отвергаемого и неузнанного, принимаемого за *другого* (ср. ниже о блоковском восприятии ситуации выбора между ними), «исторического» христианства и «апокалиптического», «косного безобразного мира», «борьбы классов» и «общественной морали», «утверждения» и «отрицания» «жизни».

Но зафиксировав эту *уместность*, мы должны признать, что для уверенной постановки гипотезы об этом «присутствии» её недостаточно: нужно нечто более очевидное и более близкое к моменту начала работы Блока над поэмой. И это нечто обнаруживается без особого труда: это статья Сологуба «Крещение грязью», уже введённая в блоковский контекст, но не «Двенадцати» (насколько нам известно), а статьи «Интеллигенция и революции», при-

²⁶ Разумеется, «пророческая» тема выдвигалась Сологубом отнюдь не только в «Творимой легенде»: см. в т. ч. стихотворения «Подражание пророку Амосу» (1881), «Арфа Давида» (1895), «Заря-заряница ...» (1898), «Спокойно и просто» (1916); именованного самого Сологуба пророком также имели место (см. в частности: Филичева 2020, 58–59). Укажем, имея в виду именно «черновое» сравнение «витии» с «пророком» в «Двенадцати», и на «пророческое» стихотворение «Здесь и там вскипают речи ...» (1914), которое, судя по всему, является одним из претекстов поэмы Блока: «Скалят зубы пакостные франты, / Тешит их поганая мечта, — / Но придут иные музыканты, / И пойдёт уж музыка не та! // И возникнет в дни отмщенья, / В окровавленные дни, / Злая радость разрушенья, / Облечённая в огни. // Все свои тогда свершит угрозы / Тот, который ныне мал и слаб, / И кровавые рассыплет розы / Здесь, на эти камни, буйный раб» (Сологуб 1917). С «Двенадцатью» этот отрывок сближает и понимание революции как музыкальной стихии, и тема «злой радости» / «грустной злобы», «кипящей в груди» (Блок 2, 5, 11; ср. также ниже), и тема «огней» (ср.: «Кругом — огни, огни, огни ...» [Блок 2, 5, 11]), и темы крови и разрушенья. Как видим, фигурируют у Сологуба и «розы», но не белые, как у Блока, а «кровавые»: в «Двенадцати» этот эпитет сохранится, но будет отнесен к «флагу» в руках появившегося «в белом венчике из роз» (Блок 2, 5, 20).

чем как одна из многих подобных (Иванова 2012, 133). Приведем её полный текст:

КРЕЩЕНИЕ ГРЯЗЬЮ

Давно уже русская жизнь явственно клонилась к пародиям, издевательству, может быть, в самом складе русского ума лежит эта склонность к осмеянию и развенчиванию, к низведению всего высокого на низменную плоскость. Уж очень насмешлив русский человек, и для красного словца не пожалеет ни матери, ни отца. Издевательские слова, озорные действия, всё это отлично уживается в русской душе с самыми чистыми душевными движениями... В последнее время озорство и издевательство как будто входит в систему. И началось это до революции, до войны. Махровое хулиганство всех оттенков не первый год, не первое десятилетие процветает на Руси.

Как будто приставлен к нам какой-то лукавый бес, который старается опоганить всё чистое и святое. Отдана была нам радость восстания против несправедливой власти. Словно чудо преображения совершилось в жизни нашей, и торжественные дни шли, как непрерывная всенародная литургия. Но где теперь те высокие строения?

Мы поторопились назвать нашу революцию великою, и сравнивали её с великою французскою революциею. Но вот видим, что величия в делах наших мало, и революция наша является только обезьяною великой французской революции. Россия наша гибнет жалко и бесславно, и вокруг нас «гарь и гик обезьяний», по скорбному слову Ремизова. Та, подлинно великая, вся была воодушевлена любовью к Франции, к отечеству, и революции, каждый чувствовал себя прежде всего патриотом. Ну, а у нас, конечно, всё наоборот. И потому, чем дальше идут дни, тем всё смутнее и тоскливее на душе, и ничто не радует сердца.

Обманутые или обманувшиеся люди хотят сделать что-то такое хорошее, чего ещё и свет не видели. Доверчивые идут за теми, кто обещает им показать дорогу прямо в социальный рай. Идут, и разбрызгивают вокруг себя густую, тяжелую грязь. И не скоро с ужасом увидят, что обмануты, что обманулись, и вожди, и толпа, идущая за ними, одинаково горько разочаруются, высокие ценности, о которых они мечтали, обратятся в их руках в сор, в грязь. Точно

стоит над нами кто-то злой, смеётся, и подменяет золото на мусор, аромат на зловоние.

И безрадостно провели мы праздники. Рождество Спасителя нашего славили с прискорбием в душе, и не было на земле мира, и в людях благоволения, и только злое рождалось среди нас. И новый год не обещает нам нового. И вот подходит крещение Господне. Мы, Христом искупленные, крещаемся ли мы со Христом?

Нет, злорадный бес стоит перед нами, заслоняет от нас святое, и издевается над нами. Кошунственно подменяет святые слова. Сказал некогда Христос:

— Иоанн крестил вас водою, я крещу вас Духом.

Но где же духовные начала, где идеалы свободы, равенства братства? Люди думают о выгодах, о классовом интересе, о разделении, о вражде. Стараются урвать каждый для себя всё что можно, не разбираясь в средствах.

Огнём и кровью было то крещение, которое несла Европе восставшая против деспотизма Франция. Гнусный бес, овладевший нами, неистово хохочет, и мажет нас грязью, и кричит издеваясь:

— Грязь моя тёпленькая, грязи моей на всех хватит, плюньте на всё высокое, лезьте в мою грязь, она целебная. Все буржуазные пороки как рукой снимет.

И всё глубже, всё зловоннее грязь, в которой мы бредём. В ночь под Новый год новое озеро гадостей вылилось в русскую жизнь, схватили и потащили в Крепость посланника союзной с нами державы, осрамились на весь свет, и не чувствуем позора, уже притерпелись, ко всякому зловонию принюхались.

А между тем из всех наших предательств и вероломств по отношению к союзникам наше отношение к Румынии должно особенно ранить сколько-нибудь чуткую совесть. Война не союзниками нашими начата, а нами, не мы вступили в неё ради верности союзному договору, а Франция, а за нею и другие державы, и уже это одно налагает на нас обязанность сугубой осторожности по отношению к нашим союзникам. Румыния же вступила в войну после долгих колебаний, и в первые же месяцы мы не оказали ей достаточной помощи. Теперь она лишена почти всей своей территории, оторвана от своих и наших союзников, совершенно беспомощна и незащищена, и мы же грозим ей войною с нами и тем, что хуже внешней войны, внутреннею смуту, если бы всё это продельвали полномочные правители русского народа, получившие свою власть из всенародного голосования, то пришлось бы придти

к очень печальным заключениям относительно свойств русского национального характера.

Мы можем пока утешаться тем, что воля русского народа здесь не причём, что всё это делается случайными захватчиками власти. Но тем не менее скорбное лицо несчастной России запятнано новым комом сочной, жирной грязи.

Несчастливая Россия, грязью измазанная, куда ты идёшь?

(Сологуб 1918)

Эта статья была напечатана 6 января, т. е. за два дня до появления первой записи Блока о работе над текстом «Двенадцати». Сведений о его знакомстве со статьёй Сологуба у нас нет. К «Петроградскому голосу» (первоначально — «Петербургский листок», позднее «Петроградский листок») Блок относился, судя по всему, сдержанно-презрительно, но всё же читал его. Во всяком случае 11 января 1918 года он пишет в дневнике о текущей ситуации, о России и Европе, о «жизни» и «правде» и заканчивает следующим пассажем: «Все это — под влиянием сегодняшней самодовольной “Новой жизни” (самая европейская газета сейчас; “Речь” давно “отстала”. С “Петербургским листком” ведь не поговоришь)» (Блок, 7, 318).

В статье Сологуба представлены все основные темы «Двенадцати», а не только гибели России и предательства, о которых говорит блоковский «вития». Но поскольку мы открыли нашу заметку рассуждением именно о нём, начнём с последних. «Россия наша гибнет жалко и бесславно, и вокруг нас “гарь и гик обезьяний”, по скорбному слову Ремизова»: здесь двойная констатация гибели, о ней говорит сам Сологуб — и при этом опирается на Ремизова, цитируя его «Слово о погибели земли русской», к тому времени опубликованное дважды (Ремизов 1917; Ремизов 1917а; краткие сведения о различиях в текстах этих публикаций и времени выхода их в свет см.: Иезуитова 1994, 68, 79; некоторые уточнения: Субботин 1995). Эта ссылка на Ремизова имела дополнительное значение: публикация второй редакции его статьи в декабрьских «Скифах» была сопровождена полемической по отношению к ней статьёй Р. В. Иванова-Разумника (Иванов-Разумник 1917), внимательно прочитанной Блоком (Блок 2, 5, 482–483).²⁷ О преда-

²⁷ Не останавливаясь здесь на отнюдь не праздном и давно поставленном вопросе об отражении «Слова о погибели» в «Двенадцати»: он требует отдельного

тельстве в статье Сологуба говорится так же прямо и недвусмысленно: он подробно обсуждает «румынский» эпизод²⁸ как один из наиболее ярких в ряду «всех наших предательств и вероломств по отношению к союзникам».

Теперь наметим другие параллели. Сологубовскому рассуждению о возможных, но несостоявшихся «проделках» «полномочных правителей русского народа, получивших свою власть из всенародно-го голосования» у Блока соответствует блоковский «большой плакат» «Вся власть Учредительному собранию!», который «ветер веселый» «рвет, мнет и носит», а оно само тут же безо всякого почтения соотносится с состоявшимся собранием уличных женщин (Блок 2, 5, 9). Сологубовскому сетованию на исчезновение из русской жизни «духовных начал», «идеала» «свободы», сочетающемуся с констатацией отпадения общества от Христа, торжества «вражды», «буржуазных пороков», от которых готов избавить мир «гнусный бес», в «Двенадцати» соответствуют повторяющиеся строки «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!», «Злоба, грустная злоба / Кипит в груди... / Черная злоба, святая злоба...» (ср. еще у Сологуба: «только злое рождалось среди нас»²⁹), а также отодвинутый в прошлое «буржуй на перекрестке», «на горе» которому будет «раздут» «мировой пожар в крови», призванный его уничтожить и который уже сейчас напоминает «голодного пса», «поджавшего хвост» (Блок 2, 5, 7, 11, 12, 17). Всему этому у Блока сопутствует «Скука скучная, / Смертная», ср.: «Скучно!» (Блок 2, 5, 9), также находящая соответствие (пусть и неполное) в статье Сологуба, ср.: «чем дальше идут дни, тем всё смутнее и тоскливее на душе, и ничто не радует сердца».

рассмотрения, тем более что эти произведения слишком часто *только* противопоставляются (ср.: Блок 1981, 80). Укажем лишь на одну, причём очевидную, перекачку этих произведений: Ремизов заканчивает свое «Слово» цитатой из заупокойного богослужения: «В-е-ч-н-а-я п-а-м-я-т-ь» (Ремизов 1917а, 200), Блок включает в текст своей поэмы цитату из того же источника: «Упокой, Господи, душу рабы Твоя...» (Блок 2, 5, 17).

²⁸ О нём см. в т. ч. достаточно информативные неподписанные заметки «К аресту румынского посланника» в «Петроградском эхе» (1918. № 1. С. 3) и «Арест румынского посланника» в «Нашем веке» (1918. № 1. С. 3); см. также: Иванова 2017, 133.

²⁹ Тема злобы, как и другие темы статьи Сологуба, находит целый ряд соответствий в его творчестве (см. хотя бы: Сологуб, 5, 49, 55–56, 61, 62 [в сочетании с *тоской*], 194, 196, 202 и мн. др.), однако вся совокупность этих связей должна быть рассмотрена отдельно.

«Плотность» сологубовских контекстов настолько велика (особенно если принять во внимание небольшой объём и «Крещения грязью», и «Двенадцати»), что настаивать на случайности этих переключек вряд ли возможно, тем более что ими дело не исчерпывается.

Сквозной мотив «Двенадцати» — движение, шествие. У Сологуба «идет» время («торжественные дни *шли*», «дальше *идут* дни», «*подходит* крещение Господне»), но не только оно: «идут» люди («Доверчивые *идут*»; «*Идут*, и разбрызгивают (...) грязь»; ср.: «вожди (...) и толпа, *иду́щая* за ними»; «грязь, в которой *мы бредём*»), «идет» Россия («Россия, грязью измазанная, *куда ты идёшь*»).

В обоих случаях смысл движения раскрывается в религиозно-метафизической теме. Сологуб отрицательно отвечает на вопрос о том, «крещаемся ли мы со Христом», и выдвигает вместо него «беса», Блок «восстанавливает» Христа.

При этом «Исус Христос» Блока движется «впереди» «нежной поступью надвьюжной», «злорадный бес» Сологуба не движется, а «стоит перед нами» и «над нами» (правда, эта его неподвижность относительна, ведь «мы» не стоим на месте, «бредем», следовательно и он как бы перемещается — вместе с «нами»). Эта полемика Блока с Сологубом осложняется часто цитируемым замечанием первого, сделанном в записной книжке 18 февраля 1918 года: «Что Христос идет перед ними — несомненно. Дело не в том, «достойны ли они его», а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого —?» (Блок 1963, 388–389). В какой степени смысл этого замечания раскрывается текстом Сологуба — вопрос отдельный, но, кажется, трудно отрицать, что текст этот дает *один из вариантов*, и вряд ли необязательно-маргинальный, прочтения темы / образа этого «Другого»³⁰.

³⁰ К этому прибавим, что именно на сологубовский контекст замыкается (и вновь, кажется, преимущественно полемически) смысл «старообрядческого» оттенка в блоковском именовании Христа «Исусом» (Блок 2, 5, 20). В том же «Петроградском голосе» 24 декабря было напечатано небольшое стихотворение Сологуба:

1917.

Близки слуги сатаны,	Через пламя убежим
Мы же древним сказам верим.	От антихристовой рати.
Мы Исусом спасены,	Ей — пожарище и дым,
Мы зажжем свой старый терем.	Нам же — царство благодати.

(Сологуб 1917a)

Метафорическая сологубовская «грязь» — едва ли не главная тема «Двенадцати» — «грязь» существования в (по) революционной России, «грязь» слов и дел. В этой связи напомним, что упоминания о «грязи» — один из лейтмотивов отзывов современников о поэме Блока, как сочувственных, так и резко отрицательных, ср. хотя бы: «“Двенадцать” — поэма (...) о крови, о *грязи*, о преступлении, о падении человеческом» (Р. В. Иванов-Разумник); «Литература (...) так низко пала, — до того, что в ней считаются событием даже (...) вирши Блока! — настолько она (...) втоптала в *грязь* “великий, правдивый язык”, завещанный Тургеневым (...)» (И. А. Бунин); «Поэт большевизма Ал.<ександр> Блок вздумал воспеть кровь и *грязь* революции» (Н. Я. Абрамович); «(...) этот новый бард *грязи* и крови хотел озарить поэзией гульбу и разухабщину народных отбросов (...)» (Вас. Аратов); «Блок в “Двенадцати” остается верен своему прежнему методу (...): в самой *грязной* действительности являются самые светлые видения» (И. А. Оксенов) (Блок 2, 5, 316, 319, 358, 359, 361; [курсив наш. — Д. И.]). Ср. ещё опыт своеобразной «переадресации» данной темы в статье Блока «Интеллигенция и революция»: здесь «ложь, грязь и мерзость», «иго грязи и мерзости запустения» связываются с дореволюционной реальностью, а революция мыслится как попытка преобразования «лживой, грязной, скучной, безобразной нашей жизни» (Блок, 5, 10, 11, 12). Любопытно, что и этот «ход» имеет соответствие у Сологуба, обсуждающего в начале своей статьи «озорство и издевательство», начавшее «входить в систему» «до революции, до войны» и «процветавшее» «не первое десятилетие», и противопоставляет ему недолгое «чудо преобразования», вызванное февральской революцией.

Но именно в «Двенадцати» эти «озорство и издевательство», «пародии», «наклонность к осмеянию и развенчиванию, к низведению всего высокого на низменную плоскость» были выдвинуты в центр конструкции как *внешняя* оболочка происходящих событий, смысл которых лежит в иной — мистической — плоскости.

Неизбежные вопросы о том, воспринял ли Сологуб текст «Двенадцати» как ответ на «Крещение грязью» и, тем более, о том, узнал ли он себя в блоковском «витии», приходится оставить

в стороне за отсутствием данных. Однако есть по крайней мере одно обстоятельство, которое позволяет рассматривать эти вопросы как не праздные: Сологуб оказался, кажется, единственным современным Блоку большим поэтом, который не только осудил поэму, но и утверждал, что прочёл ее лишь через несколько лет после её выхода в свет; ср. запись в дневнике К. И. Чуковского от 25 апреля 1922 года:

В субботу встретил Сологуба. (...). Он сказал мне у Тенишевского училища: (...) Блок был не русский (...). Он был немец, и его «Двенадцать» — немецкая вещь. Я только теперь познакомился с этой вещью — ужасная. Вы считаете его великим национальным поэтом. А по-моему, весь свой национализм он просто построил по Достоевскому. Здесь нет ничего своего. России он не знал, русского народа не знал, он был студент-белопокладочник.

(Чуковский, 12, 38–39)

Судя по всему, Сологуб был не только эстетически и идеологически уязвлен «Двенадцатью». Рискнём предположить, что, беседуя с Чуковским, он не рассчитывал на то, что ему поверят, ему нужно было лишь обозначить своё отношение к «ужасной вещи» как к не касавшейся его лично (в противном случае длительное отсутствие интереса к ней было бы вовсе необъяснимым) и вместе с тем вообще максимально далекой от реальности русской жизни, а потому вовсе не столь значительной, как это представлялось Чуковскому.

Литература

Блок — Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л., 1960–1963.

Блок 2 — Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 1997 — .

Блок 1963 — Блок А. А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965.

Блок 1981 — Переписка с А. М. Ремизовым / Вс. ст. З. Г. Минц; публ. и коммент. А. П. Юловой // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования : в 4 кн. Кн. 2. М., 1981. С. 63–142.

Иванов-Разумник 1917 — Иванов-Разумник <Р. В.> Две России // Скифы. Сборник второй. СПб., 1918. С. 201–231.

Иванова 2012 — Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб. ; М., 2012.

- Иванова 2017 — *Иванова Е. В.* Блок читает газеты // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. М., 2017. С. 130–150.
- Иванова 2018 — *Иванова Е. В.* Александр Блок: «А надо — Другого?» // Темные аллеи. 2018. № 1. С. 28–37.
- Иезуитова 1994 — *Иезуитова Л. А.* «Слово о погибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля народа» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 67–80.
- Издания — Издания с дарственными надписями из собрания Библиотеки Пушкинского Дома. Каталог. Вып. 1–5. СПб., 2014–2020.
- Михайлова 2011 — *Михайлова О. В.* Александр Блок и Федор Сологуб: к проблеме творческих взаимосвязей. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Ремизов — *Ремизов А. М.* Собр. соч. : в 10 т. М., 2000–2003.
- Ремизов 1917 — *Ремизов А. М.* Слово о погибели Земли Русской // Россия в слове. Литературное приложение к газете «Воля народа» <. 1917. № 1. С. 2>.
- Ремизов 1917а — *Ремизов А. М.* Слово о погибели Русской Земли // Скифы. Сборник второй. СПб., 1918. С. 194–200.
- Сологуб — *Сологуб Ф. К.* Собр. соч. : в 12 т. СПб., 1909–1912.
- Сологуб 2 — *Сологуб Ф. К.* Собр. соч. : в 8 т. М., 2001–2003.
- Сологуб 1917 — *Сологуб Ф. К.* Здесь и там вскипают речи... // Дело народа. 1917. № 39. С. 2.
- Сологуб 1917а — *Сологуб Ф. К.* 1917 // Петроградский голос. 1917. № 22. С. 3.
- Сологуб 1918 — *Сологуб Ф. К.* Крещение грязью // Петроградский голос. 1918. № 4. С. 2.
- Субботин 1995 — *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А. М. Ремизова // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 154–156.
- Филичева 2020 — *Филичева В. В.* Книжное собрание и круг чтения Федора Сологуба как источник изучения жизни и творчества писателя: Дис.... канд. филол. наук СПб., 2020.
- Чуковский — *Чуковский К. И.* Собр. соч. : в 15 т. / 2-е изд., электронное, испр. М., 2013.
- Чуковский 1910 — *Чуковский К. И.* Навьи чары мелкого беса. (Путеводитель по Сологубу) // Русская мысль. 1910. Кн. 2. С. 70–105.
- Чуковский 1914 — *Чуковский К. И.* Книга о современных писателях. СПб. <, 1914.>
- Чулков 1930 — *Чулков Г. И.* Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930.

«СЛОЖНОСТЬ» ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О. МАНДЕЛЬШТАМА КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В отличие от Б. Пастернака, устремившегося на достижение максимальной *простоты* своего стиля, — О. Мандельштам выбрал противоположный путь — двигаться по пути все большего *усложнения* своей поэтики. Уже в ранней, программной статье «Утро акмеизма» (1912–1914)² он утверждал, что «(...) поэт возводит явление в десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает»³. Собственно, все творчество Мандельштама и представляет собой настойчивую «борьбу с пустотой»⁴ и, далее, воспроизведение «чудовищно-уплотненной реальности», причем с каждым деся-

¹ Кондаков Игорь Вадимович — доктор философских и кандидат филологических наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета.

² Недавно была предложена новая датировка — не ранее декабря 1913 г. (См.: Мец А. Г. Осип Мандельштам и его время: анализ текстов / Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб., 2011. С. 128–129), которая не меняет нашего отношения к смыслу текста Мандельштама.

³ Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинения и писем : в 3 т. М., 2010. Т. 2: Проза. С. 22. В дальнейшем все ссылки на тексты Мандельштама даются по этому изданию с указанием в тексте [в квадратных скобках] тома и страниц.

⁴ В том же «Утре акмеизма» читаем: «Строить — значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство» [1, 24].

титетизмом, (а в 1930-е — с каждым годом) мера «уплотнения» реальности все возрастает.

Несомненны переклички мандельштамовской концепции слова и словесности с фундаментальным новаторским трудом Ю. Н. Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924) и его открытием филологического закона *единства и тесноты стихового ряда*. Ограничимся лишь одним обобщением относительно стихотворного языка, которое формулирует Тынянов: «На тесноте стихового ряда основано явление “кажущейся семантики”: при почти полном исчезновении основного признака появление “колеблющихся признаков”; эти “колеблющиеся признаки” дают некоторый *слитный групповой “смысл”*, вне семантической связи членов предложения»⁵.

Среди поэтических следствий этого закона Тынянов упоминает «семантические пробелы», нередко заполняемые словом, «в высшей степени “бессодержательным”», которое «приобретает *видимость значения*, “семасиологизируется”». Такое слово «развивает вместо [...] основного признака интенсивность колеблющихся признаков», приобретающих «кажущееся значение». Смысл каждого слова является «в результате ориентации на соседнее слово». В результате неизбежно возникает «ассоциативное сгущение значения»⁶.

Наглядный пример действия этого культурного механизма мы видим у Мандельштама. В стихотворении «Век» (1922) рядом со словом «*век*» стоит слово «*зверь*»; «Век мой, зверь мой...» [1, 127–128], и это сравнение определяет всю поэтическую семантику текста, хотя XX век у Мандельштама еще не обретает звериного облика. Зато 10 лет без малого спустя («За гремучую доблесть грядущих веков», 1931) найденная метафора ужесточается: «Мне на плечи кидается век-волкодав...» [1, 156]. Здесь век — уже не просто зверь, но зверь — охотник на зверей, убийца волков, и лирическому герою удастся «избежать» расправы, лишь отречением от «волчьей родословной». Впрочем, как мы знаем, «век-волкодав» не ограничивался в своем «рационе» одними волками... И у лирического героя рождается странная мечта — бежать от века в фантастические «сибирские степи», на берега Енисея, к «голубым песцам»...

⁵ Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993. С. 83.

⁶ Там же. С. 80–81.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
Ни кровавых костей в колесе... [1, 156]

Так, однажды найденная метафора: «век — зверь» — обрастает всё новыми неожиданными подробностями, далекими ассоциациями. И рождается тесный ряд колеблющихся признаков, способствующих сгущению значений и усложнению поэтической картины мира.

1. «СЛОВЕСНЫЙ ПОТОК»

В поэзии Мандельштама можно заметить несколько разных стратегий, направленных на усложнение авторской картины мира, выраженной в поэтическом тексте.

Одна из них представляет собой простой «набор» различных атрибутов мира, кажущихся, на первый взгляд, случайным, беспорядочным перечислением вещей и бессвязным нагромождением перечисляющих друг другу смыслов. На самом деле, за подобным «перебором» предметов или свойств у Мандельштама стоит некий драматизм безысходности. У читателя создается ощущение «дурной бесконечности», *словесного потока*, не приближающего к постижению целого, какой-то «воронки» непрерывных ассоциаций, вытягивающей субъекта в процесс познания мира, но не ведущей ни к какому результату. Таково, например, стихотворение «Я пью за военные астры...» (1931) [1, 158], оставляющее впечатление неопределенности, ожидания, открытости миру. Это впечатление усилено проблемой выбора легендарного вина («асти-спуманте иль папского замка вино»), равно недоступного лирическому герою, — проблемой невозможного выбора.

Как «словесный поток», в котором, по мере наслоения разнородных деталей, утяжеляется целое, нарастает драматизм накапливаемых противоречий, развивается страстный поэтический монолог «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» (1931) [1, 160], в основе которого лежит дилемма жизни и смерти, так и не разрешимая на словах. Все моления, предчувствия, обещания, тревоги поэта, спрессованные в один нерасторжимый семантический кластер, представляют собой бесструктурный смысловой «ком», спонтанно катящийся в любом направлении, которое подскажет мысль читателя.

Подлинным трагизмом наполнен тот же прием «уплотнения» текстуры мироздания в «<Стихах памяти Андрея Белого>» («Голубые глаза и горячая лобная кость...», 1934, 1935 [1, 191–192]). Цепочки нанизываемых друг за другом слов напоминают поминальное причитание — едва ли не фольклорного происхождения: «Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!»; «Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок».

Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец,
Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец.
Конькобежец и первенец, веком гонимый взащей [1, 191]

Своей классической чистоты и завершенности этот приём достигает в знаменитом четверостишии, обращенном к Воронежу и становящемуся сгущенным выражением плена, тюрьмы, несчастья, гибели поэта — «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» (1935) [1, 198]. Нагнетание трагизма достигается, с одной стороны, бесконечным «перебиранием» имени города, из которого рождаются созвучные слова с негативной коннотацией («уронишь», «проворонишь», «выронишь», «вернешь», «ворон», «нож»); с другой стороны, интонацией причитания и пророчества онеотвратимом конце); с третьей, — формой униженной и бессмысленной просьбы к безликому городу о невозможном освобождении из плена («пусти», «отдай»), альтернативой которому видится потеря себя, падение, смерть...

Все эти и подобные примеры словесных нагромождений являются *текучими семантическими кластерами*, представляющими собой своего рода «гроздь» сочлененных слов, наполненные перечащими друг другу, а нередко и взаимоисключающими смыслами. Эти смысловые «гроздь» не являются статичными скоплениями слов: подобно «потoku сознания» (у Дж. Джойса или М. Пруста) они видоизменяются, разрастаются и усложняются в процессе своего непредсказуемого «течения». В целом в рамках мандельштамовской семантической поэтики кластеры, как правило, представляют *глубинные смысловые структуры*, концептуализирующие противоречивые интенции поэта в широком ассоциативном контексте культуры⁷. Эти глубинные структуры выявляют-

⁷ См. подробнее: Кондаков И. В. Семантический кластер в поэтике О. Мандельштама // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 16–25.

ся не сразу; они постепенно выкристаллизовываются из «словесного потока», словно отбирая среди множества «колеблющихся признаков» — основные, определяющие «слитный групповой смысл» (Тынянов).

2. СОЧЕТАНИЕ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ

Другой случай «уплотнения» поэтического текста Мандельштам демонстрирует, организуя смысловое пространство рядом бинарных (или дуальных) оппозиций. Так строятся, например, стихотворения из цикла «Восьмистишия» (1933–1935). В девятом из восьмистиший («Скажи мне, чертежник пустыни...» [1, 187]) «арабские пески» противостоят «геометру», а «пустыня» — «чертежнику»; «безудержность линий» — «дующему ветру»; «дующий ветер» — «трепету иудейских забот»; «лепет» взаимодействует с «опытом», а тот, кто «лепит» «опыт из лепета», «пьет» «лепет из опыта». Соединение и взаимное переплетение словесных «диад» создаёт образ бесконечности и неизбежности противоречий, которыми наполнена жизнь природы и человека, а моделируемая таким образом лирическая фабула стихотворения свидетельствует о неразрешимости сменяющих друг друга противоречий и безысходности дисгармоничного бытия.

Другой пример неизбежной бинарности в творчестве Мандельштама представляют различные стихи начала 1930-х гг.

Например, в стихотворении «Нет, не спрятаться мне от великой мур...» (1931) [1, 157] сам процесс выяснения отношений с «великой мурой» (вероятно, наступающим со всех сторон сталинским тоталитаризмом) и описание попыток «спрятаться» «за извозчичью спину Москвы» выстроен по принципу дуальных сопоставлений и противопоставлений.

Мы с тобою поедem на «А» и на «Б»
Посмотреть, кто скорее умрет,
А она то сжимается, как воробей,
То растет, как воздушный пирог.

А в стихотворении «Неправда» («Я с дымящей лучиной вхожу...», 1931 [1, 158]), где излагается фантазмагорическая история посещения лирическим героем «шестипалой неправды» и по-

падания к ней в плен, сюжет складывается как диалог «Я» с вездесущей Неправдой (а вместе с тем Жизни со Смертью). Обмен двух противостоящих сторон репликами и действиями полностью соответствует дуальной логике, что символизирует напряженную (но безрезультатную) борьбу героя — за свое самосохранение и выживание — с миром господствующей лжи, насилия, несвободы, скрытности и беспросветности.

Вошь да глушь у нее, тишь да мша,
Полуспаленка, полутюрьма.

По поводу настойчивого интереса Мандельштама к бинарным конструкциям в строении мироздания и в структурах поэтического текста — важного шага к усложнению художественной картины мира — существуют различные точки зрения. Так, например, один из первых интерпретаторов поздней поэтики Мандельштама — И. М. Семенко, — изучая, в частности, черновики «Грифельной оды», заметила, что Мандельштам обычно моделирует «разветвления» и всё большие «уточнения метафор»; дальнейшие «ходы» его поэтического мышления являются «реализацией» новых витков метафоризации. Отсюда — смысловые пропуски «опосредствующих звеньев» (в окончательных редакциях), «загадочность» некоторых метафор и сравнений, сугубая «вещественность образов», как правило, являющихся у Мандельштама «до предела» развернутой и конкретизированной метафорой⁸.

Другие причины усложнения поэтического мира у Мандельштама усматривает один из самых тонких и глубоких его аналитиков — С. С. Аверинцев. Он подчеркивает, во-первых, «исключительную цепкость», с которой поэт удерживает, не отпуская, одну и ту же идею, то «уходящую на глубину», то «выступающую на поверхность», поворачивает её в разных вариантах; во-вторых, отмечает «высокую степень связности» образов и метафор, которая открывается пристальному взгляду в «большом контексте»; наконец, в-третьих, постоянно ощущается острое напряжение между «началом смысла» и «темнотами». Но это не «беспроблемный симбиоз», — добавляет ученый, — в котором «эксцессы рассудочности» мирно уживаются с «эксцессами антиинтел-

⁸ См.: Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама: От черновых редакций — к окончательному тексту / 2-е изд., доп. М., 1997. С. 7.

лектуализма», а глубокое противоречие, отличающее Мандельштама от других поэтов XX века⁹.

Еще одно существенное наблюдение над поэтикой Мандельштама сделал Аверинцев в Предисловии к книге Е. Глазовой «Поэтика Осипа Мандельштама» (1999). Парадоксальное, пронизанное обоснованным скепсисом по отношению ко всем, кто «ничтоже сумняшеся» берется судить о Мандельштаме — поэте и мыслителе, аверинцевское «Предисловие» фактически является *предисловием* не только к любому исследованию поэтики поэта, но и к самому Мандельштаму.

Творчество Мандельштама, по Аверинцеву, — средоточие «диаметрально противоположных утверждений», делаемых одновременно; зачастую слово в тексте стоит «словно бы перпендикулярно к другому», и это создает «напряжение между логическими полюсами» в творчестве поэта. Неслучаен и еще один вывод, к которому приходит С. Аверинцев в своем «Предисловии»: «Связность в бессвязности» — в этом заключена сущность мандельштамовской мысли, предполагающая неожиданную связность идей и образов — при полном «отсутствии внешней связности»¹⁰. Внешняя и внутренняя связность реальности в мире Мандельштама находятся в обратно-пропорциональной зависимости, что придаёт логике построения этого мира особенно непредсказуемый, противоречивый и драматический характер.

Есть и ещё одна теоретическая работа, проливающая свет на механизмы поэтического усложнения картины мира в творчестве Мандельштама. Она посвящена обоснованию *русской семантической поэтики*, являющейся во многом персональным открытием Мандельштама¹¹. Авторы концепции семантической поэтики отмечают, что в творчестве Мандельштама каждое стихотворение оказывается связанным — посредством смысловых ассоциаций и оппозиций — с другими. Это означает, что в его стихотворениях существуют не только синтагматические, но и параграмматические

⁹ См.: Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы. М., 2011. С. 114.

¹⁰ См.: Аверинцев С. С. Предисловие // Глазова Е., Глазова М. «Подсказано Дантом»: О поэтике и поэзии Мандельштама. М.; Киев, 2012. С. 27–28.

¹¹ Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама. М., 2001. С. 282–316.

ряды, в которых присутствуют сходные смысловые элементы, что стихотворения несут в себе глубинные смысловые структуры, соотношенные с лирической фабулой стиха¹², что отдельные стихотворения, за счёт общих глубинных смысловых структур, не существуют сами по себе, а образуют вместе с другими стихотворениями единый гипертекст, охватывающий едва ли не всё творчество Мандельштама — как открытую динамичную систему.

Другой способ «сгущения» поэтической реальности, наблюдаемый у Мандельштама, — создание «семантической *неопределенности*», при которой элементы поэтического текста оказываются — в отношении смысловых характеристик — как бы «взвешенными», «неприкрепленными». Это позволяет автору использовать подобную неопределенность для «свободного творения» нового поэтического мира, для «свободного диалога» с читателем, для свободной интерпретации значений слов и фраз. В результате образуется «особый семантический слой», функции которого состоят в подавлении «автоматических и статистических» валентностей слова и в создании новых валентностей, позволяющих сопрягать слова, принадлежащие далеким смысловым рядам или даже противоположные по смыслу¹³.

Фактически первым источником подобного обоснования семантической поэтики являются размышления самого поэта о природе слова¹⁴, наиболее полно и развернуто представленные в культурфилософском эссе Мандельштама «Разговор о Данте» (1933). Отметим важнейшие для автора тезисы его концепции словесности.

— «Всякий период стихотворной речи — будь то строка, строфа или цельная композиция лирическая — необходимо рассматривать как единое слово».

— «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку».

— «Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова. Тогда оно оказывается гораздо длиннее, чем мы думали, и мы припоминаем, что говорить — значит всегда находиться в дороге» [2, 166].¹⁵

¹² См.: Там же. С. 292.

¹³ См.: Там же. С. 295–296.

¹⁴ См.: Там же. С. 287.

¹⁵ Судя по используемой поэтом терминологии, теоретический дискурс этого эссе формировался под несомненным влиянием трудов русской формальной шко-

Все это означает, что Мандельштаму-поэту, Мандельштаму-мыслителю было тесно в пространстве бинарных оппозиций.

3. ПЕРЕПЛАТЕНИЕ ТЕРНАРНЫХ СТРУКТУР

Третий случай «уплотнения» текста у Мандельштама — это организация смыслового пространства цепочкой пересекающихся «триад» (минимальных семантических кластеров). В отличие от бинарных оппозиций, предоставляющих автору и читателю некую «свободу выбора» — одного из двух (часто иллюзорную), — тернарные структуры («триады») как бы парализуют возможность выбора (три не делится на два). Простейшие примеры общеизвестных триад в истории культуры — «Свобода — Равенство — Братство» или «Истина — Добро — Красота». У Мандельштама множество текстов, построенных на переплетении в принципе неразрешимых «триад».

Большинство семантических кластеров, используемых Мандельштамом, представляет собой триады. Вспомним самые хрестоматийные его кластеры. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» [1, 84]; «Россия, Лета, Лорелея» [1, 96]; «Свобода, равенство, закон» [1, 101]; «В Европе холодно. В Италии темно. Власть отвратительна...» [1, 181]; «Воронеж — ворон — нож» [1, 198]; салат «из дерева, стекла и молока» [1, 201]; «Дичок, медвежонок, Миньона» [1, 205]; «Читателя! советчика! врача!» [1, 221]; «Звуки, слезы и труды» [1, 217]. Во всех этих примерах из Мандельштама три далеких образа (слова, понятия), как правило, взятые из непересекающихся семантических рядов, связаны в тернарные конструкции, общий смысл каждой из которых в принципе затруднен из-за смыслового разброса составляющих каждую триаду компонентов. Ведь кластерами мы называем не любые три слова, связанные синтаксически или семантически в единый «пучок», а именно слова, обозначающие предметы, связь между которыми совсем не очевидна, даже парадоксальна, противоречива.

Стихотворение «Рояль» (1931) [1, 159] построено именно таким образом.

лы, и прежде всего — Тынянова. Известно, что Тынянов был одним из первых слушателей «Разговора о Данте».

Зрительный зал концерта своим «вялым дыханием» сравнивается с парламентом времен начала Великой французской революции, «жующим фронду». Но, в отличие от парламента, в Большом зале консерватории не складывается смысловая триада:

Не идет Гора на Жиронду
И не крепнет сословий вал.

«Революционному парламенту» зала противостоит «король» — Рояль (фр. *royal* «королевский»). Он обозначен в тексте стихотворения двумя триадами, выражающими противоречивые отношения пианиста и слушателей:

Оскорбленный и оскорбитель,
Не звучит рояль-Голиаф,
Звуколюбец, душемутитель,
Мирабо фортепьянных прав.

Одна триада выражает точку зрения зала: «оскорбленный» — «оскорбитель» — «рояль-Голиаф» (Голиаф — библейский великан, которого победил Давид); другая — представляет роль пианиста с его собственных позиций: «звуколюбец» — «душемутитель» — «Мирабо фортепьянных прав» (Мирабо — деятель Великой французской революции и выдающийся оратор). 2-я строфа в целом рисует музыканта (прототипом которого является Г. Г. Нейгауз как безусловный идейный центр концерта, средоточие страстей «за» и «против» его лидерства. Подобным образом построено всё это стихотворение.

Следующая, 3-я строфа стихотворения характеризует состояние пианиста, чувствующего непонимание музыки залом:

— Разве руки мои — кувалды?
Десять пальцев — мой табунок!
И вскочил, отряхая фалды,
Мастер Генрих — конек-горбунок.

Здесь сплетены сразу две триады в одной: первая — пианистическая («руки» — «пальцы» — «мастер Генрих»), вторая — «конская», ассоциирующаяся не с музыкой, а с шумом (конский топот): «кувалды» — «табунок» — «конек-горбунок». Обе

триады исключают друг друга: пианист и зал не понимают друг друга: там, где один служит Музыке, слушатели ощущают лишь шум.

После этой строфы в журнальной публикации шло отточие, свидетельствовавшее о пропущенной строфе. Возможно, здесь сказалось вмешательство цензуры, но, может быть, и сам автор снял ее как неактуальную. Среди вариантов стихотворения эта строфа сохранилась. В ней конфликт между пианистом и залом получает неожиданное разрешение:

Не прелюды он и не вальсы
И не Листа листал листы,
В нем росли и переливались
Волны внутренней правоты.

Первая триада ([не] «прелюды» — [не] «вальсы» — [не] «листы Листа») свидетельствует о том, что причина непонимания — не в музыке; вторая триада ([волны] «росли» — [волны] «переливались» — [волны] «внутренней правоты») утверждает нравственное превосходство личности пианиста над настроением толпы. Именно «внутренняя правота» мастера, художника выводит его на мировой уровень. Пресловутая «тоска по мировой культуре» (выражение, принадлежащее Мандельштаму, но восходящее к Гёте)¹⁶ становится своего рода вкладом в мировую культуру и музыканта, и сочувствующего ему поэта.

Последние строфы стихотворения (здесь бросается в глаза фраза: «Чтобы в мире стало просторней, / Ради сложности мировой...») тоже построены по триадическому принципу. 4-я строфа: «мировой простор» — «мировая сложность» — «сладкая земная груша» и заключительная, 5-я строфа: «соната джиг (н) а» — «смола», проступившая «из позвонков» — «нюрнбергская пружина, выпрямляющая мертвецов» — показывают, что высокая культура в лице великого музыканта, вторгаясь в мировые проблемы, побеждает инерцию и пошлость обывательской среды и способна преодолеть отчуждение и смерть.

Представленные здесь триады (тернарные структуры) характеризуют сложность и запутанность мироздания, принципиальную

¹⁶ См. подробнее: Кирибавм Г. «Валгаллы белое вино ...»: немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М., 2010.

неразрешимость жизненных конфликтов, невозможность одинакового понимания и видения разными людьми одних и тех же предметов, вещей, слов, идей, образов («пучок» противоположных смыслов). В конечном счёте доминирование триадического мышления означает усиление *смысловой неопределённости* поэтического текста.

Проницательный и чуткий читатель Мандельштама Аверинцев сформулировал проблему Мандельштама как выпадение поэта из дуальной логики. Мандельштам, — писал он, — «(...)не книжник и не фарисей, не пророк и не учитель. Уж скорее жаворонок, не перестающий звенеть “перед самой кончиною мира”, с хрупким певчим горлом». И пение этого жаворонка можно выразить не в «сарказме» и не в «укоре», а в «благодарности»¹⁷. Триадическая логика рассуждений Аверинцева здесь несомненна, как несомненна и его правота в отношении Мандельштама. Неслучайно он обращается к ассоциации Мандельштама с образом Франсуа Вийона из мандельштамовского стихотворения «Чтоб, приятель и ветра и капель ...» (1937) [1, 238].

Однако проблема «выпадения» Мандельштама из дуальной логики состоит не столько в переходе его от дуальной логики к тернарной, сколько в совмещении той и другой в едином формате, что создает ощущение мучительного несовпадения: творческой индивидуальности поэта с окружающей реальностью, поэтического мира с «миром державным» [1, 153]. Так, в поэтике Мандельштама возникает *четвёртый способ «уплотнения»* художественной текстуры его стихотворных произведений, основанный на аппликации триад на фоне перечашей им бинарности.

4. МУАРОВАЯ ТЕКСТУРА

Чем ближе оказывался Мандельштам к трагической развязке, тем настойчивее обращался он к *муаровой текстуре* переплетенных между собой диад и триад. В 1937 г. почти все стихотворения Мандельштама построены по этой безысходной логике: 2 и 3 (чёт и нечёт) не приводятся к одному знаменателю и с трудом соединяются между собой.

¹⁷ Аверинцев С. С. «Город изгнания, город беды ...» // Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы. М., 2011. С. 132–133.

Вот, например, стихотворение, посвященное взаимоотношениям лирического героя с природой («Я к губам подношу эту зелень...», 1937 [1, 241]). Но диалог поэта с природой не получается: природа организована триадами, а человек мыслит бинарно. Поэт целует «зелень», «клеякую клятву листов», «клятвопреступную землю», которую возвышенно характеризует, как «мать подснежников, кленов, дубков», — и не получает никакого ответа. Природа живет своей замкнутой жизнью; она соблюдает клятвы, данные себе самой, но по отношению к человеку легко их нарушает. И поэт замечает эту её двойственность.

Лирический герой пытается подчиниться природе, принять её законы:

Погляди, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?

Подчинение «смиренным корням» природы ведёт к «укреплению» человеческой природы, но одновременно теряется культурное зрение. Великолепие природы подавляет творческий дар художника. Все это размышление поэта выстроено в дуальной логике: «крепну и слепну», «подчиняясь корням», «глазам слишком великолепно», «глазам — от гремучего парка». И снова парадокс: зрение поэта поражено звуками природы («гремучий парк»). Оппозиция *природы* и *культуры* превращается в противопоставление *звука* и *взгляда*. Звук природы воспринимается пассивно, а творческий взгляд художника активен и способен преобразовать действительность.

В конце стихотворения триады от природы переплетаются с диадами от человека: природные «квакуши», «прутья», «пар» превращаются в воображении поэта соответственно в «шарики ртути», в «ветки», в «молочную выдумку»; голоса лягушек «сплетаются в шар». Реальные предметы и их поэтические образы соединяются попарно: Квакуши — шарики, прутья — ветки, пар — молочная выдумка... Противоречивое единство природы и культуры восстановлено, но не ценой подчинения культуры коренным принципам природы, а в результате поэтического воображения, преобразующего природу в искусство.

Мандельштам любил, особенно в поздний период своего творчества, после нагромождения цепочек парных сопоставлений /

противопоставлений внезапно перейти к тернарным конструкциям, и такой переход невольно обескураживал читателя. Автор словно демонстрировал возможность выхода из потока «дурной бесконечности», — неважно какой — счастливый исход или трагический конец. А может, поэт таким образом намекал на неизбежность перемен... Каждый раз, когда на месте бесконечных диад возникали триады, смысловое пространство стихотворения как бы раздвигалось и возникало ощущение резкого *сдвига* в его содержании.

Вот три стихотворения, написанные подряд в марте рокового 1937 г.

Первое: «Чтоб, приятель и ветра и капель...» (1937) [1, 237–238] по своей композиции, на первый взгляд, бинарно. Первая его часть (1-я и 2-я строфы) посвящена дискредитации Древнего Египта (память о египетском плене и освобождении от него жива!), который рисуется как бесчеловечный строй, в котором «государственный стыд» «украшался отборной собачиной» и который «мертвецов наделял всякой всячиной» (прозрачны ассоциации с Советским Союзом и культом Ленина). Эта часть сопряжена из ряда дуальных оппозиций.

Вторая часть стихотворения посвящена «любимцу кровному» поэта — Франсуа Вийону, еще с дореволюционной поры возводившему Мандельштаму в образец совершенства. Однако сама фигура ренессансного поэта амбивалентна: он гениальный поэт, далеко опередивший свое время и в то же время — беспутный бродяга, водивший дружбу с разбойниками и ворами, не то приговоренный к повешению, не то действительно повешенный по приговору суда. Правда, вторая часть, посвящённая противоречивому Вийону, фактически распадается надвое. Вначале (3-я и 4-я строфы) образ непокорного, но человеческого поэта явно противопоставлен бесчеловечному, но формально «правильному» Египту; рисуется он набором дуальных оппозиций: «утешительно-грешный певец», «беззаботного праха истец» [1, 237], упоминаются два его поэтических «завещания», а «прощанье» с преступником открывало грядущим поколением его поэтический «мир, который как череп глубок» [1, 238].

Но тут выясняется, что следующие строфы (5-я и 6-я) являются не столько продолжением предыдущих, а фактически открывают новую (третью) главу в размышлениях о соотношении «законного» и «беззаконного» в человеческом мире. Закон хорош, когда в человеке нужно видеть преступника, но закон опасен и вре-

ден, когда начинает судить поэта, художника. И здесь поэтический мир перестраивается по триадическому принципу, где невозможен выбор между «да» и «нет».

Рядом с готикой жил озоруючи
И плевал на паучы права
Наглый школьник и ангел ворующий,
Несравненный Виллон Франсуа.

Он разбойник небесного клира,
Рядом с ним не зазорно сидеть —
И пред самой кончиною мира
Будут жаворонки звенеть... [1, 238]

«Готика» — «озорство» — «наплевательство на паучы права» — это одна триада, характеризующая Вийона; «наглый школьник» — «ангел ворующий» — «несравненный Виллон» — это вторая (а в каждом компоненте триады есть свои бинарные оппозиции (особенно характерная — «ангел ворующий»!). И третья триада, заключительная: «разбойник небесного клира» — «рядом с ним не зазорно сидеть» — «будут жаворонки звенеть». Последняя триада — самая парадоксальная и эмоционально сильная (она тоже составлена из бинарных оппозиций). Вийон, если и разбойник, то «небесного клира» (ангел, святой); с таким «разбойником-поэтом» рядом находиться для каждого лестно и почетно (тень виселицы забыта!); его присутствие в мире удивительно и редко: как будто жаворонок поёт «перед самой кончиною мира» (чудо!).

Таким образом, само стихотворение по своей композиции оказывается не бинарным, а тернарным. Первая его часть — обличение Египта, государства, воплощающего в себе мертвый закон. Вторая часть — взаимоотношения свободного поэта с тираническим государством и его мертвыми законами. Третья — полное оправдание поэта «милостью Божьей», который выше «готики», выше «паучьих прав», школьного или церковного порядка, наконец, его творчество предвывает (предвосхищает, предотвращает собой) конец света, т. е. находится в ряду предельных сакральных категорий.

Другое стихотворение — «Гончарами велик остров синий» (1937) [1, 238–239], которое посвящено Криту. Предполагается, что оно было написано под впечатлением античных сосудов кри-

то-микенской эпохи, представленным в коллекции Воронежского музея. Описание эпохи выражалось в сплетении разных сопоставлений: Крит — гончары, глина — обжиг, море — глаз, труд — суд, еда и питьё... А в конце этой вереницы диал вдруг появляется триада, построенная по многим основаниям:

Выздоровливай же, излучайся,
Волоокого неба звезда,
И летучая рыба — случайность,
И вода, говорящая «да». [1, 239]

Сочетание звезды, летучей рыбы и воды трудно объединить в одном представлении, концепте, — здесь образы смотрят в разные стороны и характеризуют соединение несоединимого. Звезда — символ высокого, недостижимого; летучая рыба — воплощение необычности и случайности (в отличие от других рыб, она летает); вода — постоянство повседневности, обыденная материя, созвучная человеку. В целом же это, может быть, образ античной гармонии человека и природы; или вечности мироздания; или желанного конца всех испытаний и тревог...

Третье стихотворение из этого ряда — «Длинной жажды должник виноватый...» (1937) [1, 239], как и предыдущее, связано с описанием античного кратера (сосуда для смешивания вина с водой), но, по сути, представляет собой рассуждение о собственной судьбе. Нескончаемая череда диад, наполняющих первую строфу, может читаться и как замаскированные триады (например, «сводник вина и воды»):

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды:
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Вторая строфа уже полностью во власти триал, прерывающих течение бинарности:

Флейты свищут, клянутся и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном, — и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

«Чёрно-красный» обод кратера, в котором вино разбавляют водой (в результате чего получается нечто среднее — ни вино, ни вода), символизирует *беду* поэту, и неслышимая *музыка* изображенных флейт подтверждает это. Недостоящее, но тщетно ожидаемое звено триады — то, которое могло бы «поправить беду». Триада с одним неизвестным неизбежно сворачивается в диаду. Ни вода и вино, ни свист нарисованных флейт, ни пляски изображенных на боках сосуда козлят, ни зреющие под музыку плоды, — ничто не может предотвратить подступающей к поэту беды. И из числа современников поэта нет никого, кто бы осмелился предотвратить несчастье, нависшее над опальным художником. Безмолвный гость из античного мира выносит созерцающему его художнику роковой приговор по правилам древнегреческой трагедии.

Одно из последних стихотворений Мандельштама (из «двойчатки» «[Стихи к Н. Штемпель]») — «Есть женщины, сырой земле родные ...» (1937) [1, 244] посвящено смерти и бессмертию. Оно сплетено из парных образов, рисующих погребальное шествие плакальщиц: «родные» — «сырой земле», «каждый шаг» — «гулкое рыданье», «сопровождать воскресших» — «приветствовать умерших», «ласки требовать» — «преступно», «расставаться» — «непосильно» ... Из этой вереницы бинарных конструкций вырастают тернарные кластеры, усугубляющие траурное настроение и придающие ему характер вселенских обобщений, полных сдержанного трагизма:

Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
А послезавтра — только очертанье ...

И далее:

Что было поступь — станет недоступно ...
Цветы бессмертны, небо целокупно,
И всё, что будет, — только обещанье¹⁸.

Однако тернарные конструкции в творчестве позднего Мандельштама служат не только выражению неопределенности, растерянности, безысходности, но и преодолению тревожной бинарности, мучительной рембрандтовской «светотени». В процити-

¹⁸ Аверинцев С. С. «Город изгнания, город беды ...». С. 132–133.

рованных строфах безрадостный выбор между «сегодня» и «завтра» приводят поэта к размышлениям о «послезавтра», т. е. о *вечности*. В другом стихотворении того же 1937 г. Мандельштам выстраивает иную триаду, обращенную в вечность. В театре «растущих времен» (т. е. в трагической современности) «все хотят увидеть всех — рожденных, гибельных и смерти не имущих». Желание естественное, но невозможное: понять, кто из современников обречен на жизнь, кто на гибель, а кто — на бессмертие. Сам выбор — уже не только между рождением и смертью, но между гибелью и бессмертием — даёт надежду на грядущее избранничество, а не свидетельствует об обреченности. В этом новом измерении жизни — исторический оптимизм позднего Мандельштама, неотделимый от тревоги и страха за свою жизнь.

Совмещение различными способами бинарности как средоточия конфликтности и тернарности, как сочетания многомерности и неопределённости позволило Мандельштаму придать своему поэтическому миру особый трагизм, вполне соответствовавший как мироощущению поэта, так и атмосфере сталинской эпохи и Большого террора. Но одновременно — поэтический мир Мандельштама передаёт величие философского и художественного осмысления XX века во всей его многомерности, противоречивости и уплотненности.

5. ПЕРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ

Есть у Мандельштама и пятый способ усложнения текста, а значит, и стоящей за ним картины мира. Это — переменный контекст культуры, в котором один и тот же текст обретает разный смысл. А контекстов, к которым обращается поэт в своём творчестве, неисчислимо много. И в каждом отдельном произведении контекст осмысления и переосмысления того или иного образа, как правило, меняется несколько раз. Так, например, в «Стихах о неизвестном солдате» (1937) контекст кардинально меняется не менее 20 раз.

На протяжении всего своего поэтического творчества Мандельштам выработал свою «палитру» культурных контекстов. Вот приблизительный список типичных мандельштамовских контекстов:

- Древний Египет, египетский плен иудеев;
- библейский (ветхозаветный) период;

- древнегреческая античность;
- евангельские (новозаветные) мотивы;
- итальянское и французское Возрождение (Данте, Рафаэль, Микеланджело, Ариосто, Вийон и др.);
- Гёте и немецкие романтики;
- фольклор (преимущественно русский);
- русская поэзия XVIII–XIX вв.;
- западноевропейская музыка XVIII–XIX вв.;
- Серебряный век, поэзия акмеистов;
- Октябрьский переворот и революционная эпоха;
- кавказская экзотика (Армения, Грузия);
- советская современность 1920-х гг.;
- сталинская эпоха, ссылки, начало Большого террора.

Изялюбленный приём работы с контекстами у Мандельштама — сопоставление далеких исторических контекстов применительно к одному и тому же месту действия («К немецкой речи», «Ариост», «Рим»). Ломка хода национальной истории (в Италии, в Германии) в связи с приходом к власти фашистов имеет и более общий, иносказательный смысл, касающийся российской и мировой истории. Ещё в большей степени обобщающий смысл присущ «Стихам о неизвестном солдате», где место действия вообще не локализуется («всемирность»).

Сравнительно-исторический подход к сопоставлению различных национальных контекстов применительно к России Мандельштам использует более осторожно (что вполне объяснимо). Но изощренная, даже изысканная метафористика не скрывает остроты социально-политической проблематики. Вот, например, очень опасное стихотворение на тему коллективизации:

У нашей святой молодежи
Хорошие песни в крови:
На баюшки-баю похожи,
И баю борьбу объяви.

И я за собой примечаю
И что-то такое пою:
Колхозного бая качаю,
Кулацкого пая пою.

(1933) [1, 305]

Стихотворение это могло показаться, на первый взгляд, шуточным (если бы не тема, которая не могла быть шуточной ни в официальном, ни в оппозиционном смысле). Сквозная игра слов, каламбуры в виде цепочки бинарных оппозиций: бай — пай, бай — баюшки-баю, пай — пою... При этом оксюморонные сочетания, вроде «колхозного бая» или «кулацкого пая», бессмысленны и абсурдны, как если бы «баюшки-баю» было бы производным от «бая»...

Однако, на второй взгляд, стихотворение — издевательское, даже глумливое, а значит, антисоветское. Не случайно оно написано незадолго до антисталинского «Мы живем, под собою не чуя страны...» (в том же ноябре 1933 г.). Оно целиком построено на антитезе «советского» (1-я строфа) и авторского (2-я строфа); то и другое излагается иронически и гротескно.

Первое четверостишие представляет собой как бы хвалу советской молодежи. Однако первая же строка похвалы настораживает: в каком таком смысле «наша молодежь» — «святая»? Возвышенная? Вряд ли. Напрашивается один просторечный контекст — «*святая простота*», т. е. наивная, доверчивая, слепо верящая во всякие идеологические догмы, подхватывающая любые политические лозунги советской власти. «Хорошие песни» — в ироническом смысле — именно те, которые и хотела бы слышать власть. Но есть в этих «песнях» и противоречия: с одной стороны, песни успокоительные, оптимистичные: «баюшки-баю» («всё хорошо», «единодушно поддерживаем» и пр.); с другой, возбуждающие ненависть, призывающие к борьбе с классовыми врагами: «баю борьбу объяви». Понятное дело: эти противоречия ощутили лишь поэтом, — ни «святая молодежь», ни руководящие ею «тонкошие вожди» не слышат в этих заученных песнях никакой двойственности. Поддерживать во всем советскую власть и беспощадно бороться с ее врагами — такова двуединая политическая стратегия советского государства.

Нас не должны смущать настойчивые среднеазиатские аллюзии мандельштамовского стихотворения. Есть здесь, конечно, и цензурная маскировка (в это время шла пропагандистская кампания против «байских» принципов в сельском хозяйстве среднеазиатских республик, которая давалась с гораздо большим трудом, чем раскулачивание в европейской части России, а чаще всего была безрезультатной).

Но есть в этом и более глубокий подтекст: «байское хозяйство» символизировало в Советском Союзе крайнюю отсталость и дрему-

честь, беспросветное азиатское средневековье, забитость и покорность народных масс, неограниченный произвол местных властей («баев»). Мандельштам трактует «байство» ещё более широко. Во-первых, это феодализм и его наследие, в том числе сохраненное или реанимированное в XX веке. Во-вторых, это авторитарный произвол на всех уровнях управления (начиная с «вождей» и кончая мелкими канцеляристами). В-третьих, это стойкий и почти неискоренимый традиционализм — сознания, жизненного уклада, культуры, включая извечное почитание всех «баев», в том числе и русских.

Вторая строфа стихотворения носит вид «примирения» поэта с действительностью и афиширует принятие им «хороших песен» молодежи («Я что-то такое пою»). Но на деле он поёт прямо противоположное, да ещё и вывернутое наизнанку. Вместо того, чтобы воспевать колхозы и проклинать баев, он «колхозного бая качает» (новорождённый после коллективизации советский «бай»), а поет «кулацкого пая» (т. е. тяжкую долю «лишенца», ссыльного, вражеского элемента, уничтожаемого как класс).

Игра с историческими и национальными контекстами приводит поэта к страшным выводам. «Хорошие песни» фальшивы и лживы; феодализм и в Средней Азии, и в России сохранился в лучшем виде под вывеской колхозов; новые советские «бай» быстро становятся неотличимыми от дореволюционных. Борьба с «баями» и с «байством» иллюзорна; средневековье в России неискоренимо. «Святой молодежи» остаётся лишь распевать: «баюшки» — баю!

В дальнейшем манипуляция культурными контекстами становится у Мандельштама ещё более сложной и ассоциативной. Приведу три примера.

1) «Что делать нам с убитостью равнин...» (1937, из 2-й воронежской тетради) [1, 119].

Казалось бы, налицо медитация о центрально-черноземном ландшафте, который раздражал поэта своим однообразием. Но что за вопрос: «Что делать нам?» Вопрос синонимичен безысходности. Что значит «убитость равнин»? Это не означает их заброшенности, изуродованности людьми; скорее, за этим определением стоит ощущение некоей обреченности этого пространства. Второй «упрек» поэту равнинам — это «протяжный голод их чуда». Откуда взялся в этих «хлебных» местах «протяжный голод», мы зна-

ем. Но в чем здесь «чудо»? В том, что, несмотря на их «убитость», на них ещё продолжается жизнь? К «убитости» и «голоду» добавляется «открытость». Бескрайний простор русских равнин, конечно, подразумевается, но имеется в виду ещё и распространение «убитости» и «голода» на всю равнинную страну.

Эта расплзающаяся «открытость» — и «мнимая», и «зримая», она мучит своего созерцателя и во сне, и наяву ещё более странным вопросом, нежели безысходный «Что делать?»: «И всё растет вопрос: куда они, откуда»? Это уже вопрос не о равнинах, а об их «убитости» и «протяжном голоде», — в такой же мере метафизический, как и социально-политический. «Чудо» убитых равнин — рукотворное, бесчеловечное, катастрофичное. «Убитость» целой страны, надвигающаяся со всех сторон, — это масштаб Апокалипсиса и подобных библейских событий. И как подтверждение этой страшной догадки — заключительные строки стихотворения, ставящие воронежские наблюдения над советскими трансформациями действительности в новозаветный контекст:

И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим, —
Пространств несозданных Иуда?¹⁹

Предательство ныне живущих, отречение от спасительных идеалов, заклание будущего ради быстroteкущего настоящего, безысходность «равнинной» жизни, однообразной и монотонной, — вот подлинный ужас исторического застоя... Понимание трагизма современной для Мандельштама реальности сталинской эпохи оказалось возможным при столкновении контекста 1930-х гг. с внеисторическим контекстом Священной истории.

2) Другой пример. «Из-за домов, из-за лесов...» (1936, из 2-й воронежской тетради) [1, 208].

Это стихотворение проникнуто настроением «примирения» поэта с советской действительностью (возможно, нарочитым, по-

¹⁹ Первоначально эта строка читалась: «Народов будущих Иуда». См.: Мандельштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. Т. 3: Стихи и проза 1930–1937. М., 1994. С.111. Ср.: Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 3 т. / Под ред. Н. А. Струве и Б. А. Филиппова. Вашингтон; Мюнхен, 1967. Т. 3. С. 238, 532. Возможно, это исправление было внесено автором из цензурных соображений.

казным). Но бросается в глаза настойчивый фольклорный контекст (но не страшной сказки, как, например, в «Я с дымящей лучиной вхожу ...» 1931 г. или в «Полюбил я лес прекрасный...» 1932 г., а эпический, былинный). Такой контекст создает былина новгородского цикла о Садко, с которой постоянно соотносятся советская современность и деятельность самого поэта.

Из-за домов, из-за лесов,
Длинней товарных поездов —
Гуди за власть ночных трудов,
Садко заводов и садов.

Что это за «Садко»? Первые две строки звучат, как загадка: «два кольца, два конца ...». Из третьей строки мы узнаем, что это — гудок. В конце строфы герой стихотворения назван полным именем — «Садко заводов и садов». Если это не гудок поездов, то это, может быть, заводской гудок? Но у садов точно нет гудка. И потом, это гудок, поддерживающий «власть ночных трудов», т. е. вдохновляющий литературный труд поэта... Ясно, что Садко — это многозначный символ коммуникации, призыв, обращённый к людям, населяющим города и сёла, к людям взывают и «ночные труды» самого Мандельштама-поэта.

Гуди, старик, дыши сладко,
Как новгородский гость Садко
Под синим морем глубоко, —
Гуди протяжно в глубь веков,
Гудок советских городов.

Вторая половина стихотворения усложняет контекст размышлений поэта. С одной стороны, Садко — это «гудок советских городов», символ сталинской индустриализации. С другой, — Садко — былинный герой, певец и гуслиар, своего рода alteregосовременного художника. Его голос несравним с заводским гудком: гудок — монотонен и однозначен, он — знак коллективного принуждения к работе; песни Садко — плоды его индивидуального творчества, музыкального таланта, свободного искусства, которое действует магически на всех слушателей.

Лирический герой призывает гудок походить на былинного певца: не только «гудеть протяжно в глубь веков», но и «дышать слад-

ко́» — «как новгородский гость Садко». Однако «новгородский гость» Садко логикой былинного сюжета тоже принужден развлекать морского царя и выбирать себе невесту из числа предложенных ему подводных красавиц, а его путешествие на дно морское призвано предотвратить гибель торговых кораблей, снаряженных самим Садко. Творчество в плену у морского царя вовсе не свободно, да и *дышать* ему «под синим морем глубоко» не так уж и «сладко». Поэтому лирический герой Мандельштама не склонен превращаться в громогласный и однообразный «гудок советских городов» и ассоциирует себя, скорее, с былинным героем, заточённым в морскую глубину и там пытающимся петь во всеоружии своего мастерства.

Вторжение былинного контекста в советский приводит содержание мандельштамовского стихотворения к умножению неразрешимых противоречий. Бинарные оппозиции, широко рассредоточенные по тексту, вызывают дополнительные ассоциации, не сглаживающие напряжения, но даже усиливающие внутреннюю конфликтность (заводской гудок — новгородский гость; дневной завод — ночной труд поэта; заводы — сады; леса — дома; глубь веков — глубины моря; гудеть — дышать; коллективная работа — индивидуальное творчество; труд рабочего — труд поэта...). Фактически главный конфликт разворачивается между двумя «Садко» — новгородским и «воронежским», между Садко прошлого и Садко настоящего. Но это противостояние не выливается в какое-либо развитие — сюжетное, концептуальное или психологическое. Бинарная конструкция застывает в неподвижной и зловещей неопределенности.

Однако бинарность исподволь нарушается, будучи «прошита» замаскированными триадами. «Дома» — «леса» — «товарные поезда»; «власть ночных трудов» — «Садко заводов» — «Садко» «садов»; «старик» — гудок — «новгородский гость» — «под... морем глубоко»; «протяжно» — «в глубь веков» — «гудок советских городов». Подобные «стежки» (связки между диадами и триадами) как бы дают робкую надежду на сближение Садко-поэта с «гудком советских городов», на тождество «глуби веков» — назад, к Великому Новгороду, и вперед, к новым индустриальным победам советского строя. Но, несмотря на эти попытки консолидации поэта (и его «тоски по мировой культуре») с окружающей «советскостью», остаётся ощущение неразрешенного конфликта между древнерусским контекстом и всесторонней «большевизацией» страны.

Слово «Садко» по своему смыслу размывается: это и имя былинного героя, и метафорическое название заводского гудка и даже «гудка садов», лесов и домов (совсем невообразимого). Вероятно, Мандельштам знал или догадывался, что для большинства исполнителей фольклора «имя Садок [один из распространенных вариантов имени новгородского гостя во многих текстах былинного цикла. — И. К.] ассоциировалось [...] с русскими словами “сад” или “садок” (также и в значении “устройство для содержания живой рыбы”)»²⁰. Поэт ощущает себя и голосом сада, и живой рыбой, временно содержащейся в садке под водой, и поэтом Садком на века.

Остается вопрос, откуда взялся былинный контекст в стихотворении о возможном компромиссе поэта с советской действительностью. Здесь придется вспомнить о начавшемся в 1930-е гг. сталинском повороте к государственному русофильству и русификации «советского». В это время искусственно реанимировался общественный и государственный интерес к фольклору, особенно к былинам (в которых усматривали реальное историческое содержание). Появились призывы к изучению «советского фольклора», будто бы отражающего советскую историю и действительность.

Известный (еще с дореволюционного времени) русский фольклорист Ю. М. Соколов в 1931 г. выступил в журнале «Литература и марксизм» с заказной статьей, в которой заявлял: «Поскольку устное поэтическое творчество есть одна из областей словесного искусства, актуальные задачи современного рабочего и колхозного фольклора — те же, что и актуальные задачи пролетарской литературы. Осуществляя классовое планомерное руководство литературой, было бы непоследовательно оставлять устное творчество на произвол стихии, — необходимо, чтобы и в устном творчестве пролетарское сознание подчинило себе стихийный процесс»²¹.

После этой инициативы управление фольклором и фольклористикой со стороны идеологических органов вступило в свои права, результатом чего явилось создание советского псевдофольклора, в частности «новины»²² (советских былин), героями которых

²⁰ Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. С. 390 (прим.).

²¹ Соколов Ю. М. Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период // Литература и марксизм. 1931. № 5. С. 92. См. также: Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 23.

²² Термин «новины» — в отличие от былин прежнего времени — «старин» — ввела знаменитая сказительница Марфа Крюкова, приложившая много сил для

становились Ленин, Сталин, Ворошилов, Киров, Буденный, акад. О. Ю. Шмидт, Чапаев, Чкалов и др. Политизацию и идеологизацию фольклора поддержал М. Горький в своем докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей²³ и тем самым подхлестнул этот процесс трансформации фольклора в псевдофольклор.

Первый серьёзный исследователь «сталинского фольклора» Ф. Миллер констатировал: «В 1936 году правительство стало осуществлять непосредственный контроль за изучением фольклора»²⁴, начавшийся с официального запрета оперы А. П. Бородина «Богатыри» на текст Демьяна Бедного в Камерном театре А. Таирова²⁵. Но и до этого (в 1932–1935 гг.) уже возник «фольклорный бум», проявившийся не только в публикации советских псевдофольклорных текстов, но и в пропаганде классического фольклора. «Исполнители традиционного фольклора быстро вошли в число наиболее именитых граждан; фольклор широко популяризировался в школах, газетах, по радио и посредством граммофонных записей. Выпускались кинофильмы, посвященные былинным героям Илье Муромцу, Садко, Василию Буслаеву».²⁶

В этих условиях обращение Мандельштама к былинному контексту было закономерным, хотя, конечно, пронизанным иронией и самоиронией. Возведение советских реалий в ранг былинной архаической героики стоило уподобления поэта XX в. древнерусскому гусляру XV, а то и XII в. А столкновение двух взаимоисключающих контекстов в рамках одного, сложного для понимания текста придавало целому тревожный характер, несмотря на, казалось бы, светлый, мечтательный тон лирического откровения.

3) А вот и третий пример. «Где связанный и пригвожденный стон?» (1937, из второй тетради) [1, 223].

Здесь главный контекст — античный. Упоминается Прометей и сопутствующий ему коршун; называются и древнегреческие трагики — Эсхил и Софокл, — один — «отец трагедии»,

создания советского героического эпоса, пронизанного большевистской идеологией.

²³ См.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С. 8; М., 1990. С. 10.

²⁴ Миллер Ф. Сталинский фольклор. СПб., 2006. С. 14.

²⁵ См.: Против фальсификации народного прошлого. М.; Л., 1937.

²⁶ Миллер Ф. Сталинский фольклор. С. 16.

другой — победитель Эсхила в театральном состязании... Вспоминая театральную Грецию, лирический герой, обращаясь к своей современности, не то ее упрекает, не то благодарит за то, что его эпоха не знает античной трагедии: «Тому не быть: трагедий не вернуть». Но Мандельштам прекрасно знал, что в 1937 г. страна переживает трагедию Большого террора, не сравнимую по масштабу и безысходности ни с какой трагедией античности. Это значит, что отрицание поэтом современной трагедии является более или менее сознательным уклонением от обсуждения этой темы. Конечно, совершающиеся вокруг поэта и с ним самим трагедии не похожи на сюжет Прометея; в них нет места коршуну, скале, наконец, «связанному и пригвожденному стону». Эстетическое и нравственное несовпадение современных трагедий с античным каноном трагического — налицо. В этом смысле — трагедию, в её античном понимании, в ее античной поэтике — действительно, не вернуть...

Зато в современности разворачивается иная трагедия — «Эсхила-грузчика», «Софокла-лесоруба»... С одной стороны, это можно понять, с официальной точки зрения, что в Стране Советов каждый грузчик может стать Эсхилом, каждый лесоруб — Софоклом (к этой версии интерпретации, если Мандельштам имел её ввиду, он не мог относиться иначе как к пропагандистской демагогии, т. е. иронически). Но ведь, с другой стороны, возможна и иная трактовка этого текста: в свое время Эсхил и Софокл, «отцы трагедий», были уважаемыми гражданами, которых чтили как творцов, которым воздвигали храмы, а сегодня такие гении, как Эсхил и Софокл, могут запросто стать грузчиками и лесорубами в лагере и не создавать трагедии, а быть реальными участниками этих трагедий, жертвами бесправия и насилия. Более того, в любом ЗэКа можно предполагать погибшего Эсхила или Софокла, если бы не случившаяся всеобщая трагедия.

Отвлечемся от того внутреннего спора, который, возможно, вёл Мандельштам с Вяч. Ивановым и И. Анненским в Серебряном веке относительно возрождения трагедии античного типа (ср. примечания к стихотворению [1, 652–653]). Когда поэт говорит о Прометее как об условном прообразе современных трагедий: «Он эхо и привет, он вежа — нет — лемех», когда он объявляет, что «Воздушно-каменный театр времен растущих / Встал на ноги», — речь идёт о том, что современный Мандельштаму трагический театр уже не уместается на арене античного амфитеатра, он

охватывает все жизненное пространство страны... Этот театр — «воздушный», потому что он разворачивается в открытом жизненном пространстве и вовлекает в свое действо «всех, кто дышит», и в то же время «каменный», т. е. безжалостный, бессердечный, бесчеловечный, потому что это политический театр, совмещенный с судом, тюрьмами и казнями.

Вся страна — это и есть судьбоносный, ужасающий по своим масштабам и последствиям действия «воздушно-каменный театр» XX века, демонстрирующий социальную трагедию, участниками и зрителями которой является все население страны: «И все хотят увидеть всех — / Рожденных, гибельных и смерти не имущих». — Вот зрелище, от которого невозможно оторваться никому, потому что в нём каждый ищет воплощение или предсказание своей судьбы. Здесь мы видим и ответ на исходный вопрос стихотворения: «Где связанный и пригвожденный стон?» Вот он, здесь. И народ — «Прометей прикованный», и коршун, с «желтоглазым гоном его когтей, летящих исподлобья», летит на расправу...

Так, столкновение двух далеких исторических контекстов — античности и современности — по-новому раскрывает трагический смысл эпохи, на первый взгляд, неочевидный, но, по сути, неотвратимый.

Уплотняя свой поэтический текст различными способами, Мандельштам добивался изображения и осмысления мира — во всей его сложности и противоречивости — за счет воссоздания «тесноты стихового ряда». Однако от его читателя требовались исключительная эрудиция, тонкость и многозначность восприятия, умение анализировать исторический контекст культуры и воспринимать многослойный подтекст поэзии. Вот почему поэтические тексты Мандельштама были и остаются действительно сложными для неподготовленного читателя и представляют собой во многих случаях трудную филологическую проблему для профессионалов.

МАНДЕЛЬШТАМ — НОВАТОР СТИХА

Стиховая культура Мандельштама неоднократно становилась объектом рассмотрения выдающихся ученых. Так, в 1962 г. появляется статья К. Тарановского [1], опирающаяся, правда, только на доступную в то время небольшую часть наследия поэта; спустя 35 лет новый обзор поэтического репертуара Мандельштама публикует М. Гаспаров [2]; наконец, в 2011 г. то же самое, но на еще более современном уровне делает В. Плунгян [3], и на основании его статьи составлен соответствующий раздел приложения «Мандельштамовской энциклопедии» [4].

В своих выводах исследователи практически единогласны: по мнению Гаспарова, «Неклассические размеры у Мандельштама очень немногочисленны (30 стихотворений, 7% всего материала) и пестры [2, с. 393]. Вывод Плунгяна более осторожен: «В метрическом отношении (как и вообще в отношении формальных приемов) О. М., по-видимому, не может претендовать на репутацию самого яркого новатора или признанного виртуоза русской поэзии эпохи модернизма» [3, с. 338], хотя при этом «Метрика О. М. медленно, но ощутимо меняется от ранних периодов

¹ Юрий Борисович Орлицкий — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Институт истории и филологии, Учебно-научная лаборатория мандельштамоведения.

к поздним, и эти изменения соответствуют общим тенденциям развития русской метрики» [3, с. 339].

На традиционности стихотворной поэтики Мандельштама (причём с несомненным для него знаком «плюс») настаивает и Бродский, утверждавший господство в его лирике пятистопного ямба («Обычно это ямбический пентаметр, сбивающийся на александрийский стих» [5, с. 94]) и то, что «его стихи не выглядели столь уж отличными от лирики символистов, господствовавших на литературной сцене: он использовал довольно регулярные рифмы, привычную строфную композицию, и длина его стихотворений вполне обычна — от шестнадцати до двадцати четырех строк» [6, с. 98].

Плунгян справедливо считает, что в рамках четырёх традиционно выделяемых периодов творчества Мандельштама его стих заметно меняется, и указывает, что внутри каждого из них «поэтика в значительной степени однородна (в том числе и в отношении формальных характеристик), между периодами имеются заметные, часто очень глубокие различия»: хотя «основной корпус поэзии О. М. — это регулярная силлаботоника с небольшой долей тонического стиха», но «резкий рост трехсложных размеров происходит у О. М. только в последний период творчества, причем этими размерами написаны (в отличие от более ранних периодов) многие ключевые стихи 1930-х». И далее: «в последний период творчества О. М., с начала 1930-х, оформляется иная метрическая картина, гораздо более разнообразная. Впервые значительной становится доля трехсложных метров (особенно анапеста), присутствующих в тематически и эстетически важнейших стихотворениях данного периода. По-прежнему высокой остается доля хорея (особенно 4-стопного и вольного); в массиве ямбических стихов безусловное лидерство переходит к вольному ямбу. Вновь возникают эксперименты с дольниками и полиметрическими формами, но на этот раз преобладающий тип дольника — длинный раскованный стих, далекий от логоэтической строгости первого периода, либо “подмешанный” в небольшом количестве к правильным трехсложникам 5–6-иктный дольник». Из этого учёный делает окончательный вывод: «в метрическом отношении О. М. прodelьывает достаточно сложную эволюцию от несколько консервативной ритмической строгости раннего периода и торжественной классичности “петербургского” периода, через поиски в области расшатанных тонических форм и полиметрии 1920-х — к ново-

му синтезу 1930-х, с преобладанием более эмоциональных и раскованных форм, но в целом находящихся в пределах регулярного стиха. В этой эволюции — от ранней строгости к новой раскованной музыкальности — О. М. во многом следовал за общими тенденциями эпохи (канонизировавшей сначала дольник, потом тактовик и акцентный стих), однако следовал осторожно, тщательно отбирая для своего метрического арсенала те формы, которые соответствовали его художественным принципам» [3].

Мы считаем, что для того, чтобы увидеть в стихотворной поэтике Мандельштама не только несомненную традиционность, но и не менее очевидное (по крайней мере, для нас) новаторство, необходимо, во-первых, несколько усовершенствовать методику анализа метрики, используя понятие гетероморфности и гетероморфного стиха (ГМС) [6; 7], а во-вторых, рассматривать метрику не изолированно, а в неразрывной связи со строфикой и рифмовкой.

Необходимо отметить, что гетероморфность — общий вектор развития русского постклассического стиха. В метрике она проявляется в тяготении к неполному соблюдению стопности (использованию разностопных и вольных метры), отход от силлаботоники (прежде всего — к тонике, верлибру, логоэдам), в «маскировке» традиционных метрических форм с помощью цезуры, в том числе нерегулярной, с наращениями и усечениями, прежде всего — в длинном стихе; разного рода полиметрии, неполной рифмовки; нетождественной строфики.

Отчетливее всего гетероморфные тенденции проявились в творчестве Хлебникова, которого мы считаем родоначальником ГМС. Принципиальное значение они имеют и для Мандельштама — как в метрике, так и в строфике и в рифмовке. Особенно очевидно это сказалось в поздней поэзии, в 1930-е гг.

Рассмотрим в качестве примера стихотворение 1931 г. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», большинство строк которого написано нерифмованным пятистопным ямбом (46 из 59) с мужскими или женскими окончаниями; однако остальные 16 имеют другую природу. Причем стихотворение и начинается не ямбом, а тремя строками разных трехсложников: первая строка представляет собой композит, состоящий из полустрочий двустопного дактиля и трехстопного амфибрахия, вторая — семистопный дактиль, третья — пятистопный анапест — то есть, налицо все три трёхсложных размера. Таким образом, основной размер стихотворения — ямб — появляется только в четвёртой его строке.

Соответственно, этим размером написаны строки 4–14, 16–22, 24–27, 35–51 и 53–59. То есть, в пятистопном ямбическом монолите обнаруживается три однострочных ямбических аномалии («Где спичечные ножки цыганочки в подоле бьются длинным...» (полустроchie трехстопного ямба и строка пятистопного, объединенные в одной строке — пятнадцатой), «А все-таки люблю за хвост его ловить» (строка шестистопного ямба, 23-я) и 52-я строка «Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом...» (двустопное полустроchie вместе с пятистопной строкой), то есть три достаточно обыкновенных отступления от модельной стопности; однако наряду с этим строки 28–34 вновь, как и в начале текста, представляют собой сложный композит. «Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?...» (строка пятистопного ямба с наращением трёх стоп трёхстопного после цезуры), «Мы умрем как пехотинцы...» (строка четырёхстопного хорей), «Но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи...» (полустроchie двустопного ямба, объединённое со строкой пятистопного), «Есть у нас паутинка шотландского старого пледа...» (строка пятистопного анапеста), «Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру...» (строка пятистопного анапеста), «Выпьем, дружок, за наше ячменное горе...» (сумма полустрочий двустопного дактиля и трёхстопного амфибрахия) и «Выпьем до дна...» (укороченная строка двустопного дактиля); за ними вновь идёт пятистопный ямба.

Наконец, все строки стихотворения не рифмованы, кроме нескольких: 4 и 6, 18 и 19, 24 и 25, 27 и 29, 40, 42 и 44, 45 и 46, 49 и 50. При этом строки 18 и 19 связывает распыленная рифма (лавровишней — ни лавров нет, ни вишен), а 45 и 46 — тавтологическая.

Для стихотворения характерна также нетождественная строфика: оно состоит из одиннадцатистишия, двух восьмистиший, трёх шестистиший, двух четверостиший и одного девятистишия. Всё это вместе взятое позволяет рассматривать стихотворение если не как гетероморфное в полном смысле, то как существенный шаг на пути к этому типу организации речи.

В других стихах того же 1931 г. тоже есть аналогичные сбои метра, часто теряется рифма, регулярно появляется нетождественная строфика.

Еще один выразительный пример гетероморфности — стихотворение 1935 г. «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...», природу которого можно определить как вольный трёхсложник с переменной анакрусой (ТПА) и с передвижной цезу-

рой. Его метрическая основа — анапест, однако шестая строка написана шестистопным дактилем, восьмая — четырёхстопным, 12-я — композитом из стопы хорea и пяти — анапеста. В целом же метрически аномальные строки занимают половину текста, стихотворение разделено на нетождественные строфы, а рифмовка носит несистемный характер.

Кроме ГМС в полном смысле слова в ряде стихотворений Мандельштама — особенно поздних — встречаются и другие смелые эксперименты, позволяющие говорить о нём как о безусловном новаторе стиха. Так, стихотворение «Если б меня наши враги взяли...», часто интерпретируемое как акцентный стих или логоэд, на самом деле представляет собой пятистопный дактиль с двумя цезурами и с усечениями на них, на которых регулярно встречается стык ударений, что и позволяет «заподозрить» здесь акцентник или логоэд.

Нередко встречается у поэта также гетерометрия — совмещение в рамках одного стихотворного текста разных размеров и типов традиционного стиха. Так, трёхсложники у него могут совмещаться с двусложниками — например, в стихотворении «В лазури месяц новый...», включающем строки, написанные хореем, ямбом и дактилем. Плунгян отмечает в переводах с грузинского ещё более смелое смешение силлаботоники и тоники.

Ещё неожиданнее выглядят в контексте мандельштамовского репертуара его опыты с силлабическим стихом. Интерес к нему М. Гаспаров заметил уже в стихотворении «Когда подымаю...» (1911), которое, по мнению учёного, может быть описано как силлабический стих Сбж+С5 м [8, с. 124].

Плунгян в интересной статье «К метрике мандельштамовских переложений Петрарки» [9] оспаривает силлабическую интерпретацию Илюшиным и Пильщиковым [10, 11] в качестве силлабических 4 сонетов 1933–1934 гг., написанных по мотивам Петрарки, видя в них просто перебои силлабо-тонического метра, однако на наш взгляд здесь вполне продуктивны оба варианта.

Наконец, ещё одна группа поздних переводов Мандельштама — его переложения отрывков из старофранцузского эпоса («Жизнь святого Алексея», «Песнь о Роланде», «Паломничество Карла Великого», «Коронование Людовика», «Алисканс») [12]. Это уже и не силлабика в точном смысле, а стих, выполненный с ориентацией на её новые возможности; как утверждает не признающий «новой русской силлабики» Плунгян, они «пе-

реведены стихом, практически лишенным жесткой метрической структуры и колеблющимся между верлибром и акцентным стихом (при появлении спорадической парной рифмы)» [3, с. 348].

Ещё одна спорная (но при этом безусловно новаторская) группа стихотворений Мандельштама — произведения поэта, в той или иной степени соотносимые с λογαэдами. Разумеется, апелляция к λογαэдическим метрам — одна из форм диалога Мандельштама с античной культурой. Однако λογαэдов в репертуаре поэта оказывается очень мало: по мнению М. Гаспарова, это «λογαэды строчные (правильное чередование дактилей и амфибрахий, напоминающее разломленный гексаметр: «Медленно урна пустая. Вращаясь над тусклой поляной...»; неправильное чередование ямбов и хореев: «Жил Александр Герцович, Еврейский музыкант...») и «λογαэд стопный (“Сегодня дурной день...”»)» [2, с. 494].

При этом все λογαэды Мандельштама — рифмованные, что противоречит природе этого стиха, причём не только в его античном варианте, но и в русских подражаниях, хотя в Серебряном веке русские поэты, вслед за Мережковским и Брюсовым, начинают иногда рифмовать и гексаметры, и λογαэды.

Нами обнаружено шесть стихотворений Мандельштама, так или иначе соотносимых с формой λογαэда [13], причём три из них написаны во времена «Камня» (1911–1912), ещё два — в 1922 г., последнее — в 1933 г., то есть можно говорить об определённых волнах интереса поэта к этой экзотической стиховой форме.

Стихотворение 1911 г. «Сегодня дурной день...» — образцовый строчный λογαэд: все 12 строк построены по единой слоговой схеме: стопа амфибрахия плюс стопа ямба плюс односложная ударная стопа; второй ранний λογαэд Мандельштама — «Я ненавижу свет...» — датирован 1912 г., здесь строка состоит из стопы дактиля, стопы хореев и односложной ударной стопы, которую в этом контексте логично рассматривать как тоже хорейческую или дактилическую с мужским окончанием. Наконец, третье раннее стихотворение, которое Гаспаров предлагает рассматривать в качестве λογαэда («разломанного» гексаметра) может с равным успехом интерпретироваться и как регулярный трехстопный трёхсложник с переменной анакрусой (Дак3ж/Амф3ж).

Во второй раз λογαэдизированный стих привлекает внимание поэта в 1922 г., когда создаются два стихотворения, в которых λογαэдами выполнена большая часть (но не всё!) строки — «Я по лесенке приставной...», которое поддается нескольким способам

метрической интерпретации, однако суммарно размер этого стихотворения следует определить как трёхударный дольник, однако безусловно λογαэдизированный, и такой же λογαэдизированный дольник «Я не знаю, с каких пор ...». В этом же поле находится и знаменитое стихотворение 1937 г. «Если б меня наши враги взяли ...», все 23 строки которого завершаются константной слоговой группой «0110», а в 15 строках наблюдается стык ударных слогов на пятом и шестом слоге («0110»).

Наконец, названное Гаспаровым, как мы помним, строчным λοгаэдом («неправильное чередование ямбов и хореев») стихотворение «Жил Александр Герцович, / Еврейский музыкант ...» правильнее будет интерпретировать всё-таки как трёхстопный ямб с регулярным чередованием мужских и дактилических окончаний; хореическую иллюзию создают здесь только отдельные сверхсхемные ударения на первых слогах, не нарушающие, однако, общего ямбического течения стиха. Однако сама по себе оговорка Гаспарова представляется значимой, потому что подтверждает существование общего λογαэдического поля.

Не меньший интерес вызывают опыты Мандельштама с гексаметром: сначала он создаёт достаточно точные элегические дистихи «Антологии античной глупости», а потом, в стихах начала 1930-х гг., скорее использует образ гексаметра, чем сам этот стих. Это происходит, например, в начале уже упомянутого стихотворения 1931 г. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето» (первая строка — пятистопный дериват гексаметра с одной хореической стопой в середине; вторая — семистопный дактиль; и там и там нет рифмы и женские окончания), после которых идет анапест. В той или иной степени со схемой гексаметрического стиха соотносится также пятое стихотворение из цикла 1930 г. «Армения» («Руку платком обмотай и в венценосный шиповник ...» и «пиндарического отрывка» «Нашедший подкову»).

По мнению специалистов, именно λογαэдический стих од великого греческого поэта Пиндара оказал определяющее влияние на развитие новейшего европейского стиха — как утверждал Гаспаров, описывая предпосылки возникновения свободного стиха в немецкой поэзии XVIII столетия, «сложнейший ритм Пиндара был в это время еще не изучен, стихи его ощущались как аметрический хаос, произвольно расчленяемый на строчки» [14, с. 24]. Ранние русские переводчики намеренно упрощают стих Пиндара и используют для его передачи не λοгаэды, тогда ещё не полу-

чившие особого распространения в отечественной поэзии, а прозу или привычную силлаботонику, к тому же часто рифмованную.

Гаспаров указывает и контекст этого стихотворения: «Кажется, не отмечалось, что свободный стих “Нашедшего подкову” перекликается со стихом “Оды нескольким людям” из Дюамеля (тот же 1923 год): стих многочисленных переводов, от “Песни о Роланде” до Бартеля, образует интересный фон для оригинальных экспериментов 1921–1925 гг.» [2, с. 501].

Интересно, что Мандельштам использует в своем стихотворении все силлабо-тонические размеры, а преобладание хореев и дактилей не носит у него такого явного характера, как в переводе Вяч. Иванова. В большем диапазоне колеблется у Мандельштама и слоговая длина строки — от 1 до 24, а количество ударений в строке — от 1 до 8.

Аналогичная картина наблюдается и в строфике: если в логэдрическом переводе Иванова текст стихотворения распадается на строфы и полустрофы по 15 строк в каждой и помещенные между ними эподы протяженностью 11 строк (что также создаёт на первый взгляд впечатление неупорядоченности), то стихотворение Мандельштама распадается на десять неравных, но тоже более или менее соразмерных строфоидов, состоящих, соответственно, из 14, 14, 9, 8, 8, 11, 9, 8, 4 и 9 строк.

Таким образом, можно предположить, что рассматриваемое стихотворение Мандельштама представляет собой попытку создать оригинальный свободный стих с явной опорой на квазиантичную метрику русского логэдра: во-первых, большая часть строк носит либо метрический характер (традиционный или составной), либо состоит из комбинации метрического и дисметрического фрагментов; при этом размер строк (в том числе соседствующих в стихотворении) обычно не совпадает; строки резко различаются также по количеству слогов и ударений; композиция стихотворения складывается из относительно протяженных и соразмерных строфоидов, во многом напоминая композицию состоящего из строф разной длины логэдра.

Интересно, что и в переводах свободных стихов, выполненных Мандельштамом — «Оде нескольким людям» Ж. Дюамеля, стихотворениях К. Бартеля и Рене Шикеле — также нетрудно заметить использование отдельных метрических строк и акцентную урегулированность некоторых фрагментов текста, а иногда и обращение к окказиональной рифме. Однако все эти «рецидивы»

традиционных стиховых систем Мандельштам применяет в своих переводах принципиально несистемно. Вполне соотносимы со свободным стихом также два стихотворения из цикла «Армения» [15; 16].

Большой интерес для анализа новаторской природы стиха Мандельштама представляет также строфика поэта [17], в которой в равной мере работают оба вектора, характерные для лирики его эпохи: свободный, ведущий к появлению астрофических форм и неупорядоченных строфоидов, в идеале — верлибра и гетероморфного стиха, и консервативный, сказывающийся в использовании традиционных, а иногда и изысканных строф, а также — цепных строф и твердых форм.

При этом в строфике Мандельштама в целом решительно преобладают наиболее традиционные для русской силлаботоники и умеренной тоники (дольников), которыми написано большинство стихотворения поэта виды строфы — катрены, а среди них преобладают четверостишия, использующие тоже наиболее традиционный рифмовки — перекрёстный (авав), хотя встречаются и оба других. Целиком катренами написано 275 из 437 стихотворений, за исключением шуточных, стихов на случай, переводов и произведений для детей), то есть 62,9% от общего количества.

Однако наибольший интерес представляют поздние стихотворения Мандельштама, многие из которых написаны вольными размерами, разными типами тоники, логоэдами, содержат нерифмованные строки и т. п. отклонения от силлабо-тонического канона. Соответственно, в вертикальном строении стиха гетероморфный вектор находит выражение прежде всего в обращении к нетождественной строфике, то есть в сочетании в рамках одного, обычно — небольшого произведения разнородных строфических единиц: например, четверостиший и пятистиший и т. д.

Так, стихотворение «За Паганини длиннопалым ...» (1935) состоит из четверостишия, шестистишия, пятистишия и ещё двух четверостиший; стихотворение «День стоял о пяти головах ...» (1935) — из двух катренов, четырёх двустиший и катрена и т. д.

При этом Мандельштам часто использует малое число рифм: «рекордным» в этом смысле можно назвать стихотворение 1937 г. «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева ...», в котором одиннадцать строк содержат только две рифмы. Всего на три рифменных созвучия написано и состоящее из 10 строк стихотворение 1937 г. «Как светотени мученик Рембрандт ...».

Интересно проследить, как последовательно изменяется строфика Мандельштама: сначала он использует вполне традиционные четверостишия перекрестной рифмовки, затем к ним добавляются двустиишия со смежной рифмой, в результате чего образуются шестистишия на три рифмы, а потом на уже использованные три рифмы начинают нанизываться новые строки; в результате складывается такая, например, формула рифмовки стихотворения: АвАвССвАвСв.

В поздних стихах Мандельштама, использующих нетождественную строфику, нередко появляются также холостые строки, как, например, в знаменитом одиннадцатистрочном стихотворении 1935 г. «Это какая улица?..», где в рифменные цепи не попадает десятая строка, а первая и седьмая, а также вторая и одиннадцатая связаны тавтологической рифмой.

В другом не менее знаменитом позднем стихотворении Мандельштама чередование рифмованных и нерифмованных строк имеет ещё более прихотливый, неупорядоченный характер; рассмотрим четыре первые строфы, обозначив рифмы полужирным начертанием:

Еще далёко мне до патриарха,
Еще на мне полупочтенный возраст,
Еще меня ругают за **глаза**
На языке трамвайных перебранок,
В котором нет ни смысла, **ни аза**:
Такой-сякой! Ну что ж, я **извиняюсь**, —

Но в глубине ничуть не **изменяюсь**...
Когда подумаешь, чем связан с **миром**,
То сам себе не веришь: ерунда!
Полночный ключик от чужой **квартиры**,
Да гривенник серебряный в кармане,
Да целлулоид фильма воровской.

Я, как щенок, кидаюсь к телефону
На каждый истерический **звонок**.
В нем слышно польское: «Дзенькую, **пане**
Иногородний ласковый **упрек**
Иль неисполненное **обещанье**.

Всё думаешь: к чему бы **приохотиться**
Посреди хлопущек и **шутих**;
Перекипишь — а там, гляди, останется
Одна сумятица да **безработица** —
Пожалуйста, прикуривай у **них**!

Как видим, два первых шестистишия содержат по три рифмующихся строки, причём одна рифма соединяет строфы между собой; в следующих двух пятистишиях — по две пары рифм. При этом расположение рифм в каждой из строф — разное.

Дальше в стихотворении идут пять нерифмованных строф (точнее — соразмерных строфоидов): шести-, пяти- и еще три шестистишия. И завершает стихотворение снова пятистишие, на этот раз — с одной парной рифмой:

И до чего хочу я разыгаться —
Разговориться — выговорить **правду** —
Послать хандру к туману, к бесу, к **ляду**,
Взять за руку кого-нибудь: будь ласков,
Сказать ему, — нам по пути с тобой ...

В целом же, говоря о динамике развития строфики поэта, можно заметить, что он прошёл большой путь от подражания строфическим опытам символистов (сонеты, триолет, терцины) через нейтральную катренную строфику — к соответствующим его поискам в области метрики и ритмики нетождественным строфическим композициям, поддерживающим общую для поэта тягу к гетероморфности.

Литература

1. Тарановский К. Стихосложение Осипа Мандельштама (с 1908 по 1925 год) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1962. № 5. С. 97–123.
2. Гаспаров М. Стих О. Мандельштама // Гаспаров М. Избранные труды. Том III. О стихе. М., 1997. С. 492–501.
3. Плунгян В. Метрика О. Мандельштама: к анализу структуры и эволюции // «Сохрани мою речь ...». Вып. 5. Ч. 2. М., 2011. С. 342–369.

4. Плунгян В., Сичинава Д. О. Э. Мандельштам. Метрический справочник // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 121–143.
5. Бродский И. Сын цивилизации // Сочинения Иосифа Бродского. Т. V. СПб, 2001. С. 92–106.
6. Орлицкий Ю. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 187–202.
7. Андреева А., Орлицкий Ю. Гетероморфный стих в современной русской поэзии // Славянский стих. VIII: Материалы международной научной конференции. М., 2008. С. 365–389.
8. Гаспаров М. Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993. 272 с.
9. Плунгян В. К метрике мандельштамовских переложений Петрарки // Диалог культур: Итальянский текст в русской литературе и русский текст в итальянской литературе. М., 2013. С. 34–44.
10. Илюшин А. Данте и Петрарка в интерпретациях Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 376–382.
11. Пильщиков И. Традиции «русского петраркизма» и сонеты Петрарки в переводе М. Кузмина // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда. СПб.: Реноме, 2015. С. 139–156.
12. Гаспаров М. Стих переводов О. Мандельштама из старофранцузского эпоса // Ossip Mandelstam und Europa. Heidelberg, 1999. С. 109–133.
13. Орлицкий Ю. К описанию метрики Мандельштама: логазды // Кормановские чтения. Вып. 15. Статьи и материалы Межвузовской научной конференции (апрель, 2016). Ижевск, 2016. С. 89–97.
14. Гаспаров М. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. 304 с.
15. Орлицкий Ю. Свободный стих Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 4. Ч. 2. М., 2008. С. 451–462.
16. Орлицкий Ю. Б. Ритмическое своеобразие цикла Осипа Мандельштама «Армения» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» 2019. № 6. [Ч. 1]. С. 10–23.
17. Орлицкий Ю. К изучению строфики Мандельштама // Новый филологический вестник. 2015. № 1 (32). С. 47–55.

«ПУТЕШЕСТВИЕ В АРМЕНИЮ» КАК ФАКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

1.0.

Травелог Осипа Мандельштама, созданный в 1930–1931 годах и опубликованный в мае 1933 года, представляет собой особый текст, который, как представляется, никогда адекватно не комментировался.

Дело в том, что в 1931 году его читатели вовсе не были также информированы, как мы сейчас даже на уровне знакомства с системой реальных персонажей «Путешествия в Армению». Ведь главные имена политических деятелей и даже друзей Мандельштама в журнальном варианте были псевдонимными. Особое место в этой «игре» занимает глава «Сухум» и, отчасти, «Москва», где вообще нет внятного комментария. Следовательно, единственным путем реального научного комментирования такого текста является как бы трехуровневое его чтение.

Первый уровень — прочтение журнального «псевдонимного» варианта; второй — прочтение варианта с реальными именами героев и участников событий; третий уровень — включение в анализ как мемуаров Н. Я. Мандельштам, созданных через 30–35 лет после событий, так и синхронных писем «насельников» сухумско-

¹ Леонид Фридович Кацис — доктор филологических наук профессор, заведующий Учебно-научной лабораторией мандельштамоведения Института филологии и истории РГГУ.

го санатория, где оказался Мандельштам, впечатлений от чтения уже готовой «Армении» в 1932 году Виктору Шкловскому и Виктору Сержу (Кибальчичу), а также включение в анализ мемуаров членов семьи Евгения Рысса, у которых Мандельштамы жили после возвращения из Армении.

Некоторое количество результатов реализации этой очень сложной и обширной программы, не уместяющейся в рамках статьи и никак не задетой в мандельштамоведении за исключением формальных упоминаний людей и положений, мы и предлагаем читателям журнала.

1.1. СВЕДЕНИЯ О ПОЕЗДКЕ В АРМЕНИЮ: МЕЖДУ Н. И. БУХАРИНЫМ (1929) И В. М. МОЛОТОВЫМ (1930) В МОСКВЕ И Н. И. ПОДВОЙСКИМ В СУХУМЕ

Как известно, Мандельштам пытался первоначально через Н. И. Бухарина, затем, после его падения, через В. М. Молотова, поехать в Армению, что в итоге, при помощи «приводного ремня» Молотова, как говорила Н. Я. Мандельштам, и удалось.

При этом сама поездка началась более чем необычно. Особенно, если учесть, что 1929–1930 годы были годами острого разбирательства «дела Уленшпигеля». Недаром в конце апреля разнеслась весть о гибели Мандельштама. Однако прямо за этим Летопись эпически сообщает: «Апреля конец. Переезд из Сухума в Тифлис и затем в Эривань». В справке Н. Я. Мандельштам говорится: «30. Ранняя весна <19>30 г. Сухум, Езов. Смерть Маяковского. Тифлис — 1 мая. Алла-верды, Эривань. “Бегство из литературы”. Писатели: “Национальная по форме...”»². В «Летописи» дополняется: «Мая 4. В письме Н. И. Подвойского к жене за это число сообщается о пребывании Мандельштамов в санатории Совнаркома в Сухуме» (Летопись, 368).³ Сам Мандельштам в главке «Путешествия в Армению» «Сухум» очень кратко упоминает: «Подвойский произносил нагорные проповеди о вреде куренья и отчески журил садовника. Однажды он задал мне глу-

² Мандельштам Н. Биографическая канва // Мандельштам Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979). Екатеринбург, 2014. С. 960 (далее: Мандельштам Н, 2 ...)

³ Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Приложение: Летопись жизни и творчества / Сост. А. Г. Мец и др. М., 2014. С. 368 (далее: Летопись. С. ...).

боко поразивший меня вопрос: “Каково было настроение мелкой буржуазии в Киеве в девятнадцатом году?”».

Как мы знаем, Мандельштаму ничего не стоило ответить на этот вопрос. Год 1919 был еще вполне «незабываемым», тем более, если в 1928–1929 годах отмечался 10-летие как ухода красных Киева, так и их туда возвращение, что очень глубоко задело именно Мандельштама. Задело так, что и в 1937 году он вспоминал разобранную нами фразу Феликса Кона о том, что Красная армия скоро вернется в стихах «Как по улицам Киева-Вия...» 1937 года.

Между тем и санаторий Совнаркома Абхазии, где оказался Мандельштам, и люди там отдыхавшие, не только нам хорошо знакомы, как, например, поэт Александр Безыменский, (которому, тогда ещё до высылки Троцкого автору поэмы «Комсомолия», там и место, коли он, как всегда, успел сменить вехи), но и интересны нам. Интересны именно в рамках политической биографии Мандельштама. И тем более они нам интересны, что список их смущал саму Н. Я. Мандельштам и десятилетия спустя. Чуть ниже мы приведем его по письмам Подвойского жене, а пока по сверхкраткой биографии этого человека из «Википедии» попробуем объяснить оторопление Мандельштама от его вопроса относительно настроений мелкой буржуазии в Киеве в 1919 года. Тогда Подвойский был «(...) членом Реввоенсовета Республики (сентябрь 1918 — июль 1919) и одновременно (январь–сентябрь 1919) — наркомвоенмором Украинской ССР»⁴. В интересующий нас момент, в 1924–1930 годах, Подвойский — «член Центральной контрольной комиссии ВКП (б)». И тогда же: «Проработав в Орграспредотделе до 1929 года, Ежов в течение года был заместителем наркома земледелия СССР, а в ноябре 1930 года вернулся в Орграспредотдел заведующим, заняв место своего бывшего начальника, которого перевели на должность заместителя председателя ВСНХ. Именно к ноябрю 1930 года относится знакомство Ежова со Сталиным». Таким образом, никакого зловещего Ежова тогда Мандельштам в Сухуме не видел, это был еще только растущий аппаратчик.

Теперь список «соседей» четы Мандельштам:

В переписке Н. И. Подвойского (см. ниже) с женой, Н. А. Дидурской, приводятся имена некоторых из отдыхающих: в конце апреля это “двое из секретариата Сырцова (Коган и Жибайло)”, Бе-

⁴ https://ru.wikipedia.org/wiki/Подвойский,_Николай_Ильич.

зыменский с женой, свояченицей и сыном, Ломакин из Института Маркса–Энгельса–Ленина, с женой (дочь А. Анджапаридзе) и тещей, “жена армянского Наркомпроса, недавно погибшего от разрыва сердца” (А. А. Мравяна, см. примечания “Четвертая проза”), жена Криницкого с дочерью, жена Иосифа Косиора, “собира- тель абхазских песен, молодой, лет 33–34, Ковач”⁵ (...), “беспар- тийный инженер-грузин” (по-видимому, Канделаки), поэт Казин с женой, летчик Б. Чухновский и др. В письме от 4 мая 1930 го- да сообщается об изменениях в составе отдыхающих: среди при- ехавших — “Мандельштам, муж и жена, беспартийные, муж — по- эт”, “Ежов, замнаркомзема? (это — будущий нарком внутренних дел Н. И. Ежов)”, “Смилга — возглавлял КПК”, Линде — зам. на- чальника валютного фонда Наркомфина, Рутерман — начальник Ткварчелугля (здесь и ниже — сообщено Н. Н. Подвойской)» со ссылкой на предыдущие публикации⁶.

1.2. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ О «БЫТОВОЙ СЦЕНКЕ» с ПОДВОЙСКИМ И ЕЖОВЫМ

А вот Н. Я. Мандельштам много лет спустя рассказывала обо всем этом с некоторым смущением:

Бытовая сценка

Ежова знал не только Бабель, но, кажется, и мы. Тот Ежов, с ко- торым мы были в тридцатом году в Сухуме на правительствен-

⁵ В письме, написанном о нем руководителю Абхазской ССР Нестору Лакоба, Н. Я. Марр обосновывал необходимость создания в Республике научного лингвистического сообщества: «Необходимо усилить исследовательскую часть общества, посвященную науке о человеке, о языке и эпосе, фольклоре, народ- ных песнях, сказках, преданиях, верованиях и т. д. равно как памятниках мате- риальной культуры. Вообще было бы хорошо абхазоведной секции АБНО (Аб- хазское научное общество, которое было создано в 1920 году. — *Прим. ред.*) обзавестись немедленно помещением для оборудования лаборатории по язы- коведной, этнографической и археологической работе» (Николай Марр — Нестору Лакоба). 11 октября 1925 года была открыта Академия языка и лите- ратуры (многократно переименована, ныне Абхазский государственный инсти- тут гуманитарных исследований. — *Прим. ред.*). Николай Марр стал почетным председателем этой академии, председателем был Андрей Чочуа, а сотрудни- ками — Дмитрий Гулиа и Константин Ковач; см.: <https://abaza.org/nikolay-marr-avtor-bezumnoy-teorii-v-yazykoznanii-i-abkhazoved>.

⁶ Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. СПб., 2017. С. 600–601. (Далее: ПССиП. Т. ... С. ...).

ной даче, удивительно похож на Ежова портретов и фотографий 37-го, и особенно разительно это сходство на фото, где Сталин ему, сияющему, протягивает для поздравления правительственной наградой. Сухумский Ежов как будто тоже хромал, и мне помнится, как Подвойский, любивший морализировать на тему, что такое истинный большевик, ставил мне, лентяйке и бездельнице, в пример «нашего Ежова», который отплясывал русскую, несмотря на больную ногу и даже назло ей... Но Ежовых много, и мне не верится, что нам довелось видеть легендарного наркома на заре его короткой, но ослепительной карьеры. Нельзя же себе представить, что сидел за столом, ел и пил, перебрасывался случайными фразами и глядел на человека, продемонстрировавшего такую волю к убийству, развенчавшего не в теории, а на практике все послышки гуманизма.

Сухумский Ежов был скромным и довольно приятным человеком. Он еще не свыкся с машиной, и потому не считал ее своей исключительной привилегией, на которую не смеет претендовать обыкновенный человек. Мы иногда просили, чтобы он нас довез до города, и он никогда не отказывал. А там, на правительственной даче, этот вопрос стоял остро. На нашу горку все время взлетали машины абхазского Совнаркома. Дети отдыхающих работников ЦК отгоняли чумазую ребятню — детей служащих — от машин, которые принадлежали им по праву рождения от ответственных работников, и важно в них рассаживались. О. М. как-то показал Тоне, жене Ежова, и другой чекистской даме на сцену изгнания чумазых. Женщины приказали детям потесниться и пустить чумазых посидеть в машине. Они очень огорчились, что дети нарушают демократические традиции их отцов, и рассказали нам, что их посылают в общие школы и одевают ничуть не лучше их товарищей, «чтобы они не отрывались от народа». Дети пока что готовились управлять народом, но многих из них ждала другая участь.

По утрам Ежов вставал раньше всех, чтобы нарезать побольше роз для молодой литературоведки, приятельницы Багрицкого, за которой он ухаживал. Вслед за ним выбегал Подвойский и тоже бросался резать розы для обиженной жены Ежова. Это был чисто рыцарский дар, как говорили жильцы правительственной дачи, потому что Подвойский — образцовый семьянин и ни за чьими женами, кроме собственной, не ухаживает. Прочие дамы, за которыми никто не ухаживал, сами украшали букетами свои комнаты и обсуж-

дали романтическое поведение Подвойского» (Мандельштам Н. 1.415–416).

Забавно, что сам Подвойский описывал свой отдых в нескольких иных терминах: «В письмах к жене из санатория в Сухуме он оценивал состав отдыхающих “на даче Орджоникидзе” как совершенно неподходящий для себя: “Большинство из этого состава рассматривает свой отдых как удовольствие, а не как необходимость, потому строит свой отпуск по-иному, — компания различных комбинаций для времяпрепровождения, веселья и сжигания восстанавливаемой на трудовые гроши пролетариата энергии. Меня этот образ жизни возмущает, и я болею за выбрасываемые на них трудовые деньги. Преступно, что у нас курорты, так же как и у буржуазии, весьма часто превращают в увеселительные учреждения”» (ПССиП. Т. 2. С. 600–601).

1.3. Подвойский и Мандельштам: вопрос о Киеве 1919 года

Понятно, что Н. Я. Мандельштам не могла знать про личные письма Подвойского, однако о Киеве 1919 года она знала поболее Мандельштама⁷. При этом никаких комментариев к интереснейшему вопросу Наркомвоенмора Украины этого периода она нам не оставила. Позволим себе предположить, зная и некоторые другие мемуары, что поведение супругов и навяло Подвойскому-аскету его очень едкий вопрос, единственное, что осталось в «Путешествии в Армении» в качестве «привета» соседу. Недаром поэт сравнил поведение Подвойского с очень значимыми героями мировой литературы: «Мне кажется, его мечтой было процитировать “Капитал” Карла Маркса в шалаше Поля и Виргинии» (ПССиП. Т. 2. С. 274). Такой рай с милым в шалаше и описан, вольно или невольно, Н. Я. Мандельштам, однако обстановка в Совнаркомовском санатории теперь ясна полностью. Но ещё жёстче выглядит применительно к Подвойско-

⁷ Чтобы не отвлекаться, только сошлемся на брошюру «На Украине. Статьи Н. И. Подвойского» (Киев, Изд. Политического управления Народного комиссариата по военным делам Украины, 1919): <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/33151-podvoyskiy-n-i-na-ukraine-statii-n-i-podvoyskogo-kiev-1919#mode/inspect/page/1/zoom/6>. Последняя дата на статье «Конотоп. 10.VIII 1919 г.».

му имя «Лей», под которым он фигурировал в первом издании «Путешествия в Армению». Похоже, что задетый Мандельштам своей цитатой из «Поля и Виргинии», с их монастырской девственностью, с отказом даже под угрозой гибели снять с себя платье в бушующем море и т. д., злобно намекнул на поговорку, связанную с румынской денежной единицей «лей»: «Румынским офицерам за это не платят, но и румынские офицеры за это не платят».

С учётом всего сказанного заметим, что разговор с известным большевиком, на который реагировал Мандельштам, да ещё с учётом рассказа Н. Я. Мандельштам, может быть реконструирован примерно так: Подвойский выговаривает садовнику за курение. Борьбу эту в одно время возглавлял сам Бухарин, торжественно пообещавший пионерам 18 апреля 1928 года бросить курить. Связь же Бухарина, который к этому моменту уже был в немилости, с Мандельштамом была достаточно очевидна, поэтому и нет его имени в «Сухуме». Но заканчивается эта глава рассказом о смерти Маяковского, «океаническую весть о которой» принял Мандельштам в Сухуме. Так вот, к 1929 году уже и Маяковский «отметился» специальным стихотворением «Я счастлив», о том, как он бросил курить в рамках той же кампании и «стал работоспособен, как лошадь или трактор». Однако к моменту написания «Путешествия в Армению» и тут было всё очень непросто. Один из сталинских любимцев с «широкой грудью армянина» А. И. Микоян говорил нечто обратное. При этом надо заметить, что «наверху», во властных структурах (там, между прочим, тоже курили хотя бы «Герцеговину флор» и курят до сих пор что-то соответствующее политическому моменту), отдавали себе отчёт в том, что советский человек без курения не может.

В 1931 году нарком пищевой промышленности в одном из своих выступлений заявил от лица представителей многих рабочих профессий:

«Рабочий, крестьянин изнывают в труде и просят: дайте хоть немножко покурить. Трактористы, шахтеры хотят покурить — ведь без этого тяжело ... На лесозаготовках говорят: “Дайте махорки!” На уборке — то же самое. Зернотрест прямо заявляет: “Хотите наладить уборку — папирос дайте”. Инженеры, приезжая с новостроек, говорят: “Все сделаем, дайте только папи-

рос”. Нам заявляют: “Нужно заготовить масло, яйца и так далее — дайте папирос — все сделаем”. Вот какое орудие теперь для экономической политики государства папиросы... А без махорки даже воевать нельзя. Махорка — это оборона. Это, правда, не пушка, не аэроплан, но и без нее на фронте трудно. После хорошего боя надо хорошо закурить. Считаться с этим надо... Когда люди перестанут курить — другое дело, а сейчас нужен табак»⁸.

Представим себе, что Подвойский сказал нечто вроде: «Скажите, чем занимаются дамы, обсуждающие мое поведение, когда Н. Ежов “дарит цветы при жене другой женщине”»? Над чем Вы все смеётесь, над моим романтизмом и смешной для вас чистотой в отношении к женщине? Да, я ношу цветы брошенной даме, чтобы поддержать её, когда муж-коммунист переходит грань допустимого. Не для того мы делали революцию, чтобы превращать отдых в государственных санаториях в буржуазные любовные игры. А сами-то вы кто? Что вы делали в Киеве 1919 года кроме организации Первомая? Романы крутили с будущей женой в “Континентале”, когда мы воевали, уходили, приходили, гибли, выживали? А вы драпали в свой Белый Крым?». В этом случае и злоба Мандельштама понятна, и его потрясение вопросом наркомвоенмора Украины 1919 года, очень далеким от просто исторического, как мы видим, интереса.

Другое дело, насколько должен был чувствовать себя в силе поэт, если пусть и несколько поблекшего, но знаменитого Наркомвоенмора, бывшего им ещё до свергнутого Троцкого, он позволяет себе лягнуть очень двусмысленно в очень советском журнале. И пусть читатели «Звезды» и не знали всех обстоятельств отношений, но намеки Мандельштама носили, особенно в случае с «Ледем», очень острый характер. Однако, как и в случае с «Египетской маркой», звать об этом рядовому советскому человеку было очень трудно⁹.

⁸ Боданов И. Дым отечества, или Краткая история табакокурения // <https://history.wikireading.ru/317686>.

⁹ Не вдаваясь в подробности, отсылаем читателя к нашим работам в «Исследованиях по истории русской мысли» и «Русском сборнике», посвященным Гражданской войне на Украине и «Египетской марке», легко находимым на сайте «Academia.edu».

1.4. «Лей» — Подвойский «Путешествия в Армению» в «Звезде» и проблема Румынии в Киеве 1919 года

Вот что известно современным историкам о проблеме «Лей», т. е. румынской валюты, а точнее — Румынии и, рискуем сказать на предыдущем опыте «Египетской», «румынской марки», в 1919 году:

Летом 1919 г. Украина была занята войсками Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) А. И. Деникина, при этом сыграло существенную роль содействие им со стороны антибольшевистского подполья. Весной–летом 1919 г. белые подпольщики действовали в штабе 2-й советской Украинской армии, которой командовал бывший штабс-капитан А. Е. Скачко. Пользуясь наличием компрометирующих Скачко данных, к нему в штаб секретарем для особых поручений устроился его старый знакомый, белый агент (сотрудник Харьковского центра), впоследствии полковник, А. М. Двигубский. Он поддерживал связь со штабом главнокомандующего ВСЮР. С целью облегчить положение деникинских войск он организовал в украинской советской печати пропагандистскую кампанию о необходимости помочь советской Венгрии и об организации для этого наступления на Польшу и Румынию. В подчинении Харьковского центра оказалась телеграфная сеть советской Украины, использовавшаяся для передачи ложных приказов советским частям. Используя свое влияние на Скачко и играя на противоречиях между военным руководством РСФСР и УССР, Двигубский сумел войти в доверие к командующему советским Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсенко и подготовил для него доклад, давший Антонову-Овсенко необходимые аргументы против находившегося с ним в конфликте командующего войсками Южного фронта РСФСР В. М. Гиттиса. В результате Двигубский под фамилией Захаров оказался на службе уже в штабе Антонова-Овсенко, где развернул подрывную работу в еще большем масштабе. Антонов-Овсенко поручил ему разработку плана наступления на Румынию. После провала этого наступления Двигубский в июне 1919 г. отчитывался непосредственно перед председателем РВСР Л. Д. Троцким. При этом он возложил ответственность за неудачи на Антонова-Овсенко, чем, если верить отчету Двигубского,

укрепил Троцкого в мысли снять Антонова-Овсеенко с его поста и покончить с украинской партизанщиной. В дальнейшем сотрудники Двигубского содействовали занятию белыми Харькова и раскрыли оставленную в городе советскую агентуру. (...) Другой белый подпольщик, подполковник Н. Ф. Соколовский,¹⁰ служил у красных помощником начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР. По его словам, он преднамеренно составил невыполнимые расчеты мобилизации населения в украинские советские формирования. Наркомвоенмор Украинской ССР Н. И. Подвойский утвердил эти расчеты, «переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет». О невыполнимости мобилизационных планов впоследствии писал командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко. По его свидетельству, фронт запросил от наркомата значительные пополнения, однако наркомат наметил еще более широкую программу формирований — до 249 тыс. человек при 65 тыс. лошадей. В то же время некомплект к 1 июня 1919 г., по данным Антонова-Овсеенко, составлял 287 тыс. человек и 134 тыс. лошадей.

При этом Антонов-Овсеенко оставил поразительное по своей наивности свидетельство. Он писал о чрезвычайной осведомленности противника «о состоянии вооруженных сил Красной армии... За одним и чрезвычайно характерным исключением — боевого состава нашего Украинского фронта. Мы эту законспирированность нашу приписали... отсутствию планомерного контакта советской

¹⁰ Не можем не отметить, что в «Пансион Мобэр» В. Парнаха, описывающего сложные разведывательные ситуации в Париже в конце 1920-х — начале 1930-х годов действует некий однорукий священник-герой Спасский, кавалер ордена Почетного легиона и русского Святого Георгия, который переходит на сторону советской власти. Долгие и не очень профессиональные поиски этого человека публикатором П. Н. Нерлером даже с помощью Н. А. Струве, ни к чему не привели. При этом настоящая фамилия этого «оборотня в сутане» именно Соколовский. Подробнее см.: *Кацис А., Брусиловская А. «К французской речи», или Если Парнок — не В. Парнах? «Пансион Мобэр» и О. Мандельштам // Исследования по истории России. Т. XXIV. М., 2017. С. 659–626; особенно — Кацис А. Заметки читателя историко-философской литературы. V–VI. Митрополит Евлогий и «Пансион Мобэр» В. Парнаха // Там же. С. 626–651. Похоже, что эта игра не случайна. Тем более что и Парнах, и Мандельштам, и их коллега Ильязд были очень информированными людьми. Ср.: *Кацис А. В. Парнах, И. Зданевич и «Палата поэтов»: между литературой, НКВД, «Египетской маркой» и «Шумом времени» О. Э. Мандельштама // СЛАВИСТИКА XXIV/1. Београд, 2020 (www.slavistickodrustvo.org.rs/slavistika). С. 36–52.**

украинской армии с штабом фронта... Сведения о численном составе и т. п. сосредоточивались у особо доверенных лиц». Публикуемые документы дают действительную картину и опровергают это заявление. (...)

Белые агенты действовали по единой схеме — пытались максимально оттянуть части красных с деникинского фронта, направив их на Запад и Юго-Запад Украины или на борьбу с крестьянами-повстанцами («внутренний фронт»). Подполковник Соколовский способствовал углублению конфликта в советском военном руководстве на Украине между Подвойским и Антоновым-Овсеенко. Кроме того, Соколовский поспособствовал тому, что красным 30 августа пришлось оставить Киев, хотя ему не удалось организовать окружение советской группировки.

Все названные агенты были офицерами Генерального штаба, некоторые, как Соколовский и Глаголев, кавалерами Георгиевского оружия за первую мировую войну, то есть храбрыми людьми, обладавшими к тому же высоким образовательным цензом, и умело вели свою рискованную работу. Как отметил В. Г. Бортневский, «страницы не писанной пока истории разведки и контрразведки Белого Юга... связаны с самоотверженной и высокопрофессиональной деятельностью одиночек»¹¹.

Исследователь А. В. Ганин публикует полные тексты докладов белых разведчиков, которые, что для нас принципиально важно, публиковались в очень интересное время и в очень интересном месте.

Вот что пишет современный публикатор, продолжая рассуждения В. Г. Бортневского:

Но отдельные, пусть даже крупные, успехи белых агентов в красных штабах не смогли переломить ход гражданской войны, сорвать создание Красной армии, которую планомерно выстраивали большевики. В некоторых случаях белые, даже владея важнейшей оперативной информацией из советских штабов, добытой агентами

¹¹ Ганин А. Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20 (<https://libmonster.ru/m/articles/view/Донесения-белых-агентов-в-Красной-армии-1919-г>). Далее цитируется с указанием авторства без указания страниц. Или в широком контексте: Ганин А. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019.

со смертельным риском, не могли ею воспользоваться из-за отсутствия сил на фронте. Генерал-майор А. А. фон Лампе впоследствии отмечал в дневнике: «А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение ... Выходит уж очень плохо».

Документы демонстрируют наличие у подпольщиков собственной организации, а также сочувствие их идеям и действиям со стороны многих военных специалистов, служивших в РККА. Их рапорты содержат данные, позволяющие пересмотреть принятую в историографии версию развития событий на Украине летом 1919 года. Проясняются противоречия, существовавшие у высшего украинского военного руководства с Москвой, а также взаимоотношения внутри командного состава украинских советских формирований. Публикуемые документы (заверенные машинописные копии) [как указывает А. Ганин. — Л. К.] обнаружены в Российском государственном военном архиве (ф. 40238. «Военное управление Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР»), их фотокопии также хранятся в Киеве, в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины (ф. 57. «Коллекция документов по истории Коммунистической партии Украины»).

1.5. БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ 1928 ГОДА О КИЕВЕ 1919, РУМЫНИИ И ПОДВОЙСКОМ

А. Ганин продолжает:

В 1928 году полковник Я. М. Лисовой в парижском «Белом архиве» предпринял публикацию рапортов, но, чтобы не навредить упоминаемым в документах лицам, вычеркнул имена белых подпольщиков и их сослуживцев и сведения о занимаемых подпольщиками должностях, а также наименования воинских частей и соединений. От этого документы утратили всякую привязку к конкретным событиям и людям (имена этих белых агентов остаются неизвестными в литературе), и их значение как источника существенно снизилось. Более того, в тех случаях, когда делаемые купюры лишали текст смысла, Лисовой допускал редактирование, искажающее документы. В обнаруженных экземплярах сохранились карандашные пометки Лисового, готовившего рапорты к публикации и отмечавшего в тексте места, не подлежащие оглашению. (...)Пер-

вые два публикуемых доклада как при хранении в архивных делах, так и у Лисового соседствуют, взаимно дополняя друг друга. Очевидно, было согласованным и их написание Парвом и Соколовским при переходе на сторону белых в Киеве 25 и 29 августа (ст. ст.) 1919 г., соответственно¹².

Приведём только один абзац из «Белого архива» 1928 года (с. 138–150), т. е. предельно актуального для нас времени, где Подвойский, не важно, так это или нет, предстаёт как полностью околпаченное белыми беспомощное лицо. Понятно, что имен Ворошилова или Подвойского из документов «Белого архива» никто не изымал, которые мы приведём, не жалея места, т. к. интересующий нас персонаж предстает в них в очень уж ярком виде:

Рапорт подполковника Н. Ф. Соколовского, 29 августа 1919 года
Сбор информации давал хорошие результаты. Удалось познакомиться с важными секретными документами Совета обороны и особенно [с] секретной перепиской между Российским и Украинским Совнарками. Дислокации и боевые расписания получались Центром два-три раза. Что касается разрушения армии, то работа эта дала блестящие результаты. Подвойский, попавший всецело под влияние моих проектов, одобрил ряд таких неосуществимых формирований, переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет. Создавалось сразу 6 дивизий, отдельные бригады, местные формирования, всего общим числом на 280 000 штыков, 85 000 лошадей, и массы вспомогательных частей.

Планы менялись чуть ли не ежедневно. Все это окончательно дезорганизовывало все формирования.

В лучшие моменты вся Украинская армия, формируемая Наркомвоенном, давала такие цифры: 42 000 штыков, 2200 лошадей. Некомплект был колоссален. Официальные отчеты были совершенно другие — там цифры были до 100 000 штыков, 10 000 лошадей (все дутые цифры).

На почве формирований возникла целая переписка упреков между комфронта Антоновым и наркомвоенном Подвойским. Перепис-

¹² Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / Вст. ст., публ. и примеч. А. В. Ганина // Москва: Русский Либмонстр (LIBMONSTER.RU): <https://libmonster.ru/m/articles/view/Донесения-белых-агентов-в-Красной-армии-1919-г>. Источник: Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

ки-ответы (так в документе. — А. Г.) составлялись мною. Ответы Антонову настолько обострили отношения, что вмешался Центр Московский и в результате получилась отставка Антонова. Одновременно разжигался вопрос о внутреннем фронте. «Бумажные» мятежи потребовали до 45 000 войск. А между тем Троцкий категорически требовал подкреплений на Донецкий фронт. Отписки, отговорки затягивали до бесконечности посылку подкреплений и только в середине июня решено было послать 5 укр. дивизию, но здесь вновь удалось оттянуть одну бригаду на внутренний фронт, чем тормозилась вся переброска.

Дивизия, составленная из сырого материала, брошенная по частям в бой в районе Луганска, погибла, остатки ее были переброшены в район Кирсанов-Ртищево.

Таким образом, к концу июня в итоге работа дала хорошие результаты:

Были получены важнейшие сведения, доставлены важнейшие документы, дезорганизовано все формирование Красной армии, оттянуто на внутренний фронт до 45 000 солдат. Донецкому фронту послано вместо обещанных 3-х дивизий, т. е. около 100 000 солдат, всего лишь около 8–10 000 солдат, да и те по частям разбивались (подчеркнуто в документе. — А. Г.).

В конце июня состоялась поездка Подвойского по всему фронту. В поездке сопровождали Подвойского из Генштаба. Экзальтированный Подвойский всецело поддавался *моему* влиянию, путем предъявления фантастических планов и проектов удалось уговорить его принять на себя командование отдельными участками фронта, на что Подвойский согласился. Успехи Добармии требовали недопущения Петлюры к Киеву, Подвойский согласился с мнением, что самый опасный враг — это Петлюра, поэтому нужно было сосредоточить против него на Западной границе Украины значительные силы. В начале июля в районе Проскуров — Жмеринка — Вапнярка сосредоточено было до 30 000 солдат и сюда направлялись все силы в ущерб Донецкому фронту. Это создало целый конфликт между Лениным — Троцким, с одной стороны, и Подвойским, с другой. Нежелание дать помощь Красной армии Южного фронта ставило Подвойского на степень контрреволюционера и изменника. Потребована была отставка Подвойского, а из Москвы послали на Украину Дзевятовского.

По 20 июля Подвойский оставался в роли руководителя внутренним фронтом. Своими безалаберными дезорганизующи-

ми распоряжениями Подвойский готовял крах фронта, чем и оказывалась помощь Добрармии. К концу июля Подвойский ушел, а я попросился в штаб командующего войсками Киевского района Павлова. Павлов — тип Подвойского, но еще более безалаберный, попал под *мое* влияние, и я продолжал свою работу по указанной программе. Вместо умиротворения страны получилась общий пожар восстаний. Внутренний фронт требовал напряжения всех средств и сил. Со взятием Д[обровольческой] а[рмией] Екатеринослава необходимо было возможно дальше отвести войска от Днепра к западу. Намечавшаяся же изоляция Одесского округа с его войсками требовала удержания там войска для их окружения. От Днепра были оттянуты почти все силы, а для сего был выпущен даже Зеленый²⁶ из района Триполья в район Умани. Создавались, таким образом, ворота вдоль Днепра. Одесскому же округу по моим докладам не угрожала никакая опасность. Этому поверили и почти 2 ½ дивизии остались отрезанными. С падением Полтавы и приближением Д[обровольческой] а[рмии] к Киеву обозначилась вся угроза Украине, поэтому решено было всю борьбу на внутреннем фронте поручить знаменитому «дезорганизатору» и «сдатчику» городов Ворошилову. Ворошилов предложил мне должность *начштаба внутрфронта*, на что я согласился. Создание лишнего (10-го) штаба потребовало почти недели, а между тем работа на фронте стояла. Гибли целые части, без управления, связи и помощи. Фронт таял, солдаты бежали. Истинное положение было безнадёжное.

Тогда приказом Троцкого для спасения Украины был назначен Петерс, который разделил свою власть совместно с Лацисом и Ворошиловым»¹³.

Нетрудно видеть, что публикация из «Белого архива» 1928 года приурочена к снятию Троцкого со всех постов в 1927 г. и назначению К. Е. Ворошилова, уже после смерти в 1925 году М. В. Фрунзе, на его пост. А вот разговор на эту тему весной 1930 г. со снятым даже со всех физкультурно-коминтерновских постов Подвойским ещё более актуален и оскорбителен для последнего. Тем интереснее места и контексты чтения «Путешествия в Армению» сразу по написании.

¹³ Ганин А. К. Указ. соч. С. 13–14.

В июне 1932 года текст читался в доме Николая Асеева в присутствии Шкловского, сразу же на него откликнувшегося в «Литературной газете», чтение текста В. Кибальчичу (Сержу) зимой 1932 года известно нам по следственному делу Мандельштама и, что важно, позднейшим мемуарам Сержа, наконец, публикация текста «Путешествия в Армению» в мае 1933 года имела место сразу после ареста Сержа и невыход этой вещи отдельной книгой в период до ареста Мандельштама в 1933 — весной 1934 г. интересен сам по себе.

Понятно, что эпизод с наркомвоенмором Украины 1919 года здесь только лишь один из очень острых эпизодов этой книги.

Это что касается лично т. Подвойского, которому, как мы видим, Мандельштам «напомнил» нечто, что лишило последнего возможности ответа Мандельштаму тем более в мае 1933 года, когда обо всём этом было лучше не вспоминать.

1.6. РАЗГРОМ НОВОАФОНСКОГО МОНАСТЫРЯ В «СУХУМЕ» «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРМЕНИЮ» НА ФОНЕ СТИХОВ «И ПОНЫНЕ НА АФОНЕ...»

Теперь ещё о некоторых именах и событиях, отразившихся в маленьком очерке о столице советской Абхазии.

Упоминание «т. Рутермана» в письмах Подвойского и сообщении его дочери, которое привёл в комментарии А. Г. Мец (ПССП. Т. 2. С. 601), «обогадивший» нас и упоминанием загадочного «Лея», разумеется, без какого-либо комментария этого захватывающего момента, первого издания «Путешествия в Армению», тоже небезынтересно для оценки структуры текста, если не всей «Армении», то «Сухума» уж точно. Ведь в одном из начальных абзацев читаем: «Хотя в общественной жизни Абхазии есть много наивной грубости и злоупотреблений, нельзя не плениться административным и хозяйственным изяществом небольшой приморской республики, гордой своими драгоценными почвами, самшитовыми лесами, оливковым совхозом на Новом Афоне и высоким качеством ткварчельского угля».

Последнее имеет прямое отношение к тов. Рудерману, самшитовые леса и почвы относятся точно к Создателю всего живого на земле и к Соввласти отношения не имеют. А вот «совхоз», да еще «оливкового масла» на Новом Афоне — это уже откоро-

венная и предельно острая политическая актуальность. Ведь именно в это самое время и развивается дело тех, кого сам Мандельштам в ранних стихах очень хорошо описал и понял:

И поныне на Афоне
Древо чудное растет,
На крутом зеленом склоне
Имя божие поет.

В каждой радуются келье
Имябожцы-мужики:
Слово — чистое веселье,
Исцеленье от тоски!

Всенародно, громогласно
Чернецы осуждены,
Но от ереси прекрасной
Мы спастись не должны.

Каждый раз, когда мы любим,
Мы в нее впадаем вновь.
Безымянную мы губим,
Вместе с именем, любовь.

Это стихотворение лета 1915 года написано тогда, когда объявленные еретиками имяславцы — мужики давно уже были на Новом Афоне. Следовательно, случайным именно для Мандельштама упоминанием Новый Афон быть не мог. Более того, даже первая строка «Сухума» имеет прямое отношение к этому топониму, не говоря уже о «совхозе». Итак: «В начале апреля я приехал в Сухум — город траура, табака и душистых растительных масел». Актуальность слов «табак» и «Подвойский» мы уже рассмотрели.

Теперь о «трауре». А. Г. Мец назидательно, как и следует кандидату медицинских наук, отметив заслуги Подвойского в развитии спорта и борьбе с алкоголизмом, который, все-таки, не табачная зависимость, разъясняет траурность Сухума в комментарии: «По свидетельству Н. М. зимой и ранней весной в Сухум приезжало много туберкулезных больных — траурная музыка звучала на похоронах довольно часто» (ПССиП. Т. 2. С. 600). Даже ес-

ли допустить, что действительно так, то из строки: «Он весь линейный, плоский и всасывает в себя под траурный марш Шопена большую дуговину моря, раздышавшись своей курортно-колонизальной грудью», следует нечто совсем иное.

«Раздышавшись» значит вовсе не задохнуться. «Траурный марш Шопена» в сочетании определениями города в горах — как «линейный и плоский», по словам Мандельштама, — ведёт только к поговорке «горбатого могила исправит», для которой и нужен траурный Шопен. Если очень захотеть, то могилу можно увидеть и в словах: «Он расположен внизу, как готовальня с вложенным в бархат циркулем, который только что описало бухту, нарисовал надбровные дуги холмов и сомкнулся». Нам представляется, что это всё-таки не гробовой «бархат», а готовальни бывают и чёрные, и красные, но только не как горы или холмы зелёные, как в апреле на юге.

И все же, элемент печали во всем этом есть. Дело в том, что апрель 1930 года — траурная дата для «имяславцев — мужиков», а прибыл поэт в Сухум в самых последних числах апреля, Подвойский сообщил об этом в письме от 4 мая 1930 года. Таким образом, даже странная неопределенность даты в «Сухуме» заставляет насторожиться. Православные историки сообщают:

Разгром чекистами нелегального центра новоафонского монашества в поселке Псху припал на 1930 год.

После того как органы ОГПУ с помощью засланной агентуры собрали сведения о монахах, 20 апреля 1930 года (в праздник Пасхи Христовой) из Сухума выехала «группа, выделенная обкомом КП (б)» с оперативными работниками ОГПУ и отрядом красноармейцев.

По прибытии «комиссии» в Псху начались массовые облавы, аресты и допросы новоафонских исповедников, твердо исповедовавших верность истинному православию и вере Христовой. (...)

По результатам следствия зампред ЦИКа Абхазской ССР Малания составил список монахов и кулаков, подлежащих выселению не только из Псху, но и из Абхазии.

Чекистами было сфабриковано дело «монархической повстанческой организации, действовавшей в 1927–1930 годах в долине Псху и на озере Рица». Все иноки, находившиеся в селе Псху и окрестностях, были арестованы и 30 апреля отправлены под конвоем через перевал в Сухум.

Согласно воспоминаниям очевидцев, одну из групп арестантов (около 150 человек) чекисты расстреляли по дороге в Сухум¹⁴.

Дальнейший крестный путь оставшихся в живых ново-афонцев мы сейчас не исследуем. Он существенно выходит за время пребывания монахов-арестантов в Сухуме, но к истории работы над «Путешествием в Армению» всё это имеет прямое отношение.

Понятно, что православных историков не волнует история совхоза по производству оливкового масла. А вот для нас она очень важна и именно в рамках Афонского дела поучительна. Найти её можно в советских книгах об Абхазии.

Вот ключевые моменты, которые, естественно, затронут период, когда Мандельштам был в Батуме и Тифлисе:

В период борьбы за установление Советской власти в Грузии (1917–1921 гг.) монастырь стал гнездом контрреволюции, морально и материально поддерживающим белогвардейцев и грузинских меньшевиков. Трудовое население Абхазии возмущалось деятельностью Ново-Афонского и других монастырей, всячески препятствовавших революционному движению в крае.

В начале 1918 года крестьянская беднота, жившая в окрестностях Ново-афонского монастыря, воодушевленная победой революции в России и дальнейшим развитием революционного движения в Закавказье, начала захватывать монастырские земли. Настоятель монастыря архимандрит Илларион в докладе сухумскому епископу Сергею 16 февраля 1918 года писал, что обслуживающие монастырские хутора крестьяне из Ацы и других сел приходят целыми партиями, «распланировывают монастырские земли; говорят о том, где кто из их предков когда-то жил...». Тогда же Илларион писал в Тбилиси меньшевистскому правительству, что абхазские крестьяне занимают землю Ново-афонского монастыря, строят сады, пашут покосы, выгон для скота, грозят реквизировать и продать с аукциона скот и хозяйственный инвентарь и отобрать почти всю землю.

Выступления окрестных крестьян против монастыря особенно участились после того, как в середине марта 1918 года в Гудаутах образовался руководимый большевиками Исполнительный комитет объединенных Советов рабочих и крестьянских депутатов Гу-

¹⁴ [Http://www.regels.org/New-Aphon-Martyrs.htm](http://www.regels.org/New-Aphon-Martyrs.htm).

даутского участка под председательством Нестора Лакоба¹⁵. С момента учреждения Исполнительного Комитета вокруг него начало спланироваться революционно настроенное население Гудаутского участка. 20 марта (8 апреля по старому стилю) 1918 года Гудаутский Исполком постановил порвать всякую связь с меньшевистским Сухумом и в районе Нового Афона установить пост для задержания лиц, пытающихся пробраться в город Сухум¹⁶.

Не будем описывать многочисленные перипетии борьбы за Афон вплоть до конца 1921 года, а обратимся к нашей конкретной тематике:

Когда части Красной Армии очистили поселок Новый Афон от меньшевиков, монахи, стремясь во что бы то ни стало сохранить монастырское хозяйство за собой, решили приспособиться к новой власти. 7 марта 1921 года на «Общем собрании братии» они спешно организовали свой «ревком» во главе с иеромонахом Михаилом. Маскировку однако не помогла: четыре месяца спустя монашеский «ревком» за контрреволюционную деятельность был распущен, монастырь объявлен совхозом, а на всех монахов возложена трудовая повинность — их обязали работать по 8 часов в день.

Но монахи не растерялись: они организовали, так называемую «Трудовую общину» (впоследствии выяснилось, что эта «община» тайком занималась контрреволюционной деятельностью) и ухитрились получить на льготных условиях землю в аренду. В то же время они нагло игнорировали распоряжения Гудаутского и Абхазского Ревкомов.

В 1922 году правительство Абхазии разместило в Новом Афоне группу детей из голодающего Поволжья. Вместо того, чтобы окружить малышей заботой, монахи встретили их со звериной ненавистью. Они не пошли на помощь голодающим детям и не пожелали использовать имеющиеся в монастырских подвалах веками накопившиеся ценности для приобретения продуктов питания.

Огромные ценности они искусно спрятали в монастырском подземелье, куда вел тайный вход из кельи архимандрита Илларио-

¹⁵ В основном тексте «Путешествия в Армению» его нет, однако черновиках его присутствие очень помогает обогатить наше понимание ситуации.

¹⁶ <http://www.regels.org/New-Aphon-Martyrs.htm>. В продолжение предыдущей цитаты из Афонского мартиролога.

на. Вход был тщательно заделан кирпичами. Работниками АГПУ все же удалось найти ценности. Вот что рассказывал народный комиссар здравоохранения РСФСР академик Н. Семашко¹⁷, принимавший участие в изъятии монастырских ценностей: «Сейчас еще невозможно исчислить того колоссального богатства, которое найдено в монастырском подземелье: золотые ризы, серебряная (в полтора пуда) модель монастыря, крупные жемчуга, алмазы, аметисты, рубины, сапфиры, золотые и серебрянные монеты, десятками пудов измеряется это драгоценное имущество. И “святые отцы” сидели на них “Кашеями бессмертными”, когда наш народ пухнул и умирал от голода»¹⁸.

Ново-афонские монахи потеряли влияние даже среди самых темных, отсталых слоев населения. По требованию народа, в том числе и самих верующих, правительство Абхазии в 1924 году закрыло Ново-Афонский монастырь как очаг контрреволюционной пропаганды. Из 250 монахов 52 навсегда отказались от монашества и начали трудиться в организованном на базе монастыря Псырцхинском совхозе. Монастырские корпуса были переоборудованы в гостиницы для отдыхающих. В нагорных корпусах монастыря была открыта «Верхняя гостиница» на 400 номеров, а внизу — «Нижняя» на 50 номеров. Здание средней школы на лето стали использовать под экскурсбазу Главпромпросвета Абхазии. Во исполнение декрета о лечебных местностях государственного значения, подписанного В. И. Лениным 20 марта 1919 года, правительство Абхазии, начиная с 1932 г. приступило к расширению Ново-афонского курорта.

Для литературного контекста приведем конец **главки 3 книги** В. Пачулии:

Весной 1911 г. во время поездки по Черноморскому побережью Кавказа в Новом Афоне побывал Алексей Толстой. По материалам, собранным здесь, Толстой написал рассказ «Эшер» и повесть «Неверный шаг». Основное действие повести происходит в Ново-Афонском монастыре. Писатель рассказывает об изуверстве

¹⁷ Тот самый, который в середине 1920-х сменил Подвойского на посту председателя Красного спортинтерна, которым Подвойский руководил с 1921 до 1927 года.

¹⁸ Заведомые ошибки в тексте советской книги, вышедшей в Абхазии, исправлены без оговорок.

монахов, о жестокостях настоятеля монастыря, безжалостно избивавшего рядовых монахов и послушников.

В 1912 г. Новый Афон посетил русский курортолог А. Н. Кисель. Вот, что он писал: «Новый Афон... постоянно будет привлекать большое количество туристов и лиц, совершающих лечебные прогулки. Скалы, окружающие монастырь, очень живописны и в окрестностях очень много красивых уголков. Превосходен климат, в котором вызревают апельсины, лимоны...»

После ликвидации монастыря, летом 1925 года в Новом Афоне отдыхал советский писатель Дмитрий Фурманов. Во время своего пребывания там он написал рассказ «Исповедь старушки с Нового Афона» и небольшой очерк.

В 1927 году Абхазию посетил прогрессивный французский писатель Анри Барбюс. В очерке «Среди красот земного рая» он вспоминает о Новом Афоне.

Сейчас Новый Афон, ставший прославленным курортом, ежегодно посещают многочисленные туристы, отдыхающие, любители старины и наши зарубежные друзья¹⁹.

Таков удивительный контекст слов Мандельштама об «административном и хозяйственном изяществе небольшой приморской республики».

Понятно, что автор «Меньшевиков в Грузии» или «Возвращения» не мог всего этого не знать, а среди знати совнаркомовского санатория маленькой Абхазии новости о подобных массовых арестах быть неизвестными не могли.

Мы воздержимся от комментариев, но в нашем контексте сразу после Афона и перед «нагорными проповедями» Подвойского о вреде курения, загадочно или зловеще, кому как нравится, звучит целый следующий абзац абхазской прозы Мандельштама: «Сквозь платок кусались розы, визжал ручной медвежонок с серой древнерусской мордочкой окопаченного Ивана-дурака, и визг его резал стекло. Прямо с моря накатывали свежие автомобили, вспарывая шинами вечнозеленую гору... Из-под пальмовой коры выбивалась седая мочала театральных париков, и в парке, как шестипудовые свечи, каждый день стреляли вверх на вершок цветущие агавы».

Хотелось бы верить, что последнее слово «агавы» аккуратно перед «нагорными проповедями», связан с сюжетом, хоро-

¹⁹ https://vk.com/@nash_sukhum-v-p-pachulia-novy-afon-putevoditel-1964-god-3.

шо известным любому гимназисту и читателю Википедии: «Агава (др.-греч. Ἀγαύη «прославленная») — персонаж древнегреческой мифологии из фиванского цикла, дочь Кадма Гармонии, мать Пенфея. Она отказалась признавать своего племянника Диониса богом, и тот в наказание наслал на неё временное безумие: Агава приняла участие в растерзании собственного сына. Этот миф стал сюжетной основой трагедии Еврипида «Вакханки», очень популярной в античную эпоху».

Только тогда найдёт себе оправдание «визг» ручного медведя (!?) «с серой древнерусской мордочкой», чей визг «резал стекло»²⁰.

1.7. СМЕРТЬ МАЯКОВСКОГО, БЕЗЫМЕНСКИЙ И ТЕНЬ ТРОЦКОГО В ЧЕРНОВИКАХ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРМЕНИЮ»

Наверное, для прояснения смысла «Сухума» из «Путешествия в Армению» стоило бы сразу воспользоваться черновиками прозы Мандельштама. Однако мы считаем необходимым и более эвристически полезным не смешивать сегодняшний общеизвестный текст с журнальным, и мы намерены разграничить тот текст, который мог прочесть читатель «Звезды» или цензор верстки не вышедшей книги Мандельштама, и то что сохранило «энергию произведения» в записных книжках поэта. ем более сейчас, когда мы видим, насколько политически острым оказался

²⁰ Похоже, однако, что именно абхазский медведь с русской мордочкой опять не случаен. С учётом интереса Мандельштама к изысканиям Марра, невозможно пройти мимо доклада последнего 1924 года с удивительным эпиграфом, объединяющим и «русскость», и абхазский похоронный обряд, оставшийся в черновиках. См. илл.:

Гермины из абхазо-русских этнических связей. „Лошадь“ и „тризна“¹

(В вопросе о племенном происхождении средиземноморского населения)

Первоизд. Краеведческому съезду в Абхазии посвящается автор

„Здесь русский дух, здесь Русью
называют. Русью, конечно поэтической“.
(Н. Марр. Об этноэстетической теории. Новый
Восток, № 6, стр. 329.)

¹ Доклад читан 23 июля 1924 г. на публичном заседании Академии истории материальной культуры [издан отдельной брошюрой Наркомпросом Абхазии в Ленинграде в 1924 г.].

момент даже просто прибытия Мандельштама в Сухум. Теперь мы будем читать черновики этой главки с учётом того, что знаем на данный момент.

Итак, вот очень двусмысленное описание приезда в Сухум:

Шесть недель, назначенные мне для проживания в Сухуме, **я рассматривал как преддверие и своего рода карантин — до [исхода] вызова в Армению.** Комендант по имени Сабуа, ловко скроенный абхазец с [осиной талией,] ногами танцора и румяным лицом оловянной куклы, отвел мне солнечную мансарду в “доме Орджоникидзе”, который вынесен на свободную горную площадку, так что море его обволакивает].

Я быстро и хищно **с феодальной яростью** осмотрел владения окоема: мне были видны, кроме моря, все кварталы Сухума, с балаганом цирка, казармами (ПССиП. 2. С. 3 42).

Такое начало, задающее и невеселое ощущение «карантина» и, одновременно, «исхода», предсказывающего будущее Армении и «младшей сестры Земли Иудейской», выглядит куда глубже и определённое, чем неясная дата «апреля» основного текста. За этим следуют знаменитые слова о смерти Маяковского как об океанической весте. Актуальность здесь в том, что и постоянно мелькающий в нашем рассказе Лев Троцкий написал статью о смерти Маяковского, вызвавшую немалое недовольство в Советском Союзе.

Неудивительно, поэтому, что у Мандельштама в рамках той «политической поэтики», которую мы здесь видим, появится и один из главных певцов Троцкого, упоминавшийся и в основном тексте Безыменский, только портрет его вызывает у нас некоторые побочные размышления: «В Сухуме я познакомился с поэтом Б<езымен>ским, силачом, поднимающим **картонные гири.** Большая добрая голова сидела на плечах, как воздушный шар. **Незловивый чернильный кузнец — нет, не кузнец, а продавец птиц с голубыми невинными глазами. Голубые невинные глаза глядели сердито, лоб бодался, и весь он дышал первозданным счастьем десятилетнего мальчика, которому подарили коллекцию почтовых марок или заводной автомобиль»** (ПССиП. 2. С. 343). «Картонные гири» которые подымает Безыменский, можно увидеть на карикатуре из «Огонька», где огромный Маяковский проделывает имен-

но это цирковое упражнение, а издевается над ним маленький Троцкий²¹.

В свою очередь, Маяковский называл Безыменского «бородатым комсомольцем», т. е. автором протроцкистской поэмы «Комсомолия»²², и «морковным», следовательно, суррогатным «кофе».

А вот остальные выделенные нами свойства Безыменского странно напоминают совсем другого поэта и продавца птиц — Эдуарда Багрицкого! Здесь даже слово «дышал», куда ближе к страдающему астмой автору «Юго-Запада», чем к спортивному и грубоватому Безыменскому. В чём здесь дело, мы не знаем. В конце концов, перед нами черновик, однако не забудем: Н. Я. Мандельштам вспоминала, что Ежов носил цветы некоей критикессе, которая увлекалась Багрицким...

1.8. ХРАНИТЕЛЬ ФРЕСОК КАКАВ(Б)АДЗЕ В ЧЕРНОВИКАХ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРМЕНИЮ»: СЛИШКОМ «СЛАДКИЙ» БЕТХОВЕН И «МИЛАНСКОЕ РАДИО»

За этим следует рассказ о еврее Коваче, марровце, как мы видели, который обстругал себя в талию под кавказца. Этот образ нам пригодился, когда мы встретились с кавказцами — членами сталинских Политбюро²³. Поэтому сейчас только коснёмся незаконченной строки «В Сухуме меня пронзил древний обряд погребального плача. Шел я под вечер ...» (ПССиП. 2. С. 345)²⁴. Отрывок не окон-

²¹ Мы приводили её в: *Кацис А.* «Мы живем, под собою не чуя страны...» О. Э. Мандельштам: начало «дороги к Сталину» (как «не огорчить отца» в «пути без укоризн») // OSTKRAFT. Литературная коллекция: Научное обозрение. 2021. № 4—5. С. 130.

²² Теперь она вновь доступна, хотя, как и всегда в этой серии, комментарию лучше не доверять: «Комсомолия» Телингатера / Безыменского. Шедевр конструктивизма и запрещенный бестселлер: Репринтное издание. Комментарии и исследования. / Сост. М. С. Карасик и А. А. Россомахин. СПб., 2018.

²³ См. [ссылку 18 на с. 157 настоящего издания](#).

²⁴ В свете поэтики, которой мы здесь специально сейчас не заняты, обращаем внимание на сочетание казачьих песен вкупе со студенческими, которые пелись в момент получения известия о смерти Маяковского, определения критиков Маяковского-Геракла как «старухи, лечившей эллинов от паховой грыжи» (ср. карикатуру с Троцким и Маяковским), и описание абхазских песен, записанных наглым русским евреем Ковачем, как соответствующих ровному многокопытному звуку коней, бегущих вверх и вниз.

чен. Однако он продолжает рассказ о мелодике абхазских песен. Но такого рода плачи давно описаны в науке. Суть их в том, что кто-то из группы плачущих мужчин бьёт себя ремнём, и чем больнее, тем лучше плакальщик.²⁵ Не будем вдаваться в подробности, но это явная параллель к обряду самоистязания у мусульман шиитов Шахсе-Вахсе, который Мандельштам видел в Карабахе.

Два достаточно обширных по меркам «Сухума» абзаца посвящены совсем не абхазскому, а видному грузинскому деятелю Анатолию (Ананию) Какабадзе. Они очень разнонаправлены, но оба предельно содержательны.

Первый отрывок:

Совсем другое впечатление производил грузин, Анатолий Какавадзе, директор тифлисского Национального музея, гостивший на той же **оцепленной розами** [sic. — Л. К.], никем не заслуженной, **блаженной даче**. **Губы его были заметаны шелковой ниткой, и после каждого сказанного слова он как бы накладывал на них шов.**

Впрочем, никогда не растолковывайте человеку символику его физического облика. Этой бестактности не прощают даже лучшему другу.

С Какавадзе (он был крупнейшим радиоспецом у себя на родине) мы ходили в клуб субтропического хозяйства **ловить миланскую волну на шестилампный приемник.**

Он смахнул с аппарата какого-то забубенного любителя, из тех, что роятся в домашнем белье эфира, вздел **наушники с монашеским обручем** и сразу — нащупал, выбрал и подал нечто по своему вкусу. А вкус у него был горький, миндальный. Раз как-то он сказал: — Бетховен для меня слишком сладок, — и осекся... (ПССиП. 2. С. 345).

²⁵ Джения Саида Родиковна. Исторические корни погребального обряда абхазов и формы его функционирования в современной культуре. Статья раскрывает содержание традиционного погребального обряда, а также особенности погребальных плачей и поминальных песен абхазов (на материале фольклорных экспедиций в Гудаутском районе). Описывается особенность музыкального наполнения абхазского погребального обряда. Традиционный похоронный обряд, с его музыкальным сопровождением, является одной из вершин национального песенного творчества, показателем талантливости и музыкальности народа. Изучение музыкально-этнографического аспекта и жанрового разнообразия обряда позволяет выявить ряд художественных особенностей традиционного искусства абхазов. См.: www.gramota.net/materials/3/2014/5-2/16.html.

Мы не будем продолжать комментарий церковных терминов, нас интересует, напротив, что такое «миланская волна». Ведь в 1930 году — это Италия Муссолини. Поэтому есть смысл сразу обратиться к специальной работе на эту тему²⁶, где мы найдём очень непростые связи с тем, что мы читаем в «Сухуме» и не только о радио.

Итак:

Радио проникло в Италию в 1924 г. во время правления Муссолини. Поначалу радиопрограммы были монологичны, без связи со слушателями, «язык радио был стандартизован, близок к итальянскому литературному языку и далек от спонтанной устной речи» (Ibidem: p. 58). Все тексты, предназначенные для трансляции, были заранее написаны и выверены для их зачитывания дикторами. Роль радио была сразу же оценена: уже в 1925 г. Академия Мастиноделла Скала города Вероны организовала международный конкурс «Языковые проблемы радио» (за лучшие воспоминания присуждалась награда — 500 лир и диплом). Однако на начальном этапе как итальянских, так и европейских радиолюбителей интересовал искусственный язык эсперанто, увлечение которым привело к тому, что он начал пропагандироваться на радио сначала в Париже с 1924 г., потом в Милане, где Миланская Радиотехническая Группа организовала курс эсперанто, основанный на учебнике Бруно Мильборини (*Manuale di Esperanto*), а с мая по октябрь этот курс уже выходил в газете *Radiofonia*.

Эти сведения удивительно коррелируют с началом окончательной редакции «Сухума», где читаем: «(...) в отдалённом будущем академии для изучения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару. Фонетическая руда Европы и Америки иссякает. Залежи ее имеют пределы. Уже сейчас молодые люди читают Пушкина на эсперанто. Каждому — свое! — Но какое грозное предостережение!» (ПССиП. 2. С. 273–274).

Здесь можно упомянуть в очередной раз Троцкого, который симпатизировал эсперантистам. Однако одно дело 1924 год, когда радио только пришло в Италию. Но к 1930 году, это уже бы-

²⁶ Борисова Е. Роль радио в формировании ITALIANO STANDARD в период фашистского двадцатилетия: www.researchgate.net/publication/322607042_rol_radio_v_formirovanii_italiano_standard_v_period_fasistskogo_dvadcatiletia.

ла Италия развитого фашизма Муссолини, кстати, признанного СССР и наоборот. И ещё не известно, кому это было важнее. А вот в СССР очень похожие взгляды на кавказскую группу высказывал Марр, считавший, что он в кавказских языках нашел следы чуть ли не всех языков мира²⁷.

Вернёмся к основной теме, связанной и с важной функцией радио, включая, естественно, и миланскую волну: это было искоренение иностранных заимствований в тогдашнем итальянском языке:

Дабы искоренить иностранные слова, их вкладывали в уста комичных персонажей. Например, в радио-комедии *Кольцо Теодозия*, вышедшей в эфир 6 октября 1929 г. на *Радио Милан* и *Радио Турин*, три американских детектива-простофили ищут драгоценное кольцо, пропавшее где-то между Нью-Йорком и Генуей, а их реплики насыщены англицизмами *detective, barman, cocktail, bar, policeman, lift, toast...*

И эта политическая составляющая только нарастала с годами, будучи, кстати, вполне параллельной тем процессам, которые происходили в СССР.

Сначала об Италии:

Наиболее активными и достаточно независимыми друг от друга радиостанциями были римская, миланская, неаполитанская и туринская, которые имели свои языковые особенности. Опросы, проведенные *Eiar* в 1927 г., свидетельствуют о том, что в редакцию *Radorario* обращались слушатели разных регионов с просьбами о трансляциях на их родных диалектах. Следовательно, до определенного времени диалектальные особенности итальянских регионов должны были учитываться.

После 1930 г. в контексте антирегионального проекта идеолого-политического и гражданского объединения итальянцев фашистский

²⁷ Ссылка из: Марр Н. О языке и истории абхазов. М.; Л. 1938:

22. Постановка учения о языке в мировом масштабе и абхазский язык. Отдельной книгой выпущена в серии ЛБН, 1926; входит в ИР, т. IV, стр. 53—84; нами переиздано первое издание.

где указанная статья приведена на С. 347—386. Эта проблема существенно выходит за рамки конкретного анализа отрывка «Сухум» и будет нами рассмотрена в большой статье на эту тему. Здесь лишь отметим, что «марровским» является даже порядок глав «Путешествия в Армению», начиная с желтых гомеровских костей, продолжая чтением Марра в московской армянской библиотеке и т. д., и т. п. Но всему свое время.

режим начал запрещать публичное использование слов на диалекте, который постепенно исчезал с радио и телевидения, но оставался в песнях и театральных постановках комедийного жанра.

А теперь о Советской России. В 1934 году в знаменитой статье «О языке» Максим Горький, желая задеть Шкловского и его «Юго-Запад», специально упомянул разного рода диалектные литературы типа «одесской» или аналогичной «тифлисской» и т. д., сославшись в центральной печати на «сиониста Жаботинского», который, кстати, был любителем, ценителем и знатоком и «одесского» языка, и итальянских диалектов.

Поэтому с человеком, рот которого прочно зашит, вполне можно было сходить и тихо послушать миланскую волну.

1.9. «ХРАНИТЕЛЬ ФРЕСОК» КАКАВ(Б)АДЗЕ В ЧЕРНОВИКАХ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРМЕНИЮ»: «СУДЬБА СЫНОВ И ПАСЫНКОВ СССР» И ПРОДАЖА ГРУЗИНСКОЙ КОРОНЫ

Второй эпизод, связанный с А. Какабадзе, ещё более изощрён. Но он предельно внутри-грузинский и при этом связанный с одним сюжетом нашей работы, который, на первый взгляд, мог показаться лишним именно в мандельштамовском контексте.

Вот второй отрывок о Какабадзе из «Сухума»:

Удивительна судьба наших современников — судьба сынов и пасынков твоих, СССР.

Человека разрабатывают, как тему с варьяциями, ловят его на длину волны²⁸.

Так, инженер Какавадзе сначала принял постриг электротехника, потом распутывал клубок неправды в РКИ, а ныне он заведует грузинской фреской с ее упаси меня боже какими огромными маярийными глазищами.

Уже потом, значительно позже, я разгадал духовную формулу Какавадзе.

²⁸ Пастернаковский след мы здесь не рассматриваем, считая, что он ближе к поэтике, чем к политике. Хотя сопоставление «Волн» и «Путешествия в Армению» — тема обязательная и нами давно начатая.

Казалось, где-то и когда-то из него выжали целую рощу лимонов. За ним волочилась сама желтуха и малярия.

Свою собственную усталость он вычислял во сне. Он боролся с нею, — но выздоравливал от нее, как только его о чем-нибудь интересном спрашивали. Его усталость была лишь скрытой формой энергии.

У него было сонное выражение математика, производящего на память, без доски, многочленный [...]

Веки с ячменными наростами [...]. (ПССиП. 2. С. 346)

Самый простой вопрос к этому тексту, ответа на который никто не давал, т. к. не было и самого вопроса, о «сынах» и «пасынках». А текст, как известно, отвечает лишь на заданные ему вопросы. Итак, кто такие «пасынки СССР», тем более, если это «наши современники», и кто тогда «сыны»?

Ответ на этот вопрос не так прост, как и все в «Сухуме». Если речь идёт о 1930–1931 годах, когда Какабадзе был директором национального музея Грузии, то на это время пришлось одно важное событие, как и в случае с афонскими монахами, совпавшее буквально с днями пребывания Мандельштама в «доме Орджоникидзе» вместе с Какабадзе.

Приведём один важнейший документ на эту тему:

Секретарю ЦККП Грузии товарищу Мгеладзе А. И.
Председателю Совета Министров Грузинской ССР товарищу Кецховели З. Н.

В ризнице бывшего Гелатского монастыря до настоящего времени хранятся художественно-исторические ценности, из которых многие имеют уникальное значение для истории грузинского изобразительного искусства. Среди последних мировой известностью вполне заслуженно пользуется чеканный триптих Хахульской богоматери (1125–1154 гг.), богато украшенный многочисленными перегородчатыми эмалями на золоте с VIII по XIV в. По количеству и по высокому художественному качеству эмали Хахульско-го триптиха занимают первое место в мире; достаточно сказать, что на одном памятнике грузинского искусства сохранилось больше эмалей, чем в собраниях европейских музеев и в том числе знаменитой сокровищницы св. Марка в Венеции. Это обстоятельство было учтено коллекционерами — грабителями, которые, как выяснено новыми архивными данными, тщательно подготавливали его

расхищение. Вкладной эмалевый образ Богоматери грузинской работы X века, похищенный губернатором Левашовым, возвращен в 1923 г. и в настоящее время экспонирован в сейфе Государственного музея искусств Грузинской ССР.

В 1930 г. американцы сделали попытку приобрести Хахульский триптих, Анчисхатскую икону работы Бека Опизари и другие художественные ценности, но это им не удалось сделать, благодаря личному вмешательству товарища Сталина. В ризнице бывшего Гелатского монастыря хранятся: большой образ Спасителя грузинской чеканной работы X в., образ Спасителя, заказ Давида Нарина, икона Богоматери, т. н. «Моление Баграта», икона «Ацкурской Богоматери», икона «Гелатской Богоматери» и др. В настоящее время дальнейшее хранение указанных художественно-исторических ценностей в ризнице бывшего Гелатского монастыря, где надлежащая охрана не обеспечена, нужно считать нецелесообразным. В Государственном музее искусств Грузинской ССР имеется хорошо оборудованный сейф для хранения художественных ценностей, где в настоящее время сосредоточены выдающиеся произведения древнего грузинского искусства. Перенесение указанных ценностей, имеющих мировое художественно-историческое значение, в сейф Государственного музея искусств Грузинской ССР нужно считать необходимым мероприятием, которое может обеспечить их хранение и научное изучение. Прошу вашего решения по этому вопросу. Директор Государственного музея искусств Грузинской ССР проф. Ш. Я. Амиранашвили 11. 11. 52 [РМО НММИ АА, № 45].

Были ли на самом деле какие-то американцы, желавшие приобрести Хахульский и Анчисхатский триптихи, неизвестно. Зато документально установлено, что в том же 1930 году была продана привезенная из России в 1923 венчальная на царство драгоценная корона последнего царя Грузии Георгия XII, которую купил за 16 500 рублей (золотом) известный голландский нефтяной магнат, один из основателей всемирно известной корпорации «Ройял Датч Шелл» Генри Детердинг (Henri Wilhelm August Deterding, 1866–1934). Корона была им приобретена, как известно, по протекции его друга и компаньона, нефтепромышленника, коллекционера, мецената Галуста Саркисовича Гюльбекяна (1869–1955). В архиве Музея Грузии им. С. Джанашиа хранятся документы о факте ее продажи (дело № 58 «О реализации короны последнего царя Грузии Георгия XIII»:

Начато 23 апреля 1930 г. — закрыто 22 июля 1930 г.). В том, 1930 г., директором музея Грузии А. В. Какабадзе была создана комиссия, которая состояла из его заместителя проф. Г. Н. Чубинашвили, заведующего историко-этнографического Отделением И. Ф. Сонгулашвили, инспектора комитета охраны памятников искусства, старины и природы С. Н. Какабадзе и ассистента Государственного Университета Ш. Я. Амиранашвили²⁹. Все они единогласно постановили, что «грузинская корона, реэвакуированная из Москвы ..., для истории Грузии, будучи изготовленной в России и перевезенной в свое время в Грузию, не представляет значения» (архивный материал Музея Грузии им. С. Джанашиа о продаже короны предоставлен И. Бичикашвили)³⁰.

Обращаем внимание на то, что впоследствии Ш. Амиранашвили продолжил дело академика Э. Такайшвили, на которого ссылается и автор цитируемой работы³¹.

Но в 1930 году все было несколько иначе. Более того, именно возвращение в Грузию исторических реликвий в 1923 году явным образом отвечало на вывоз Такайшвили грузинских исторических реликвий в 1921 году, о чем мы много говорили в соответствующем месте в работах о его соратнике Ильязде.

Наконец, надо помнить, что во время пребывания Мандельштама в Сухуме — Абхазия была отдельным государственным образованием, а к моменту что чтения у Шкловского или Виктора Сержа «Путешествия в Армению», не надо забывать, что публикации в «Звезде» в мае 1933 г., ситуация была, уже совсем другая: «Абхазская Автономная Советская Социалистическая Республика (абх. Аснытәи Автономтә Советтә Социалисттә Республика, груз. აფხაზეთის ავტონომიური სსრ-ის საზოგადოებრივი ორგანიზაცია) — автономная республика в составе Грузинской ССР, существовавшая с 1931 [! — Л. К.] по 1992 гг. Правопре-емник Социалистической Советской Республики Абхазия, вы-

²⁹ Это и есть будущий главный специалист Грузии по подобным ценностям, именем которого и назван музей, директором которого в интересующее нас время был Какабадзе, с которым классика грузинской истории и музейного дела обычно не связывают.

³⁰ Беручашвили Н. Судьба двух памятников культурного наследия Грузии. Тбилиси, 2015. С. 81–82. <https://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/132807>.

³¹ Эта история рассмотрена нами в статье о «Философии» Ильи Зданевича, которая также легко находится на сайте «Academia.edu».

деленной из состава Грузии после её советизации самостоятельной республики в составе СССР, вошедшей в состав ССР Грузии в 1921 году (и через неё в ЗСФСР) и в 1931 году утратившей самостоятельность (стала автономией в составе ССР Грузии)», как и сообщает нам Википедия. Поэтому никакие намеки на появление в Абхазии директора Грузинского музея, да ещё и замешанного в продаже исторических ценностей за рубеж, были невозможны.

Осталось понять ещё одну выделенную нами деталь: о каких «клубках неправды в РКИ» идет речь, применительно к Какабадзе, между директорством в обсерватории и «заведованием грузинской фреской» до 1931 года. Дело в том, что сочетание имен РКИ и Какабадзе на этот момент связано не столько с Грузией и Абхазией, сколько с проблемой невозвращения. Так, сегодня эту историю представляют следующим образом:

Перемещение менее значимых выходцев из Грузии происходило без участия вождя, благо в Кремле и на Старой площади у них хватало высокопоставленных земляков. Имевшую большое влияние на кадровую политику Центральную контрольную комиссию партии (ЦКК) и наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) всю вторую половину 1920-х годов возглавлял Серго Орджоникидзе, а кадры советского аппарата были в руках секретаря ЦИК СССР Авеля Енукидзе.

Именно поэтому до апреля 1933 года служебные перемещения грузинского хозяйственника Кирилла Какабадзе оставались вне поля зрения вождя. Хотя, как свидетельствовали справки ОГПУ о Какабадзе, заинтересоваться им следовало гораздо раньше:

Какабадзе Кирилл Дмитриевич, 50 лет, грузин. Происходит из купеческой семьи. До Октябрьской революции занимался торговлей в г. Кони. После октябрьской революции, в 1917 г., вступил в компартию, занимал ряд ответственных должностей в кооперации, причем в 1925, 1927 и 1929 гг. ездил за границу на международные кооперативные съезды. Затем Какабадзе был председателем с. х. банка и в последнее время — председателем Госплана и зам. пред. СНК Грузии. В 1931 г. Какабадзе выехал за границу в качестве председателя Всесоюзного объединения «Рудоэкспорт» в Германии и там занимал пост директора «Марганэкспорта».

В 1932 г. Какабадзе обвинил главн. директора «Марганэкспорта» Розова и пред. Правления «Рудозэкспорта» Салтанова в заключении убыточных договоров. Это дело разбиралось ЦКК—РКИ. Партколлегия ЦКК—РКИ объявила Розову и Салтанову выговор, после чего Розов был вызван из Берлина и назначен на работу в Правление «Марганэкспорт», Какабадзе же выехал на работу в Берлин.

Однако после победы над врагами Какабадзе прослужил в торгпредстве сравнительно недолго.

Летом 1933 года, — говорилось в справке ОГПУ, — заведующий кадрами Берлинского торгпредства Минкин предложил Какабадзе использовать очередной отпуск в СССР. На это предложение Какабадзе ответил рядом контрреволюционных и антисоветских заявлений. Материал по этому вопросу был переслан парторганизацией Берлинского торгпредства в ЦКК. 23 сентября 1933 Какабадзе заявил, что в Советский Союз он никогда не поедет и что у него имеются документы, характеризующие мошенническую деятельность торгпредства, которые дадут ему возможность устроиться на работу у Круппа.

По всей видимости, Какабадзе руководила не только обида за попытку отправить его в СССР: у него был роман с немкой-подчиненной, которая, как считали в ОГПУ, была тесно связана с пришедшими к власти в Германии в 1933 году нацистами:

Летом 1933 года Какабадзе объявил себя невозвращенцем, бросив работу — «Марганэкспорт» — и не явившись для сдачи дел. До последнего времени Какабадзе нигде не служил, проживая на накопленные им сбережения. В Берлине Какабадзе связан с быв. сотрудницей «Марганэкспорта» немкой Эльзой Дикау, близко стоящей к наци, и студентом-грузином меньшевиком Тодриа Романом. 24 октября 1933 г. Какабадзе против торгпредства в Берлине возбудил судебный процесс, вчинил иск в 5 000 марок. На судебном процессе Какабадзе выступил с политической декларацией, указав, что он считает себя не гражданином СССР, а гражданином «свободной национальной Грузии», поработанной Советами. Решением суда в иске к Торгпредству было отказано. Какабадзе хорошо знаком с марганцевой промышленностью Союза,

с методами нашей внешней торговли и, главным образом, нуждами Союза в импорте³².

Эта история развивалась очень остро, дело дошло до прямых обвинений Сталина в кутежах и т. д., поэтому к моменту публикации «Путешествия в Армению» никакие шутки и двусмысленности подобного рода, возможно еще допустимые в 1930 — <19>31 годах, стали невозможными. Хронологически же к концу 1932 — началу 1933 года, когда готовилась публикация «Путешествия в Армению», «в которой» Какабадзе еще только активно жаловался в РКК на коллег. А к концу 1933 года, если считать, что этот эпизод мог бы дополнить книжную, не вышедшую в свет «Армению» Мандельштама, подобные опасные двусмысленности даже обсуждаться не могли.

Интересно, что грузинские источники на русском языке избегают подробного описания дальнейшей биографии «первого» А. Какабадзе, а историю его обсерваторийской деятельности как бы исключают из истории учреждения. Возможно, нас и здесь ждут какие-то неожиданности, связанные с родственными связями и т. п.

Уже здесь можно предположить, что т. н. «творческая история» «Путешествия в Армению» была куда ближе к истории политической, что и привело к задержке выхода даже журнального издания и сделало невозможным выход издания книжного. Достаточно того, что даже обсуждение «продажи» грузинской короны на территории присоединенной Абхазии, да еще и в армянском контексте 1931 года вполне могло вызывать у кого-то из читателей Мандельштама очень острые чувства. Не говорим уже о том, что какие-то эпизоды, невозможные в 1933—<19>34 годах Мандельштам, возможно, читал своим слушателям в вариантах 1932 года, лета и зимы, однако следов их мы в подобных источниках, типа статьи Шкловского или мемуаров Кибальчича (Сержа), мы не увидели.

Впрочем, тот факт, что текст Шкловского был повторен и в 1933 году после выхода «Путешествия в Армению» в «Звезде», и даже развит трижды в 1936 году в докладе и двух статьях после пастернаковских стихов 1 января 1936 года в «Известиях», ко-

³² <http://yarcenter.ru/articles/history/raznuzdannye-predstaviteli-gruzinskikh-khoz-organizatsiy-20720>.

гда Мандельштам был уже и ещё в ссылке (!) гарантирует аутентичность вариантов 1932 и 1933 годов, слышанных автором статьи и прочитанных в журнале, равно как и отраженных мемуаристом.

1.10. АБХАЗСКИЙ ВОЖДЬ Н. ЛАКОБА И «ДУРАК»
Н. ПОДВОЙСКИЙ 1930 ГОДА НА ФОНЕ ОЧЕРКА
К. ПАУСТОВСКОГО «ГДЕ НАШЛИ ЗОЛОТОЕ РУНО»
1928 ГОДА

Теперь нам остается понять последний из черновых или дополнительных абзацев «Сухума»:

В приемной Совнаркома я видел жалобщиков-крестьян. Старики-табаководы в черной домотканой шерсти похожи на французских крестьян-виноделов.

У Нестора Лакобы — главы правительства — движения человека, стреляющего из лука ... Это он [привез медвежонка на автомобиле] получил медвежонка в подарок от крестьянского оратора на митинге в Ткварчелах ... Слуховая трубка глухого Лакобы воспринимается как символ власти ... (ПССиП. 2. С. 345).

Этот абзац, с одной стороны, позволяет нам понять сюжетное происхождение околпаченного дурачка-медведя с русской мордой, а с другой стороны, оценить весь комизм слов Подвойского о вреде курения. Но понять сочетание «медведя» и «табака» не так просто. Здесь поможет нам К. Г. Паустовский и его абхазские очерки. Тем более что абхазский табак имел одно очень важное свойство, описанное совсем незадолго до Мандельштама как раз Паустовским в его очерке 1928 года «Где нашли золотое руно»:

(...)главное богатство Абхазии — табаки, в особенности «сам-сун» — крепкий, красный, пряный табак, известный и в Японии, и в Турции, и в старых странах Западной Европы. Весь вывоз этой страны покоится на табаках. Улицы Сухума вблизи порта пропитаны запахом спрессованных табачных листьев, которые грузят на иностранные пароходы из просторных и сухих табачных складов. Сухумский табак так крепок и так душист, что курить его без примеси более легких и более простых табаков очень трудно. Его подмешивают к самым плохим табакам, и они преображают-

ся, вкус их становится благороден, и горло курильщика не сжимает судорога удушья. Табачные плантации сплошными коврами покрывают веселые склоны абхазских долин. Табак разводят главным образом греки, пришлое население, замкнутое и трудолюбивое, — не в пример экспансивным грекам из Керчи и Таганрога³³.

Достаточно того, что на приём к Лакобе пришли именно «старики-табаководы», по которым борьба с курением наносит основной удар. На фоне приведенного нами выше выступления Микояна о табаке и курении «нагорные проповеди» Подвойского выглядел по-настоящему глупо. И Паустовский здесь только разъяснил нам суть дела. Не прошло мимо Паустовского и знакомое нам обстоятельство: «Вокруг Ново-Афонского монастыря (теперь Псырцха) тянутся **обширные оливковые сады** с серой листвой — сады единственные в СССР». Мелькнули у Паустовского и отмеченные нами ранее следы Флоренции:

Население Абхазии пестро и многоязычно. Помимо абхазцев — народа, не имеющего ничего общего ни в языке, ни по культуре с остальными народами Кавказа, — в Абхазии живут грузины, мингрелы, сваны, греки, армяне, эстонцы, русские, самурзаканцы, шапсуги и, наконец, чистые потомки крестоносцев, возвращавшихся в Европу из Трапезунда и осевших на берегах Колхиды³⁴. Поэтому и сейчас на сухумском базаре, рядом с водоносами и ишаками, вы можете увидеть горцев со светлыми волосами и очень тонкими, правильными профилями флорентийцев. Это — действительно флорентийцы, несколько веков тому назад покинувшие свою родину. Они живут замкнуто, обособленно, но их деревня так же, как и все соседние, окружена кукурузниками и табаком.

Но «разъяснил» нам его очерк и появление «медвежонка»: «Горы Абхазии, вглубь от побережья, непроходимы. Они покрыты густыми, девственными, перевитыми густой тканью лиан буковыми лесами, лесами из красного дерева, крушиной, самшитом, зарослями, в которых прячутся шакалы и **черные кавказские мед-**

³³ <https://ok.ru/morezilie/topic/69460800285495>.

³⁴ Это ещё один марровский след в «Путешествии в Армению», наряду с франками, итальянским языком, и «Яфетической Русью». Не забудем, что грузинский язык должен был быть близок к баскскому на сей раз в Испании, а первым вождем славян по хронике «Псевдо-Фредегара» считался фракский вождь Само.

веди. Весной медвежат на сухумском базаре продают по три рубля (без торга)».

Встречается у Паустовского и цирк, что интересно для сопоставления с образом Безыменского с его цирковыми упражнениями гиревика-обманщика, и поразительно напоминающее будущее описание абхазского языка у Мандельштама: «Абхазский язык труден. Выучить его невозможно, он имеет множество звуков, которых не в состоянии произнести горло европейца. Нужно с младенческих лет слышать его, чтобы осилить эту бездну свистящих, гортанных и клекочущих звуков. У абхазцев не было своей письменности. Только недавно, вместе с советизацией страны, была создана письменность и появились первые брошюры и листовки на абхазском языке»³⁵.

Текст Паустовского в сравнении с текстом Мандельштама (и не важно, подтекст он «Сухуму» или нет!) показывает, что никакой особой двунаправленности или неизвестной нам многоадресности сами по себе образы Абхазии не несут. Это надо быть Мандельштамом, чтобы соотнести «медвежонка» с «дураком» и «окопаченным», особенно, если у тебя в голове постоянно звучит второй план текста. Поэтому стоит вспомнить и такую вполне «верхушечную» деталь, связанную с первым Накркомвоенмором:

Во главе Спортинтерна стоял Подвойский³⁶. В правительственной верхушке его имя обычно сопровождалось эпитетом «старый дурак». До революции он был военным, но большевиком. Во время октябрьского переворота он входил в Петроградский Военно-Революционный Комитет, руководивший восстанием.

³⁵ А это как раз марровский алфавит: Марр Н. Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформе письма) // Марр Н. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938. С. 256–294. Приводим ссылки из этой книги на первые издания соответствующих работ Марра:

16. Абхазский аналитический алфавит. (К вопросу о реформе письма). — ТЯС, т. I; издана отдельной брошюрой в Ленинграде в 1926 г.

19. Введение к абхазско-русскому словарю. (Пособия к лекциям и в работе). — Словарь издан в Ленинграде в 1926 г., стр. I — XXXII.

³⁶ Насмешки Мандельштама над этой должностью Подвойского уходят в 1928 год в рецензию на фильм «Кула с миллионами», где речь идет о «профсоюзных юношах в трусиках, стреляющих ногами и руками за здоровье Семашки и Подвойского», кстати, в момент снятия Подвойского с этой должности и назначения туда наркомздрава Семашко. См.: Шиндин С. Подвойский Николай Ильич // Мандельштамовская энциклопедия. Т. 1. М., 2017. С. 391.

Благодаря этому он считал себя исторической фигурой. Между тем по его глупости и неспособности выполнять какую-либо полезную работу власти всегда испытывали затруднение — куда его деть. Наконец нашли для него нечто вроде синекеры — начальником Всеобуча. Это было учреждение, занимавшееся военной подготовкой гражданского населения. Подвойский был очень ущемлён и обижен. — он претендовал на ответственный руководящий пост. Когда был создан Спортинтерн, Подвойского поставили во главе, и этим несколько удовлетворили его самолюбие³⁷.

Анализ предыдущих отрывков черновиков «Сухума», равно как, естественно, основного текста и обоих текстов одновременно, показывает, что любая деталь у Мандельштама встроена в плотнейший контекст исключительно близких к описываемым эпизодам событий.

1.11. «СЛИШКОМ СЛАДКИЙ» ДЛЯ КАКАБАДЗЕ «БЕТХОВЕН» В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРМЕНИЮ» НА ФОНЕ «ОДЫ БЕТХОВЕНУ» (КАК ИЗВЕСТНО, ГЛУХОМУ) МАНДЕЛЬШТАМА И ГЛУХОТЫ ЛАКОБЫ

На этом фоне кажется, что хотя бы имя Бетховена проще коррелирует с какой-то из длин волн, пойманных на приёмнике грузинским соседом Мандельштама. Смущает только оценка любимого композитора В. И. Ленина как «слишком сладкого». Как и всегда у Мандельштама, этот герой сразу же осекается. И, как это ни странно, есть почему. Дело в том, что именно в дни пребывания Мандельштама в советской судьбе Бетховена наступил перелом, который продлится до 1936 года, года принятия «сталинской» конституции.

М. Раку в специальной монографии пишет об этом как раз в очень важном для нас политическом, а не искусствоведческом контексте:

100-летие со дня смерти композитора в 1927 году планировалось отметить с особым размахом. В октябре 1926 года был создан спе-

³⁷ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=165602&page=50>.

циальный Бетховенский комитет при Наркомпросе, который возглавил Луначарский, и куда вошли представители различных научных, учебных, концертных и театральных организаций. (...)

100-летняя годовщина со дня смерти Бетховена была встречена властями в 1927 году с дружной убежденностью в том, что Бетховен понятен и необходим массам. В то же время единым было и осознание необходимости его повсеместной пропаганды.

Правда, на пути к осуществлению намеченные планы претерпели заметную метаморфозу. Овеянные не рассеявшимся еще духом революционных авангардных утопий, в реальности они приобрели довольно-таки прозаичные очертания рядового «официального мероприятия». В майских выпусках центрального органа советской печати «Правда» 1927 года, вопреки ожиданиям, имени Бетховена уделено совсем немного места. 130-летие со дня казни Гракха Бабефа удостоено большего внимания, чем чествование классика мировой музыки. Да и само оно фактически свелось к торжественному заседанию и концерту в Большом зале консерватории в воскресенье 29 мая. Последний в тогдашней официальной «табели о рангах» в качестве площадки для подобных мероприятий значился ниже, чем Большой театр. Открывал это заседание от имени правительства нарком здравоохранения РСФСР (!) Н. А. Семашко. Более популярные и видные партийные деятели в нем не участвовали. Прозвучал доклад Новицкого, от ВОКСа выступила О. Д. Каменева. Скромной была и концертная программа главного вечера: Фантазия для фортепиано, хора и оркестра (своего рода «замена» более монументальной Девятой симфонии), Концерт для скрипки и оркестра и Пятая симфония. Вечере приняли участие оркестр и хор Музтехникума им. Скрябина и Персимфанс. Солистом выступил Й. Сигети. Краткая «правдинская» заметка о торжестве заканчивалась информацией о том, что (...) 31 мая, 1 и 2 июня в рабочих районах будут проходить концерты и вечера квартетов, посвященные Бетховену. Концерты — бесплатные и предназначены для рабочей аудитории. (...)

Можно было бы предположить, что на больший масштаб у организаторов просто не хватило средств, но это не так: ассигнованные Совнаркомом на проведение юбилея деньги оказались даже не полностью истраченными. На них в конце того же года было организовано Бетховенское общество. Можно только гадать, по какой причине так резко были свернуты запланированные тор-

жества. И все же гипотеза, которую я попытаюсь выдвинуть, обладает большой долей вероятности.

Дело в том, что 27 мая 1927 года грянул давно назревавший политический кризис, грозивший обернуться войной, более того, войной мирового масштаба. Уже в феврале 1927 года английский министр иностранных дел Чемберлен обратился к советскому правительству с нотой, требуя прекратить антианглийскую пропаганду в революционном Китае. 12 мая был произведен обыск в лондонской штаб-квартире советской торговой компании АРКОС в поисках компрометирующих документов, разоблачающих ее шпионскую деятельность. Это событие, получившее название «шпионский скандал 1927 года», произошло на фоне полного провала советской политики в Китае, где 12 апреля состоялось массовое истребление китайских коммунистов (так называемая «шанхайская резня 1927 года»). 27 мая Великобритания аннулировала торговое соглашение и разорвала дипломатические отношения с советской Россией. И в этот же день в гражданскую войну в Китае вмешалась Япония.

Эти события и составляют главное содержание советских газет мая 1927 года. (...)

Ясно, что на таком политическом фоне проведение каких-либо громких торжеств оказывалось по меньшей мере неуместным. В момент кровавого разгрома революции в Китае, к осуществлению которой советское правительство привлекало столько материальных средств и людских ресурсов, кандидатура Бетховена тем меньше подходила для подобной акции, что лозунги, сопровождавшие его имя, соотносились с идеями интернационализма и мировой революции. «В доме повешенного не говорят о веревке».

И в дальнейшем окончательная утрата надежд на осуществление революции «во всемирном масштабе» заставила на некоторое время отчасти померкнуть тот идеологический ореол, который сопровождал образ Бетховена в раннесоветской культуре. Так, уже в мае 1930 года Бетховенское общество волилось в общество «Музыка — массам», разделив судьбу многих «движений профильного характера», приводимых к общему знаменателю «одной, партийной, линии в развитии культурного процесса». При всей типичности истории этого объединения для рубежа 1920–1930-х годов все же обращает на себя внимание тот факт, что «ликвидации» подверглось не просто одно из многих общественных объединений, а то, которое претендовало на особый ста-

тус и самим «генеральским» (как его характеризует Е. С. Власова) составом своего руководства, и самой структурной особенностью, поскольку «формировалось оно в недрах организации, которой непосредственно подчинялось, то есть Наркомпросу».

Возникает ощущение, что тот особый официальный статус в советской культуре, который пытались удержать за Бетховеном учредители Бетховенского комитета, в год его «второго советского» юбилея, оказывался уже отчасти устаревшим. К началу же 1930-х власти обнаруживают даже некоторое «недовольство» им вкупе с его главными пропагандистами — пролетарскими музыкантами³⁸.

От себя заметим, что в 1929 году покинул свой пост народного комиссара просвещения и лидер бетховенских торжеств А. В. Луначарский, не говоря уже о главном пропагандисте мировой революции, оказавшимся в Константинополе.

А вот с Мандельштамом сложнее. Ведь именно ему принадлежит «Ода Бетховену»:

Бывает сердце так сурово,
Что и любя его не тронь!
И в темной комнате глухого
Бетховена горит огонь.
И я не мог твоей, мучитель,
Чрезмерной радости понять:
Уже бросает исполнитель
Испепеленную тетрадь.

И не отсюда ли от «мучителя» определение вкуса Какабадзе: «А вкус у него был горький, миндальный». Этот корень Мандельштам обычно употреблял очень осмысленно...

Ведь и в его «Оде» вне всякой связи с советскими проблемами возникает проблема «непонимания» именно того, что в другом контексте занимало и советский официоз.

И совершенно отдельной темой, ведущей к «Разговору о Данте», является соотношение немецкого и итальянского в «Сухуме»,

³⁸ Раку М. Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. М., 2017 (<https://iknigi.net/avtor-marina-raku/94491-muzykalnaya-klassika-v-mifotvorchestve-sovetskoy-epohi-marina-raku/read/page-16.html>).

коли уж мы знаем годы чтения и выхода в свет «Путешествия в Армению»³⁹. Они в очередной раз мотивируют невозможность всего куска о Какабадзе на страницах открытой советской периодики.

Страшно сказать, но и она связана каким-то боком с биографией Подвойского, важный для нас эпизод которой официозом описывается так:

Несколько месяцев пролежал Николай в клиниках Германии и лишь в конце 1906 г. стал ходить. Вместе с Ниной он пешком переехал в Швейцарию и поселился около Берна. Здесь молодые люди зарегистрировали семейный брак. Целебный воздух Швейцарии, горы, растительность и многое другое благотворно влияли на Подвойского. Он оживал не по дням, а по часам; **записался в Бернский университет, где стал слушать лекции на естественно-философском и экономическом факультетах. Быстрыми темпами осваивал немецкий язык. Николай и Нина ходили пешком в Италию.** Ночевали в самых дешевых гостиницах, или под открытым небом. Питались скудно: хлебом, молоком, сыром, овощами. Николай рвался в дело. В октябре 1907 г. он выехал в Петербург на профессиональную революционную работу⁴⁰.

Даже глухота Лакобы находит себе параллель в странном упоминании «сладкого» Бетховена, который, был, как известно

³⁹ Ср.: «Своеобразным итогом просветительской передачи *Язык Италии* стал *Справочник по произношению и орфографии*, вышедший в 1939 г. Он пользовался популярностью и активно переиздавался. Так что к 1941 г. произношение на итальянском радио было “довольно-таки римским”, и возможно, “не за горами было перемещение языкового центра из Флоренции в Рим” (Pasquali 1985, p. 36). Напомним, что истоки *italiano standard* следует искать во Флоренции XIV века, когда творили Данте, Петрарка и Бокаччо, «их языку подражали авторы других областей, где говорили на диалектах, не похожих на флорентийский» (Борисова Е. Роль радио в формировании ITALIANO STANDARD в период фашистского двадцатилетия). Для того, чтобы это понять, не надо было ждать 10 лет, особенно Мандельштаму, интересующемуся итальянским языком великих флорентийцев. Отдельный вопрос — связь некоторых образов «Разговора о Данте» о кораблях и самолетах, например, с промышленной революцией Муссолини, когда каталоги «Фиата» могли выходить в обложке классического издания «Божественной комедии», но с эмблемой авто-моторостроительной фирмы в центре. Стоит, наверное, вспомнить здесь в итальянско-диалектном контексте и о генуэзцах-флорентийцах-абхазах, которых описали Мандельштам и Паустовский.

⁴⁰ https://komros.info/navstrechu-100-letiyu-velikogo-oktyabrya/navstrechu-100-letiyu-velikogo-oktyabrya_10438.html.

не только из процитированных стихов Мандельштама, глухим. На этом фоне последняя фраза в абзаце о том, что абхазы приходят к социализму не через христианство Смирны и не по лезвию ислама и что Ленин для них первее Адама, тоже не так проста. Начальные абзацы «Сухума» были связаны с первичностью абхазского языка, вырывающегося из медвежьей, явно нерусской, и глухой, пасти. И если Ленин первичнее для абхазов Адама, который, как известно, дал всему имена, то и появление в первых же абзацах мирового «эсперанто» нашло бы себе место в каком-то более свободном тексте. И вновь, на фоне «старого дурака» Подвойского и его проповедей о вреде курения, мы видим, что не только садовник правительственного санатория, но и весь Сухум — «город траура, табака и душистых растительных масел», которые раскрывали нам свои вторые смыслы и подтексты, недоступные читателям журнального варианта.

Напомним, что Мандельштам очень волновала этимология армянского «голова» — «глух». Но, если глава Абхазии — Лакоба — глухой, то такое соотношение армянского и абхазского само по себе заслуживает внимания. Между тем, с учетом того, что Мандельштам был явно в курсе «верхушечных» языковых игр, приведем сведения из очень специальной монографии на эту тему:

В феврале 1922-го был назначен Председателем Совета Народных Комиссаров СРР Абхазия, а в апреле 1930 года по личной инициативе И. В. Сталина Н. А. Лакоба занял пост Председателя Центрального Исполнительного Комитета ССР Абхазии⁴¹. Лакоба был человеком с многочисленными серьезными хроническими заболеваниями; так, он страдал тяжелой формой стенокардии, обостренной гипертонией с постоянными приступами тахикардии, однако все недуги тщательно скрывал от ближайшего окружения и от Сталина. **Имея вторую степень тугоухости, Н. А. Лакоба с 1926 года постоянно носил слуховой аппарат Phonophor фирмы Siemens. За глаза Лакобу в Абхазии звали «Адагуа» — Глухой.** Примечательно, что Нестор Лакоба имел двойника — Давлета Чантовича Кандалиа (он работал водителем и сотрудником охраны одновременно с 25 августа 1933 года), которого подобрал лично в целях безопасности, поэтому разговоры о том, что Председатель ЦИК

⁴¹ Обращаем внимание: и это событие произошло в непосредственной близости к приезду Мандельштама в Абхазию.

Абхазии никого и ничего не боялся, являются чистойшей выдумкой⁴².

1.12. СПЕЦОБЪЕКТ «СИНОП» В СУХУМЕ ГЛАЗАМИ ПАРТОРГАНОВ И ГЛАЗАМИ МАНДЕЛЬШТАМА В ГЛАВЕ «СУХУМ» «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРМЕНИЮ»

Упоминает Мандельштам, как мы видели, и встречи с Лакобой ходоков-табаководов. Но и они оставили след в истории:

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И. В. Сталин к 1929 году принял следующие решения по дому отдыха ЦИК «Синоп»:

- дом отдыха ЦИК «Синоп» не использовать как постоянную правительственную резиденцию в ССР Абхазии (в дальнейшем Абхазская АССР) в период с 1929 по 1939 год;
- считать дом отдыха ЦИК «Синоп» резервным объектом для отдыха, используя его как место для ночлега при поездках в Цхалтубо и Боржоми;
- рассматривать дом отдыха ЦИК «Синоп» как небезопасное место для длительного пребывания, из-за постоянного присутствия в окрестностях дендропарка многочисленных просителей и жалобщиков из местных сел и городов (весьма эффективный и неподражаемый ритуал по приему всех категорий кляузников, жалобщиков и сутяг в ССР Абхазии, был учрежден Председателем СНК Н. А. Лакоба, который в длинной рубахе, подпоясанной наборным ремешком, с неизменным кинжалом, записывал претензии граждан в записную книжку, сидя на ступеньках собственного дома)⁴³.

Итак, объект, на котором происходили события, назван — санаторий «Синоп». Его история именно в 1929–1933 годах, т. е. от 1930 до мая 1933 года так или иначе отражается в «Путешествии в Армению» в период от собственно путешествия и написания текста армянской прозы до её опубликования. И особенности

⁴² Артамонов А. Е. Спецобъекты Сталина. Экскурсия под грифом «секретно». М., 2013. С. 35.

⁴³ Там же. С. 88. Отметим замечательное описание «Ходоков у Лакобы», известное даже Сталину в Москве.

этого периода со всеми их поворотами надо учитывать. Продолжим читать книгу А. Е. Артамонова. И здесь, раз уж мы постоянно видим двойственность «Подвойский» — «Троцкий», придётся привести достаточно длинный отрывок из этой полезной книги:

Маститые историки в диссертациях и научно-популярных изданиях, опубликованных в разных издательствах, часто упрекают И. В. Сталина в неумном желании строить загородные резиденции в самых живописных уголках СССР, в частности, в Крымской и Абхазской ССР.

Стоит заметить, что большинство резиденций, построенных и отремонтированных в период с 1921 по 1953 год, не имели к Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) прямого отношения, а были предназначены в первую очередь для отдыха высокопоставленных партийных функционеров.

К таким дореволюционным роскошным особнякам, предназначенным для санаторно-курортного лечения членов ЦИК и СНК СССР, стоит отнести и дом отдыха ЦИК «Синоп», ставший по иронии судьбы «дачей Сталина в Сухуми», расположенной в настоящее время по адресу Кодорское шоссе, дом 59 в столице Республики Абхазия — г. Сухуме.

В начале января 1924 года Наркомвоенмор СССР, Председатель РВС СССР Л. В. Троцкий по приглашению Председателя СНК Абхазской ССР Н. А. Лакобы, а также по протекции Председателя ОГПУ СССР Ф. Э. Дзержинского и Первого секретаря Закавказского крайкома РКП (б) Г. К. Орджоникидзе прибыл с женой Н. Седовой для санаторно-курортного лечения в дом отдыха ВЦИК № 3 «Синоп», располагавшийся на окраине г. Сухуми в бывшем имении Н. Н. Смецкого. «По состоянию болезни т. Троцкого врачи посылают в Сухум... т. Троцкий не будет... в общем выезжать из дачи — и потому главная задача не допустить туда посторонних, неизвестных», — писал 18 января 1924 года Лакобе Дзержинский. Тогда же, 18 января 1924 года, датировано письмо Г. К. Орджоникидзе: «Нестор! К тебе на лечение едет тов. Троцкий... Надо его так обставить, чтобы абсолютно была исключена какая-нибудь пакость». Как уже понятно, Председателя РВС СССР Троцкого направили на «лечение» в Сухум больше для его политической изоляции, чем поправки здоровья. Однако Н. А. Лакоба на правах полноправного хозяина Абхазии оказал Л. Д. Троцкому и его жене чрезвычайно радушный прием.

При каждом своем посещении Н. А. Лакоба привозил апельсины, мандарины и лимоны, а также всевозможные яства кавказской кухни, чем расположил к себе Троцкого. Беседы на различные темы между Л. Д. Троцким и Н. А. Лакобой зачастую длились до позднего вечера. Троцкий с женой, по приглашению Н. А. Лакобы неоднократно бывал в гостях у последнего (Н. А. Лакоба жил в конфискованном особняке купца О. И. Бостанджогло), восхищаясь кулинарными творениями его жены Сарии⁴⁴.

1.13. Л. Д. Троцкий — «ПРОПУЩЕННОЕ ЗВЕНО» «СУХУМА»

Вот что писал Троцкий в своих мемуарах «За стенами Кремля» о Лакобе в «Бюллетене оппозиции большевиков-ленинцев», уже тогда, когда его расстрелял Сталин:

Весною 1925 года мы жили с женой на Кавказе, в Сухуме, под покровительством Нестора Лакобы, общепризнанного главы Абхазской республики. Это был (обо всех приходится говорить «был») совсем миниатюрный человек, притом почти глухой. Несмотря на особый звуковой усилитель, который он носил в кармане, разговаривать с ним было нелегко.

Но Нестор знал свою Абхазию, и Абхазия знала Нестора, героя гражданской войны, человека большого мужества, большой твердости и практического ума. Михаил Лакоба, младший брат Нестора, состоял «министром внутренних дел» маленькой республики и в то же время моим верным телохранителем во время отъездов в Абхазию. Михаил (тоже «был»), молодой, скромный и веселый абхазец, один из тех, в ком нет лукавства. Я никогда не вел с братьями политических бесед. Один только раз Нестор сказал мне: «Не вижу в нем ничего особенного: ни ума, ни таланта». Я понял, что он говорит о Сталине, и не поддержал разговора».

Хорошее лечение, уход и целебный воздух здешних мест довольно скоро сделали свое дело — Л. Д. Троцкий поправился. После выздоровления Троцкий и Лакоба по-прежнему много времени проводили вместе — были частыми гостями у абхазских крестьян. Л. Д. Троцкий живо интересовался обычаями и нравами абхазов,

⁴⁴ https://vk.com/wall-4059914_3495.

посещали сельские сходы. На одном таком грандиозном сходе в селе Мокви (Очамчирский район ССР Абхазии), Председатель РВС СССР Троцкий выступил с пламенной речью, начав ее с ритуального обращения на абхазском языке: «Люди, пусть я умру раньше вас...».

В связи со смертью В. И. Ленина и посланной слишком поздно телеграммой, Л. Д. Троцкий был вынужден прервать свой отдых в доме отдыха ВЦИК и оправиться в Москву. Вторично Троцкий посетил г. Сухум и дом отдыха ВЦИК № 3 «Синоп» весной 1925 года, уже в последний раз перед выдворением из СССР. Однако, отбросив в сторону политические интриги тех лет, вернемся к конкретному месту отдыха Л. Д. Троцкого, которое называлось дом отдыха ВЦИК № 3 «Синоп» и было одним из немногих, где высшие партийные чины тех лет могли в окружении прекрасного дендропарка спокойно отдохнуть от «праведных дел по благоде-тельству всего трудового народа».

Поясню читателям, что на январь 1924 года на территории СССР, практически полностью лежащего в руинах, с населением, умирающим от голода и многочисленных эпидемий, находилось всего три дома отдыха Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, документальные свидетельства о которых сохранились в Государственном архиве РФ. Все дома отдыха ВЦИК подчинялись и финансировались Отделом загородных владений ВЦИК до 22.09.1923 года (руководитель К. С. Наджаров, ставший впоследствии начальником строительства Мавзолея В. И. Ленина)⁴⁵.

Таким образом, то ли тенью, то ли подтекстом, то ли «опущенным звеном» «Схума» очевидным образом стал Л. Д. Троцкий.

1.14. НЕНАЗВАННЫЙ ПОДВОЙСКИЙ В ЧЕРНОВИКАХ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРМЕНИЮ»?

Но было бы опрометчиво считать, что образ Подвойского на его фоне был плоским и непроработанным. Напротив, ко всем «дуракам» и т. п., что было связано с именем Подвойского, прибавился и юмор, связанный с «Манифестом Коммунистической партии», где многие резонно усматривали намёк на обобществе-

⁴⁵ Артамонов А. Е. Указ. соч. С. 81–83.

ние женщин при коммунизме; тогда поведение Ежова, носившего цветы чужой жене и Подвойского, носившего их же брошенной жене замнаркома, выглядело очень комично. Но об этом мы уже упоминали. А вот некоторые особенности биографии первого наркомвоенмора республики, отразившиеся в черновиках «Путешествия в Армению», очевидным образом не могли попасть в основной текст, т. к. прямо раскрывали «шифр» «Лея». Однако А. Г. Мец поместил этот абзац в материалы к главе «Севан», поэтому никому и в голову не пришло задуматься о том, кого имеет в виду Мандельштам.

Между тем, достаточно обратиться к непрокомментированному абзацу, как мы сразу, если знаем биографию Повойского, конечно, поймём в чем дело: «Был он помазан каким-то военным елеем, словно только что вернулся из полковой церкви, что, впрочем, ничего не доказывает и бывает иной раз с превосходными советскими людьми» (ПССиП. 2. С. 336).

Если действительно этот эпизод остался в черновиках «Севана», то персонаж, к которому он относится, станет, как и всегда в «Путешествии в Армению», двойником кого-то в соседних главах. На сей раз — Подвойского, о котором известно следующее:

Окончив Нежинское духовное училище, Мыкола, по воле Ильи Михайловича, в 1896 г. поступил в Черниговскую духовную семинарию. В первые же месяцы учёбы в семинарии в характере Николая произошёл внезапный перелом. Он стал серьёзней, взрослее и рассудительнее, сохранив живость, горячность и общительность. Этой перемене способствовало то, что он впервые оторвался от семьи и опеки родителей. Семинария конца XIX в. не отличалась строгостью нравов. Семинаристы старших классов иногда позволяли себе откровенные попойки, имели себе поклонниц в городе, особенно в епархиальном училище. Как писал позже Н. И. Подвойский, семинария «отличалась вольнодумством, в ней царил мятежный дух». Семинаристы читали произведения русских, украинских, белорусских писателей-демократов и до хрипоты спорили не по вопросам теологии, а о положении крестьян, политике царского правительства. **Учился Николай легко, но по мере усвоения богословских знаний, догм христианской морали, он стал задумываться о несоответствии этих догм с тем, что реально видел в жизни. Проповедь священников о любви к ближнему была столь же лицемерна, как и у помещиков, урядников, чинов-**

ников. Но вслух своих мыслей Николай пока не высказывал. Червь сомнения непрерывно подтачивал веру Николая не только в бога, но и в правильность навязанного ему отцом будущего. После года учёбы он понял, что не имеет никакого желания быть священником. Ещё через год он пришёл к твёрдому убеждению, что не будет им никогда. Вместе с тем он рассудил, что семинарию надо закончить, так как она давала право работать учителем или учиться дальше, в том числе в некоторых светских учебных заведениях. Приняв такое решение, он как бы ожил и занялся скрипкой. Не зная нот, но обладая музыкальным слухом, он легко оживлял знакомые с детства народные мелодии. К тому же у него был хороший голос. Рослый, плечистый со светлыми вьющимися волосами и весёлыми, чуть зеленоватыми, с прищуром глазами, острый на язык, он стал заводилой среди семинаристов. **Вскоре Николай был включён в семинарский хор, а затем и в оркестр (барабанщиком). Барабанщиком он отказался неважным, но хорошим организатором.** Он занялся репетиторством и полностью отказался от финансовой помощи родителей. В 90-е годы по всей России росло и ширилось недовольство рабочих, а в Петербурге развернул работу созданный В. И. Лениным нелегальный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»⁴⁶.

1.15. «ДОКТОР ГЕРЦБЕРГ» И «ДОКТОР СТОКМАН (ВРАГ НАРОДА)» Г. ИБСЕНА В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРМЕНИЮ»

И, наконец, ещё один довольно подозрительный момент. В черновиках «Путешествия в Армению» доктор Герцберг, лечивший севанских детей, назван «одним из лучших людей эпохи Московшвее» (ПССиП. 2. С. 336), а в основном тексте — напротив — «Доктор Герцберг откровенно скучал на острове армянских матерей. Он казался мне бледной тенью ибсеновской проблемы или актером МХАТа на даче» (ПССиП. 2. С. 262). Здесь достаточно знать, что пьеса называлась не просто «Доктор Стокман» или, по аналогии с фамилией известного впоследствии революционера, «Доктор Штокман», но и «Враг народа», а в 1901 году эта пьеса шла в МХТ. Поэтому доктор Герцберг «шифрует» со-

⁴⁶ https://komros.info/navstrechu-100-letiyu-velikogo-oktyabrya/navstrechu-100-letiyu-velikogo-oktyabrya_10438.html.

бой «Врага народа» «на даче». А это — даже в 1932–<19>33 годах — термин достаточно зловещий с большим шлейфом кровавых событий Великой французской революции.

Впрочем, есть ещё одно важное терминологически место у Мандельштама, когда, говоря о Ламарке, Линнее, Буффоне, он вдруг сообщает: «Я заключил перемирие с Дарвином» (ПССиП. 2. С. 280). Попытка примирения названных французов с англичанином «Пиквиком» Дарвином — очевидный пример т. н. «диалектики», которая и была тогда единственным марксизмом.

Теперь остается напомнить, что название санатория, он же дендрологический сад, «Синоп», легко переходит в синкопы или провалы между классами, пусть и растений.

Наконец, не можем не упомянуть, что ни в каких мемуарах столь известный персонаж, названный Мандельштамом одним из лучших людей эпохи Московошвея, не встречается. Поэтому, хотя есть и другие мнения, позволим себе сказать, что это имя, пусть и принадлежащее реальному человеку, скрывает какую-то другую фигуру, типа очередного «Лея» — Подвойского или заменённого одну на другую фамилию снятого армянского министра.

Эти игры нами до конца не разгаданы, однако тот факт, что имеют место, — вне всяких сомнений. И мы будем иметь возможность в этом убедиться в самое ближайшее время, опять же применительно именно к черновикам «Путешествия в Армению».

2.0. «ПУТЕШЕСТВИЕ В АРМЕНИЮ»: ДО И ПОСЛЕ

2.1. МАНДЕЛЬШТАМ И Ц. РЫСС ПОСЛЕ АРМЕНИИ: НЕДОЛГАЯ ЗАГАДОЧНАЯ КВАРТИРА В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРМЕНИЮ»: ОТ МЕНЬШЕВИСТСКОГО ТИФЛИСА ДО МОСКВЫ 1931 ГОДА

Наконец, приведём отрывок из черновиков главки «Москва» о московской квартире, где жил Мандельштам после Армении, который неожиданно свяжет воедино целый ряд биографических моментов жизни поэта, до этого выглядевших разрозненными. Здесь мы встретим уже более интересные провалы между, на сей раз, социальными классами тех, кто активно принимал участие в революции.

Мандельштам пишет:

Хозяин моей временной квартиры — молодой белокурый юрист-консульт — врывается по вечерам к себе домой, схватывает с вешалки резиновое пальто и ночью улетал на «юнкерсе» то в Харьков, то в Ростов.

Его нераспечатанная корреспонденция **валялась по неделям на неумытых подоконниках и столах**. Постель этого постоянно отсутствующего человека была покрыта украинским ковричком и подколота булавками.

Вернувшись, он лишь потряхивал белокурой головой и ничего не рассказывал о полете (ПССиП. 2. С. 341).

Более того и скорее всего, если верить комментарию А. Г. Меца, человек этот давно известен мандельштамоведам по очень важному поводу, связанному с творческой историей печатного издания «Путешествия в Армению»: *«Хозяин моей временной... о полете. Эта и шесть следующих записей относятся к лету 1931 г., когда М. жил в Замоскворечьи в квартире Цезаря Рысса. Их текст включен в прижизненную неавторизованную машинопись, но, согласно свидетельству Н. М. (записанному И. М. Семенко на листе в АМ), исключен автором при прохождении рукописи в журнале»* (ПССиП. 2. С. 627), — однако никаких специальных работ на эту тему не появилось до сих пор. И это несмотря на то, что дочь Цезаря Рысса работала в цитадели советской семиотики и раннего мандельштамоведения — в секторе А. А. Реформатского Института русского языка АН СССР. Более того, в её окружении было известно о связях её родителей с судьбой Мандельштама⁴⁷.

И все-таки — молчание. Таких случайностей в официальном мандельштамоведении, что общественном, что медико-географическом, что высоко экономичном, не бывает. Попробуем понять, в чём здесь дело.

Раз уж мы коснулись этого выброшенного отрывка из «Путешествия в Армению», есть смысл обратиться к информации о Цезаре Рыссе, полученной из книги его дочери и внука, которые оче-

⁴⁷ Ср.: *Шабат М. Ц.* От ФБОН к ИНИОН (взгляд снизу) // Тыняновский сборник. Вып. 11. Девятые Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. М., 2002. С. 849–879.

видным образом знакомы и с творчеством Мандельштама, и с историей встреч своего отца и деда с поэтом.

Итак, рассказ со слов дочери с комментарием⁴⁸:

О юности папы

То, что я знаю, как о детстве моего отца, так и о жизни осиротевших детей, о том, чем занимался папа по окончании гимназии, **больше всего похоже на прерывистую линию, состоящую из разрозненных фактов.**

Военное училище, нежелание идти служить в белой армии, контакты с друзьями-большевиками, какие-то поручения вроде сопровождения архивов деникинского правительства в Москву⁴⁹, почему-то встреча с Лениным, почему-то знакомство с Шаялиным, служба в качестве то ли третьего секретаря, то ли культурного атташе большевистского посольства в меньшевистской Грузии⁵⁰, служба в Реввоенсовете⁵¹. В те годы отец, кажется, считал себя членом большевистской партии, но позже почему-то это членство не оформил (*Почему? Ведь в жизни моего детства никогда не витала в доме атмосфера критики и недовольства советской властью*).

Нетрудно видеть, что очень немало значащих фактов из жизни Рысса связывают его с Мандельштамом. Здесь и сопровождение «деникинских архивов», главное служба в большевистском посольстве в Грузии в нужное нам время.

Вопрос о Ленине и Реввоенсовете пока оставим. Это требует специального рассмотрения, т. к. с ведомством Троцкого Рысс был связан прочно. Однако в круг общения Мандельштама Ц. Рысс входит абсолютно полноправно и совсем не случайно. Хотя считается, что в квартиру Рысса его привел известный всем мандельштамоведам герой «маргулет» А. Моргулис из газеты «За коммунистическое просвещение».

Имел он, ростовчанин по происхождению, отношение и к кругу ростовчанина М. Ф. Гнесина, корреспондента В. Я. Парнаха, по-

⁴⁸ Шабат М. Ц. Reminiscences: <https://ridero.ru/books/reminiscences/freeText>.

⁴⁹ Жаль, не сказано откуда, хотя из последующего можно и догадаться.

⁵⁰ А это уже тематика очерка и куса биографии Мандельштама «Меньшевики в Грузии» и неполностью сохранившаяся глава из «Шума времени» — «Возвращение».

⁵¹ По официальным документам дата призыва — 6 мая 1920 года; см.: <https://1418museum.ru/heroes/28657325>.

лучившему или посылавшему по почте «египетскую марку», в реальных письмах из Палестины, учился вместе с женой в Брюсовском литературном институте и т. д.

Имеются сведения и о комнате Рысса, и о его работе, запомнившиеся Мандельштаму.

Теперь вновь мемуаристка:

Изменения в хоромаш

Зато только у нас есть «хоромы». Хоромами наше жилье называлось и после того, как мои родители разделили одну из роскошных квадратных комнат на две длинные, узких кишки. Наверное, они устали от жизни всегда «на виду» и им необходимо было устроить для себя подобие изолированной спальни. Не может быть, чтобы их, особенно маму, не угнетали реминисценции детства, воспоминания о большой квартире, в которой у каждой комнаты было свое назначение. Наверное, превращение двух комнат в три стоило отцу не одной бессонной ночи за письменным столом. Помню, какое разочарование я испытала, когда, вернувшись домой после лета, увидела изменения в хоромаш. Но мама объяснила, что теперь «у всех будет свое место» и никто не будет никому мешать. Действительно, неперегороженная комната стала выглядеть еще просторней, чем до ремонта. В ней стояли поначалу только деревянная садовая скамья — спальное место приезжавших из других городов гостей, колченогий обеденный стол, несколько стульев и папин письменный стол, место, где он проводил за своей непонятной работой много ночей. Стол был завален бумагами, которые ни в коем случае нельзя было трогать.

Приработки отца

Чем же занимался мой молодой одаренный отец, который с 13 лет знал, что такое бремя ответственности за близких ему людей? Я думаю, что в молодости, независимо от того, где ему приходилось работать, он быстро завоевывал почетное положение «ученого еврея» при своих менее умных, менее образованных руководителях. Обладая гибким умом, невероятной жадностью к познанию и редкостной добросовестностью и трудоспособностью, он за несколько бессонных ночей мог выполнить то, на что другим потребовались бы недели или месяцы. «Этот кодекс», «этот устав» ... — конечно, слова не имели никакого смысла для ребенка, но запомнила я их с детства. Мой папа все знал про эти слова и, наверно, что-то сочинял про них по ночам.

(После ухода из Реввоенсовета и до тех пор, пока он не стал работать сначала в совместной архитектурной мастерской братьев Весниных и Гинзбурга [связанной с Наркомтяжпромом Орджоникидзе. — Л. К.], а потом в отпочковавшейся мастерской Гинзбурга, отец работал в учреждениях, занимавшихся разработкой законодательно-правовой базы в нашей стране: жилищкооперация, комплексная разработка инфраструктуры промышленных комплексов, — я боюсь быть неточной и недостаточно осведомленной).

Трудно сказать, ориентировалась ли дочь Рысса на главы «Шума времени», каких-то очевидных следов этого нет⁵², однако глава «Буржуйская мебель. Книжные полки» очень своеобразно коррелирует с прозой Мандельштама⁵³:

Папа нашел где-то и купил по дешевке настоящий **трельяж с тройным зеркалом**, низенькими тумбочками и ящичками. Меня поразила не только вид, но и название внесенного в комнату предмета — он был из «богатой» жизни. Можно было повернуть боковое зеркало и увидеть себя сразу с трех сторон. Я любила наблюдать, как мама, нарядно одеваясь, осматривала себя в зеркалах, когда они с папой собирались в гости или в театр.

Постепенно наши хоромы стали заполняться и другой мебелью. Вся она была из прошлого, буржуйского мира и всегда покупалась по дешевке. **Но книжный шкаф, безобразный, покрашенный черной краской**, сколотил живший во дворе мастер на все руки, умелец дядя Петя. Его поставили рядом с папиным письменным столом. **На нижних полках лежали папки с бумагами** — папина работа; на верхних расположились некрасивые одинаковые книги. Папа добросовестно

⁵² Отметим, что этот момент исключительно важен для очень многих еврейских мемуаров. Так и философ И. Д. Левин, и «Серапионова сестра» Елизавета Полонская, и философ М. И. Каган, из тех что нам известны, а теперь еще и дочь Рысса, очень тонко то ли спорили с мандельштамовским описанием еврейского детства, то ли включались в игры поэта. В любом случае, этой особой проблеме придется остаться за пределами данной работы, но в итоге от неё не уйти.

⁵³ Впрочем, её работа в секторе А. А. Реформатского в Институте русского языка АН СССР, где работали, в том числе и в соседних секторах, многие люди, близкие Н. Я. Мандельштам, делает наше предположение обоснованным, тем более что кому-то из этого круга родители мемуаристки рассказывали о помощи ими Мандельштамам. Однако, как мы увидим позже, отношения в этом кругу и их отражение в «Путешествии в Армению» были очень далеки от благодатных, а жизни поэта и хозяина квартиры слишком плотно пересекались. Отсюда и выбор мемуаристской очень нетривиального тона разговора обо всём этом.

покупал **очень дешевые массовые издания трудов тогдашних руководителей страны**. Они нисколько не интересовали меня, и было непонятно, почему такие уродливые книги стоят на самом видном месте. Позже **они стали понемногу исчезать с полок...**

Это забавная параллель к трём полкам «Книжного шкапа» из «Шума времени» с его русской полкой матери, немецкими книгами отца и рваными талмудами на нижней...

К «Книжному шкафу» в воспоминаниях добавляется и группа ритмики, которую организовала для мемуаристки её мать, и даже даётся специальное объяснение командировок отца и их характера, что для нас важно, т. к. для автора «Путешествия в Армению» или его «повествователя» они были загадкой:

Командировки

С раннего детства я привыкла к слову «командировка». В нашей семье командировки были неотъемлемой частью быта, папа уезжал очень часто, обычно на пять — десять дней, но иногда командировки затягивались на два — три месяца. Сейчас мне трудно представить, почему мой молодой папа постоянно занимался какими-то ревизиями, проверками и контролем в других городах. В разговорах о работе, именно работе, а не службе, постоянно звучали ничего для меня не значащие слова вроде «кооперации» или «коммунхоза». Я знала, что если папа пишет ночью, значит он что-то проверяет: **обычно он занимался этим после возвращения из командировок**. К каждому возвращению мама готовилась как к маленькому празднику. Из скудных запасов готовилось что-нибудь любимое папой, например, грибной суп или картофельные котлеты с грибным соусом. Символом праздника был также самый красивый, тщательно вывязанный бант на моей голове. А мама была особенно красива в эти часы перед возвращением папы из командировки. Папа приезжал оживленный, счастливый тем, что добрался домой, и всегда старался привезти какие-нибудь небольшие подарки, какую-нибудь местную коробочку или косынку, открытки для меня... Если командировка оказывалась хорошо оплаченной, папа «шиковал» и привозил маме что-нибудь более дорогое.

За обедом начинались рассказы. Поначалу мне было интересно — папа рассказывал о незнакомых мне городах, о понятном. Но довольно быстро родители забывали обо мне и начинали обсуждать скучное и непонятное. Конечно, этот разговор был гораз-

до важнее той легкой беседы, в которой могла принимать участие маленькая дочка. **Мама прекрасно разбиралась во всех делах отца, всегда была в курсе его взаимоотношений с сослуживцами, в курсе его успехов и неудач.**

Это прямо противоречит сообщениям Мандельштама, что его квартирохозяин никогда ничего не рассказывал. Видимо, собеседниками они близкими не были.

Стоит обратить внимание, что дед мемуаристки, попавший под красный самосуд в освобожденном Ростове и переведённый в Москву, тоже испытал на себе все особенности момента:

В 1926 году мой дед Иоанникий Алексеевич Малиновский, отсидев достаточно долгий срок в Ивановском лагере в Москве после отмены первоначального смертного приговора за контрреволюционную деятельность, по приглашению Всеукраинской академии наук переехал в Киев. Там он был избран академиком, занимался своей любимой историей западно-русского права и становлением советской законности на Украине и, более или менее безбедно и спокойно прожив несколько лет, умер в 1932 году.

Между тем, интересующие нас комнаты: «**по 29 квадратных метров каждая, мой отец получил в 1923 году от Реввоенсовета (Министерства обороны в современной терминологии) в ближнем Замоскворечье, в пяти минутах от Малого Каменного моста. Наша семья прожила в этих комнатах до 1958 года.**».

Нетрудно понять, что тогда это был Реввоенсовет Троцкого!

Естественным образом проскочило в мемуарах и имя Мандельштамов, по-видимому, не случайно после рассказа о ссыльном брате — анархисте родителей мемуаристки:

Или другое. Когда мы идем через поле к даче, папа говорит маме, что когда Мандельштамы уедут, надо будет сделать генеральную уборку, в квартире грязь и безобразие и соседи очень недовольны.

— Кто такие Мандельштамы?

— У них нет дома.

— Почему?

— Иногда так бывает.

— И у нас может не быть дома?

— Нет, у нас дом будет всегда, не волнуйся.

Снова что-то недосказанное. Могли ли мои родители предположить тогда, что через много-много лет будут рассказывать, как в свое время они сумели немного помочь бездомному гению?⁵⁴

2.2. «СОСЕДИ» О. МАНДЕЛЬШТАМА В КВАРТИРЕ РЫССОВ

Похоже, этот разговор тоже приведён совсем неслучайно. Ведь прямо вслед за строками Мандельштама о хозяине квартиры и его командировках последует очень близкое и важное для нас описание:

Соседи мои по квартире были трудящиеся довольно сурового закала. Мужчины умывались в сетчатых майках под краном, женщины туго накачивали примуса, и все они яростно контролировали друг друга в соблюдении правил коммунального общежития.

Бог отказал этим людям в приветливости, которая все-таки украшает жизнь...

Вряд ли эти люди были достойными носителями труда — энергии, которая спасает нашу страну.

Им не был чужд и культ умерших, и даже некоторое уважение к отсутствующим. [Мы напоминаем и тех и других.]» (ПССиП. 2. С. 341).

Это черновики. И в них, как во многих других случаях, обе выделенные нами фразы задают очень непривычный тон всей прозе основного текста, где удивительным образом сочетаются и привычные для «традиционного» Мандельштама сведения, и нечто, что заставляет очень и очень задуматься.

И черновики, в которых идет речь об очень конкретной квартире неназванных Рыссов, и окончательный текст, где речь заходит не о Полянке, а о Якиманке, где живёт Зотов (в журнальном варианте), но характеристики её полностью совпадают с черновым описанием квартиры на Полянке, заставляют более внимательно прочитать чистовой текст, зная многие обстоятельства жизни Мандельштама, о которых, в частности, мы писали не раз и не два.

⁵⁴ Все цитаты из мемуаров М. Ц. Шабат даны по указывавшемуся в прим. 41 электронному источнику: <https://ridero.ru/books/reminiscences/freeText>.

Вот полный текст чистовика, начиная с предшествующего по смыслу абзаца:

Должно быть, **величайшая дерзость** — беседовать с читателем **о настоящем** в тоне **абсолютной вежливости**, которую мы почем-то уступили мемуаристам.

Мне кажется, это происходит **от нетерпенья, с которым я живу и меняю кожу**.

Саламандра ничего не подозревает о черном и желтом крапе на ее спине. Ей невдомек, что эти пятна располагаются двумя цепочками или же сливаются в одну сплошную дорожку, в зависимости от влажности песка, от жизнерадостной или траурной оклейки террария.

Но мыслящая саламандра — **человек** — угадывает **погоду завтрашнего дня**, лишь бы **самому определить свою расцветку** (ПССиП. 2. С. 266).

Тут так и хочется вспомнить Маяковского: «Но и без Гегеля мы разбирались в том, в каком идти, в каком сражаться стане». Что особенно хорошо при гумилёвском подтексте «я живу и меняю кожу»:

Крикну я... Но разве кто поможет, —
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.

Здесь же речь идёт о коже и расцветке.
Читаем дальше:

Рядом со мной проживали суровые семьи трудящихся. Бог отказал этим людям в приветливости, которая все-таки украшает жизнь. Они угрюмо сцепились в страстно-потребительскую ассоциацию⁵⁵, обрывали причитающиеся им дни по стригущей талонной системе и улыбались, как будто произносили слово «повидло».

⁵⁵ Наверное стоит сказать, что Рысс был не совсем рядовым деятелем этой кооперации, коли в 1929 году он выпустил даже по-немецки книгу с характерным названием: *Kooperation im system der wohnungswirtschaft in der Sowjetunion* [Текст] / С. Ryss. Moskau: Zentroshilsojus, 1929. Вообще говоря, все книги о кооперации Рысса вышли в период 1927 по 1931 год, а в 1935 году вышла книга, которая объясняет многомесячные, хотя бы одного типа, отсутствия хозяина квартиры: К во-

Внутри их комнаты были убраны, как кустарные магазины, различными символами родства, долголетия и домашней верности. Преобладали белые слоны большой и малой величины, художественно исполненные собаки и раковины. Им не был чужд и культ умерших, а также некоторое уважение к отсутствующим. Казалось, эти люди с славянски-пресными и жестокими лицами ели и спали в фо-

просу о социалистическом расселении в Киргизской АССР / В. Я. Белоусов, Ц. Г. Рысс, В. П. Каалмыков. М. ; Л., 1935. Обращаем внимание на то, что предисловие к немецкой книге о советской кооперации написал автор очень интересной для нас работы: *Мещеряков Н. В* меньшевистском раю. Из впечатлений поездки в Грузию. М., 1921 г., — в аннотации к которой можно прочесть: «В конце лета 1920 г. на долю меньшевистского правительства Грузии выпало громадное счастье. В Грузию направилась многочисленная делегация Второго Интернационала. С этой делегацией поехал и вождь К. Каутский. Грузинская социал-демократия состояла в рядах Интернационала; с другой стороны, вожди ее считали себя учениками Каутского. Им показали Казбек, по словам одной газеты, “усердно дурманили им головы кахетинским вином”, а Каутского, — как он сообщает в своей брошюре, — кормили даже медвежьим мясом. Делегаты были растроганы. “Помните вы наши надежды, ибо Грузия — единственная страна, во главе которой стоят социалисты. Ваша гибель будет нашей гибелью; ваша победа — наша победа”, воскликнул, обращаясь к грузинским меньшевикам, Гюисманс. Француз Ренодель выразился более ясно и определенно: “Грузия должна стать во главе народностей Закавказья и освободить их от тех, кто уничтожает всякую свободу”, — заявил он, возлагая таким образом на грузинских меньшевиков обязанность борьбы с советской Россией, где, по его мнению, уничтожена всякая свобода. Ученый Николай Мещеряков, побывавший в 1920 г. в Грузии, писал: “Национализм доходит до курьезов. Так, в учебнике, по которому в школах изучается история, рассказывается, что Грузия была еще в древности самой культурной страной, так что из нее Греция получила свою культуру. В детях с малых лет воспитывается презрительное отношение к армянам и т. п. Но от этого национальная борьба только растет. Аджарцы, турки и часть татар и абхазцев тянут к Турции, осетины, часть абхазцев и татар — к России” (https://www.alib.ru/au-meweryakov/nm-mennmnshevijskom_gauu/) Это не так уж маловажно, если учесть, что и Мандельштам не оставил своим вниманием этот визит европейских социалистов, да и были все три автора в Тифлисе около или просто в это время. Кроме всего прочего, Мещеряков был, что важно для Мандельштама как автора «Международной крестьянской конференции» редактором коминтерновского журнала «Крестьянский интернационал» с 1924 по 1927 год, видным деятелем кооперативного движения, первым начальником советской цензуры и директором Госиздата до 1924 года. Похоже, что и эта фигура имеет отношение к «теневой» (по терминологии С. Шиндина) биографии Мандельштама, а контакты с ним Рысса вовсе не случайны. Кроме всего прочего, почти тогда же, когда и «Меньшевики в Грузии», вышла книга Мещерякова на немецком языке с характерным названием: *Der Terror der georgischen Menschewiki / N. Meschtscherjakow. S. I. Verl. der Kommunistischen Intern., 1922*, — что включает эту фигуру в общий интересующий нас контекст, а сопоставление книги Мещерякова и очерков Мандельштама становится обязательным, равно как и исследование их возможных контактов в Крестинтерне.

тографической молельне. И я благодарил свою звезду за то, что я лишь случайный гость Замоскворечья и в нем не проведу своих лучших лет. Нигде и никогда я не чувствовал с такой силой арбузную пустоту России; кирпичный колорит москворецких закатов, цвет плиточного чая, приводил мне на память красную пыль Ара-ратской долины.

Мне хотелось поскорее вернуться туда, где черепа людей одинаково прекрасны и в гробу, и в труде.

Кругом были не дай бог какие веселенькие домики с низкими душонками и трусливо поставленными окнами. Всего лишь семьдесят лет тому назад здесь продавали крепостных девок, обученных шитью и мережке, смиренных и понятливых (ПССиП. 2. С. 266).

Теперь понятно, что «благодарить» за такое описание своего дома никто из Рыссов в следующих поколениях не стал, а легкая полемика мемуаров дочери с Мандельштамом идёт на тексте «Шума времени», в чём теперь уже нет сомнений.

До настоящего времени эти мемуары не попадали в комментарии к официальным изданиям Мандельштама, но нам они кажутся очень важной коррективной позиции поэта и его вдовы, которая предельно кратко коснулась этого «московского злого», будем считать, для них «жилья». Ну а о важности этих мемуаров для комментария к черновикам «Путешествия в Армению», и говорить не приходится. Тем более что это были очень непростые времена для Мандельштамов и внешне, и, главное, внутренне. Не будем сейчас гадать, но по отрывкам впечатлений мемуаристки именно в интересующее нас время приезжали в дом гости с голодающей Украины, что добавляет ещё один штрих ко всему рассказу на фоне биографии Мандельштама, который специально отметил украинские коврики и покрывало на кровати хозяина.

В любом случае, эти мемуары провоцируют на очень продуктивные поиски связей между их героями.

2.3. Появление Б. С. Кузина в «МОСКВЕ» «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРМЕНИЮ»

Однако квартира квартирой, но главка «Москва» представляет интерес с еще одной стороны. Дело в том, что, как и во всей прозе Мандельштама, все нити постепенно сливаются в самый сложный

узор, где значимо чуть ли каждое слово. На сей раз оправдывается наше внимание к проблемам кооперации:

В этом году правление Центросоюза обратилось в Московский университет с просьбой рекомендовать им человека для посылки в Эривань. Имелось в виду наблюдение за выходом кошенили — мало кому известной насекомой твари. Из кошенили получается отличная карминная краска, если ее высушить и растереть в порошок.

А вот следующий абзац объясняет нам, как кажется, будущую «буддийскую Москву», в которую вернется поэт, который так хотел из квартиры в Якиманке вновь очутиться Армении:

Разлука — младшая сестра смерти. Для того, кто уважает резоны судьбы, — есть в проводах зловеще-свадебное оживление.

То и дело хлопала наружная дверь, и с мышиною якиманской лестницы прибывали гости обоего пола: ученики советских авиационных школ — беспечные конькобежцы воздуха, сотрудники дальних ботанических станций, специалисты по горным озерам, люди, **побывавшие на Памире и в Западном Китае**, и просто молодые люди (ПССиП. 2. С. 268).

В Западный Китай входят три автономных района: Тибет, Нинся и Синьцзян. Сейчас мы не вдаёмся в эти проблемы, но Мандельштам, написавший очень непростой очерк «Международная крестьянская конференция» в двух его «буддийских» редакциях⁵⁶, которые мы впервые вместе с бурятской коллегой рассмотрели всерьёз, совсем не случайно выделил в отдельную группу «людей, побывавших на Памире и в Западном Китае», в отличие от просто «молодых людей». Эти «просто молодые люди» дают понять, что и «специалисты по горным озерам» — группа отдельная, как и летчики либо сотрудники ботанических станций, что более очевидно, не сливающихся с Памиром и Западным Китаем.

Дело здесь в том, что этот район контролировал от советской разведки только что расстрелянный тогда, но нигде, кроме троц-

⁵⁶ См.: Сангадиева Э. Г. Кто такие коронационные буряты? Из комментария к очеркам О. Э. Мандельштама «Первая международная крестьянская конференция» и «Международная крестьянская конференция»; Кацис Л. Postscriptum к статье Э. Г. Сангадиевой «Кто такие коронационные буряты?» // OSTKRAFT. Литературная коллекция: Научное обозрение. 2020. № 2–3. С. 152–183.

кистской печати, не помянутый Я. Г. Блюмкин. Он был тайно расстрелян поздней осенью 1929 года. Следовательно, люди, «**побывавшие на Памире и в Западном Китае**», отвечали за этот район и при, и после Блюмкина.

Политическая картина, которая нам известна на данный момент в связи с отношением Мандельштама к Троцкому, в данном случае, коли Блюмкин был расстрелян как эмиссар высланного Вождя, заставляет учесть это «пропущенное звено», как мы поступали в абхазских сценах.

Между тем, сам Кузин вспоминает:

Стремясь сократить ввоз импортных продуктов, **пищевое ведомство в 1929 г. обратилось в Московский университет** с запросом о возможности замены мексиканской кошенили каким-либо отечественным источником кармина. Ответить на этот запрос поручили, как энтомологу, мне. Я знал, что в Армении водится так называемая араратская кошениль, далекая по систематическому положению и по образу жизни от мексиканской, но, как и та, содержащая кармин и бывшая когда-то предметом местного промысла. Из одной небольшой монографии начала прошлого столетия я узнал, что кармин, добывавшийся из этой кошенили, употреблялся в качестве краски для печати католикаса, а также для иллюстрации и украшения заставок рукописных книг. Но главное — в этой книжке было указано кормовое растение араратской кошенили и названы селения в долине Аракса, близ которых её собирали. Я ответил, что могу попытаться найти эту кошениль, определить её запасы и выяснить, возможно ли её добывать в промысловом количестве. Финансировать возрождение древнего промысла из патриотических соображений согласился Совнарком Армении. **В начале сентября 1929 г.** я с Н. А. Емельяновой (энтомологом) и Н. Т. Кахидзе (ботаником) выехал в Эривань. Кошениль мы нашли, и два последующих года я занимался ею в Армении, а в 1930 г. нашел другого содержащего кармин червеца также и в Средней Азии⁵⁷.

Тогда Мандельштам, действительно, не смог выехать в Армению, а сделал это почти через год. Но к моменту отъезда Кузина из Москвы Блюмкин даже ещё не был арестован. Это ключевое

⁵⁷ Кузин Б. Об О. Э. Мандельштаме // Кузин Б. Воспоминания. Произведения. Переписка. Н. Я. Мандельштам. 192 письма к Б. С. Кузину. С. 157.

для судьбы Мандельштама и его друзей по «белому коридору», произошло 15 октября 1929 года.

2.4. КВАРТИРА КУЗИНА И КВАРТИРА РЫССОВ В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРМЕНИЮ» В 1931 ГОДУ?

Следовательно, это не квартира Рыссов, а квартира или комната Кузиных. Отсюда и сознательное наложение этих двух очень близких (Большая Полянка, где жил Мандельштам, и Якиманка, где жил К.) адресов.

Между тем, известно, что празднество у «К.» имело место 11 мая 1931 года, как считает А. Г. Мец, основываясь лишь на дате рождения Кузина и уверенности, что прямо названный Кузин и некто «К.» — одно лицо. А летом Мандельштамы жили уже у Рыссов, что так же стоит помнить, когда мы обратимся к воспоминаниям Кузина. Но поверим в день рождения 1931 года и пойдем дальше.

Это чуть ли не тройное наложение 1929–1930–1931 годов друг на друга, квартир Кузиных и Рыссов, событий и обстоятельств очень напоминает ощущение, выраженное Мандельштамом: «(...) об авиации, о мертвых петлях, когда не замечаешь, что тебя опрокинули, и земля, как огромный коричневый потолок, рушится тебе на голову... » (ПССиП. 2. С. 268).

Отсюда и специальное упоминание «якиманской лестницы», т. е. комнаты неназванного в основном тексте «К.», который уехал до того, как потолок обрушился на голову автора «Путешествия в Армению».

Между тем, и сам Кузин оставил нам несколько очень важных воспоминаний как раз о «Путешествии в Армению» и по интересующему нас квартирному вопросу.

Прежде всего, о тех армянских хозяевах Кузина, о которых упоминает Мандельштам: «Итак, Б. С., вы уезжаете первым. Обстоятельства еще не позволяют мне последовать за вами. Я надеюсь, они изменятся» (ПССиП. 2. С. 270).

Этот текст написан так, будто Мандельштам заранее знает о встрече не с «провиденциальным» Кузиным, а со своим знакомым. Более того, он пишет так, будто заранее знает от этого знакомого, где тот будет жить больше, чем за полгода до знакомства: «Вы остановитесь на улице Спандарьяна, 92, у милейших

людей — Тер-Оганянов. Помните, как это было? Я бежал к вам «по Спандарьяну», глотая едкую строительную пыль» и чуть далее: «На балкончике вы показали мне персидский пенал...» и т. д.

А вот Кузин: «Конечно, о номере в единственной тогда Эриванской гостинице нечего было и думать. Да и обиделись бы Тер-Оганяны, у которых я с обеими своими дамами останавливался в прошлом году. Самые нежные воспоминания у меня остались об этой семье»; «В домике, оставшемся после родителей, очень типичном для старой Эривани особнячке с внутренним небольшим двором, выходящей на него галереей и с огромным цоколем-полуподвалом, жили оставшиеся незамужними две сестры и холостой же средний брат».

Но важнее другое: «Приехав в Эривань, я тотчас же устроился на расположенные неподалеку кошенильные солончаки и вздохнул с облегчением. Кошениль явно еще не собиралась заканчивать свое развитие под землей. Как я мог определить, до преращения ей оставался еще добрый месяц».

А Мандельштам пишет, не оговаривая дат: «Затем, снова уйдя в ореховый сумрак квартиры Тер-Оганяновы, вы возвратились с пробиркой и показали мне кошениль. Красно-бурые горошины лежали на ветке. — Эту пробу вы взяли из татарской деревни Сарванлар верстах в двадцати от Эривани» (ПССиП. 2. С. 270).

И вновь Кузин:

От всякого национализма отдает чем-то глуповатым и смешным, а крайние его проявления отвратительны. Тем не менее я замечал за собой, что в путешествиях при возможности выбора я предпочитал находиться среди мусульман. Ведь и наблюдения над кошенилью можно было вести обосновавшись в каком-нибудь армянском селении, но я сознательно выбрал тюркский Улия Сарванляр. Вот и здесь, в столице Армении, я нашел себе прибежище во дворе мечети. Открыв его, я понял, что с этого дня мое, все же в какой-то степени томительное и стеснительное, ожидание выхода кошенили превращается в чуждый отдых, так необходимый для полного восстановления сил (Кузин. С. 158).

Это Кузин, добившись от своих гостеприимных хозяев права не обедать у них, выбрал себе место для пропитания. Здесь Мандельштам, увидевший в Кузине «нечто бусурманское» и «годуново-татарское», абсолютно точен.

2.5. Кузин и МАНДЕЛЬШТАМ: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ГЛАЗАМИ КУЗИНА

Но вот первая встреча заведомо до кошенили:

Однажды, уже незадолго до выхода кошенили, я сидел после обеда на своем обычном месте в чайхане. После прочтения в сотый раз какого-то стихотворения в одной из своих книжечек я отложил их в сторону и был занят своими мыслями. В это время вошли во дворик и направлялись к бассейну два человека, по внешности не здешних. Один был заметно старше меня, немного ниже моего роста, в белой рубашке, заправленной в брюки, и в серой кепке. Он шел с легкой улыбкой, оглядываясь по сторонам, и можно было понять, что сюда он попал впервые. **Его спутником был молодой человек, очень вертлявый, что-то говоривший и жестикулирующий.**

На нем была светло-красная спортивная рубашка с черными обшлагами рукавов и воротом и с белой шнуровкой на груди, очень жалкие брючонки и резиновые тапки.

Старший из пришедших, продолжая оглядывать дворик, очень тихо и ни к кому не обращаясь, произнес: «Как здесь хорошо» — и присел на соседнюю с моей скамью. (...)

Он (впрочем, как я узнал потом, также и его спутник) принял меня, сильно загоревшего и не типичной русской внешности человека, за тюрка, пришедшего сюда, как, по его мнению, и все, кто здесь находился, для отправления религиозных действий.

Убедившись, что в этом он ошибся, **он принялся доискиваться, зачем же я здесь, кто я, чем занимаюсь и т. д. Меня эта настырность сильно раздражала, и мне хотелось послать этого надоедлого парня к черту.** Но у меня всегда не хватало духу сказать грубость человеку, хотя мне и неприятному, но говорящему со мной вежливо. Поэтому Леве (так звали этого малого) удалось вытянуть из меня по капле все, что мучило его любопытство. Достиг этого он, обратившись к своему спутнику, молчаливо сидевшему со скрещенными руками и продолжавшему все с той же легкой улыбкой разглядывать все окружающее, воскликнул: — **Осип Эмильевич! Вот товарищ занимается здесь очень интересным делом.**

Молчаливый посетитель встал, улыбка его расширилась, он протянул мне руку и представился: — Мандельштам. — Я, также встав-

ши, в свою очередь отрекомендовался по фамилии. Дело начинало мне сильно не нравиться.

— Вот теперь они примутся приставать ко мне вдвоем. Но скоро выяснилось, что я ошибся в своих мрачных предположениях. Лева, **сдав меня** старшему товарищу, **на время замолчал и стал прислушиваться к нашему разговору.** В нем мой новый собеседник сразу же проявил особую вежливость, которая разделяет поколения интеллигентов «до» и «после», которая уже к началу 30-х годов встречалась не очень часто, а теперь о ней вообще не имеют понятия, и научиться ей уже больше нельзя. Это меня немного успокоило. На этой взаимной вежливости уже можно было поддерживать ставший неизбежным разговор, не заводя его слишком далеко и имея надежду на более или менее скорое окончание.

Мое впечатление, что оба незнакомца люди не местные, подтвердилось. Становилась все ясней какая-то причастность их к литературе. — **Какие-нибудь газетчики, очеркисты или что-то в этом роде. Когда это стало уже несомненным,** я, не очень в правилах установившейся в нашем разговоре вежливости, спросил: «Ну и что же вы должны здесь воспевать?» — **Мой собеседник, премило улыбнувшись и высоко подняв брови, выпалил:** «А ничего!» Было ясно, что он понял колкость моего вопроса, но, словно не замечая ее, продолжал вести нашу почти салонную беседу. Она вертелась около кошенили. Я заметил, что все же он спрашивал меня о ней с интересом, по крайней мере к ее национально-культурной истории. Вероятно, это и заставило меня сказать, что кошениль попала и в нашу поэзию. — «Кто же о ней писал?» Я сказал, что о ней упоминает Пастернак и, как видно, грамотно. Я имел в виду

И в крови моих мыслей и писем
Завелась кошениль.
Этот пурпур червца от меня независим.
Нет, не я вам печаль причинил.

В ответ было: «Да, Борис Леонидович всегда грамотен в своих стихах».

Тут во мне как бы сработал спусковой механизм. Мгновенно пронеслась в голове цепь мыслей. — **Разве этот человек похож на тех, кто ездит в творческие командировки и хватает без церемонии каждого, кто может дать что-то для расцвечивания имеющего появиться в результате командировки слщаиво-лживого репор-**

тажа, очерка, романа? Он называет Пастернака по имени и отчеству. И опять-таки он явно не из тех, кто хотел бы показать постороннему, что он с Пушкиным на короткой ноге. **Вертялый тип называет его Осипом Эмильевичем.** Да ведь он и сам назвал мне свою фамилию!

После мне стало понятно, что досада от появления в «моей» мечети неподходящих людей затормозила меня и я сразу же не сделал всех этих сопоставлений (...) Я все же сознавал, что завтра мне нужно ехать в Сарванляр, чтобы выяснить, не собирается ли кошениль выходить на поверхность. Поэтому спросил О. Э., застану ли его в Эривани по возвращении через два дня. Узнав, что застану, успокоился.

Но время шло к вечеру. Чайчи принялся убирать посуду. Нужно было уходить.

О. Э. хотел непременно познакомить меня со своей женой и настаивал, чтобы я шел с ним в гостиницу, где они жили. Мы пошли, ни на минуту не прекращая вести свой горячий разговор. **Я не заметил, как Лева по пути где-то потерялся. И вообще этот Лева больше никогда мне не встречался.** Кажется, с О. Э. он был знаком по работе в редакции комсомольской газеты, где Мандельштам то ли заведовал стихотворным отделом, то ли был в нем консультантом («Присевших на школьной скамейке учить щебетать палачей»). **А может быть, и просто был одним из тех странных для меня молодых людей, которые появлялись времяами около него, имея, по большей части, некоторые специфичные задания.**

Дойдя до своего номера в гостинице, О. Э. распахнул его дверь и с порога закричал: «Наденька, вот со мной пришел...» (...) Я уехал в Сарванляр. Через два дня вернулся, выяснив, что через неделю мне будет нужно ехать туда уже фундаментально (Кузин. С. 163–164).

Перед тем, как обратиться к московским главкам воспоминаний Кузина, заметим, что если бы мы ничего не знали о ситуации Мандельштамов, ничего не подозревали бы о предельно напряженной ситуации вокруг поэта в Абхазии, мы бы могли пропустить этот эпизод безо всякой потери для нашего изложения. Однако всё, что мы узнали к настоящему времени, заставляет нас отнестись к рассказу Кузина с предельной серьезностью. Ему, сидельцу и ссыльному, шутить на такие темы не пристало, а «сдача»

Кузина «старшему товарищу» делает описание ситуации очевидным. И это важнейший момент кузинских впечатлений.

А вот и хронология: «Я уехал в Сарванляр. Через два дня вернулся, выяснив, что через неделю мне будет нужно ехать туда уже фундаментально. — За эту неделю и еще за несколько дней, проведенных в Эривани перед отъездом Москву, я имел возможность достаточно приглядеться к Мандельштамам».

И тут вновь хронология:

Не помню точно, в каком позднеосеннем месяце меня позвали к телефону. Я был изумлен, услышав голос Н. Я. В то время я еще недостаточно привык к тому, что решения, принимаемые О. Э., почти наверное заменяются противоположными. Твердо решив остаться в Армении, Мандельштамы, конечно же, должны были вскоре приехать в Москву. Трубку вскоре взял О. Э. Его голос был бодрый и радостный. Он прежде всего сообщил мне главную новость. — «А я опять стал писать. Какие у меня есть новые стихи!» — Я немедленно отправился к ним. Мы встретились так, будто расстались только вчера. Когда я напомнил, что решение остаться в Армении было окончательным, О. Э. воскликнул: «Чушь! Бред собачий!» Словно бы речь шла действительно о чем-то, приснившемся в бредовом сне. Я и после замечал, что он, унесенный неизвестно откуда взявшимися и по всему духу чуждыми ему умственными построениями, вдруг точно просыпался и отряхивался от этой искусственной чуши, в которую ему, однако, еще накануне вполне искренне хотелось верить. Особенно, по-видимому, для него был силен соблазн уверовать в нашу официальную идеологию, принять все ужасы, каким она служила ширмой, и встать в ряды активных борцов за великие идеи и за прекрасное социалистическое будущее. Впрочем, фанатической убежденности в своей правоте при этих заскоках у него не было. Всякий, кто близко и дружески с ним соприкасался, знает, до чего он был бескомпромиссен во всем, что относилось к искусству или к морали. Я не сомневаюсь, что если бы я резко разошелся с ним в этих областях, то наша дружба стала бы невозможной. Но когда он начинал свое очередное правоверное чириканье, а я на это бурно негодовал, то он не входил в полемический пыл, не отстаивал с жаром свои позиции, а только упраскивал согласиться с ним. — «Ну, Борис Сергеевич, ну ведь правда же это хорошо». А через день-два: «Неужели я это говорил? Чушь! Бред собачий!» (Кузин. С. 165–166)

Не будем это комментировать, просто примем замечания жёсткого антисоветчика Кузина к сведению. В конце концов, у нас есть и документы, и стихи Мандельштама.

Сведения Кузина при этом совершенно опровергают дату «май 1931 года», к которой комментатор ПСС Мандельштама А. Г. Мец относит эпизоды в квартире «К.» в день его рождения в 1931 году. Май — это никак не поздние осенние месяцы. И, более того, Кузин, как следует из его воспоминаний, ничего не знает о квартире Рыссов, где Мандельштам жил летом 1931 года!

Сейчас я видел пробуждение О. Э. не после какого-то рядового заскока, но необычайно полное, всеобщее. Он был в сильной агитации, в какой я его ни разу не видал в Эривани. Ни о чем, относящемся к повседневным нуждам, к быту, не говорилось, как словно бы эти вопросы были решены и теперь можно и нужно было говорить только о главном. Об этом и говорилось. Вперемежку, как всегда, с грохотом смеха. Главным были стихи. — Цикл стихов об Армении⁵⁸. И было начато или еще только задумано «Путешествие в Армению».

С этого дня все пошло так, как только и может идти с Мандельштамами. — Появление чудных стихов. Возникновение новых заскоков. Пробуждения после них. И непрерывное бедствие. Негде жить. Покамест приютились у Е. Я. Хазина. Но у него не квартира, а комната. И он не один. — Жена. И в той же квартире теща, дама, которую я не видал ни разу, но, как можно было судить, довольно страшная. Я сейчас не помню годов последовательных кочевок Мандельштамов. На небольшое время они поселились в комнате уехавшего, кажется, в отпуск брата О. Э., Александра Эм., жившего в одном из переулков на Маросейке. Там-то их соседом и оказался «еврейский музыкант» Александр Герцевич, наверчивавший Шуберта. Потом отправились в Ленинград. «Видавшие виды манатки» — старый расползающийся чемодан, старая же корзина и еще какие-то связанные коробки были погружены в пролетку одного из последних в Москве извозчиков. Где-то среди вещей или на них уюстились Н. Я. и О. Э. Когда пролетка тронулась, О. Э., махая на прощанье рукой, кричал мне: «Борис Сергеевич, не носите крахмальные воротнички. Их нельзя носить. Они вас погубят».

⁵⁸ Появился в третьем номере «Нового мира» за 1931 год. Следовательно, Кузин в этот период не следил за публикациями Мандельштама до осени.

Возможно, он был прав. Потом возвращение из Ленинграда. Появилось «Я вернулся в свой город». И как уже тогда были понятны эти «шевелия кандалами цепочек дверных». Появилась «полуспаленка-полутюрьма» — комнатуха сестры Н. Я. в Ленинграде. Потом довольно длительная оседлость в Доме Герцена на Тверском бульваре (Кузин. С. 166–167).

2.6. К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖА «К.»
КАК «НЕ» — КУЗИНА И К ДАТИРОВКЕ «НЕ ЕГО»
ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРМЕНИЮ»
НА ФОНЕ ДАТИРОВКИ Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ СТИХОВ
«ГРЕКИ СБОНДИЛИ ЕЛЕНУ...»

Всё сказанное требует серьезного источниковедческого отступления, ибо и текст черновиков к «Путешествию в Армению», и рассказ Н. Я. Мандельштам о Кузине и стихотворении «Греки сбондили Елену по волнам...» от марта 1931 года, и описание в черновиках якобы дня рождения «К.» — Кузина в мае 1931 года, и сведения Кузина о встрече с Мандельштамом только в поздние осенние месяцы, и совпадающие по смыслу и времени рассказы Э. Герштейн о спорах Мандельштама с Кузиным на политические темы, а, главное — незнание Кузина об обстоятельствах написания стихов весны 1931 года, равно как и незнание о жизни Мандельштамов на квартире Рыссов, заслуживают предельного внимания.

Для начала проверим сведения Кузина о местах проживания Мандельштамов в Москве:

(?), обозначив так даты, не совпадающие с кузинскими и (??) — даты, не совпадающие с Кузинскими, однако с его участием по Н. Я. Мандельштам, и (!) — даты, совпадающие с Кузинскими и подтвержденные другими мемуаристами.

До возобновления знакомства (по Кузину):

(?) Вторая половина февраля живет у Александра Эмилиевича.

(?) Март — «Жил Александр Герцевич...»

(??) 11 мая встреча дня рождения у «К.» — Кузина по А. Г. Мецу.

(?) Май — Мандельштам у Александра, Н. Я. Мандельштам у Е. Я. Хазина.

(?) начало лета — Н. Я. Мандельштам переезжает к Мандельштаму в Старосадский «к Шуру».

(?) с 25 июня у Рыссов на Большой Полянке 10. кв. 20.

(!) А вот поездка в Ленинград и написание «Я вернулся в мой город...» сомнений не вызывают, несмотря на перестановку в хронике Кузина — это самый конец 1931 и самое начало 1932 годов.

Декабря 28. Приветственное обращение ленинградских поэтов к Мандельштаму в связи с возвращением его в Ленинград.

Декабря конец — 1931, января начало. Старый Петергоф. Записка к И. Д. Ханцин с приглашением приехать. Адрес: Старый Петергоф. Заячий Ремиз. Садовая, 14. Санаторий Цекубу. С приписками жены и В. А. Мануйлова (ПССиП. Т. 3. № 140).

Декабрь. — Дата стихотворения «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»

Наконец, важное совпадение в оценке времени споров Кузина с Мандельштамом на советские темы (!): «**Сентябрь.** — Дата окончания работы над стихотворением «Еще далёко мне до патриарха...»

Из воспоминаний:

Но однажды Кузин выразил Мандельштаму свое неудовольствие по поводу стихотворений «Сегодня можно снять декалькомани» и «Еще далеко мне до патриарха». В первом Мандельштам прямо полемизирует с белогвардейцами, а во втором воспекает «страусовые перья арматуры в начале стройки ленинских домов». Видимо, разговор был довольно бурным. Я застала Осипа Эмильевича одного, он бормотал в волнении: «Что это? Социальный заказ с другой стороны? Я вовсе не желаю его выполнять», — и лег на кровать, устремив глаза в потолок (*Герштейн мемуары*. С. 23).

Если знать точно до дня время окончания работы над стихотворением, равно как и точнейшую дату чтения этих стихов Кузину в поздние осенние месяцы 1931 года, то можно приурочивать дату воспоминаний Э. Г. Герштейн к сентябрю 1931. А так как мы ничего об этом толком не знаем, то стоит поставить рядом и дату, названную приблизительно Кузиным, и, особенно, тот конкретный спор, который запомнился и Герштейн. Но тогда это начало октября 1931 года в лучшем случае.

Но откуда же взялась и первая дата встреч Кузина и Мандельштамов — март 1931 года, и вторая — 11 мая 1931 года? Необходимо ответить на этот вопрос. И так как медик А. Г. Мец здесь по-

лагается на труды экскурсовода Л. М. Видгофа, то процитируем вначале его:

По свидетельству Н. Мандельштам, стихотворение было создано в служебной смотрительской комнате биолога Б. С. Кузина в Зоологическом музее, во время дружеской пирушки: «Написано во время попойки в “Зоомузее”. Если грубо раскрыть: Елена — это “нежные европейки”, “ангел Мэри” — я. (Пир во время чумы, а чума ощущалась полным ходом...) Сохранились беловики моей рукой. “Шерри-бренди” в смысле “чепуха” — старая шутка, еще из Финляндии, где жил с Каблуковым»⁵⁹.

Таким образом, первая дата — мемуары Н. Я. Мандельштам и беловики её же рукой. Однако кроме «шерри-бренди» ничто не напоминает нам о «попойке», а уж эпиграф из Верлена *«Ma voix aigre et fausse...»* в сочетании с «Мэри» и вовсе. «Раскрыто» всё слишком грубо, как верно заметила Н. Я. Мандельштам, обратившая в шутку название очень сильно крепкого дорогого и качественного напитка, который не выдерживают в адекватном состоянии.

Но нас сейчас волнует не толкование этого стихотворения, которое Н. Я. Мандельштам соотносит с шутками Каблукова и Мандельштама в Финляндии, т. е. задолго до всех бед, не заметив, или заметив, что эпиграф из Верлена напоминает скорее «Образ твой, мучительный и зыбкий, / Я не мог в тумане осязать», а не что-то иное. Мифологичность толкования Н. Я. Мандельштам основана не на содержании стихов, а на рассказе «Шерри-бренди» Варлаама Шаламова, который после чтения его автором в присутствии Н. Я. Мандельштам на первом вечере памяти поэта и связал это стихотворение с «великой вдовой».

Правда, стоит соотнести эти сведения с ее же словами, да ещё в сочетании с «мне об этом никогда не говорили» применительно к себе (в 1931 году!), как «легкой утехе» [это же не Киев 1919, которым интересовался у Мандельштама Подвойский. — Л. К.], как ясность ситуации будет утрачена: «В стихотворении “Все

⁵⁹ Видгоф Л. «Но люблю мою курву — Москву...». Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012. С. 201 (URL: <https://iknigi.net/avtor-leonid-vidgof/62-853-no-lyublyu-moyu-kurvu-moskvu-osip-mandelshtam-poet-i-gorod-leonid-vidgof/read/page-11.html>).

лишь бредни, шерри-бренди, ангел мой” мне, как я думаю (мы об этом никогда не говорили), представлена роль ангела Мэри (случайная женщина, легкая утеха!), а Ольге <Ваксель> — Елена, которую сбондили греки»⁶⁰.

В алкогольной сфере, если учитывать ее всерьез, мы можем найти куда более интересный вкусовой оттенок: считается, что вишнево-черешневый ликер на бренди имеет миндальный вкус, т. е. ягоды замачивают вместе с косточками. А в рецепт классического «Черри-бренди» (по-французски он и будет «Шерри-») входят два вида ягод — вишня и черешня, т. е. два вида Черри. А сам напиток считается, с одной стороны, женским, из-за своей сладости, а с другой — всегда имеет отчетливый миндальный вкус или послевкусие.

Впрочем, и дореволюционная шутка, в принципе, возможна, и связана она как раз с греками. Они в начале XX века проникли со своей маркой бренди «Метакса» даже на русский царский стол. Отсюда и возможность шутить о подлинном «шерри-бренди» и греческом. Но нас сейчас куда больше интересует возможность соотнесения датировки этих стихов с московской встречей с Кузиным после Армении.

Однако Видгоф настаивает на с 622 книги «Но люблю мою курву Москву...»: «Мандельштамы бывали у Б. С. Кузина и в Зоологическом музее: Большая Никитская ул., д. 6. Окна комнаты, которую занимал Б. С. Кузин по праву смотрителя музея, выходят на Никитский пер., первый этаж. В настоящее время, как и в прошлом, здесь помещается библиотека Зоологического музея. Б. С. Кузин жил здесь до 1930 года, но Мандельштамы бывали у него в этой библиотеке позднее: здесь написано стихотворение “Я скажу тебе с последней...” (1931)».

Если Кузин жил в Зоологическом музее до 1930 года, то, когда он занимал там комнату, Мандельштамы ещё не были с ним знакомы. Тогда для чего знать, куда выходили окна комнаты, где жил Кузин, когда там не было Мандельштамов, да и домой, как вспоминает сестра, тогда он приходил только обедать...

Тогда причем здесь «квартира Кузина»?

Впрочем, кто из работников медико-экскурсионного мандельштамоведения здесь виноват, установить, в общем, возможно:

⁶⁰ Мандельштам Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979). Екатеринбург, 2014. С. 263.

«Мая 11. Был у Б. С. Кузина в его квартире (Б. Якиманка, 22, кв. 155 — Видгоф 2012. С. 622, № 98) в день его рождения» (ПССиП. 2. С. 678)».

Нетрудно видеть, что адрес даётся со ссылкой на Видгофа, а идея приурочения дня рождения к 11 мая — со ссылкой на ПСС п.р. самого А. Г. Меца. Это хорошее добавление к рассказам одного и другого об «их» встречах с Кузиным в обеих книгах...

2.7. ЧЕРНОВИКИ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРМЕНИЮ» НА ФОНЕ «ЧЕТВЕРТОЙ ПРОЗЫ»

Вызывает некоторое недоумение и сообщение Н. Я. Мандельштам о «попойке» у Кузина в Зоологическом музее. Даже к марту 1930 года ситуация там была уже такая, что подозрительный старорежимный, хоть и молодой биолог, вряд ли стал бы пить до уровня «попойки», а Мандельштам в соответствующем состоянии стал бы тут же сочинять далеко не простые стихи.

Кстати, говоря о жизни у А. Э. Мандельштама и упоминая жизнь у Рыссов, Н. Я. Мандельштам не упоминает имени Кузина.

И вот поразительный отрывок из черновиков «Москвы» «Путешествия в Армению», который мы приведем с предшествующим ему абзацем:

Приближался день отъезда. Кузин купил дьявольски дорогой чемодан, заказал плацкарту на Эривань через фисташковый Тифлис. Я навсегда запомнил картину семейного пиршества у К.: дары московских гастрономов на сдвинутых столах, бледно-розовую, как испуганная невеста, семгу (кто-то из присутствующих сравнил ее жемчужный жир с жиром чайки)⁶¹, **зернистую икру, черную, как масло, употребляемое типографским чертом**, если такой существует. А тут еще примешался день рожденья... Я подошел к старухе К., тихой, как моль, и сказал ей несколько лестных слов по поводу сына. Счастье и молодость собравшихся почти пугали ее... Все старались ее не беспокоить (ПССиП. 2. С. 342).

Сравним этот отрывок черновиков с важнейшим местом «Четвертой прозы»:

⁶¹ Забавно, что не с цветом бедра испуганной нимфы.

Здесь непрерывная бухгалтерская ночь под желтым пламенем вокзальных ламп второго класса. Здесь, как в пушкинской сказке, жиды с лягушкой венчают, то есть происходит непрерывная **свадьба козлоногого ферта, мечущего театральную икру**, — с парным для него из той же бани **нечистым** — московским редактором-гробовщиком, изготавливающим глазетовые гробы на понедельник, вторник, среду и четверг. Он саваном газетным шелестит.

Он отворяет жилы месяцам христианского года, еще хранящим свои пастушески-греческие названия: январю, февралю и марту. Он страшный и безграмотный коновал происшествий, смертей и событий и рад-раदेशенок, когда брызжет фонтаном черная лошадиная кровь эпохи (ПССиП. С. 296).

Трудно сказать, день ли это рождения Кузина, как считают комментаторы. Скорее, перед нами описание кого-то совсем другого. А вот то, что эти отрывки параллельны одному из загадочных «московских стихотворений», упомянуть необходимо:

Ночь на дворе. Барская лжа:
После меня хоть потоп.
Что же потом? Хрип горожан
И толкотня в гардероб.

Бал-маскарад. Век-волкодав.
Так затверди ж назубок:
Шапку в рукав, шапкой в рукав —
И да хранит тебя Бог.

Март 1931

Похоже, перед нами либо вариант совсем другого типа прозы об Армении, сюжетной и чисто художественной с перестановками, слияниями дат, мест и персон, который в итоге не реализовался, либо следы какого-то из эпизодов «Четвертой прозы». Прозы, которая, как мы уверены, написана после «Путешествия в Армению», но выставшая из работы над ней, и начатая ранее историей с «Уленшпигелем», и законченная много после неё⁶².

⁶² См.: *Кацис* А. Ф. О. Э. Мандельштам, А. И. Свирский, И. В. Евдокимов, Д. Д. Благой в Доме Герцена: 1922–1933 (Из комментариев к «Четвертой прозе» О. Э. Мандельштама: 1) «... некий Митька Благой»; 2) «... лицейская сво-

Вообще говоря, прямое обращение к Шкловскому в «Путешествии в Армению», на которое он и ответил своей статьей, подтверждает первый вариант. В противном случае получается, что они оба и даже трое — Кузин, и Мандельштамы, забыли целых полгода тесного общения друг с другом, начиная, будем считать со 2 марта 1931 года. Но это никак не осень и не поздняя, которая бывает через позднюю весну, и никому не запомнившийся день рождения Кузина, вплоть до, действительно, поздней осени и поездки в Ленинград зимой 1931–1932 годов.

Между тем всё было не так просто. «Еще далеко мне до патриарха ...» писалось аккуратно с мая по сентябрь 1931 года, когда «**Сентября 1** [было отправлено. — Л. К.]. «Письмо Л. Л. Авербаха к Л. М. Кагановичу и М. М. Постышеву о необходимости выделения квартир ряду писателей, в том числе О. М.» с одной стороны, и которое реализовывало просьбы, намеченные в письме Молотову, направленному тогда, когда Мандельштамы ещё не возобновили (по любой хронологии) отношения с Кузиным после Армении: «**Декабря 20-е числа** [1930 года — Л. К.]. Старый Петергоф, санаторий ЦЕКУБУ. Письма Н. Мандельштам к Молотову и к секретарю Бухарина А. Коротковой. С просьбой оказать помощь в жилищном устройстве и в поисках работы. "Срок наш [в санатории] кончается 7-го января" (Russian Literature. 1977. Vol. V, iss. 2. P. 182–185. Публ. А. Григорьева, И. Петровой)".»

Здесь всё тоже достаточно интересно чисто источниковедчески. Ведь впервые письмо Молотову Н. Я. Мандельштам было напечатано в «сам-» и «тамиздате» как раз вокруг 1977 года, а с учётом времени подготовки журнала в то время, чуть ли не одновременно: Память. Исторический сборник. Вып. 1. М., 1976 (репринт: Нью-Йорк, 1978).

С другой стороны, с учетом того, что Кузин явно не был информирован о подобной переписке, которая ему вряд ли бы понравилась, с одной стороны, а так же его довольно точные сведения о местах проживания Мандельштамов после Армении, с другой, заставляют счесть описание «дня рождения» «К.» в черновиках «Путешествия в Армению» датированными явно неверно.

лочь ...»; 3) «... разрешенная большевиками для пользы науки ...»; 4) «... стоит в специальном музее ...»; 5) «... веревку удавленника Сережи Есенина») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 47–93.

Более того, главка «Москва» начинается так: «Незадолго перед тем, роая под лестницей грязно розового особняка на Якиманке, я разыскал оборванную книжку Синьяка в защиту импрессионизма». А сразу после описания импрессионизма по Синьяку читаем: «Рядом со мной проживали суровые семьи трудящихся...» При этом речь идет в отрывке о желании «поскорее вернуться» в Армению, следовательно, это происходит не ранее ранней весны 1931 года. А следующий абзац начинается со слов «В этом году правление Центросоюза обратилось...», т. е. о 1929 годе, когда никакого знакомства с Кузиным и быть не могло, о чем мы говорили уже по другому поводу. И опять следует отрывок о проходах в Армению. (ПССиП. 2. С.265–266) Однако жизненная ситуация Кузина была такова, что ему ещё можно было в 1932 году посвятить стихи «К немецкой речи» в открытой печати, но назвать его в Армении было уже невозможно из-за ареста биолога в начале 1933 года.

Желание Мандельштам вернуться в Армению из той Москвы, где с важным сдвигом во времени и отдельных сцен, и всего сюжета, позволяет понять, что у «буддийской Москвы», куда Мандельштам оказался «возвращен насильно», были свои конкретные коминтерновские буддийские обертоны, без которых теперь «московские стихи» рассматривать невозможно.

2.8. «Полянка» Рыссов и «Якиманка» Кузина в «Путешествии в Армению»: одно и то же или нет? К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЩЕНИЯ К ШКЛОВСКОМУ НА ФОНЕ «КУДА КАК СТРАШНО НАМ С ТОБОЙ...»

Таким образом, Мандельштам, смешав Полянку с Якиманкой, осень 1929 года и начало 1931, сумел, как и во всём «Путешествии в Армению», обозначить тот исторический перелом, который мы здесь и исследуем. А уж то, что Блюмкин не был для Мандельштама случайным человеком, и обсуждать не стоит.

Тут же и прямое обращение к Шкловскому:

Кто-то рассказывал, что внизу на Якиманке разлегся бронзовый инвалид, который тут и живет, пьет водку, читает газеты, дует-ся в кости, а на ночь снимает деревянную ногу и спит на ней, как на подушке.

Другой сравнивал якиманского Диогена с феодальной японкой, третий кричал, что Япония — страна шпионов и велосипедистов. **Предмет беседы весело ускользал**, словно кольцо, передаваемое за спиной, **и шахматный ход коня**, всегда уводящий в сторону, был владыкой застольного разговора... (ПССиП. 2. С. 268).

Автор «Хода коня» Шкловский, который мог знать и «шпионов», и одного знаменитого «велосипедиста», который откликнется Леонидом Канигиссером в «Четвёртой прозе», совсем недаром сразу среагировал на текст Мандельштама, или м.б. этот отрывок появился в ответ на заметку Шкловского в июне 1932 года!? А буддизм Западного Китая плавно переходил в буддизм, пусть и рядом с синтоизмом, Японии.

Так завершается наша попытка максимально точного хронологически чтения «Путешествия в Армению» Мандельштама, которое неожиданно выявляет совершенно другого, нежели в книгах Н. Я. Мандельштам, человека.

Мы понимаем, что это может вызвать откровенное неприятие с самых первых шагов, однако слово Мандельштама — поэта и прозаика, для нас важнее слов его жены, хотя и здесь можно неожиданно столкнуться с очень острой в нашем контексте фразой из «Комментария к стихам 1930–1937 гг.».

Вот что запомнила вдова поэта: «*Товарищ* — так на правительственной даче (см. «ПА») жены называли мужей. «Я над ними смеялась — чего они играют еще в подполье? О. М. мне тогда сказала, что нам бы это больше подошло, чем им» (НМ-III, с. 142)⁶³.

Честное слово, в стихах:

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!

Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом,

Да, видно, нельзя никак...

Октябрь 1930

⁶³ <http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/stihi/stih-238.htm>.

— этот «товарищ большеротый» выглядит совсем не так зловеще. А вот если вспомнить, что Сталин с Орджоникидзе именно тогда посетили вышеназванный Синоп, то слова о «подполье» «для нас» на фоне той очень непростой и остро политической двойственности, которую мы здесь попытались показать, выделяют слово «товарищ» не из лирических стихов Мандельштама, а из разговора супругов на очень скользкие для 1930 года темы. Но на этом фоне слова «да видно, нельзя никак» означают не столько торжественный отказ от благ верхушечного социализма, а, наоборот, необходимость, пусть и в страхе, принимать их, а не пирог тифлисской тетушки Н. Я. Мандельштам. Это очень невеселое и пугающее самопризнание поэта. Оторваться от того, что началось с «падения» Бухарина и потребовало обращения к Молотову, уже никогда не будет возможно. Другое дело, что и полностью принять всё происходящее поэт не мог. Но это тот поэт, которого мы описываем, а не мифологический борец со сталинизмом «кольцовского» типа.

Важно, что октябрём 1930 года это стихотворение пометила Н. Я. Мандельштам, основываясь на собственных воспоминаниях о словах Мандельштама, что стихи эти он записал последними, а пришли они первыми до «Армении».

Богатый опыт работы с текстологией и хронологией Н. Я. Мандельштам показывает, что верить этому не обязательно. Ведь сдвиг на месяц означает именно то, что страх носит общий, экзистенциальный характер, и связан он с трагедией поэта в трагическую эпоху. Между тем, не в начале октября, а в начале и середине ноября Мандельштам понял, что никаких южных республик и профессур не будет, а возвращение в «буддийскую Москву» будет «насилованным» и т. д.

Вот и рассказ самой Н. Я. Мандельштам, подтверждающий, похоже, нашу точку зрения:

Ноября 4. Объединенное заседание Политбюро и президиума ЦКК, рассмотревшее по докладу Орджоникидзе вопрос «О фракционной работе т.т. Сырцова, Ломинадзе, Шацкина и др.». Принято решение вывести Сырцова и Ломинадзе из ЦК, а Шацкина из ЦКК. Для выработки резолюции создана комиссия ЦК и ЦКК, в которую вошли Орджоникидзе, Сталин, Косиор, Каганович, Куйбышев, Ворошилов, Рудзутак, Шкирятов, Ярославский, Калинин, Молотов и Киров. Подготовленная комиссией резолюция бы-

ла утверждена только через месяц, 1 декабря, и была опубликована в газетах 2 декабря.

Из воспоминаний:

Стихи вернулись на обратном пути из Армении, когда мы задержались в Тифлисе. Фильм продолжал раскручиваться: на наших глазах погиб Ломинадзе. Этот человек в последние свои дни проявил настоящее доброжелательство к О. М. Он получил телеграмму ЦК от [А. Н.] Гусева с распоряжением помочь О. М. устроиться в Тифлисе и очень хотел это сделать, но тут его вызвали в Москву, откуда он уже не вернулся, а все газеты запестрели проклятиями враждебной группировке Ломинадзе и Сырцова. (...) Между прочим, как только грянула трагедия Ломинадзе, у которого О. М. три-четыре раза был на приеме в обкоме, **мы заметили, что за нами, куда бы мы ни шли, увязывается шпик.** Вероятно, **местные органы решили на всякий случай проследить за непонятным посетителем опального вельможи.** Тут-то мы поняли, что в Тифлисе нам делать нечего, и поспешно удрали в Москву (*Воспоминания*. С. 167).

Интересно, что разного рода «Лёвы», запомнившиеся Кузину, опытному «сидельцу», в значительно более ранний армянский период, Н. Я. Мандельштам не взволновали. Хотя она же, как мы помним, утверждала, что со всех радиоточек и газетных стендов звучали слова о казни Блюмкина, которых не могло быть и не было по определению.

Поэтому-то мы и не видим оснований верить мемуаристке на слово.

Тем более, что есть ещё один интересный документ:

Из письма А. В. Ниотбурга — В. П. Полонскому, 23 янв. 1931 г. (в источнике ошибочно указан 1930-й год), из Тифлиса: «Приехал сюда Мандельштам. Дали ему какую-то командировку, чтобы тут читать какой-то курс. Приезжает, представляется, комнат нет, помещают его в гостинице, где он должен платить двенадцать рублей в сутки.

Платит, живет, проживается, ждет назначения. Тянут неделю, тянут другую. Ему нечего есть, он продает штаны на базаре. Из Москвы подтверждают командировку, торопят с назначением. То-

гда ему дают должность вроде делопроизводителя. Распродавшись в пух, он вынужден уехать. Когда уехал, являются пригласить в профессора. Извиняются, произошло недоразумение (из Москвы грозный окрик). Разумеется, он не вернулся» (РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 252. Л. 9)»,

— который как раз легко опровергается письмом Н. Я. Мандельштам Молотову из Ленинграда, уже с просьбой найти что-то в южных республиках для поэта, коли в Москве ничего нет. Тогда «страх» тифлисского стихотворения будет очень конкретно мотивирован.

Что же касается формулы Н. Я. Мандельштам о том, что стихи пришедшие первыми, записаны оказались последними, то здесь она никак не могла услышать источник фразы Мандельштама: «Суббота задумана первой, а пришла последней». Поэтому и дата под стихотворением должна быть последней хронологически, а не первой.

Кстати, нет сомнений, что это знал, шедший пьяненький с Субботы «Старик» Верлена, описанный Мандельштамом.

Но еврейского детства с домашним учителем у дочери киевского адвоката, чтобы заметить эту деталь, не было...

Но таков уж контекст Армении — младшей сестры Земли иудейской.

2.9. ВИКТОР КИБАЛЬЧИЧ (СЕРЖ) ЧИТАЕТ В МЕКСИКЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ В АРМЕНИЮ»

Перед нами стоит задача понять: действительно ли возможно такое, а не чисто советское и граничащее с двусмысленной смердяковщиной прочтение «Путешествия в Армению»? Или «Сухум» полностью выпадает из этого текста?

И такой ответ существует.

Он находится в статье о Мандельштаме многожды здесь упомянутого Виктора Кибальчича (Сержа), который сам был в Армении и на Кавказе с Панайтом Истрати. След этого пребывания, похоже, находится как раз в главе «Сухум» в слове «курортно-колониальной».

Подробнейший фактографический анализ и реконструкция предельно актуального контекста пусть и только одной глав-

ки «Путешествия в Армению» открывает перед нами како-го-то очень необычного Мандельштама. А потому взгляд В. Сер-жа, взгляд не только из-за рубежа, но и взгляд с троцкистской или околотроцкистской стороны представляет для нас важнейший верифицирующий наше, даже для нас необычное чтение, интерес.

Поэтому небольшой, но важный фрагмент брошюры Сержа о судьбах советских писателей, вышедшей в 1947 году, мог бы привлечь наше внимание и безо всякой связи с оппозицией в СССР, НКВД, привлечением западных интеллектуалов воспевать СССР и т. д., хотя и это мы не обойдем в дальнейшем.

Есть и ещё одна деталь: оба — и подследственный Мандельштам в 1938 году, и мемуарист в 1946 (1947) году — одинаково и уверенно датируют это событие — чтение армянской прозы, отмечая время действия 1932 год и место действия — Ленинград.

Если Р. Д. Тименчик, приведший когда-то полный текст эпизода, этот момент не обсуждает, то автор «Летописи» А. Г. Мец назидательно переносит эту дату на год вперед, т. к., насколько известно, в 1932 году зафиксированных визитов Мандельштама в город Ленина не известно⁶⁴.

Мы будем, как и всегда в этой работе, доверять документу, пусть и НКВДэшному, с обязательной поправкой на то, зачем сотрудникам соответствующих органов что-то конкретное было нужно и важно. Однако в данном случае цели следователей и «сидельцев» явно не совпадают. А, следовательно, в этой дате можно быть уверенными.

⁶⁴ Теперь без оговорок эту мецевскую хронологию, не соответствующую ни делу Мандельштама 1938 года, ни мемуарам Кибальчича, напечатанным за границей в 1946 году, принимает и блогер Г. А. Морев, чем, с одной стороны, обесмысливает всю свою книгу, а с другой — этот автор IT-мандельштамоведения лишает себя возможности всерьез подумать о роли Кибальчича в жизни Мандельштама. Ср. о Кибальчиче и Мандельштаме у него: *Морев Г. А. Осип Мандельштам. Фрагменты литературной биографии (1920–1939-е годы)*. М., 2022. С. 203 — и по указателю. Этот автор предлагает отделить собранный нами материал от наших, по его мнению, «сумасбродных» теорий (с. 26). Блогерам невдомёк, что материалы и теория в настоящей науке принципиально нерасторжимы, иначе материалы находили бы, а не выдумывали и блогеры. Поэтому о Мандельштаме и Кибальчиче см. пока: *Кацис А. Виктор Серж (В. А. Кибальчич) до и после Парижского конгресса в защиту культуры 1935 года // Новые Российские гуманитарные исследования. 2021 Том 16. Материалы 3-й Международной научной конференции «Западно-советские литературные контакты (1917–1990)»*. (ИМЛИ РАН. 10–11 ноября 2021 г.) <http://nrgumis.ru/articles/2154>.

В конце концов, даже работа с заведомо недостоверными источниками в истории вполне возможна.

Итак, текст Сержа:

Я вспоминаю вечер дома у Мандельштама в Ленинграде в 1932 году. Поэт собрал некоторых друзей писателей, чтобы прочесть прозаическую вещь, которую он привез из путешествия в Армению. **Я не назову здесь никого из присутствовавших**, моих товарищей и приятелей, чтобы **не компрометировать живущих**. Еврей, скорее небольшой, с лицом, полным сгущенной печали, и беспокойными и созерцательными карими глазами. Мандельштам, высоко ценимый в литературном мире, жил бедно и трудно. Он почти не печатался, писал мало, не осмеливаясь сражаться с цензурскими приговорами и диатрибами ораторов РАПП. Отточенный текст, который он читал нам, заставлял подумать о Жироду в его лучших проявлениях, но здесь речь шла не о мечте о Сюзанне перед Тихим океаном: вместо того **речь шла о сопротивлении поэта петле палача**. Видения ереванского озера и снегов Арарата шелестом бриза **требовали свободы**, пели **подрывную хвалу** воображению, **утверждали непокорность мысли**... Кончив читать, Мандельштам спросил нас: «Вы верите, что это можно будет напечатать?» Наслаждаться ландшафтами было не запрещено. Но **проникнут ли цензоры в протестующий язык** этих пейзажей?

Не знаю, увидели ли эти пейзажи свет, ибо вскоре после этого **я был заключен в Московскую внутреннюю (и тайную) тюрьму** (за убеждения)⁶⁵.

Те, кто хотят исправлять дату этого чтения на 1933 год, невольно или вольно огулпляют и Сержа, и, что важнее, Мандельштама. Если считать, что дело было в 1933 году, то это визит Мандельштама в конце февраля 1933 года с чтением «Армении», притом что Серж был арестован 7 марта 1933 года. Понятно, что здесь при-

⁶⁵ Serge V. La tragedie des ecrivains sovietiques. Paris, 1947. P. 4–5; цит. по: Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы / Изд. 2-е испр. и расш. Т. 2: Сноски и выноски. М.; Иерусалим, 2015. С. 159. В действительности этот текст впервые опубликован в 1946 году: Serge V. La tragedie des ecrivains sovietiques // Masses: Socialisme et Liberte. 1946. № 4–5. P. 29–32. Благодарим С. И. Панова за предоставление этого редкого издания, отсутствующего в Сети, в отличие от названной Р. Д. Тименчиком брошюры 1947 года.

влекательно слово «вскоре», что А. Г. Мец понимает как через неделю — две.

Между тем в Ленинграде или под Ленинградом в более раннее время могло быть чтение стихотворной Армении, часть которой была тогда уже написана. Работа над прозой шла в сентябре 1931 года. В нужное нам время Мандельштам, как кажется, в Ленинграде, по другим сведениям и документам, не был.

Более того, как раз обоим было выгоднее сказать, что чтение имело место в марте 1933 года, т. е. читалась уже разрешенная вещь. Однако тогда вопрос о возможности её разрешения становился глупым.

Одновременно с этим единственное документально подтверждаемое чтение было именно в 1932 году, но не дома у Мандельштама в Ленинграде, а в Москве в квартире Николая Асеева. Есть об этом не только письмо Шкловского от 5 июля, но и статья последнего «Конец барокко», уже вышедшая в «Литературной газете» 17 июля, т. е. по горячим следам.

Затем уже в Москве 3 апреля 1933 года Мандельштам читает «Путешествие в Армению» в Московском клубе художников. Понятно, что тогда уже Мандельштам знает о публикации в «Звезде» № 5 «Путешествия в Армению», впрочем, как знает он об этом с учётом чисто технического времени прохождения рукописи и скорости тогдашней печати, гранок, вёрсток и т. д. и в конце февраля 1933 года, если соглашаться с А. Г. Мецем.

Разумеется, представляется важным неожиданное совпадение дат чтения «Путешествия в Армению» у Сержа и Мандельштама, да и город один и тот же.

Впрочем, известно, что в деле Мандельштама 1934 года «Старый Крым» 1933 года стал стихотворением 1932. Поэтому проще предположить, что оба: и Серж, и Мандельштам, знали, зачем им надо сдвигать места и даты или, наоборот, приводить даты настоящие.

Позволим себе предположить, что Серж сознательно перемешал карты. Для того, чтобы узнать, напечатаны ли «протестные пейзажи» Мандельштама 1932 года, на тот момент ссыльному в Оренбурге надо было посетить библиотеку и посмотреть самые свежие ленинградские журналы, вышедшие сразу после его ареста. Да и слишком точно для обстоятельств его жизни излагает Серж детали текста Мандельштама. Причём он подчеркивает как раз то, на что «не обратил внимание» Шкловский в своей знаменитой статье.

Это и есть важнейший для нас пример двойной адресации текста, что мы ранее демонстрировали как в «Египетской марке», так и в «Путешествии в Армению», и что в «Четвертой прозе». Более того, Серж описывает «Путешествие в Армению», используя в положительном смысле самые мерзкие приемы советской критики. Недаром не стал Серж называть других участников чтений якобы дома у Мандельштама, якобы в Ленинграде, якобы в 1932 году. Этого совсем не надо было делать. Надо было просто взять хоть в Оренбурге, хоть в Париже журнал «Звезда» № 5 за 1933 год.

Хотя, справедливости ради, отметим, что, особенно на фоне того, что мы знаем о монахах Нового Афона из «Сухума», первый же абзац главки «Севан» может вызвать точно такую же оторопь: «На острове Севане, который отличается двумя достойнейшими архитектурными памятниками VII века, а также землянками недавно вымерших вшивых отшельников, густо заросшими крапивой и чертополохом и не более страшными, чем запущенные дачные погребя, я прожил месяц...» (ПССиП. 2. С. 259).

Это не самая веселая параллель к русским монахам-мученикам, ведь именно в 1930 году был закрыт древнейший монастырь на Севане. Более того, «Севанский монастырь в Армении полностью опустел в 1930 году. Церковь Сурб Аствацацин (Святой Богородицы) была разобрана до основания. Ее камни (неотполированные блоки черного вулканического туфа) перевезены для строительства санатория»⁶⁶.

А. Г. Мец сообщает: «В июне 1930 г. было объявлено об открытии с 1 июля на острове Севан первого в Армении профсоюзного Дома отдыха». Значит, опять, как и в Абхазии, Мандельштам попал на кампанию по закрытию церквей и монастырей, что и отраžil в первом же абзаце «Севана». Тем не менее, читаем «Путешествие в Армению» так, как этого хочет Серж, для начала главу «Севан»:

Весь остров по-гомеровски усеян желтыми костями — остатками богомольных пикников окрестного люда. Кроме того, **он буквально вымощен огненно-рыжими плитами безымянных могил — торчащими, расшатанными и крошащимися.**

В самом начале моего пребывания пришло известие, что каменщики на длинной и узкой косе Самакаперта, роя яму под фундамент

⁶⁶ <https://womanadvice.ru/sevanavank>.

для маяка, наткнулись на кувшинное погребение древнейшего народа Урарту. **Я уже видел раньше в Эриванском музее скрюченный в сидячем положении скелет, помещенный в большую гончарную амфору, с дырочкой в черепе, просверленной для злого духа. (...) мы сели в баркас с товарищем Кариньяном — бывшим председателем армянского ЦИКа.**

Этот самолюбивый и полнокровный человек, обреченный на бездействие, курение папирос и столь невеселую трату времени, как чтение напостовской литературы, с видимым трудом отвыкал от своих официальных обязанностей, и **скука отпечатала жирные поцелуи на его румяных щеках. (...)**

В яме нами были действительно обнаружены и глиняные черепки, и человеческие кости, но, кроме того, был найден **черенок ножа с клеймом старинной русской фабрики N. N.**

Впрочем, я с уважением завернул в свой носовой платок **пористую известковую корочку от чьей-то черепной коробки. (...)**

Когда экспедиция во главе с товарищем Кариньяном, имея с собой одеяло, бутылку коньяку и все прочее, привезла окоченевшего, но улыбающегося Гамбарова, подобранного на камне, его встретили аплодисментами. **Это были самые прекрасные рукоплескания, какие мне приходилось слышать в жизни: человека приветствовали за то, что он еще не труп. (...)**

Ученое начальство острова проживало на шоссе в молоканской Еленовке, где в полумраке научного исполкома **голубели заспиртованные жандармские морды великаньих форелей.**

Уж эти гости! (ПССиП. 2. С. 259–262).

Больше в главе «Севан» ничего «подозрительного» нет. Но пойдем дальше:

Мне уже становилось скучно, и я все чаще поглядывал на кусок заглохшего сада в окне, когда в библиотеку **вошел пожилой человек с деспотическими манерами и величавой осанкой.**

Его Прометеева голова излучала дымчатый пепельно-синий свет, как сильнейшая кварцевая лампа ... Черно-голубые, взбитые, с выхвально, пряди его жестких волос имели в себе нечто от корешковой силы заколдованного птичьего пера.

Широкий рот чернокнижника не улыбался, твердо помня, **что слово — это работа** [Ленин. — А. К.]. Голова товарища Ованесьяна обладала способностью удаляться от собеседника, как горная вер-

шина, случайно напоминающая форму головы. Но синяя кварцевая хмура его очей стоила улыбки.

Так глухота и неблагодарность, завещанная нам от титанов...

Голова по-армянски: глух'е, с коротким придыханием после «х» и мягким «л»... Тот же корень, что по-русски...» (ПССиП. 2. С. 264–265).

Но это уже Москва, «Ашот Ованесьян» где Мандельштам учил армянский язык и читал Марра⁶⁷. И, одновременно, отсылка к глухоте Лакобы, как прозаическая рифма.

А вот следующий персонаж из главы «Москва» вполне может, при желании, подойти Сержу. Это рассмотренный нами ранее отрывок о квартире, где жил Мандельштам в 1931 году. Мы приводим его ещё раз, только теперь выделяем без комментария «нужные Сержу» места:

**Хозяин моей временной квартиры — молодой белокурый юрис-
консульт — врывался по вечерам к себе домой, схватывал
с вешалки резиновое пальто и ночью улетал на «юнкерсе»
то в Харьков, то в Ростов.**

Его нераспечатанная корреспонденция валялась по неделям на невымытых подоконниках и столах. Постель этого постоянно отсутствующего человека была покрыта украинским ковричком и подколола булавками.

Вернувшись, он лишь потряхивал белокурой головой и ничего не рассказывал о полете (ПССиП. 2. С. 341).

Вернемся к чтению «Путешествия в Армению» «с позиции» Сержа. Это — известное место, где нам встретиться и слово «петля», столь вдохновившее французского троцкиста-отступника:

Однажды собрание совершеннолетних мужчин, населяющих дом, постановило свалить старейшую липу и нарубить из нее дров.

⁶⁷ Ещё раз отметим, что эта особая проблема должна быть рассмотрена и была рассмотрена нами на фоне как раз рассуждений Кибальчича, желавшего во всём видеть антисоветчину, и учения вполне тогда официально советского академика Марра. См. наш доклад «Осип Мандельштам и его время»: Восьмые Мандельштамовские чтения в РГГУ, 3–4 декабря 2021 г. Леонид Кацис (Москва, РГГУ). «Яфетическая Русь» Н. Я. Марра в «Путешествии в Армению» («Сухум» и вокруг).

Дерево окопали глубокой траншеей. Топор застучал по равнодушным корням. Работа лесорубов требует сноровки. **Добровольцев было слишком много. Они суетились, как неумелые исполнители гнусного приговора.**

Я подозревал жену:

— Смотри, сейчас оно упадет.

Между тем дерево сопротивлялось с мыслящей силой, — **казалось, к нему вернулось полное сознание. Оно презирало своих оскорбителей и щучьи зубы пилы.**

Наконец ему накинута на сухую развилку, **на то самое место, откуда шла его эпоха, его летаргия и зеленая божба, петлю из тонкой прачечной веревки и начали тихонько раскачивать. Оно шаталось, как зуб в десне, все еще продолжая княжить в своей ложнице.** Еще мгновение — и к поверженному истукану подбежали дети (ПССиП. 2. С. 267).

Его при желании и в сочетании с предыдущим юрисконсультком, с одной стороны, с вряд ли знакомой Сержу (впрочем, всё может быть ...) в каком-то, но ясно, что не окончательном, виде «Четвертой прозой», можно прочесть так, как читает «петлю тирана» автор этих мемуаров о трагедии советских писателей.

С другой стороны, трудно сказать, знал ли Серж черновой вариант истории с петлей, но она вовсе не так трагична, как кажется окончательный вариант. Речь там идёт о заведомо мертвых деревьях: «Дворик был проходной. Его любили почтальоны и мусорщики. И меня допекала его подноготная с конюшнями, сарайчиками и двумя престарелыми **черствыми липами**, давно состоявшими **на коричневой пенсии.** Их кроны давно отшумели. **Старость ударила в них казнящей молнией»** (ПССиП. 2. С.341). Более того, первый абзац черновой «Москвы», если бы его услышал Серж, тоже явно не вызвал бы у него удовольствия, а нас он заставит проверить кое-какие сведения:

Никто не посылал меня в Армению (...). **Выправив себе кой-какие бумажонки, к которым по совести и не мог относиться иначе, как к липовым,** я выбрался с соломенной корзинкой в Эривань **в мае 30-го года** [в чужую страну, чтобы пощупать глазами ее [электростанции,] города и могилы, набраться звуков ее речи и подышать ее труднейшим и благороднейшим историческим воздухом].

Везде и всюду, куда бы я ни проникал, я встречал твердую волю и руку большевистской партии. Социалистическое строительство для Армении как бы второй природой.

Но глаз мой [падкий до всего странного, мимолетного и скоротечного] улавливал в путешествии лишь светоносную дрожь [случайностей], растительный орнамент [действительности, анекдотический узор].

Неужели я подобен сорванцу, который вертит в руках карманное зеркальце и наводит всюду, куда не следует, солнечных зайчиков? (ПССиП. 2. С. 339).

И сразу за этим следует описание проводов, по-видимому, «К.», а не «Зотова» в Эривань, хотя, как мы и говорили, здесь могут быть подводные камни.

Для понимания описания впечатлений Сержа, если он все запомнил точно, важна разница в «петле», накинутой на заведомо мёртвую липу, как в черновиках, или ещё способное прийти в себя дерево, как в основном тексте. Тогда, действительно, петля авиационная, и петля, наброшенная на ещё относительно чувствующее дерево, могли в наложении вопиять о тиране и его петле на шее жертв. Между тем, насколько известно, Мандельштам ожидал в «Сухуме», а вовсе не в Москве, разрешение, утвержденное, естественно, в Москве, на поездку в Армению. А помогал ему в этом вполне серьезный сотрудник ЦКК. Липовых бумажек в таких местах опальным поэтам не делают.

Поэтому при всех иронических замечаниях ничего кроме осанны социалистическому строительству, Мандельштам в таком варианте написать не мог. Но похоже, Серж этого и не видел, а следовательно, знал он именно близкий к готовому вариант конца 1932 года.

Но читаем дальше: «Разлука — младшая сестра смерти. Для того, кто уважает резоны судьбы, — есть в проводах зловеще-свадебное оживление (ПССиП. 2. С. 268).

2.10. КОММЕНТАРИЙ КИБАЛЬЧИЧА К «СУХУМУ» НА ФОНЕ «ПОДХОДА К СЕТКЕ» ШКЛОВСКОГО

Впрочем, Шкловский, помянутый, как мы помним, «ходом коня» в «Путешествии в Армению», ловко перевернул мысль Мандельштама в своём «Пути к сетке» 1932 года, когда писал именно о «Сухуме»:

Мандельштам — огромный поэт, но он для того, чтобы передать вещь, кладет вокруг нее литературные ассоциации.

Он возводит ее к привычному ряду.

Так мыслит Эйзенштейн в «Октябре», показывая ряд богов.

Вещи дребезжат. Вещи, как эхо, разнообразно повторяют друг друга.

Путешествие О. Мандельштама странно, как будто он коллекционирует эхо.

Их коллекционировал уже один герой у Марка Твена.

Мандельштам описывает картинную галерею.

«Посетители передвигаются мелкими церковными шажками.

Каждая комната имеет свой климат. В комнате Клода Монэ воздух речной. Глядя на воду Ренуара, чувствуешь волдыри на ладони, как бы натертые греблей.

Синьяк придумал кукурузное солнце».

Это очень хорошо сказано, но у Синьяка была цель — передача солнца, а Мандельштам передает манеру Синьяка.

«Кукурузное солнце» светит в картинах импрессионистов (пуантилизм).

Солнце, сделанное из закругленных мазков, похоже на плотное зерно выпуклой чешуи кукурузного початка.

Так определяет Мандельштам сомкнутую блестящую разбитость импрессионистской картины.

И вот выходит Мандельштам из картинной галереи и пишет о прекрасном городе Сухуме:

«Я вышел на улицу из посольства живописи.

Сразу после французов солнечный свет показался мне фазой убывающего затмения, а солнце — завернутым в серебряную бумагу.

У дверей кооператива стояла матушка с сыном. Сыну был сухоточный.

Конец улицы, как будто смятый биноклем, сбился в прищуренный комок; и все это — отдаленное и липовое — было напихано в веревочную сетку».

Солнце тускло после картины, мир весь как в веревочной сетке.

Путь Синьяка, путь импрессионистов к солнцу уничтожен.

А солнце на картине обошлось человечеству очень дорого.

Картины делаются не для того, чтобы ими компрометировать солнце. Это мы сами, когда искусство становится манерой, мы сами оказываемся в клетке, сеткой отделяющей нас от мира⁶⁸.

⁶⁸ Шкловский В. Путь к сетке // Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990. С. 478.

При этом Мандельштам ясно написал: «Материал живописи организован беспроектно, и в этом его отличие от натуры. Но вероятность тиража [т. е. выигрыша в лотерею. — Л. К.] обратно пропорциональна его осуществимости» (ПССиП. 2. С. 278).

Однако Шкловский в очередной раз сыграл хитро, когда поставил рядом два слова: «Сухум» и «сухоточный». У Мандельштама они разделены несколькими страницами. Более того, именно два словоупотребления формы «траурный» — «в трауре» и связывают «Сухум» с «Французами», а небольшая ручная плетёная сетка, куда мать убирает редиску, стала у Шкловского сеткой клетки, «отделяющей нас от мира».

Если хотеть видеть здесь тюрьму, то это не возбраняется. Достаточно лишь считать самый первый слой значений слов, из которых состоит «Путешествие в Армению».

Между тем, туберкулез, от которого хоть как-то можно вылечиться, — это совсем не сифилис, «сухотка». Похороны под марш Шопена — совсем не траур от безнадежности жизни гниющего заживо человека. Это как раз те два мира, которые Шкловский блестяще уловил в прозе Мандельштама: «Мир описывает в своей прозе Мандельштам спокойно, с почти незаметным для него презрением, очень точно, и все же эта книга попутчика двух чужих, разнотечных миров».

И вновь о музыке. Шкловский пишет:

Тут победа над этим чужим двойником, конечно, не в стилистическом превосходстве и не в том, что понимаешь музыку.

Понимание музыки, и литературы, и архитектуры — это все способы компенсировать себя за то, что у тебя уносятся твои визитки.

Мандельштам строит свой мир»⁶⁹.

А Мандельштам, с одной стороны, дважды подряд утверждает в «Вокруг натуралистов»: «Кто не любит Гайдна, Глюка и Моцарта — тот ничего не поймет в Палладе», обрамляя музыкальную сентенцию «Телесную круглость и любезность немецкой музыки он перенес на русские равнины. Белыми руками концертмейстера он собирает российские грибы» (ПССиП. 2. С. 279). И тут же исключает из основного текста, оставляя в черновиках, такое рас-

⁶⁹ Шкловский В. Путь к сетке. С. 477.

суждение: «Ламарк чувствует провалы между классами. [Это интервалы эволюционного ряда. Пустоты зияют.] Он слышит синкопы эволюционного ряда. — Ламарк выплакал глаза в лупу. Его слепота равна глухоте Бетховена ...» (ПССиП. 2. С. 352). А в основном тексте после слов о лупе и глазах говорится: «В естествознании он — единственная шекспировская фигура» (ПССиП. 2. С. 280). Таким образом, «глухота Бетховена» оказывается равна «слепоте», условно говоря, Ламарка, которая сделала лишь его фигурой шекспировской.

Понятно, что Шекспир здесь возник не случайно. Именно лекции о Шекспире, но точно не о Бетховене (!), и хотел читать Манделштам в Ереване. Однако именно политическая актуальность отказа от Бетховена, на наш взгляд, подтверждается неоспоримо.

Если же в этом есть сомнения, то следующий абзац основного текста их развеивает: «Никто, даже отъявленные механисты, не рассматривают рост организма как результат изменчивости внешней среды. Это было бы уж чересчур большой наглостью» (ПССиП. 2. С. 280). И тут же вновь музыка: «Когда дирижер вытягивает палочкой тему из оркестра, то он не является физической причиной звука. Звучание уже дано в партитуре симфонии, в спонтанном сговоре исполнителей, в многолюдстве зала и в устройстве музыкальных орудий» (ПССиП. 2. С. 281).

Слова «механисты» и «наглость» тоже более чем актуальны. Ведь именно в 1929–1931 годах шла довольно кровопролитная битва между т. н. механистами и т. н. диалектиками⁷⁰, где «диалектиками» были сталинские волчата Митин, Юдин, Александров, а их тайным покровителем — диалектик-идеалист А. Ф. Лосев⁷¹. Близок к механистам был и сам Б. С. Кузин!

Всё это показывает, что двойное чтение прозы Манделштама — вещь вполне осозаемая современниками⁷².

⁷⁰ См.: Кацис А. Диалектика для верующих и неверующих: Емельян Ярославский, Алексей Лосев, о. Павел Флоренский, Марк Митин (1927–1933) // Исследования по истории русской мысли [13]. М., 2013.

⁷¹ Его «Музыку как предмет логики» мы здесь лишь называем, не рассматривая, однако сравнение и «Путешествия в Армению», и «Разговора о Данте» вкупе с текстом Шкловского было бы бесполезно.

⁷² Серию выступлений и публикаций Шкловского о «Путешествии в Армению» на фоне публикации «известинских» стихов Бориса Пастернака 1 января 1936 года и в апрельском номере «Знамени» 1936 года, обращенных к Сталину и Манделштаму, на фоне дискуссии о формализме начала 1936 года и попыток Манделштама обратиться к Минскому пленуму правления ССП, мы отставля-

2.11. «Зотов» — Б. С. уезжает в Армению в «Москве» «Путешествия в Армению»: чтение на фоне Кибальчича (Сержа)

Даже биолог Б. С. Кузин, который выйдет в очередной раз из тюрьмы в 1933 году и сразу поедет с Мандельштамом туда, где зародятся и «Старый Крым», якобы 1932 года, и «Мы живем, под собою не чуя страны», описан Мандельштамом так, что в «сержевском» контексте заставляет поёжиться:

Итак, Б. С.⁷³, вы уезжаете первым. Обстоятельства еще не позволяют мне последовать за вами⁷⁴. Я надеюсь, они изменятся.

Вы остановитесь на улице Спандарьяна 92, у милейших людей — Тер-Оганьянов. Помните, как было? Я бежал к вам «по Спандарьяну», глотая едкую строительную пыль, которой славится молодая Эривань. Еще мне были любы и новы шероховатости, шершавости и торжественности отремонтированной до морщин Араратской долины, город, как будто весь **развороченный боговдохновенными водопроводчиками, и большепотные люди, с глазами, просверленными прямо из черепа, — армяне. (...)** Не ворота, а длинный прохладный туннель, прорубленный в дедовском доме, и в него, как в зрительную трубу, брезжил дворик с зеленью такой не по сезону тусклой, как будто ее выжгли серной кислотой.

(...) На балкончике вы показали мне персидский пенал, крытый лаковой живописью **цвета запекшейся с золотом крови**. Он был обидно пустой. Мне захотелось понюхать его почтенные **затхлые стенки, служившие сардарскому правосудию и моментальному составлению приговоров о выкалывании глаз** (ПССиП. 2. С. 270).

ем до следующих публикаций по соображениям объёма. Однако без этого позднего эпизода очень многое в судьбе Мандельштама, в его отношениях с Кибальчичем и Шкловским будет абсолютно не понятно далеко не только IT-тишкам и блогерам-мандельштамоведам, но и добросовестным исследователям.

⁷³ А здесь речь идёт об арестованном и только что отпущенном человеке, за которого хлопотал Мандельштам! Разумеется, если мы думаем, что Мандельштам читал цензурный вариант с Рыссом, то и «А. Б. Зотов» мог оказаться Кузиным с соответствующим комментарием. На этом пока придется остановиться.

⁷⁴ Это и есть годовой сдвиг, о котором мы говорили в связи с Блюмкиным выше. Сюда же, кстати, поместилось и падение Бухарина!

Следующее сочетание «годуновско-татарского», напоминающее о «мальчишках кровавых в глазах» и «сером пятне» на совести, динамично переходит в разговор о зарубежной агентуре (!):

Есть у Гете в «Вильгельме Мейстере» человек по имени Ярно: насмешники естествоиспытатель. Он по неделям скрывается в латифундиях образцово-показательного мира, ночует в башенных комнатах на захламленных простынях и выходит к обеду из глубин благонамеренного замка.

Этот Ярно был членом своеобразного ордена, учрежденного крупным помещиком Леотаром — для воспитания современников в духе второй части — «Фауста». Общество имело широкую агентурную — вплоть до Америки — сеть, — организацию, близкую к иезуитской. Велись тайные кондуитные списки, протягивались щупальца, улавливались люди.

Именно Ярно поручено было наблюдение за Мейстером.
(...) И вот Мейстер в горах встречается с Ярно.

Ярно буквально вырывает из рук Мейстера его трехдневную путевку. Позади и впереди у них годы разлуки. Тем лучше! Тем звучнее эхо для лекции геолога в лесном университете (ПССиП. 2. С. 271–272)⁷⁵.

Если знать обстоятельства реальной жизни Кузина того времени, то предположения и ощущения Сержа не кажутся с его точки зрения безумными. И вот следующее:

Еще недавно, Борис Сергеевич, один писатель <М. Э. Козаков. — Прим. О. Э. Мандельштама.> принес публичное покаяние в том, что был орнаменталистом или старался по мере греховных сил им быть.

Мне кажется, ему уготовано место в седьмом кругу дантовского ада, где вырос кровоточащий терновник. И когда какой-нибудь турист из любопытства отломит веточку этого самоубийцы, он взмолится человеческим голосом, как Пьетро де Винеа: «Не тронь! Ты причинил мне боль! Иль жалости ты в сердце

⁷⁵ Не отсюда ли взял свое «эхо» и Шкловский?

не имеешь? **Мы были люди, а теперь деревья...» И капнет капля черной крови...** (ПССиП. 2. С. 272).

Если следовать заданной не нами логике, то и внешне безобидный Сухумский абзац, правда, про ЦКовский санаторий, где отдыхал Подвойский и, например, идущий в гору Ежов, и куда прибыл угнетаемый поэт по поручению Молотова и ЦКК, выглядит тоже достаточно зловеще, напоминая о каких-то тайных переговорах, типа встречи Бухарина с Зиновьевым — Каменевым:

И как-то я увидел пляску смерти — брачный танец фосфорических букашек.

Сначала казалось, будто попыхивают огоньки тончайших блуждающих пахитосок, **но росчерки их были слишком рискованные, свободные и дерзкие.**

Черт знает куда их заносило!

Подойдя ближе: электрифицированные сумасшедшие поденки подмаргивают, дергаются, вычерчивают, пожирают черное чтиво настоящей минуты.

Наше плотное тяжелое тело истлеет точно так же и наша деятельность превратится в такую же сигнальную свистопляску, если мы не оставим после себя вещественных доказательств бытия. [Да поможет нам кисть, резец и голоса его союзник — глаз.]

Страшно жить⁷⁶ в мире, состоящем из одних восклицаний и междометий! (ПССиП. 2. С. 275–276).

Но наиболее резкие слова находим в главе «Французы»:

Зато я невзлюбил Матисса, художника богачей. Красная краска его холстов шипит содой. Ему незнакома радость наливающихся плодов. Его могущественная кисть не исцеляет зрения, **но бычьью силу ему придает, так что глаз наливается кровью.**

Уж эти мне коворовые шахматы и одалиски!

Шахские прихоти парижского мэтра! (ПССиП. 2. С. 277).

Ван-Гог не менее зловещ и вызывает самые разные «неконтролируемые» ассоциации:

⁷⁶ Когда-то эти слова отразятся в «Куда как страшно нам с тобой...», что, по-видимому, не совсем случайно.

Ван-Гог харкает кровью, как самоубийца из меблированных комнат. Доски пола в ночном кафе наклонены и струятся как желоб в электрическом бешенстве.

И узкое корыто бильярда напоминает колоду гроба.

Я никогда не видел такого лающего колорита.

А его огородные кондукторские пейзажи! С них только что смахнули мокрой тряпкой сажу пригородных поездов.

Его холсты, **на которых размазана яичница катастрофы**, наглядны, как зрительные пособия — карты из школы Берлица (ПССиП. С. 277)⁷⁷.

А уж завершение совершенно не случайно французского сюжета, лишь слегка прикрытого искусствоведческой терминологией, приводит нас и к походам в иностранные посольства (пусть и живописи!), и к тайным договорам, и к очной ставке безо всяких шуток:

Материал живописи организован беспронизуемо, и в этом его отличие от натуры. Но вероятность тиража обратно пропорциональна его осуществимости.

А путешественник-глаз вручает сознанию свои посольские грамоты. Тогда между зрителем и картиной устанавливается **холодный договор, нечто вроде дипломатической тайны.**

Я вышел на улицу из посольства живописи.

Сразу после французов солнечный свет показался мне фазой убывающего затмения, а солнце — завернутым в серебряную бумагу.

И тут только начинается третий и последний этап вхождения в картину — очная ставка с замыслом (ПССиП. 2. С. 278).

Проще говоря, выйдя из посольства после очередных оппозиционных встреч ты оказываешься один на один с тем, что теперь тебе придется остаться один на один с практической реализацией замысла.

А теперь мы встречаем и «попугая», от которого, как мы узнаем из «Четвертой прозы», погибнуть так же смешно:

⁷⁷ Имеется в виду метод изучения языков по Берлицу с лозунгом «Grammar Taught without Rules», где каждая ступень познания языка обозначается своим цветом. Ср. в «Импрессионизме» Мандельштама: «И красок звучные ступени / На холст, как струнья, положил...». Ну и понятно, что в марровском контексте «игры без правил» все эти цвета приобретают совсем интересные оттенки.

Вчера читал Фирдусси, и мне показалось, будто на книге сидит шмель и сосет ее.

В персидской поэзии дуют **посольские подарочные ветры из Китая**.

Она черпает долголетие серебряной разливательной ложкой, одаривая им, кого захочет, лет тысячи на три или на пять. Поэтому цари из династии Джемджидов **долговечны, как попугаи**.

Быв добрыми неизмеримо долгое время, любимцы Фирдусси **внезапно и ни с того ни с сего делаются злыднями, повинувшись единственно роскошному произволу вымысла** (ПССиП. 2. С. 283).

Но этому произволу противостоит строгий надсмотрщик-государственный библиотекарь той самой Армении, описание которой внушает по Сержу скрытые идеи свободы:

Мамикон, пожевав отвислой губернаторской губой, пропел своим неприятным верблюдьим голосом несколько стихов по-персидски.

Геворкьян красноречив, умен и любезен, но эрудиция его чересчур шумная и напористая, а речь жирная, адвокатская.

Читатели **вынуждены удовлетворять свою любознательность** тут же, в кабинете директора, — **под его личным присмотром**, и книги, подаваемые **на стол этого сатрапа**, получают вкус мяса розовых фазанов, горьких перепелок, мускусной оленины и плутоватой зайчатины (ПССиП. 2. С. 283–284).

Пожалуй, нет смысла пояснять, какой интерес удовлетворяется в кабинетах под наблюдением сатрапа: здесь могут быть и следственные кабинеты, и кабинеты ЦК или соответствующих органов, где знакомятся с закрытыми документами.

И вот, наконец, пейзаж из главы «Аштарак»:

Ночлег **пришелся в обширном четырехспальном доме раскулаченных**.

Правление колхоза вытрусило из него обстановку и учредило в нем деревенскую гостиницу. На террасе, способной приютить все семя Авраама, скорбел удойный умывальник», а об армянской церкви читаем: «Там четыре хлебопека: север, запад, юг, восток — **с выколотыми глазами тычутся в воронкообразные ниши, обшаривают очаги и междуочажья** и не находят себе места.

Кому же пришла идея заключить пространство в этот жалкий погребец, в эту нищую темницу — чтобы ему там воздать достойные псалмопевца почести?.

Достаточно жестко говорит Мандельштам об учителе:

Учитель Ашот вмурован в плоскостенный дом свой, как несчастный персонаж в романе Виктора Гюго. (...)

Он возделывал малотоварный фруктовый участок в десятичную долю гектара, крошечный вертоград, запеченный в каменно-виноградном пироге Аштарак, и был исключен, как лишний едок, из колхоза. (...)

Труженик в черной рубашке с тяжелым огнем в глазах, с открытой театральной шеей, он удалялся в перспективу исторической живописи — к шотландским мученикам, к Стюартам.

Еще не написана повесть о трагедии полубообразования.

Мне кажется, **биография сельского учителя может стать в наши дни настольной книгой, как некогда «Вертер»** (ПССиП. 2. С. 284–286),

— впрочем, похоже, отсылая к пастернаковскому «Уже написан Вертер»: «Когда и воздух пахнет смертью, / Окно открыть, что жилы отворить».

По-видимому, что-то подобное и имел в виду Серж, разумеется, читавший весь текст внимательно и с явным удовольствием от того, что он нам сообщил в своей книге, а вовсе не питаясь слуховыми-глуховыми впечатлениями⁷⁸.

⁷⁸ Необходимое примечание: фрагмент о Кибальчиче и его чтении «Путешествия в Армению» был доложен нами на Международной научной конференции «Осип Мандельштам и его время» в конце 2020 года. В обсуждении доклада принял участие В. Шубинский, которого особо заинтересовали не рассмотренные здесь и сейчас связи «Путешествия в Армению» и семьи Русаковых. Вопрошающего удивило, почему докладчик упоминает сестер Русаковых, жен Кибальчича или Пьера Паскаля, но не упоминает жену Хармса Эстер Русакову. В ответ В. Шубинский услышал, что докладчик с нетерпением ждал выхода в свет 10-томного дневника отца Хармса И. Ювачева, но там ничего не оказалось. При этом куда интереснее оказались связи двух уголовных дел 1938 года О. Мандельштама и Б. Лившица, Ю. Юркуна и т. д. Получив эти разъяснения В. Шубинский с удивлением и с нашей помощью догадался, что именно описываемые нами здесь и не только события изменили судьбу всех ленинградских литераторов. Нам понятна его заинтересованность в этих сюжетах как автора коллективной биографии обэриутов для издательства «Вита Нова». С учетом того, что публикации и поведение В. Шубинского, не учёного, а литератора и сочинителя литературных биографий, очень далеки от высоконравствен-

Между тем характерно, что Шкловский, мгновенно откликнувшийся на прослушанное, обратил внимание только на то, что окружает и обрамляет тот сюжет, который упомянул Серж. Таким образом, совместив обе точки зрения, можно было бы описать «Путешествие в Армению» Мандельштама достаточно адекватно.

Хотя всё-таки остаётся не очень приятный, но политически верный осадок, когда сравниваешь острый текст Сержа с аналогичным советским, например, О. Бескина:

«И продольный мозг она вложила
словно шпагу в темные ножны.

Нужна ли особая бдительность, чтобы распознать обычное враждебное нашей действительности утверждение о гуннах, разрушителях тонкости человеческих переживаний. (...) Как бы подчеркивая свой тезис, поэт заключает пассажем стихотворением “Батюшков”» (Мец. Летопись. С. 407).

Если Серж откровенно пытается сделать текст Мандельштама антисоветским и делает это за границей и после смерти поэта, то абсолютно то же самое делает при жизни Мандельштама советский критик Бескин, оценивая стихи поэта, опубликованные через год после поэтической «Армении» и за год до прозаического «Путешествия в Армению». Получается, что оба они с двух противоположных сторон и с противоположной оценкой согласились в понимании текстов Мандельштама как антисоветских.

Мы не случайно процитировали этот текст критика 1932 года, ведь в «Путешествии в Армению» есть явственные отголоски «Ламарка» и читать их можно так, как хотел, на сей раз, Бескин.

ных (*nomina sunt odiosa*), мы публично предупреждаем его о необходимости ссылаться на нашу дискуссию, которая имеется в РГГУ в записи, ибо доверять этому человеку нельзя. А здесь мы ограничимся только одной маленькой цитатой: « [1937] (...) Когда осенью или зимой 37 г. кто-то встретил Мандельштама где-то на вокзале и сказал, что арестован Б. Лившиц, он сразу сказал — Это из-за того человека (про Сержа) ... Потом замолчал» (Михеев М. Александр Гладков о поэтах, современниках и — немного о себе ... (Из дневников и записных книжек) / 2-е изд. М., 2019. С. 148). Сомневаться в информированности Мандельштама оснований нет!

2.12. ЕЩЕ РАЗ О ТРОЦКОМ И ПОДВОЙСКОМ В «СУХУМЕ» И «ПУТЕШЕСТВИИ В АРМЕНИЮ»

Есть и ещё некоторые тревожные ощущения от двойственности текста Мандельштама. С одной стороны, в этом напечатанном в советском журнале тексте, есть масса внешних признаков признания, пусть и трудного, Советской страны в её сиюминутном обличье. С другой — чего стоит хотя бы эпизод с Подвойским, даже если оставить те неприятные детали «Лея», табака и т. п., о чём мы здесь писали.

Дело в том, что после высылки Троцкого именно Подвойскому предстояло в одиночку представительство перед историей за военную часть что Октябрьского переворота, что Гражданской войны в тех местах, где он встречался со своим сменщиком. Слишком уж близки они были в те дни. Приведём хотя бы эпизод времён около Брестского мира:

После того, как 3 марта 1918 г. состоялось подписание мирного договора с Германией и ее союзниками, был образован Высший Военный Совет: ему *вручалось* «руководство всеми военными операциями с безусловным подчинением Высшему Совету всех без исключения военных учреждений и лиц». Ставший военным руководителем Совета **М. Д. Бонч-Бруевич** так описывал впервые увиденного им Подвойского: «высокий и очень худой партиец в солдатской суконной гимнастерке и таких же неуклюжих шароварах, чем-то смахивавший на Дон-Кихота».

На следующий день после заключения «Брестского мира» Народный комиссариат по военным делам (в лице Крыленко и Подвойского) и главный комиссар военно-учебных заведений пояснили:

«Одним из условий мира является полная демобилизация нашей армии. Мы заменили ее всеобщим обучением всех поголовно обращению с оружием. Каждый рабочий, каждая работница, каждый крестьянин и каждая крестьянка должны уметь стрелять из винтовки, из револьвера, из пулемета. (...) Так на место старой армии ставит свободный народ свободную всеобщую армию свободных людей. Нам не нужна будет постоянная армия, раз каждый из нас в момент внешней опасности, в любой момент сможет встать уже обученным в ряды народных борцов».

А еще через две недели в одной из газет можно было прочитать, что «до 18 марта в Петрограде не было получено официального приказа об увольнении комиссара по военным делам Подвойского. Не получено также официального приказа о назначении комиссаром по военным делам Л. Троцкого», — хотя состоялось оно еще 13 марта 1918 года. И действительно, еще 19 марта газета «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» — орган СНК по военным и морским делам — помещает объявление о том, когда проводит прием «комиссар по военным делам т. Подвойский». В двадцатых числах марта его имени под опубликованными приказами уже нет, — как нет имени и нового наркома. Две подписи — «Народный комиссар по военным делам, председатель Высшего военного совета Л. Троцкий. Член Высшего военного совета Н. Подвойский» — появляются под программной статьей, обрисовывающей принципы построения новой армии, на первой странице «Петроградской правды» только 26 марта 1918 г., а в газете «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» — 27 марта 1918 г.⁷⁹

Чуть позже — 30 января 1919 года Подвойский был совместно с В. М. Межлауком назначен наркомом по военным делам Временного рабоче-крестьянского правительства Украины и направился в Харьков. А в интересующее нас время: «В 1924–1934 гг., до выхода на пенсию, он работал в контрольных органах — Центральной контрольной комиссии и Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК—РКИ).

Это указание заставляет нас в очередной раз обратить внимание на разного рода «неправду» в РКИ, но пойти на такую прямую наглость в отношении члена РКИ, борца с курением и рыцарем-романтиком Мандельштам, коли он хотел увидеть свой текст напечатанным, не мог. А вот прочесть нечто подобное троцкисту Сержу и спросить его мнения, впрочем, ненужному, как мы видим, обоим, о «проходимости» «Путешествия в Армению», мог вполне.

И вновь становится ясно, как только мы зададим себе вопрос: «Кто руководил РКИ в 1930–1931 годах?», куда входил Подвойский, как мы увидим и имя «хозяина» «дачи Орджоникидзе», куда поселили Мандельштам и Какабадзе, и ещё одного человека, который сыграет свою роль в жизни Мандельштама уже в 1938 году.

⁷⁹ [Http://expositions.nlr.ru/ex_print/army/podvoiskii.php](http://expositions.nlr.ru/ex_print/army/podvoiskii.php).

Итак, в 1926 году руководителем ЦКК и НК РКИ стал Орджоникидзе. В 1930–1931 годах председателем ЦКК и наркомом РКИ был А. А. Андреев. А к моменту выхода «Путешествия в Армению» в свет, ЦКК—РКИ руководил уже до 1934 года, т. е. до «эпиграммы» Мандельштама Я. Э. Рудзутак.

Таким образом, черновики показывают, что Мандельштам прекрасно сам понимал, что можно, а что — нельзя. И художественно, что обсудят и без нас, и политически, чему мы посвятили столько места и времени.

2.13. Стихи 1930–1931 и письмо

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ МОЛОТОВУ — БУХАРИНУ НА ФОНЕ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ И ПАДЕНИЯ БУХАРИНА

Оба варианта чтения «Путешествия в Армению», плюс сравнение минимум двух вариантов описания реального контекста «московских» сцен, не говоря уже об Абхазии, показывают, что именно политический, и никакой другой контекст не может не быть применен и к стихам, т. н. «московского цикла». А между тем, контекст этот ничуть не менее интересен, чем описанный выше для прозы.

Итак, базовыми стихами для нас, помимо цикла «Армения», официально опубликованного уже в № 3 «Нового мира» за 1931 год, т. е. предельно быстро, является письмо Н. Я. Мандельштам Молотову по приезде из Армении. Более того, этот совершенно необычный документ, был совершенно необычно продублирован автором письма, которая послал его секретарше начинающего и ускоряющего свое падение Бухарина с сопровождающим письмом для передачи письма Молотову её патрону! Поэтому до приведения и анализа этого документа попробуем представить себе сложившуюся картину, разумеется, не в рамках мифологического мандельштамоведения, а с учетом того, что мы уже знаем на данный момент.

Итак, письмо обращено к новоназначенному председателю Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны вместо Рыкова, занимавшего явные оппозиционные позиции. Это имело место 19 декабря 1930 года, а письмо написано около двадцатых чисел, т. к. содержит указание на дату окончания пребывания под Ле-

нинградом «января» 1930 года! Следовательно, письмо написано «по горячим следам» снятия Рыкова. Но не только: 17 ноября 1929 года пленум ЦК вывел из состава Политбюро Бухарина, следовательно, Объединенный пленум ЦК и ЦКК ровно через месяц после снятия Бухарина привел в кресло Председателя СНК Молотова.

Весь 1929 год был для Бухарина провальным: 9 февраля 1929-го объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП (б) осудило так называемую правую оппозицию, а объединенный пленум ЦК и ЦКК (апрель 1929 года) освободил Бухарина и Томского от занимаемых ими постов. В ноябре Пленум ЦК ВКП (б) 1929 года вывел Бухарина (вместе с Рыковым и Томским) из состава Политбюро ЦК». Как на этом фоне выглядит «перепост» письма новоиспеченному премьеру только что снятому Бухарину?

Чтобы это понять, надо обратить внимание на позицию свергнутого «любимца партии» прямо в эти дни: считается, что подход Бухарина, только что избранного академиком и «сосланного» в ВСНХ СССР, «стал основой при определении главной линии реформ и нашел отражение в постановлении ЦК ВКП (б) от 5 декабря 1929 г. “О реорганизации управления промышленностью”. В нем значительное место было уделено и руководству научной работой. На базе НТУ ВСНХ СССР был создан Научно-исследовательский сектор (НИС) ВСНХ СССР, во главе с Бухариным. В 1930 г. научно-исследовательскую работу в промышленности вело 141 научное учреждение»⁸⁰.

Понятна несоизмеримость положения Молотова и Бухарина, поэтому необходимо понять, в чём здесь дело? Ведь в октябре 1929 года Молотов вместе с Бухариным ещё член Политбюро, а в ноябре, как мы видели, уже нет. Армянский вице-премьер Мравьян, с которым контактировал Бухарин, умирает 23 октября. Следовательно, Бухарин должен был попросить содействия Молотова чуть ли не в момент своего снятия или сразу после.

Между тем, Н. Я. Мандельштам уверенно говорит о Молотове как о «приводном ремне» всей истории. Следовательно, просил Бухарин или нет, но именно Молотов привёл ситуацию к той, что мы описали в комментарии к главе «Сухум», связав сюжетную коллизию с арестом Блюмкина. (Кстати, и С. А. Гусев, ко-

⁸⁰ Есаков Н. Н. И. Бухарин и академия наук // Природа. 1988. № 9. 85–86.

торый должен был заниматься организационной частью поездки Мандельштама, имел прямое отношение к Коминтерну, на что ранее, пока мы не увидели следы сотрудничества там Мандельштама, внимания никто не обращал.)

Теперь рассмотрим письмо Н. Я. Мандельштам Молотову:

Уважаемый тов. Молотов! Нынешней весной вы слышали должно быть о тяжелом состоянии поэта Мандельштама. Тогда же тов. Гусев — з.з. Культпропа Ц. К. В. К. П. (б) **организовал отъезд Мандельштама — в Сухум, в Дом Отдыха**, а затем, по желанию Мандельштама, на юг, в Армению: врачи, консультировавшие Мандельштама, рекомендовали после отдыха стать на работу на какой-нибудь из южных окраин, по возможности, не русских, чтобы **в новых условиях ликвидировать нервное заболевание, вызванное травмой (это было результатом травмы, которая велась против Мандельштама)**. Однако наладить работу в Армении для Мандельштама не удалось — из-за незнания армянского языка — и после нескольких месяцев отдыха нам пришлось вернуться на север. В Закавказьи Мандельштам вполне оправился от болезни, но попав на север в те же — вернее, более тяжелые бытовые условия, он, несомненно, скоро расшатает свое здоровье и все вернется к прежнему положению⁸¹.

После описания трудностей работы поэта над переводами малой листовой производительности Мандельштама-литератора и т. д., Н. Я. Мандельштам пишет:

Борьба за существование отнимала все силы и на моих глазах в течение многих лет разрушала человека. **Сейчас к переводам возврата нет — мы предпочтем любой исход прежней лямке**⁸². После тяжелого жизненного кризиса, после перенесенной болезни, Мандельштам — пожилой и утомленный человек — очутился у разбитого ко-

⁸¹ Далее все цитаты из письма, цитируемого последовательно, даём без ссылок.

⁸² Здесь мы отсылаем читателя к нашей статье в журнале «Литературный факт» о сотрудничестве Мандельштама с Политической цензурой, М. Б. Вольфсоном (некролог которому написал и знакомый нам Мещеряков (Мещеряков Н. Памяти М. Б. Вольфсона // Книжный фронт. 1932. № 4/5)) и т. д. Только в этом случае письмо второму лицу страны с отказом от «переводов» обретает смысл. Это отказ от продолжения той цензурно-надзорной деятельности вкупе с подготовкой соответствующих бумаг для годовых отчетов, которая, похоже, и привела к разрастанию мелкого происшествия Карякин — Горнфельд в скандал во всесоюзном масштабе. Хотя, как мы знаем, он был очень быстро пригашен.

рыта. У него нет профессии, которая бы его обеспечила, нет жилья, ничего нет... То, что он умеет делать, никак не котируется на трудовой бирже. А в любом учреждении не решатся принять на работу лирического поэта, да к тому же с ярлыком правого попутчика. Если Мандельштам самостоятельно придет предлагать свои услуги — он, в лучшем случае, устроится неквалифицированным библиотекарем или техническим работником в каком-нибудь архиве и т. п... на 90 р. в месяц — без квартиры и при семье в три человека.

Вопрос о работе Мандельштама — это вопрос принципиальный и он должен быть разрешен раз и навсегда».

Напоминаем, что это обращение к Председателю СНК СССР! По-видимому, Н. Я. Мандельштам считает, что у нее есть основания требовать от новоназначенного премьера решения проблем Мандельштама в первые же дни его работы на ответственном посту.

Ведь, если учесть то, что открылось нам в «Сухуме», это так и есть.

Следующая фраза, как нам представляется, впоследствии породит один из главных мифов о Мандельштаме — слова, якобы сказанные Сталиным: «Изолировать, но сохранить»:

В сущности, речь идет о праве Мандельштама на жизнь: **нужно или не нужно сохранить Мандельштама? А чтобы его сохранить**, нужно создать для него нормальные условия жизни — **дать ему академическую спокойную работу** (хотя бы исторически-архивную, которую он сам получить не может, т. к. ему отвечают — «нет нужды, нет штатов, вы не марксист, раз вы писатель так пишите, а у нас есть спецы и т.д.»). **Второй вопрос квартирный**. Все эти годы у нас **не было средств**, чтобы **купить себе квартиру**. Уезжая в Армению, мы потеряли свое жилье и остались буквально на улице. Та работа, на которой может быть использован Мандельштам, не может дать ему квартиры. Нигде, ни в одном городе нельзя получить жилплощади. Мандельштам оказался беспризорным **во всесоюзном масштабе**.

Вот здесь и начинается проглядывать идея Н. Я. Мандельштам при послании этого же письма к академику и руководителю научного сектора ВСНХ Бухарину. Жена поэта извещает через секретаршу без прямого обращения к бывшему патрону, что Молотов «в курсе» и что можно попытаться дать Мандельштаму «академическую работу». Кроме всего прочего, эта работа должна дать

возможность купить, наконец, квартиру. Другое дело, к какой социальной прослойке должен относиться поэт при тогдашнем уровне жилищного строительства, чтобы требовать такую синекуру от Председателя правительства. Впрочем, уверенный тон письма и последствия армянской поездки делают эту надежду небеспопеченной. И в конце концов она реализуется!

А выражение «беспризорный во всесоюзном масштабе» да еще в сочетании с проблемой обеспечения средствами и жилищностью, прекрасно коррелировали с тогдашней сверхактуальной терминологией:

На решение проблем бывших воспитанников детских домов, направляемых в Москву для поступления в учебные заведения, был направлен циркуляр № 5995 Деткомиссии при ВЦИК от 12 июля 1927 г. В нем говорилось о том, что **подростки оказывались в Москве совершенно без средств к существованию и без жилья** вплоть до начала учебного года, таким образом, **они были вынуждены ютиться по ночлежкам и вокзалам** и снова попадали в компанию беспризорников. Чтобы изжить эту негативную практику, КУЖД при ВЦИК предлагала всем Деткомиссиям неуклонно следить за тем, **чтобы подростки, направляемые на учебу в крупные города, в обязательном порядке обеспечивались жильем и денежными средствами до получения первой стипендии**⁸³.

Если же мы теперь вспомним отрывок из «Уничтоженных стихов» о том, что Мандельштам был «возвращен насильно в буддийскую Москву», то слова Н. Я. Мандельштам обретут поразительную точность в ее конкретной ситуации.

В следующем отрывке нас интересует характеристика санатория, в котором побывал Мандельштам:

Но существует же какой-то **жилищный фонд** и **нужные люди у нас не остаются на улице**. Один раз нужно счесть не спеца та-

⁸³ Бендер Е. А. Правовые основы борьбы с детской беспризорностью в РСФСР в 1920–1930-е годы // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2013. Имеется ввиду автором: Трехлетний план борьбы с детской беспризорностью. М., 1927. С. 11–12. И «Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР, постановлений Деткомиссии при ВЦИК и ведомственных распоряжений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью» (Вып. 2. М., 1929. С. 71).

ким человеком, а поэта, чтобы он не метался из города в город, ища пристанища. Если это невозможно в Москве, то нужно устроить Мандельштама хотя бы в одном из южных городов. Я повторяю, что это не просто бытовые неувязки, а вопрос о праве на жизнь. Позади — долгие годы борьбы и труда; **не под силу изворачиваться, искать мелких заработков, бегать по редакционным приходам за работишкой.** А именно это предстоит Мандельштаму, если не будет решительного вмешательства в его судьбу. Ему помогли оправиться от болезни, но причины, приведшие к заболеванию, не устранены... Если раз навсегда не устроить Мандельштама, то каждый год его будет загонять в тупик и **роскошные санатории** будут чередоваться с настоящим бродяжничеством.

Итак, говоря по-современному, новоиспеченного Премьер-министра спрашивают, готов ли он признать Мандельштама «нужным», однако, судя по всему, это и произошло. Ведь и квартира, и персональная пенсия, и членство в проектируемом Правлении проектируемого тогда ССП СССР Мандельштаму были предоставлены. Значит, «нужный». Более того, похоже, до определенного момента, срабатывали и какие-то рекомендации Бухарина, раз и в том же 1932 году он вместе с А. Б. Халатовым ходатайствовал о полученной Мандельштамом персональной пенсии!

Что же касается санаториев, то и пишется письмо из Санатория ЦЕКУБУ в Старом Петергофе. Таким образом, пусть и под надзором «странных мальчиков» типа Лёвы, выполнявших специальные поручения при поэте, что и само по себе впечатляет, Мандельштам около полугода провел в Абхазии, Армении и Грузии, а конце года — в санатории ЦЕКУБУ под Ленинградом.

Теперь сопровождающее письмо к секретарше-«белочке» тов. Коротковой, где именно академическая составляющая особо подчеркнута, но интересно, что обращения к тов. Бухарину оно не содержит, равно как нет здесь и намеков на победу над беспризорностью во всесоюзном масштабе, которую, скажем уже честно, должно было обеспечить ОГПУ—НКВД:

Милая тов. Короткова!

Вот уже две недели, как мы в Ленинграде, но ничего у нас не выклеилось; Мандельштам постепенно приходил в весеннее состояние, жить было негде, деваться некуда, денег не было. Все попытки самостоятельного устройства рвались, как мыльный пузырь: мне, пожа-

луй, было б легче, чем Мандельштаму, но его устроить почти невозможно. После всего, что он пережил, нужна спокойная работа академического характера, человеческие условия жизни, жильё и т. д., но здесь нужно чье-то решительное вмешательство. На эти виды работы приглашают, а не сами предлагают свои услуги. Иначе вместо академического устройства выходит техническая мелкая работа, которая абсолютно не оплачивается. Пробовала я обращаться к писателям. Они взволнованно выслушивают, жмут руки, сочувствуют, бухтят, но не способны перейти через улицу не за своим гонораром. Чтобы чего-нибудь от них добиться, мне пришлось бы ходить за ними по пятам и нудить. Да они почти ничего не могут, т. к. варятся в собственном соку. Я наговорила с ними досыта и махнула рукой. Кроме того — вопрос с квартирой для них неразрешим. У них нет никаких возможностей. Получить квартиру невозможно. Мы измаялись до последней степени и, конечно, это отразилось на состоянии Мандельштама. Кроме того, буквально некуда было деваться. Живут в Ленинграде сейчас не менее тесно, чем в Москве. Мы по ночевали по знакомым и под конец пришлось выметаться. Выхода не было никакого. Пришлось засесть в "бесте" — в Доме Отдыха Цекубу в Старом Петергофе, куда мы перевели деньги (400 р. Литфонда, которые никак не могли получить наличными).

Я совершенно отчаялась, но все же от Мандельштама пока скрываю безнадежность положения, чтобы он окончательно не развинтился. Срок в Цекубу у нас до 7-ого января — после этого пустота. Единственное, что я могла сделать — это лично от себя написать Гусеву и Молотову. Буду ждать ответа ... Дождусь ли.

Позволим себе заметить, что пережитые потрясения в нашем контексте далеко выходят за проблемы «дела Уленшпигеля», невероятно переоцененного в своем значении для судьбы Мандельштама из-за чисто литературного блеска «Четвертой прозы», да ещё и перенесенной в протестный интеллигентский контекст 1950–1970-х годов и к тому же встроенный в невозможный временной интервал времени создания 1929–1931! Этому противоречит даже само содержание «Путешествия в Армению» и тон письма Н. Я. Мандельштам Молотову.

Включение этого текста в политический контекст всей жизни Мандельштама позволит нам это увидеть. А «потрясения» Мандельштама были связаны, в основном, с чисто политическими сдвигами. И ещё не известно, хотя мы и пробуем

её осознать, какова была цена за «отдых» в Абхазии и Армении в условиях написания «Путешествия в Армению» на фоне многочисленных неудач Советов с приглашенными прославлять Первое в мире государство рабочих и крестьян конкретными представителями «друзей Октября и мира».

Впрочем, это предмет уже следующей статьи.

2.14. КОЛЛЕКЦИОННЫЕ БУДДЫ, САРГИДЖАН И СТУКАЧИ В «БУДДИЙСКОЙ МОСКВЕ»

Теперь остается проследить оценку Москвы 1931 года как «буддийской», коли так важно, что Мандельштам был возвращен в нее насильно.

Много ранее мы уже цитировали Н. Я. Мандельштам и её рассуждения о «буддизме», «Буддах» и «стукачах». Приведём сокращенно этот эпизод, т. к. теперь он попадает в совершенно новый для нас контекст, с одной стороны, и обретает параллель в мемуарах Кузина, с другой.

Итак, Н. Я. Мандельштам писала: «Попытка найти вторую родину — Армению — не удалась. Насильно возвращенный в Москву — “Я возвратился, нет, читай: насильно Был возвращен в буддийскую Москву”, — О. М. определил свое место в ней. — Определение оказалось достаточно точным» (НМ I. С. 275).

Чуть ниже та же Н. Я. Мандельштам писала:

Отрицательный ряд — все виды механического движения: бег часовой стрелки, развитие, прогресс. Сюда можно прибавить смену кинокадров, которую в «Разговоре о Данте» он сравнивает с «метаморфозой ленточного глиста». В этом сравнении выпад против логического блеска модного в наши дни Эйнштейна, против его механических красот. Такое движение было для О. М. равнозначно неподвижности, буддизму, понятию по Владимиру Соловьеву, «походу варварских телег». Именно поэтому современную ему Москву он называл буддийской — «Я возвратился, нет, считай насильно / Был возвращен в буддийскую Москву... (НМ I. С. 377.)

Обращаем внимание, что в статье о «Путешествии в Армению» Шкловский противопоставлял Мандельштама и Эйнштейна или, кому как хочется, сравнивал их:

Научимся видеть.

Мандельштам — огромный поэт, но он для того, чтобы передать вещь, кладет вокруг нее литературные ассоциации.

Он возводит ее к привычному ряду.

Так мыслит **Эйзенштейн** в «Октябре», показывая **ряд богов**.

Вещи дребезжат. **Вещи**, как эхо, разнообразно **повторяют друг друга**.

Путешествие О. Мандельштама странно, как будто он **коллекционирует эхо**⁸⁴.

А ведь это знаменитая монтажная фраза «Боги» из фильма, снятого по заданию Комиссии под руководством Подвойского! Причём фраза буддийская!

Заметим, что в черновиках письма Шкловскому от июля 1932 года Мандельштам довольно резко полемизирует с автором статьи (ПССиП. 3. С. 428).

А вот следующий эпизод, скорее, ложится в интересующую нас картину еще лучше, чем предыдущий. Н. Я. Мандельштам пишет:

Второй вид стукачей — «ценители» — чаще всего **представители той же профессии**, сослуживцы, соседи... В ведомственных домах сосед всегда бывает и сослуживцем. Эти являлись без телефонного звонка, не сговорившись, как снег на голову, так сказать, «на огонек»... Они сидели подолгу, вели профессиональные разговоры, занимались мелкими провокациями. **Принимая такого стукача**, О. М. всегда требовал, чтобы я подала чаю: «Человек работает — нужно чаю...» Чтобы втереться в дом, они прибегали к мелким хитростям. **Саргиджан — он же Бородин — заявлялся к нам в первый раз с рассказами о Востоке — по происхождению он, мол, из Средней Азии и сам учился в медресе.**

В доказательство своей «восточности» **он притащил небольшую статуэтку ярмарочного Будды. Будда служил доказательством, что Б., он же С., — знаток Востока и настоящий ценитель искусств.** Как сочетался Будда с магометанством в медресе, мы так и не выяснили. Вскоре С. прорвало и он наскандалил, а вакансии при О. М., очевидно, освободилась, потому что незванно-негаданно пришел другой сосед и **для первого знакомства притащил точно такого же Будду.** На этот раз О. М. взбесился: «Опять Будда! Хватит! Пусть придумают что-нибудь дру-

⁸⁴ Шкловский В. Путь к сетке. С. 478–479.

гое», — и выгнал неудачного заместителя. Чаю он не получил. (НМ 2. С. 110–111).

Мы уже отмечали при первом цитировании этого отрывка, что здесь, коли, по-эйзенштейновски, имеет место «повторение вещей», то перед нами не стукачи, а «будды», тем более одинаковые, пароль! Теперь тем более интересно будет посмотреть на то, как все это увидел Кузин, получивший ненадолго мемуары Н. Я. Мандельштам:

Моя миссия у Эренбурга

Очень открытый Мандельштам легко сходилась с людьми при первой же встрече.

Я к этому привык и знал, что его восторженным отзывам о каком-нибудь новом знакомом не всегда нужно придавать значение. Однажды он с восхищением рассказал мне о появившемся по соседству с ним в доме Герцена некоем Амирджанове. **Впрочем, говорил он не столько о самом этом человеке, сколько об имевшей у него статуэтке какого-то японского или китайского божка. В скором времени застал Амирджанова у Мандельштамов я сам. Фигурировал и божок. Он был действительно очень хорош.**

Хозяин его мне не понравился.

В каком году это было — я не помню. Но летом или поздней весной 1934 г. произошел безобразный скандал» (Кузин. С. 171).

Описку или опечатку 1934 года мы не обсуждаем, т. к. к лету 1934 года Мандельштам уже был в заключении, чего Кузин не мог не знать. Но остальное — вполне соответствует истине. Хотя никаких вторых божков либо разговоров такого рода Кузин не заметил или не запомнил.

Поражает другое, что Н. Я. Мандельштам не заметила «Лёв» ни в Сухуме, ни в Ереване, где их увидел Кузин, а рассуждать стала о них только в Тифлисе перед возвращением в Москву.

Но как бы то ни было, обстановку вокруг Мандельштама или настроение четы Мандельштамов восстановить удалось. На относительно культурном языке это называется «быть под колпаком».

Теперь нам остается вспомнить, что и «буддизм», и Китай, и Тибет, и Коминтерн и т. д., не были чужды Мандельштаму, а его понимание проблем этой не самой открытой организации в его сохранившихся очерках показывает, что нет никако-

го смысла исследовать, что Соловьева, что Эйзенштейна в этой связи.

Теперь просто соберём буддийские строки в «московских стихах» Мандельштама:

Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето.

С дроботом мелким расходятся улицы в чоботах узких, железных,
В черной оспе блаженствуют кольца бульваров.

...

В год тридцать первый от рожденья века

Я возвратился, нет — читай: насильно

Был возвращен в буддийскую Москву.

А перед тем я все-таки увидел

Библейской скатертью богатый Арарат

И двести дней провел в стране субботней,

Которую Арменией зовут.

Уж я люблю московские законы,

Уж не скучаю по воде Арзни.

В Москве черемухи да телефоны,

И казнями там имениты дни.

3

Захочешь жить, тогда глядишь с улыбкой

На молоко с буддийской синевой,

Проводишь взглядом барабан турецкий⁸⁵,

Когда обратно он на красных дрогах

Несется вскачь с гражданских похорон,

Иль встретишь воз с поклажей из подушек

И скажешь: гуси-лебеди, домой!

...

Отметим, что, в отличие от первого впечатления, «молоко с буддийской синевой», это не оценка качества молочного продукта при социализме, а московское небо, на которое смотрит поэт, как и на дроги, барабан, и повозку с подушками. Правда, везёт она пух с уже ощипанных гусей, которые навряд ли смогут теперь долететь «домой» ...

⁸⁵ В официальных биографиях Подвойского указано, что он был хоть и не очень хорошим, но барабанщиком в военном оркестре.

2.15. «НЕПРАВДА» «БУДДИЙСКОЙ МОСКВЫ»
В ДНЕВНИКЕ В. ЯХОНТОВА, В «ПУТЕШЕСТВИИ
В АРМЕНИЮ» И «ПЕРЕЛОМ», КОТОРЫЙ
«ПРИШЕЛ, ПОЖАЛУЙ, СЛИШКОМ ПОЗДНО»

И наконец, отметим, что по «Летописи» в разделе «Марта середина. [1931 год. — Л. К.] Из дневника В. Яхонтова (копия Е. Поповой», читаем: «Смотрю на снимок, который висит у меня над постелью. Сталин и Ворошилов. Мне очень нравится этот снимок — вот два человека, которые смотрят вперед вместе со всей своей молодой страной. Осип Мандельштам смотрит назад. Он говорит: “Я вовсе не хочу быть человеком, который говорит под руку: таскать вам — не перетаскать”».

Его лукавое желание выражает зрелое перо, расписывающее розы и камни Армении и гранитные плиты умирающего Санкт-Петербурга (РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 150)».

Эта запись позволяет несколько иначе взглянуть на настроение поэта в черновиках «Путешествия в Армению»:

«Рост» — оборотень, а не реформатор. Кроме того, он [Иван-дурак] фольклорный дурень, плачущий на свадьбе и смеющийся на похоронах — носить вам не переносить.

Недаром мы наиболее бестактны в возрасте, когда у нас ломается голос. (...)

Критики Маяковского имеют к нему такое же отношение, как старуха, лечившая элинов от паховой грыжи, к Гераклу... (ПССиП. 2. С. 343).

И если уж хотеть рассматривать образность тяжёлых московских стихов Мандельштама сквозь призму «Путешествия в Армению», то стоит сопоставить стихи с характерным названием:

Неправда

Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу:
— Дай-ка я на тебя погляжу —
Ведь лежать мне в сосновом гробу.

*А она мне соленых грибков
Вынимает в горшке из-под нар,
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.
— Захочу, — говорит, — дам еще...
Ну а я не дышу, сам не рад...
Шасть к порогу — куда там... В плечо
Уцепилась и тащит назад.
Вошь да глушь у нее, тишь да мша,
Полу спаленка, полу тюрьма.
— Ничего, хороша, хороша...
Я и сам ведь такой же, кума.*

4 апреля 1931

Этим кажущимся русско-фольклорными стихам есть прямая параллель в «Путешествии в Армению», только совсем не фольклорная, а очень «бытовая» и связанная с очень понятной подмосковной дачной реальностью и одновременно, с жестокой политической ломкой, о которой в последней фразе говорится прямо:

В детстве из глупого самолюбия, из ложной гордыни я никогда не ходил по ягоды и не нагибался за грибами.

Больше грибов мне нравились готические хвойные шишки и лицемерные желуди в монашеских шапочках.

Я гладил шишки. Они топорщились. Они убеждали меня.

В их скорлупчатой нежности, в их геометрическом ротозействе я чувствовал начатки архитектуры, демон которой сопровождал меня всю жизнь.

А на подмосковных дачах мне почти не приходилось бывать. Ведь не считать же автомобильные поездки в Узкое по Смоленскому шоссе, мимо толстобрюхих бревенчатых изб, где капустные заготовки огородников как ядра с зелеными фитилями. Эти бледно-зеленые капустные бомбы, нагроможденные в безбожном изобилии, отдаленно мне напоминали пирамиду черепов на скучной картине Верещагина.

Теперь не то, но перелом пришел, пожалуй, слишком поздно» (ПССиП. 2. С. 269).

Это и есть ломка перед лицом сталинской неправды, пусть даже кажущейся на какой-то момент исторически обусловленной.

Мы сейчас, разумеется, говорим не о себе. Наше время никак не связано с переживаниями того, кому посвящена вся эта работа. Слова «Неправда» и «Я такой же...» произнёс сам Мандельштам.

Вспомним на секунду, что реальным «тов. Капустинным» был в «Финляндии» «Шума времени» скрывавшийся бомбист Г. Г. Гершуни, носитель той эсеровской «социальной архитектуры»⁸⁶, которой изменил Мандельштам с большевиками⁸⁷. И не важно, вынужденно или добровольно.

На этом мы кончаем рассмотрение политических аспектов жизни и творчества Мандельштама, предшествующего периоду написания «Мы живем, под собою не чуя страны...».

Из «Путешествия в Армению» Осип Мандельштам вернулся в Советскую Россию навсегда.

⁸⁶ Подробно см.: *Кацис Л.* «Дибук» Семена Ан-ского между Stanford University, Cf. USA и «Петербургской иудаикой» (ЕУ СПб.): анализ политики научного сотрудничества и социальной практики перевода америнанской научной продукции // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXX. М., 2021. С. 779–783.

⁸⁷ Здесь поразительно уместно прозвучала бы вся главка «Социальная архитектура» из мемуаров Н. Я. Мандельштам, но хватит и небольшого абзаца: «О. М. никогда не отказывался от гуманизма и его ценностей, но и ему пришлось пройти большой путь, чтобы назвать девятнадцатый век — «золотым». Подобно всем своим современникам, он пересмотрел наследство девятнадцатого века и предъявил ему свой счет. Думаю, что в формировании идей О. М. огромную роль играл личный опыт, опыт художника, столь же сильно определяющий миропонимание, как и мистический опыт. Поэтому в социальной жизни он тоже искал гармонии и соответствия частей в их подчинении целому. Недаром он понимал культуру как идею, дающую строй и архитектуру историческому процессу... Он говорил об архитектуре личности и об архитектуре социально-правовых и экономических форм. Девятнадцатый век отталкивал его бедностью, даже убожеством социальной архитектуры, и где-то он говорил об этом в статьях. В демократиях Запада, высмеянных еще Герценом, О. М. не находил гармонии и величия, к которым стремился. Ему хотелось отчетливого построения общества, «лестницы Иакова», как он выразился в статье о Чаадаеве и в «Шуме времени». Эту «лестницу Иакова» он почувствовал в организации католической церкви и в марксизме, которыми увлекался одновременно еще школьником. Об этом он писал и в «Шуме времени» и в письме к своему школьному учителю В. В. Гиппиусу из Парижа, куда уехал учиться по окончании Тенишевского училища. И в католичестве, и в марксизме он почуял организационную идею, связывающую в целое всю постройку. В Киеве в девятнадцатом году он как-то сказал мне, что лучшее социальное устройство мерещится ему чем-то вроде теократии. Именно поэтому его не отпугивала идея авторитета, обернувшаяся диктаторской властью. Смущала его в те годы, пожалуй, только организация партии. «Партия — это перевернутая церковь...». Это значило, что партия строится как церковь с ее подчинением авторитету, только без Бога... Сравнение с иезуитским орденом тогда еще не напрашивалось» (НМ. Т. I. С. 345).

СТАТЬЯ «ГРЯДУЩЕЕ РАЗРЕШЕНИЕ КАВКАЗСКИХ ВОПРОСОВ» (1918): ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В. Я. ПАРНАХА ВО ФРАНЦИИ?

Разысканная нами и предлагаемая в нашем переводе на русский язык статья В. Я. Парнаха¹ представляет интерес во многих отношениях. Прежде всего это самая ранняя (10 октября 1918 г.) известная на настоящий момент его публикация во Франции и/или на французском языке: две книги его русских стихов, «Набережная» и «Самум», появятся в 1919 г., а систематические выступления Парнаха во французской периодике относятся уже ко «второму парижскому периоду» его творчества (1925–1931). Впервые в печати появляется «псевдоним» (точнее, модифицированная в соответствии с сефардским произношением фамилия) «Парнах» — пока еще в написании Parnach, впоследствии стандартной французской формой станет Parnas.

Наконец, оригинальна сама тематика статьи, опубликованной в специализированном востоковедческом журнале *Correspondance d'Orient*. В своей, по всей видимости, первой французской публикации В. Я. Парнах выступает — при всем многообразии его увлечений и талантов — в нехарактерном для себя амплуа политического комментатора и эксперта по кавказскому вопросу. Хорошо известно, что он интересовался Востоком, в 1914 г. совершил путешествие в Османскую империю, прерванное Первой мировой

¹ Parnach, Valentin. La future solution des questions du Caucase // *Correspondance d'Orient*, № 199, 10 octobre 1918. P. 165–166.

войной, однако о пребывании Парнаха в Закавказье или его интересе именно к кавказскому региону никаких сведений не имелось. При этом в его статье политическая обстановка в сотрясаемой революционными событиями России и специфика межнациональных отношений на Кавказе охарактеризованы с большой обстоятельностью, тем более удивительной для человека, покинувшего Россию в 1915 г. Возможно предположить, что в статье Парнах опирался на сведения, сообщаемые его корреспондентами, оставшимися в России или в возникших на ее развалинах государствах. Самой очевидной кандидатурой представляется И. М. Зданевич, живший в то время в Тифлисе и впоследствии вместе с Парнахом активно участвовавший в культурной жизни Парижа 1920-х гг.

Так или иначе, эта забытая статья представляет собой любопытный образец публицистики русского Зарубежья и добавляет много нового к облику В. Я. Парнаха.

Артем Серебренников (Высшая школа экономики)

ГРЯДУЩЕЕ РАЗРЕШЕНИЕ КАВКАЗСКИХ ВОПРОСОВ

Вопреки хаотическому состоянию Кавказа, вопреки всем раздорам и интригам мы считаем возможным разъяснить разнообразные вопросы его будущей политической жизни.

Сейчас важнейшим событием является германское господство над Грузией и германо-турецкая деятельность на Кавказе в целом. Долго ли будет длиться такое положение дел? Должен ли Кавказ нести ярмо неприятелей союзных держав? Вот в чем состоит самый неотложный вопрос.

Германию от Кавказа отделяют Польша, Украина, области Дона и Кубани. Географически судьба Кавказа относительно Германии зависит от судьбы этих соседних регионов. Газеты единодушно пишут о шатком положении немцев на Украине; убийства фон Эйхгорна в Киеве и Мирбаха в Москве крайне показательны. Украина, как и Великороссия, — вулканическая почва под ногами немцев. Вопреки поражению русских, все указывает на то, что германцы там находятся лишь «проездом». Они могут интриговать, вносить раздор между национальностями и классами, но развитие политических и экономических событий, а также новые победы союзников, заставят их очистить коренные русские области.

Что же касается Кавказа, соседствующего со странами, недавно ставшими как русскими, так и независимыми, — сможет ли он покориться Германии? Но если Германия отступит, бросив Турцию на произвол судьбы, сможет ли она мечтать об осуществлении своих честолюбивых замыслов? И есть между этими двумя союзниками полное согласие по Кавказу?

Все указывает на то, что никакого согласия нет. В таких условиях решение кавказских вопросов не может зависеть от этих двух иноземных держав. Здоровая и молодая страна должна черпать силы из родной почвы. К сожалению, политическая жизнь Кавказа куда запутаннее, чем в прочих захваченных областях; население там весьма разношерстно. Армяне, грузины, татары испытали не только вражду между расами, но и внутреннюю рознь, что объясняется прежде всего привычной тактикой царского правительства, натравливавшего их друг на друга. Достаточно вспомнить экономическую борьбу грузин с армянами, ненависть, питаемую одними против других, избиение армян татарами, устроенное в 1905 г. царской полицией, и т. д.

В 1915 г. армянская публицистка Мариэтта Шагинян справедливо писала, что образованные классы России из армянской действительности не знают ничего, кроме анекдотов, оставаясь в неведении относительно тенденций, традиций и многовековой литературы Армении. Тем не менее, несмотря на режим угнетения, часть армян и грузин из крупных городов добровольно обрусела. Грузины из благородных и имущих сословий при царях пользовались покровительством и вливались в русское дворянство. Следовательно, после освобождения России от самодержавия можно было бы ждать освобождения и процветания Кавказа рядом с его великой покровительницей. Режим широкой автономии, совершенная свобода образования на любом из языков страны, безопасность жизни христиан и защита их прав, часто нарушаемых татарами, покровительство торговле и т. д. — вот то, что Россия, воскреснувшая после поражения, должна дать Кавказу. Соперничество грузин и армян — прежде всего экономического свойства. Демократизация страны принесет разрешение этого спора. Не следует забывать, что многие образованные армяне говорят скорее по-грузински, чем по-армянски.

Не забудем и о том, что политические руководители Кавказа, в частности Церетели, министр при Керенском, и Чхеидзе, депутат Думы, никогда не исповедовали никаких сепаратистских идей

в кавказском вопросе. Церетели, сосланный царским правительством в Сибирь, боролся не за свободу не одной лишь Грузии, а всей России, которая, по словам одного из крупнейших русских писателей наших дней г-на Федора Сологуба, — «не просто страна, а шестая часть суши».

Что же касается армянских образованных классов, то в их среде мы найдем русских политиков, таких, как г-н Аджемов, адвокат, член партии конституционалистов («кадетов»), депутат Думы всех четырех созывов; русских художников (г-н Сарьян); русских публицистов (г-жа Шагинян), и т. д.

Остается вопрос кавказских татар.

Даже при царском режиме ислам не испытывал гонений. Татарские боевые части числились среди лучших во всей России. Во время анархии крымские татары показали себя столь же верными России, как христиане и иудеи. Гарантия их политической и религиозной автономии послужила бы основой их будущего процветания. Один лишь Тифлис, этот кавказский Константинополь, может остаться очагом раздора, поскольку три населяющие его национальности равны в численном отношении.

Освобождение Кавказа от немецкого господства, от германотурецких интриг откроет этому региону новый путь, который через более или менее долгий срок должен непременно привести к соединению его обитателей под эгидой России и союзников.

Валентин Парнах

ОБРАЗ ЛЕПЕТА В КОНТЕКСТЕ ТЕМЫ ДЕТСТВА У О. МАНДЕЛЬШТАМА

Образ лепета в стихах Мандельштама является объектом многих интерпретаций, в частности, в девятом «Восьмистишии»²: формально 9-е восьмистишие становится местом интерпретации начиная с версии К. Тарановского, по которой лепет означает проявление энтузиазма палестинских евреев, старавшихся победить пустыню³, и заканчивая идеей о лепете как имитации речевой манеры В. Хлебникова, с которым В. П. Григорьев⁴, а вслед за ним А. Г. Панова⁵ связывают фигуру героя стихотворения — «геометра». Интересно, что и Панова, и Григорьев, с кем полемизирует исследовательница, видят в лепете скорее отрицательное явление: если для Григорьева он является метафорой поверхностного познания Мандельштамом глубинного опыта Хлебникова⁶, то для

¹ Кристина Семеновна Ланда — PhD, научный сотрудник отделения устного и письменного перевода Болонского университета, г. Форли (Италия).

² Мандельштам О. Скажи мне, чертежник пустыни ... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца. М., 2009. С. 187.

³ Тарановский К. Черно-желтый свет: Еврейская тема в поэзии Мандельштама // К. Тарановский О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 96.

⁴ Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избранные работы. 1958–2000-е годы. М., 2006. С. 432–446.

⁵ Панова А. Г. Разговор о ветре: Хлебников в мандельштамовском восьмистишии «Скажи мне, чертежник пустыни ...» // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 113–143.

⁶ Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избранные работы. С. 436.

Пановой «лепет, лепит, опыт — это логосы, низведенные до нелогичного, иррационального речевого потока»⁷ в поэтической практике футуризма, которую Мандельштам, возможно, «передразнива[ет]» в полемических целях⁸.

С другой стороны, Л. М. Видгоф видит в лепете, прежде всего, положительное выражение идеи Мандельштама о поэзии как творческом порыве, то есть о динамическом процессе⁹. Он замечает, что у Мандельштама вообще образы «шевеленья губ», «шепота» и «лепета» — это в основном обозначения поэтической речи и ссылаются в качестве подтверждения на переключку с исключенной из конечной редакции стихотворения «О как же я хочу...» 1937 г. строфой «Он только тем и луч, / Он только тем и свет, / Что шепотом могуч / И лепетом согрет»¹⁰. Н. Я. Мандельштам мотивирует исключение строфы из конечной версии стихотворения ее эротическим подтекстом¹¹, однако семантика шепота и лепета в общем контексте мандельштамовского творчества выходит далеко за границы эротических смыслов¹².

В настоящей работе нам хотелось бы рассмотреть семантику лепета у Мандельштама в перспективе темы детства. Мы постараемся показать, что это слово можно интерпретировать не только как характеристику одного из этапов творчества, но и как ключевое существительное для определения поэтического языка Мандельштама, говорящего о небе, свете и вечности. В наши задачи не входит предлагать исчерпывающую трактовку образа лепета, но лишь продемонстрировать еще две перспективы, в которых его можно воспринимать, прежде всего в редакции А стихотворения «О, как же я хочу...». Обратимся к самому понятию лепета и к контекстам его употребления у Мандельштама, а также к семантическим полям, связанным с лепетом, в его текстах.

⁷ Панова Л. Г. Разговор о ветре: Хлебников в мандельштамовском восьмистишии «Скажи мне, чертежник пустыни...». С. 140.

⁸ Там же.

⁹ Видгоф Л. М. О стихотворении Осипа Мандельштама «Скажи мне, чертежник пустыни...» // Видгоф Л. М. Статьи о Мандельштаме. М., 2010. С. 11–31.

¹⁰ Мандельштам О. О, как же я хочу... Редакция А // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем: в 3 т. Т. 1. С. 506.

¹¹ Мандельштам Н. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // Мандельштам Н. Я. Третья книга / Сост. Ю. А. Фрейдин. М., 2006. С. 436.

¹² Ср. об этом также: Панова Л. Г. «Итальянсья, русея». Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М., 2019. С. 433.

Глагол «лепетать» в словаре В. И. Даля определяется как «говорить невнятно, несвязно, по-ребячьи, искажая слова или связуя их неправильно»¹³. Здесь можно выделить две семы: 'ребяческая речь' и 'невнятная речь'. В мандельштамовских текстах обе эти семы пересекаются друг с другом. Н. Я. Мандельштам, комментируя «Восьмистишия» и упоминая «соотношение опыта и лепета», указывает, что «есть крохотный элемент этого в почти детских стихах О. М. [Осипа Мандельштама — К. А.] — о Тютчеве и Верлене»¹⁴: «Суровость Тютчева — с ребячеством Верлена, / Скажите, кто бы мог искусно сочетать?»¹⁵. В «Разговоре о Данте» лепет также назван «младенческим»¹⁶ и вписан в контекст «детской зауми»¹⁷. С другой стороны, в «Шуме времени» он связан с невнятной речью, косноязычием: «Надо мной и над многими современниками, — пишет автор, — тяготеет косноязычие рождения. Мы учились *не говорить, а лепетать* — и, лишь прислушиваясь к нарастающему шуму века и выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык»¹⁸.

Рассматривая лепет в контексте детской речи, следует оговорить, что само измерение детства имеет в мандельштамовских текстах положительный и отрицательный полюса. Анализируя как прозу, так и стихи, легко заметить диалектику образов взрослого и ребенка, конфликт между которыми герои Мандельштама мучительно переживают в себе самих. Вокруг отрицательного полюса собраны мотивы детской обиды, непонимания и презрения со стороны условных взрослых, мотивы застенчивости, робости, неуклюжести, скандала; ребенок у Мандельштама предстает как возведенная в гиперболу идея маленького человека. Наиболее яркие примеры тому — в «Египетской марке» (1928): ротмистр Кржижановский

¹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Избранные статьи. М., 2004. С. 303.

¹⁴ Мандельштам Н. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Мандельштам Н. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. А. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. А. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014. С. 747.

¹⁵ Мандельштам О. В непринужденности творящего обмена ... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 266.

¹⁶ Мандельштам О. Разговор о Данте // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста, А. А. Добрицина, П. М. Нерлера и др. М., 2010. С. 158.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Мандельштам О. Шум времени // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. С. 250.

называет Парнока «мальчишкой»¹⁹, сам Парнок думает, что, если он станет «как все люди; пожалуй, женится даже»²⁰, «тогда никто уже не посмеет называть его “молодым человеком”»²¹. Интересно, что в черновиках «Египетской марки» (далее подобные варианты не отмечаются) Парнок — «прыгун»²², «сосунок»²³, а господин Лидин обращается к нему покровительственно, подчеркивая его незрелость: «Когда вы были еще учеником, молодой человек...»²⁴ (причем вариант на обороте листа еще более жесткий: «Когда вы еще были щенком...»)²⁵. В конечной редакции мотив детства как унижительного состояния усугубляется вплетающимся в ткань повествования сном, где герой предстает как мучительно стыдящийся и наказываемый за детскую непосредственность (а в конечном итоге беспорядок, то есть хаос) ребенок: «Башмак развязался, и от этого мною овладело ощущение великой вины и беспорядка [курсив здесь и далее наш. — К. Л.]. И меня ввели в постылую варшавскую комнату и заставили пить воду и есть лук»²⁶. Та же, очевидно, негативная семантика детства присутствует и в приводимой в пятой главе сцене из «Идиота» Достоевского; Мандельштам привлекает здесь конфликт между «почтенными» авторитетами («бородатыми литераторами»)²⁷ и как бы стоящим на «границе»²⁸ провокатором скандала юношей Ипполитом: «Господа литераторы отчихвостили бедного юнца — Ипполита. Так и не довелось ему прочесть свою клеенчатую тетрадку. Тоже выискался Руссо!»²⁹.

С этой сценой явно перекликаются по тональности слова автора «Четвертой прозы» (1929) уже о самом себе, где вновь подчеркивается мотив возраста: «Оттого-то мне и годы впрок не идут: другие с каждым годом все почтеннее, а я наоборот — обратное тече-

¹⁹ Мандельштам О. Египетская марка // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. С. 292.

²⁰ Там же. С. 299.

²¹ Там же.

²² Мандельштам О. Египетская марка. Из черновики // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. С. 381.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 380.

²⁵ Там же.

²⁶ Мандельштам О. Египетская марка. С. 301.

²⁷ Там же. С. 290.

²⁸ В лотмановском смысле; ср.: Лотман Ю. М. Семиосфера // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2016. С. 210.

²⁹ Мандельштам О. Египетская марка. С. 290.

ние времени. (...) Мой труд, в чем бы он ни выражался, воспринимается как *озорство*, как беззаконие, как случайность» (с. 356–358)³⁰.

В отрывках уничтоженных стихов начала тридцатых диалектика образов ребенка и взрослого, где мотив детства вновь сопряжен с отрицательными семантическими ассоциациями, развивается еще больше; в лирическом герое проявляется уже настоящая двойственность, старик в нем как бы переходит в ребенка и наоборот: 6 июня 1931 — «Я больше не ребенок! / Ты, могила, / Не смей учить горбатого — молчи!»³¹, май–сентябрь 1931: «Еще далеко мне до патриарха, / Еще на мне полупочтенный возраст, / Еще меня ругают за глаза / На языке трамвайных перебранок, / В котором нет ни смысла, ни аза: Такой-сякой! / Ну что ж, я извиняюсь, — / Но в глубине ничуть не изменяюсь»³² (здесь отметим лексико-семантическую параллель с «Египетской маркой»: «Все такой же — ничуть не изменился — ой, страшно мне здесь — извиняюсь ...»)³³. Ниже в том же стихотворении: «Я, как щенок, кидаюсь к телефону»³⁴; далее 25 июня 1931: «Как мальчишка, / За взрослыми в морщинистую воду, / Я, кажется, в грядущее вхожу, / И, кажется, его я не увижу (...) / И Фауста бес, сухой и моложавый, / Вновь старику кидается в ребро ...»³⁵.

Диалектика старика и ребенка присуща и образу Данте в «Разговоре о Данте»³⁶, на что обратила внимание Панова³⁷. Сейчас мы не будем отдельно останавливаться на «Разговоре», так как мотив детства в этом тексте был освещен нами в сопоставлении с дантовским мотивом детства в отдельной статье³⁸.

³⁰ Мандельштам О. Четвертая проза // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. С. 356–358.

³¹ Мандельштам О. В год тридцать первый от рожденья века ... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 165.

³² Мандельштам О. Еще далеко мне до патриарха ... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 165.

³³ Мандельштам О. Египетская марка. С. 300.

³⁴ Мандельштам О. Еще далеко мне до патриарха ... С. 165.

³⁵ Мандельштам О. Сегодня можно снять декалькомани ... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 170.

³⁶ Мандельштам О. Разговор о Данте. С. 195–196; Мандельштам О. Разговор о Данте. Первая редакция // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. С. 415; Мандельштам О. Разговор о Данте. Из черновиков // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. С. 459.

³⁷ Панова А. Г. «Итальянсья, русея». Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. С. 361.

³⁸ Ланда К. С. Мотив детства в «Разговоре о Данте» Осипа Мандельштама // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. Вып. 2.

Несомненно, ощущение себя или некой отчуждаемой части себя («Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него!»)³⁹ как *младшего* (в ипостасях щенка, сунка, школьника или юнца), унижаемого почтенными взрослыми, вписывается в широком смысле в историю манифестации поэта как в дореволюционном, так и в постреволюционном социуме, о которой писали многие его современники (в частности, К. Мочульский, Ю. Терапиано, Г. Иванов, И. Эренбург)⁴⁰, отмечая сходство своего героя с капризным, неприспособленным, а также и осененным Божьей милостью ребенком (причем вдова поэта отзывалась об этих воспоминаниях о детском поведении Мандельштама с явным неодобрением)⁴¹. В конкретно-политическом смысле этот мотив вписывается в историю его отношений с советским режимом: представители режима и сочувствующие репрезентируются в текстах тридцатых как солидные взрослые, а воспитуемый ими поэт — как дитя, и их взаимоотношения изображаются при помощи лексикой, употребляемой обычно при описании отношений взрослых и детей. В этом смысле примечателен глагол «журить» в «Стансах», обычно используемый в отношении детей (1935 г.: «Моя страна со мною говорила, / Мирволила, журила, не прочла»)⁴² и существительное «журьба» в «Средь народного шума и спеха» (1937 г.: «И ласкала меня и сверлила / Со стены этих глаз журьба»)⁴³. Можно полагать, что через собственное самоощущение Мандельштам точно выразил здесь общую тенденцию в отношениях государства тоталитарного типа со своими гражданами, подмеченную С. С. Аверинцевым: «Люди должны быть неготовыми, несовершеннолетними, в становлении, чтобы их можно было воспитывать и перевоспитывать, “перековывать”; с ними нечего считать, их нечего принимать всерьез, но им не следует унывать, потому

С. 289–305.

³⁹ Мандельштам О. Египетская марка. С. 287.

⁴⁰ Ср. их воспоминания в томе: Осип Мандельштам и его время / Сост. В. Крейд, Е. Нечепорук. М., 1995. С. 65–68; 110–112; 81–89; 118–133.

⁴¹ Мандельштам Н. Вторая книга // Мандельштам Н. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. А. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. А. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014. С. 150.

⁴² Мандельштам О. Стансы // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 202.

⁴³ Там же. С. 222.

что у них все впереди — как у детей. На языке сталинской эпохи продвижение по ступеням карьеры называлось “ростом” — человек обязан “расти” до седых волос»⁴⁴.

В то же время, образ ребенка отнюдь не примыкает у Мандельштама целиком к отрицательному полюсу. Разумеется, когда он пишет о себе в «Четвертой прозе», что ему «годы впрок не идут», то с горькой иронией показывает себя глазами тех, с кем полемизирует. В «Египетской марке» сразу вслед за упоминанием сцены с Ипполитом Мандельштам осуждает «солидных литераторов»⁴⁵. Ниже будет приведено еще несколько примеров положительной семантики детских образов, в том числе и в стихах. Пока же, возвращаясь к лепету как косноязычной речи, появляющейся в контексте детства, отметим, что автор говорит о Парноке, «сосунке» и «щенке»: «С детства он прилепился душой ко *всему ненужному*, превращая в события *трамвайный лепет жизни*»⁴⁶; последняя же — это «повесть без фабулы и героя, сделанная из пустоты и стекла, из горячего *лепета одних отступлений*»⁴⁷. Однако, парадоксальным образом, именно этот лепет отступлений, маргиналий и оказывается по-настоящему ценен для автора: «Уничтожайте рукопись, но сохраняйте то, что вы начертали *сбоку*, от скуки, *от неуменья* и как бы во сне»⁴⁸; «Я не боюсь *бессвязности* и разрывов [...] *Марать* — *лучше*, чем писать»⁴⁹. Когда он выводит родословную Парнока от маленьких людей, коллежских ассессоров, разночинцев — к ним он причисляет и себя, и свою семью в «Шуме времени»⁵⁰ — то называет их «бормотунами, обормотами»⁵¹, которых спускают с лестницы и которые «бормочут себе под нос»⁵². Но если в данном случае в «Египетской марке»

⁴⁴ Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 16. Ср. Там же о глубоком архетипическом смысле детского наказания несогласных с тоталитарными режимами: «В самом деле, образ казни, расправы, морального уничтожения амбивалентно приравнен архетипу омоложения [...] Ощущение себя одновременно трупом и ребенком — чем не “амбивалентность” рождающей смерти?» С. 15.

⁴⁵ Мандельштам О. Египетская марка. С. 290.

⁴⁶ Там же. С. 275.

⁴⁷ Там же. С. 301–302.

⁴⁸ Там же. С. 302.

⁴⁹ Там же. С. 288.

⁵⁰ Мандельштам О. Шум времени. С. 250.

⁵¹ Мандельштам О. Египетская марка. С. 299.

⁵² Там же; Мандельштам О. Шум времени. С. 250: «Надо мной и надо многими современниками тяготеет косноязычие рождения. Мы учились не говорить,

и в хрестоматийном отрывке «Шума времени» бормотанье и лепет кажутся скорее негативным явлением, то в других контекстах они напрямую связаны с процессом поэтического творчества.

В частности, в эссе «Борис Пастернак» (1923) Мандельштам пишет: «Так, размахивая руками, *бормоча*, плетется поэзия, пошатываясь, головокружа, блаженно очумелая и все-таки *единственная трезвая, единственная проснувшаяся* из всего, что есть в мире»⁵³ (примечательно, что это написано о книге «Сестра моя — жизнь», в одноименном стихотворении из которой «высокая брюзгливость» «старших» противопоставляется юношескому восприятию природы и радости жизни)⁵⁴.

Н. Я. Мандельштам, посвящая отдельную главу «Воспоминаний» — «Топот и шепот» — творческому процессу Мандельштама — цитирует в ней строку из «Восьмистиший», касающуюся бормотанья: «В процессе писания стихов есть нечто похожее на припоминание того, что еще никогда не было сказано. Что такое поиски “потерянного слова” [...], как не попытка припоминания еще не осуществленного? [...] На первом этапе губы шевелятся беззвучно, затем появляется шепот, и “вдруг дуговая растяжка звучит в *бормотаньях* моих”»⁵⁵. В работе «Моцарт и Сальери» она, ссылаясь на доклад Ю. Л. Фрейдина, поясняет, что шепот связан с этапом «напряженного вслушивания»⁵⁶ поэта в свой «внутренний голос»⁵⁷, который «тих и незвучен, как шепот (не включены голосовые связки — отсюда отсутствие звонкости)»⁵⁸. Вслу-

а лепетать — и, лишь прислушиваясь к нарастающему шуму века и выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык».

⁵³ Мандельштам Н. Борис Пастернак // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем: в 3 т. Т. 2. С. 145.

⁵⁴ Пастернак Б. Сестра моя — жизнь, и сегодня в разлив... // Пастернак Б. А. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. I: Стихотворения 1912–1931 / Сост., коммент. Е. Б. Пастернак и Е. В. Пастернак. М., 2003. С. 116–117.

⁵⁵ Мандельштам Н. Воспоминания // Мандельштам Н. Собрание сочинений: в 2 т. Т. I: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014. С. 266.

⁵⁶ Мандельштам Н. Моцарт и Сальери // Мандельштам Н. Собрание сочинений: в 2 т. Т. I: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014. С. 797.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

шивание-шепот «переходит в бормотание, и появляется не один победивший звук, а ритмическое целое»⁵⁹: таким образом, бормотанье можно соотнести с детским лепетом как еще не оформившееся, еще не обретенное слово, как сам процесс его поиска. Бормотанье и лепет в теоретической поэтике Мандельштама ассоциируется с чем-то «внутренн[им], соприродн[ым] языку»⁶⁰, чем-то из «домашнего корнесловья»⁶¹, то есть с чем-то, относящимся к зауми, причем к зауми детской. В самом деле, в «Разговоре» упоминание о детском языке Данте появляется рядом с упоминанием о детской зауми (с заумью лепет соотносил не только Мандельштам, но и Белый, писавший в «Жезле Аарона», что поэтов-авангардистов «привлекает теперь [...] самый процесс лепетания»)⁶². Инфантильный характер лепета-зауми в трактовке Мандельштама подчеркивал Ж.-К. Ланн, утверждая, что заумь «понимается как художественно стимулированная регрессия к инфантильной стадии речи»⁶³. Это хаос «бессмысленной языковой стихии»⁶⁴, из которой и рождается осмысленное слово-Логос. Именно «из *косноязычья*, — пишет сам поэт в заметке «К юбилею Ф. К. Сологуба, — рождается *самый прозрачный голос*»⁶⁵.

[Отметим, что соотношение невинности речи и ее прозрачности присутствует еще в одном тексте русской поэтической традиции — «Пятых стансах» О. Седаковой, строки которых отчасти перекликаются с этими словами Мандельштама:

Я только в скобках замечаю: свет —
достаточно таинственный предмет,

⁵⁹ Там же. С. 798.

⁶⁰ Мандельштам О. Буря и натиск // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем: в 3 т. Т. 2. С. 129.

⁶¹ Мандельштам О. «Vulgata» (Заметки и поэзии) // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем: в 3 т. Т. 2. С. 140.

⁶² Белый А. Жезл Аарона // Семиотика и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю. С. Степанов и др.; под общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 2006. С. 386. Ср. о сопоставлении с Мандельштамом: Ронен О. Заумь за пределами авангарда // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 84.

⁶³ Ланн Ж.-К. Мандельштам и футуризм. Вопрос о зауми в поэтической системе Мандельштама // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума. Tenaflü, 1994. С. 222.

⁶⁴ Там же. О зауми у Мандельштама ср. также: Ронен О. Заумь за пределами авангарда. С. 88.

⁶⁵ Мандельштам О. К юбилею Ф. К. Сологуба // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем: в 3 т. Т. 2. С. 148.

чтоб *говорить* Бог ведает о чем,
 чтоб *речь*, как пыль, пронзенная лучом,
крутилась мелко, путано, едва...
 Но значила — *прозрачность вещества*⁶⁶.

Как и у Мандельштама, слабость речи (мелкость, путаность, незаконченность) здесь напрямую соотнесена с ее прозрачностью. Согласно интерпретации Э. Кана, в этом тексте «Свет как антитезис темноты может означать понимание в противоположность тьме неразумения»⁶⁷; однако Седакова, исследуя соотношение путаности и ясности, рассматривает при этом и возможности поэта давать «определение метафизической сущности»⁶⁸, говорить о трансцендентных сущностях, о невыразимом и несказанном. — К. Л.]

Встает вопрос, можно ли предполагать, что в поэтике Мандельштама соотношение ясности и косноязычия, слова и лепета отражает взаимопроникновение «точного» и «неопределенного», сказанного и несказанного»⁶⁹ в метафизическом смысле. Как заметил Аверинцев, в том, что касается темы явлений, выходящих за рамки естественного земного опыта, Мандельштам идет апофатическим путем⁷⁰, протестуя против «инфляции священных слов»⁷¹ у символистов и осуждая «нескромность мистического чувства»⁷². «Они запечатали все слова, все образы, предназначив их исключительно для литургического употребления»⁷³; эту фразу можно интерпретировать и как призыв к целомудренному обращению со словом, которое нельзя прикреплять к произвольным метафизическим значениям, и как призыв к целомудренному обра-

⁶⁶ Седакова О. Пятые стансы. De arte poetica // Седакова О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1: Стихи. М., 2010. С. 306.

⁶⁷ Кан Э. Книга стихов Ольги Седаковой и религиозная лирика: читая «Пятые стансы» // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения / Сост. С. Сандлер, М. Криммель. М., 2017. С. 163.

⁶⁸ Там же. С. 162.

⁶⁹ Аверинцев С. С. «Мы — смысловики ...» // Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы / Сост. П. Нерлер, Д. Мамедова. М., 2011. С. 22.

⁷⁰ Термин «апофатическое» употреблен им здесь: Аверинцев С. С. Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления // Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы. / Сост. П. Нерлер, Д. Мамедова. М., 2011. С. 31.

⁷¹ Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы / Сост. П. Нерлер, Д. Мамедова. М., 2011. С. 64.

⁷² Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама. С. 66.

⁷³ Мандельштам О. О природе слова // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. С. 77.

щению с самими метафизическими явлениями. Однако, если последние нельзя описать словом, то основным ключом к разговору о них (и с ними) может стать детский лепет.

Здесь следует обратиться ко второму, положительному полюсу детства, которое в прозе и поэзии Мандельштама оказывается связано не только с мотивом унижения, но и с темами неба, света, космоса, смерти и вечности. В стихотворениях тридцатых годов, особенно в 1937, когда в творчестве Мандельштама возникает все больше стихотворений о небе и свете, образ ребенка и лексика с семантикой детства повторяются все чаще. Мотив детства в текстах этого периода подмечает Ю. И. Левин, пишущий о характерной для них «чистой радости восприятия»⁷⁴; «но, главное, — утверждает он, — появляется новое отношение к миру, почти не улавливаемое в прежних стихах, особое нравственно-эстетическое отношение, связанное (...) с ощущением контакта, причастности, “родства со всем, что есть”. (...) Квинтэссенция этого взгляда на мир — прелесть детской улыбки, и недаром “дитя” неоднократно появляется здесь»⁷⁵. Вот несколько примеров: в первом из «Восьмистиший» пространство определяется как «не знавшее *люльки дитя*»⁷⁶; в десятом встречается загадочная строфа⁷⁷: «И там, где сцепились *бирюльки*, / Ребенок молчанье хранит — / Большая вселенная в *люлке* / У маленькой вечности спит»⁷⁸. В переводе сонета СССХІ Петрарки на смерть мадонны Лауры «Как соловей, сиротствующий, славит ...» (ноябрь–декабрь 1933) Мандельштам вводит образ «слепой *люльки праха*»⁷⁹, в оригинале, что примечательно, отсутствующий⁸⁰. В стихотворении

⁷⁴ Левин Ю. И. [О. Мандельштам.] Тридцатые годы // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 136.

⁷⁵ Там же. С. 139.

⁷⁶ Мандельштам О. Люблю появление ткани ... // Полное собр. соч. и писем: в 3 т. Т. I. С. 184.

⁷⁷ О её интерпретациях ср.: Левин Ю. И. [О. Мандельштам.] Разбор шести стихотворений // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. С. 28–35; Гаспаров М. Л. «Восьмистишия» Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта: Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.) М., 2001. С. 47–54.

⁷⁸ Мандельштам О. В игольчатых чумных бокалах // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем: в 3 т. Т. I. С. 187.

⁷⁹ Мандельштам О. Как соловей, сиротствующий, славит ... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем: в 3 т. Т. I. С. 189.

⁸⁰ Ср.: *Petrarca F.* 311 // *Petrarca F. Il Canzoniere* / A cura di G. Contini. Torino, 1964 (http://www.intratext.com/ixt/ita1326/_p8n.htm).

«Рождение улыбки» (8 декабря 1936 — 17 января 1937) из второй «Воронежской тетради» улыбка *дитяти* описывается как рождение целого мира; она соединена с безграничным океаном и осенена почти литургическим торжеством, хвалой и славой⁸¹. В стихотворении «Небо вечера в стену влюбилось...» 9 марта 1937 г. лирический герой «как мальчик» стоит перед своим «небом ночным»⁸². Наконец, в «О, как же я хочу...» присутствует, уже в окончательной редакции, образ *дитяти*, которого поэт призывает «у звезды учи [ться] тому, что значит свет»⁸³ и шепотом препоручает заботам луча.

Образ ребенка в контексте смерти и вечности появляется уже в ранних стихотворениях Мандельштама⁸⁴; одно из них (1911 г.?), начинаясь со слов «Довольно лукавить: я знаю, / Что мне суждено умереть», оканчивается строфой: «Я в зыбке качаюсь дремотно / И мудро безмолвствую я — / Решается бесповоротно / Грядущая вечность моя!»⁸⁵. Это стихотворение перекликается с текстом 1932 г.: «О, как мы любим лицемерить...», где говорится, что «мы в детстве ближе к смерти, чем в наши зрелые года»⁸⁶. Эти тематические ассоциации могли возникнуть у Мандельштама под влиянием символистской трактовки детства. Комментаторы в издании под редакцией А. Г. Меца усматривают в стихотворении «О, как мы любим лицемерить...» параллель со статьей Вяч. Иванова «Древний ужас»⁸⁷. В этом же смысле, на наш взгляд, можно говорить и о влиянии на мандельштамовскую концепцию детства в целом и других символистских текстов — поэмы того же Иванова «Младенчество», «Котика Летаева» Андрея Белого, «Театра как сновидение» М. Волошина: по наблюдению Б. В. Аверина, детство воспринималось всеми этими авторами как «особая проблема, дающая возможность осмыслить метафизическую ос-

⁸¹ Мандельштам О. Рождение улыбки // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 208–209.

⁸² Мандельштам О. Небо вечера в стену влюбилось... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 233–234.

⁸³ Мандельштам О. О, как же я хочу... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 239.

⁸⁴ Ср.: Мандельштам Н. Вторая книга. С. 403–404.

⁸⁵ Мандельштам О. Довольно лукавить: я знаю... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 281.

⁸⁶ Мандельштам О. О, как мы любим лицемерить... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 172.

⁸⁷ Мец А. Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 608.

нову бытия»⁸⁸. В частности, в «Рождении улыбки» угадываются переключки с волошинским и беловским образами океана, символизирующего у них первобытное, детское, бессознательное начало в человеке⁸⁹, а также с образом моря, по которому душа человека странствует перед тем, как родиться на свет, в поэме Иванова⁹⁰. На эти ассоциации мандельштамовских представлений с символистскими в области детства указывает и Н. Я. Мандельштам в 3-й книге «Воспоминаний», комментируя «Рождение улыбки»: согласно вдове, под материком и океаном Мандельштам имеет в виду космос и пишет о «космическом знании» младенца⁹¹.

⁸⁸ Аверин Б. В. Палимпсест воспоминаний // Вяч. Иванов: Pro et contra. Антология. Т. 2: Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. СПб., 2016. С. 341.

⁸⁹ Ср. Волошин М. Откровения детских игр // Волошин М. Лики творчества / Изд. подгот. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. Л., 1988. С. 494; Белый А. Котик Летев // А. Белый. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 298.

⁹⁰ Иванов Вяч. Младенчество // Иванов Вяч. Собр. соч. [в 4 т.]. Т. 1 / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1971. С. 231:

И вышла из туманной лодки
На брег земного бытия
Изгнанница — душа моя.

и с. 240:

<p>Мечты ли сонные смешались С воспоминаньем первых дней? Отзвучья ль древние носились Над колыбелью моей? Почто я помню гладь морскую В мерцаньи бледном — и тоскую По ночи той и парусам Всю жизнь мою? — хоть (знаю сам)</p>	<p>Та мгла в лицо мне не дышала, Окна не открывал никто, Шепча: «вот море» ... и ничто Сей грезы чуждой не внушало. Лишь поздно очи обрели Такую ночь и корабли.</p>
---	--

Ср. интерпретацию Аверина: «Именно ребенку дано вспомнить никогда не виданное им море — “пра-море”, ибо вспоминает он нечто, лежащее за чертой эмпирического опыта. Предбытие связано в его восприятии с водой и волной». Аверин Б. В. Палимпсест воспоминаний // Вяч. Иванов: Pro et contra. Антология. Т. 2: Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. СПб., 2016. С. 341; Ср. также С. Д. Титаренко: «Символика моря, которое виделось герою во младенчестве, — это отражение высшего мира (...) Этот мотив символизирует не только тоску по безмерности и странствию земному, но и самостановление души, начинающей странствие из глубин бессознательного, ее очищение и возрождение». Титаренко С. Д. Поэма Вячеслава Иванова «Младенчество»: символический язык автобиографического мифа // Вяч. Иванов: Pro et contra. Антология. Т. 2: Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. СПб., 2016. С. 361.

⁹¹ Ср. в контексте полной цитаты из письма 1969 г. к Н. А. Струве: «О. М. очень любил детей и верил, что младенец «что-то знает» (в то время очень распространенная мысль, не только у Белого). <... > Последних строф много вариан-

Однако образ ребенка в текстах Мандельштама, в отличие от Вяч. Иванова или Волошина, как было показано выше, амбивалентен: детство может ассоциироваться как с целым космосом, так и с унижением в глазах сильных мира сего. Кроме того, в отличие от символистов, Мандельштам не рефлексировал над процессами воплощения всезнающей души в младенческом облике, но в своей поэтической практике тридцатых годов раскрывает метафизические и космические темы непосредственно через призму детского восприятия. Так, лирический герой стихотворения о Тайной вечере стоит перед ночным небом, «как мальчик»⁹², у которого «холодеет спина»⁹³, а свою возлюбленную в «лучевом стихотворении» поэт наставляет («у звезды учись») и «вручает» лучу, как беспомощного ребенка. В других стихах того же периода разговор о небе неизменно связан с детской простотой и непосредственностью (образы игры и озорства⁹⁴, слова с уменьшительными суффиксами — «паучок»⁹⁵, детский синтаксис: «только их не спугнуть, не изранить бы...»⁹⁶, детская фонетика)⁹⁷. Небесная тема оказывается вписана в круг детского самоощущения и местами переведена на язык детской речи.

Истоки связи темы неба с мотивом детства в европейской литературной традиции можно обнаружить в 18 главе Евангелия от Матфея: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 24; ср. Мк. 9, 33–37; Лк. 17, 1–2); в следующей главе утверждается, что царство небесное принадлежит детям: «Но Иисус сказал: пусть дети и не препятствуют им приходить ко Мне, ибо таковых

тов, и все о космическом знании «младенца». Кроме того, младенец воспринимает мир лежа и все как бы обступает его своей громадностью. (Это уж от Белого). Для него космос — детская комната. Космос для О. М. — материк и океан. Ведь у него детское конкретное мышление» (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Кн. 3. М.; Берлин, 2019. С. 292).

⁹² Мандельштам О. Небо вечера в стену влюбилось... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 234.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Ср. Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 232; 238.

⁹⁵ Там же. С. 235.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Особенно в разбираемом нами «лучевом» стихотворении. Ср. об инфантильности фонетики этого стихотворения Панова Л. Г. «Итальянсья, русея». Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. С. 434.

есть Царство Небесное» (Мф. 19, 13; ср. Мк. 10 : 14; Лк. 18 : 16). Смирение и малость дитяти оказываются в евангельской перспективе условием обретения блаженства.

Но в Новом, а также и в Ветхом Завете ребенок — не только единственный, кто достоин войти в царство, но и тот, кто может познать его и *говорить* о нем: так, в Евангелии от Матфея мы читаем: «славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11, 25), а в Псалтири: «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу» (Пс. 8, 3); в 21 главе Евангелия этот стих Псалтири повторяется в комментарии Иисуса к поведению детей, славящих его в храме к неудовольствию первосвященников (Мф. 21, 16). По мнению комментатора «Божественной Комедии» А. М. Кьяваччи Леонарди, этот же стих вдохновил, в свою очередь, 107 стих последней песни дантовского «Рая»⁹⁸, общие влияния поэтики которого М. Глазова и Л. Панова усматривают в «лучевых» стихотворениях Мандельштама⁹⁹. Как мы уже отмечали в другой работе¹⁰⁰, именно с *лепетом младенца*, омывающего язык в молоке матери, сравнивается в этой песни языковая способность Данте, который не в силах воспроизвести в стихах увиденную им на небесах тайну пресвятой Троицы:

Omai sarà più corta *mia favella*,
pur a quel ch'io ricordo, che *d'un fante*
che bagni ancor la lingua a la mammella¹⁰¹.
Теперь моя *речь* даже о том, что я помню,
будет короче, чем у *дитяти*,
Которое еще мочит [в молоке] язык у материнской груди¹⁰².

⁹⁸ Chiavacci Leonardi A. M. [Commento al] Paradiso XXXIII, 106–108 // Alighieri D. La Divina Commedia / A cura di A. M. Chiavacci Leonardi. Milano, 1991–1997 (URL: <https://dante.dartmouth.edu>).

⁹⁹ Ср.: Глазова М. Мандельштам и Данте: «Божественная комедия» в поэзии Мандельштама тридцатых годов // Глазова Е., Глазова М. «Подсказано Дантом». О поэтике и поэзии Мандельштама. Киев, 2012. С. 494–500; Панова Л. Г. «Итальянсья, русея». Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. С. 420–441.

¹⁰⁰ Ланда К. С. Мотив детства в «Разговоре о Данте» Осипа Мандельштама. С. 300.

¹⁰¹ Ср.: Alighieri D. Paradiso XXXIII, 106–108 // Alighieri D. La Commedia secondo l'antica vulgata / A cura di G. Petrocchi: 4 vol. Firenze, 1994 (URL: <https://www.danteonline.it>).

¹⁰² Дословный перевод на русский язык здесь и далее наш. — К. Л. Отметим в скобках, что в последующих стихах той же песни Данте — поэт-персонаж, не спо-

Здесь младенческий лепет функционирует в рамках дантовской топики невыразимости¹⁰³. Интересно, что на возможность подобной же трактовки лепета в «Восьмистишиях» Мандельштама указал Г. Померанц, видевший в образе геометра Бога, а в лепете — попытку поэта описать Его¹⁰⁴. Померанц ссылается здесь не на Данте и не на Священное Писание, а на одного из отцов Церкви, утверждавшего, что «О Боге мы можем только лепетать»¹⁰⁵. Отметим, что на самом деле, «лепет» о Боге в рамках топики невыразимости можно встретить и у более современных христианских мистиков, почти современных Мандельштаму: так, небезызвестная авторам Серебряного века св. Тереза из Лизье¹⁰⁶, в центре учения которой — призыв к детскому смирению и малости — употребляет детский глагол в своей духовной автобиографии, рассказывая о доверенных ей Господом тайнах: «(...) я все-таки попытаюсь *пролепетать* несколько слов, хотя и чувствую, что человеческим языком нельзя передать то, что и сердцем-то едва можно постигнуть ...»¹⁰⁷.

Трактовка «лепета» в «Восьмистишиях» у Померанца совпадает с аверинцевской концепцией апофатической поэтики:

собный постичь тайну божественной Троицы, сравнивается с *геометром*, не способным измерить квадратуру круга («*Qual è l'geometra che tutto s'affige / per misurar lo cerchio, e non ritrova, / pensando, quel principio ond'elli indige, / tal era io a questa vista nova*» — Точно *геометр*, который напрягает все внимание, / чтобы измерить круг, и не обнаруживает, / сколько бы он ни думал, тот принцип, который ему требуется — / *таким был я* перед этим новым видением. — *Alighieri D. Paradiso XXXIII, 133–136*; Там же). Вероятно, этот стих следует рассматривать как еще один из потенциальных интертекстов образа геометра в «Восьмистишиях».

¹⁰³ Подробнее о топике невыразимости в поэме Данте см. *Ledda G. La guerra della lingua. Ineffabilità, retorica e narrativa nella Commedia di Dante*. Ravenna, 2002.

¹⁰⁴ Померанц Г. С. Слово-Психея // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 391.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Ср.: Гиппиус З. Н. Любимая // За Свободу! Варшава. 1929. 26 мая. № 2768. С. 2; позднее о ней писал Д. Мережковский: *Мережковский Д. Испанские мистики: Св. Тереза Авильская. Св. Иоанн Креста. Маленькая Тереза*. Брюссель, 1988.

¹⁰⁷ Св. Тереза Младенца Иисуса. История одной души: http://yakov.works/library/13_ar/tin_012.html. Ср. в оригинале: «*cependant je vais essayer de balbutier quelques mots, bien que je sente qu'il est impossible à la parole humaine de redire des choses que le coeur humain peut à peine pressentir*» (досл.: тем не менее, я попытаюсь *пролепетать* несколько слов, хотя и чувствую, что человеческому слову невозможно пересказать вещи, которые и человеческое сердце едва может ощутить): <https://www.carmeldelisieux.fr/images/stories/Fichiers/Manuscrits-autobiographiques.pdf>.

«Высшее открывается у Мандельштама всегда так: бессвязным лепетом, нечаянно вырвавшимся словом, забытым словом»¹⁰⁸. Лепет как язык инфантильный, неосмысленный и несвязный не претендует на литургическую торжественность, которой требовали символисты, в нем нет «запечатанных слов»¹⁰⁹ и именно поэтому больше поэтической свободы. Ребенок может простодушно радоваться мирозданию в его целостности, подобно тому как царь Давид плясал перед ковчегом Завета¹¹⁰ (с царем Давидом, пляшущим перед ковчегом, Мандельштам, Ахматову и себя сравнивает вдова поэта в очерке «Об Ахматовой», цитируя «Поэму без героя»)¹¹¹. Важно, что для ребенка, в отличие от взрослого, не существует табу ни на общение с небом, ни на рассказ об этом общении: и то, и другое совершается от простоты сердца и воспринимается как игра¹¹².

Общение с вечностью связано с идеями детской игры и веселья уже в ранних текстах Мандельштама: в докладе о Скрябине (1916–1917) искусство описано как «радостное богообщение, как бы игр[а] Отца с детьми, жмурки и прятки духа [...] Вся наша двухтысячелетняя культура благодаря чудесной милости христианства есть *отпущение мира на свободу*»¹¹³ — для игры, для духовного веселья, для свободного «подражания Христу»¹¹⁴. За год же до этого

¹⁰⁸ Померанц Г. С. Слово-Психея. С. 391.

¹⁰⁹ Мандельштам О. О природе слова. С. 77.

¹¹⁰ 2 Цар. 6, 20.

¹¹¹ Мандельштам Н. Об Ахматовой // Мандельштам Н. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. А. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. А. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014. С. 628.

¹¹² Ср. также у св. Терезы из Лизье о дерзновении детского лепета, когда она доверяет свой мистический опыт настоятельнице: «Сердце матери всегда поймет свое дитя, даже если оно может лишь *лепетать*, поэтому я уверена, что буду понята и предугадана вами, ибо вы воспитали мое сердце и отдали его Господу» Св. Тереза Младенца Иисуса. История одной души: http://yakov.works/library/13_m/ar/tin_012.html (в оригинале: «Un coeur de mère comprend toujours son enfant, alors même qu'il ne sait que *bégayer*, aussi je suis sûre d'être comprise et devinée par vous qui avez formé mon coeur et l'avez offert à Jésus!» : <https://www.carmeldelisieux.fr/images/stories/Fichiers/Manuscrits-autobiographiques.pdf>).

¹¹³ Курсив автора. — К. А.

¹¹⁴ Мандельштам О. Скрябин и христианство // Мандельштам О. Полное собр. соч. : в 3 т. Т. 2. С. 37. Ср. наблюдение Л. Г. Кихней и Е. В. Меркель: «Постулат мистериального (и одновременно — сакрально-игрового) подражания чрезвычайно важен для понимания философских истоков художествен-

в стихотворении «Вот дароносица, как солнце золотое...» (1915) Мандельштам также изображает момент соприкосновения с вечностью в момент богослужения через образы веселья и игры, которая не обязательно может быть понята только как музыкальная¹¹⁵. Если и ранний, и поздний Мандельштам избегает «инфляции священных слов», то образы игры и ребячества помогают ему затронуть тему неба и вечности, не прибегая к традиционным построениям символистов, а детский лепет в итоге может восприниматься не только как промежуточная стадия создания стихов, но и как способ говорить о невыразимых вещах, в частности, о свете земном и небесном¹¹⁶.

Однако, если, следуя Померанцу, признать, что лепет в «Восьмистишиях» относится к мандельштамовской топике невыразимости, то нельзя сводить к тому же лепет в редакции А «лучевого» стихотворения. Несмотря на то, что язык этого стихотворения сам по себе инфантилен, здесь у образа лепета есть еще одна важная функция: само бытие луча и света определяется шепотом и лепетом: «Он *только тем* и луч, / он *только тем* и свет, / что шепотом *могуч* / и лепетом *согрет*». Связь луча и света с шепотом и лепетом заставляет вспомнить о «слове — свете»¹¹⁷ у символистов; но у них, в частности, в статье Иванова «Две стихии в современном символизме», слово — свет — это луч, символ, соединяющий трансцендентную сферу со человеческим сознанием¹¹⁸. Однако в тексте Мандельштама, отрицающего символистское двоемирие,

ных принципов Мандельштама начиная с “Tristia”» (Кихней Л., Меркель Е. К диалогу поэзии и философии: религиозно-философский контекст формирования акмеистической концепции «слова-Логоса» // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica [Łódź]. 2012. № 5. S. 77).

¹¹⁵ Мандельштам О. Вот дароносица, как солнце золотое... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 81.

¹¹⁶ О связи между игрой, богообщением и поэзией писал (в несколько ином контексте, рассуждая о нефункциональном восприятии слов) Б. Эйхенбаум: «отношение детей к слову особенно обнаруживается в игре и молитве. Не из этих ли элементов создается потом поэтический язык?» Эйхенбаум Б. О художественном слове // Эйхенбаум Б. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 334. Ср. об этом упоминание у Ронена: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. С. 93.

¹¹⁷ Ср. Иванов Вяч. Уста зари // Иванов Вяч. Собрание сочинений [в 4 т.]. Т. 3 / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1979. С. 37.

¹¹⁸ Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. Собрание сочинений [в 4 т.]. Т. 2 / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1974. С. 536–561.

мироздание строится иначе: если у Иванова слово наделено невербальной функцией соединения божественного и земного измерений, то в логике «лучевого стихотворения» сами лепет и шепот являются онтологическими принципами света, что вполне соответствует идее о первоначальном бытии Слова в статье «О природе слова»¹¹⁹; напомним в этой связи также строку из «Восьмистиший»: «Быть может, прежде губ уже родился шепот»¹²⁰. Именно шепот наделяет луч силой, а лепет образует его свето-тепловую природу, придавая ему форму в аристотелевских терминах.

Согласно наблюдению Л. Г. Кихней и Е. В. Меркель, «по Мандельштаму, не только слово в произведении обретает свою подлинную суть, но и само бытие [...] ведь если весь тварный мир создан Словом-Логосом, через Него и в Нем, тогда и наше земное слово должно закономерно прорываться в сферу онтологии, обретая самостоятельный бытийственный статус. [...] не слово зависит от вещи, которую оно обозначает, а скорее наоборот: вещь зависит от слова»¹²¹. Это объясняет и то, как «опыт» — в том числе и восприятие метафизических явлений — можно «лепить» из «лепета» поэтической речи; и то, как шепотом и лепетом может созидаться свет. Таким образом, в «О, как же я хочу...» возникает парадокс, и мы можем смотреть на лепет в двойной перспективе: с одной стороны, о свете позволено только неясно шептать и по-детски лепетать, но с другой — именно благодаря этому лепету в логике текста сам свет обретает полноту своего бытия и, соответственно, становится доступен героине-адресату «лучевого» стихотворения: фактически, лепет поэта и приводит ее в «царствие небесное».

¹¹⁹ Мандельштам О. О природе слова. С. 77.

¹²⁰ Мандельштам О. И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей игре... // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 186.

¹²¹ Кихней Л., Меркель Е. К диалогу поэзии и философии: религиозно-философский контекст формирования акмеистической концепции «слова-Логоса». С. 66–70.

Зеев Бар-Селла¹

СЫН ЗА ОТЦА²

I.

Жди меня

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь.
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,

¹ Зеев Бар-Селла — лингвист, литературовед, публицист и журналист. Израиль, Иерусалим.

² Приношу свою благодарность Л. Л. Ликальтеру, указавшему на ряд недоработок в первом варианте статьи и настоявшему на их устранении.

Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди, и с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям на зло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Так выглядела первая публикация стихотворения К. М. Симонова³. Последующие десятилетия внесли в текст лишь некоторые пунктуационные и одно орфографическое («назло» вместо: «на зло») новшества. Рукописные источники текста не сохранились⁴.

История написания стихотворения известна нам лишь по изложению самого Симонова.

27 июля 1941 года, после недельного пребывания на Западном фронте, военный корреспондент Симонов вернулся в Москву и, проживая на даче Льва Кассиля в Переделкино, за пять дней написал несколько стихотворений («Жди меня», «Майор привез мальчишку на лафете» и «Не сердитесь, к лучшему»).

³ Правда. 1942. № 14. 14.января. С. 3.

⁴ Автограф, снабженный датой и указанием на место написания («13.X.1941. Мурманск»), был изготовлен задним числом для факсимильного сборника стихотворений Симонова ([Б.л.] Фронтовые письма Константина Симонова родителям будут изданы отдельной книгой [https://tvkultura.ru/article/show/article_id/141464]). Оправданием данной текстологической мистификации послужил рассказ Симонова о списке стихотворения, подаренном им фото-корреспонденту Георгию Зельма (Зельмановичу, 1906–1984) (Симонов К. М. Разные дни войны: Дневник писателя. Т. 1. 1941 год. М., 1977. С. 456). Имеется и ещё один список (РГАЛИ. Ф. 2579. Оп. 1. Ед. хр. 2093. Л. 1.), датированный 5 июня 1942 г. (т. е. через полгода после публикации).

«Первым слушателем “Жди меня” был (...) Кассиль. Он сказал мне, что стихотворение, в общем, хорошее, хотя немного похоже на заклинание»⁵.

И. В. Кукулин подробно рассмотрел вопрос о том, является ли стихотворение заклинанием и выяснил, что оценка Кассиля едва ли справедлива⁶...

А М. О. Чудакову заинтересовали причины, по которым редакции различных изданий полгода отказывались печатать симоновское стихотворение. Объяснение простое: казенная советская эстетика была враждебна лирике.

Зато само стихотворение Чудакова никак не комментирует, полагая его, очевидно, ясным и прозрачным, — что едва ли верно.

Например, никто не оспаривает того, что «Жди меня» принадлежит к жанру военной лирики. Однако в самом стихотворении нет и слова такого — «война», равно как нет ни пуль, ни снарядов, ни атак, ни окопов, ни призывов к защите Родины... Упомянуты мать, сын, возлюбленная и то, что герой стихотворения от них оторван... Это понятно: место женщин и детей в тылу. Но рядом с ними собрались и друзья героя... Неужели он воюет в одиночку?

Да и внутренняя хронология стиха вызывает вопросы: на дворе июль — война длится всего месяц, а друзья уже устали от ожидания...

Война ещё не вышла за летние пределы, а поэту уже ясно, что военная страда охватит все времена года:

Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара...

⁵ Симонов К. М. Указ. соч. С. 243. Впрочем, это не единственная версия — в 1969 году, отвечая на письмо читателя, Симонов рисовал иную картину: «У стихотворения “Жди меня” нет никакой особой истории. Просто я уехал на войну, а женщина, которую я любил, была на Урале, в тылу. И я написал ей письмо в стихах. Потом это письмо было напечатано в газете и стало стихотворением» (Симонов К. Стихотворения и поэмы. Л., 1982. С. 572).

⁶ Кукулин И. Легализованное заклинание в интерьере советского бидермайера: о возможных жанровых, стилистических и социокультурных истоках стихотворения К. Симонова «Жди меня» (URL: <https://urokiistorii.ru/article/52199>).

Видимо, вопрос этот задавали и Симонову, раз он, спустя много лет, всё еще считал нужным объясниться:

«(...) вообще война, когда писались эти стихи, уже предчувствовалась долгой. “... Жди, когда снега метут...” в тот жаркий июльский день было написано не для рифмы. Рифма, наверно, нашлась бы и другая...»⁷.

Утверждение, что уже в июле 1941-го сложилось мнение о нескором конце войны, можно оспорить: современники как раз ожидали быстрого краха одной из сторон — Германии или СССР.

И ещё одно обстоятельство: по словам Симонова, одновременно со стихотворением «Жди меня» были написаны и такие стихи:

Не сердитесь — к лучшему,
Что, себя не мучая,
Вам пишу от случая
До другого случая.
(...)
Коль вернусь — так суженых
Некогда отчитывать,
А убьют — так хуже нет
Письма перечитывать.

Чтобы вам не бедствовать,
Не возить их тачкою,
Будут путешествовать
С вами тонкой пачкою.

А замужней станете,
Обо мне заплачете —
Их легко достанете
И легко припрячете.

От него, ревнивого,
Затворившись в комнате,
Вы меня, ленивого,
Добрým словом вспомните.

⁷ Симонов К. М. Указ. соч. С. 241–242.

Скажите, что к лучшему,
Память вам не мучая,
Он писал от случая
До другого случая.

Тональность этих стихов совершенно иная: мужественное нежелание обременять память любимой женщины тоской по убитому возлюбленному.

Нелегко поверить, что два стихотворения, прямо противоположные посмыслу, писались одновременно ...

И ещё одно замечание. В предпоследней строфе сказано:

Не понять, не ждавшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

«Среди огня» — понятный синоним огненной стихии боевых действий!

Оно, конечно, так, но данное стихотворение — не поэма, и повторов в нём (кроме рефрена «Жди меня»), как будто, быть не должно, а «огонь», причём в совершенно ином значении, присутствует в стихе на две строфы раньше, причём с той же рифмовкой:

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня...

Мало того, предпоследняя строфа практически пересказывает последнюю:

Не понять, не ждавшим, им ...
~
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой ...

Ожиданием своим
Ты спасла меня.

~

Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

И этот беглый неряшливый пересказ лишает финал всякого эффекта неожиданности.

При таких обстоятельствах, что можно сказать о 8-й строфе? По всей видимости, только одно — она *вставная*. Причем изготовленная из уже имевшихся блоков: содержание — из заключительной строфы; рифма (меня / огня) — из 5-й, к тому же с изменением смысла: из символа мирной жизни «огонь» (домашний очаг) превращен в обозначение военной страды («среди огня»). Строфа 6-я предоставила и характеристику тех, кто противостоит любящим: «Кто не ждал меня, тот ...» ~ «не ждавшим им» ...

И последнее. Читатели «Правды» могли не понять смысла строк: «я выжил» потому, что «ты умела ждать». И для них эта сложная мысль была изложена простыми словами: «ожиданием своим ты спасла меня» (типа: «твоими молитвами»).

Скорее всего, появлением предпоследней строфы стихотворение обязано редактору, обратившему внимание на полное отсутствие в нём каких-либо примет фронтовой жизни.

Но если не война, что тогда могло служить реальным основанием стихов о вынужденной разлуке любящих, разлуке, при которой самые близкие друзья, мать и сын не верят в то, что автор стиха остался в живых?

Ответ на этот вопрос способны дать советские 30-е годы — террор.

Жди, когда из дальних мест
Писем не придет ...

Как известно, места могут быть и «не столь отдаленные» ...

А среди мер наказания числилась такая: «без права переписки».

Симонова ни разу не арестовывали, не допрашивали, даже со службы не выгоняли. Но слепотой и глухотой Господь его тоже не одарил...

Мать Симонова, Александра Леонидовна, в девичестве Оболенская, была княжной. И в 1935 году три её родные сестры за дворянское происхождение были сосланы в Оренбургскую область,

где в 1937-м одну из них — Софью — расстреляли, а другая — Дарья — в 1940 году умерла своей смертью. Третья сестра — Людмила — провела в ссылке 8 лет. А ещё раньше, в 1930 году, в Саратове, арестовали отчима, А. Т. Иванишева, бывшего полковника русской армии, а затем командира РККА... Вот только нравы в ту пору ещё не всюду ожесточились, и через 4 месяца отчима освободили за отсутствием улик. Семья переехала в Москву, но уже в Саратове Константин сообразил, что к чему, и срочно поступил в ФЗУ. Затем работал токарем по металлу и смог выправить опасную графу в анкете: теперь по социальному происхождению он стал рабочим. Без отрыва от работы токарем поступил на вечернее отделение Литературного института... Ну, а дальше всё пошло, как по маслу...

Так что причин скорбеть по поводу трагического варианта собственной судьбы больше, вроде, не было...

Неужели же «Жди меня» не имело никакой реальной опоры в жизни Константина Симонова?

...Кроме матери-княжны у Симонова был ещё и отец. О нём Симонов в анкетах писал кратко: пропал без вести на фронте в 1916 году, то есть ещё до революции. А звали его Михаил Агафангелович, по виду — типичный крестьянин... Вот только был он не крестьянин, а опять же дворянин. И генерал-майор. Действительно, пропал без вести — попал к немцам в плен. Но случилось это не в 1916 году, а в феврале 1918-го.

При жизни Симонова эти подробности никем не оглашались. Равно, как и то, что по окончании Первой мировой, 22 февраля 1919 года, Симонов-отец возглавил ревизионную комиссию Русского комитета в Варшаве. И в этом комитете генерал Симонов занимался мобилизацией и отправкой русских эмигрантов в белую армию. Осенью генерал-майор переехал «на службу в Брест», где находился сборный пункт добровольцев. Но в июле 1920 года стремительное наступление красных заставило его эвакуироваться в лагерь Вадовице. В августе М. А. Симонов был назначен начальником мобилизационного отдела Российского эвакуационного комитета, направлявшего добровольцев в армию Врангеля, но недолгий военный союз Врангеля и Пилсудского распался, и 10 августа генерал своего поста лишился. Стал преподавать математику и физику в гимназии при Русском комитете, а в 1922 году, когда в СССР ненадолго разрешили репатриацию поляков, отослал жене письмо с приглашением переехать

вместе с сыном в Польшу. Жена, жившая в Рязани, отказалась... И вышла замуж.

Последний документальный след генерала Симонова — это его подпись под обращением эмигрантского Объединенного совета Дона, Кубани и Терека о трагическом положении казачества в СССР. Обращение было направлено в Лигу Наций 9 сентября 1931 года⁸.

А теперь обратим внимание на источник, который мы проигнорировали, — автограф, снабженный датой: «13.X.1941. Мурманск». Как уже было сказано (см. прим. 2), автограф этот был изготoвлен задним числом и оригиналом стихотворения не является. Это не более чем список, но список, принадлежащий перу *автора*. И в этом списке — на месте всем известных строк:

Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера...

стоит:

Жди, когда других не ждут,
Изменив вчера⁹.

... Симонов, видимо, долго верил в то, что отец его пропал без вести, но в 1930-е годы (неизвестно как) до него дошли сведения, что отец жив. И для юноши это стало потрясением: мать, поверившая в смерть мужа и убедившая в этом сына, тем самым их предала — и мужа, и сына!

А такого быть не должно — избранница должна хранить веру и ждать, даже если все вокруг эту веру утратили. Это и есть истинный сюжет стихотворения «Жди меня».

И редакторы отказывались печатать эти стихи вовсе не потому, что казенная советская литература не терпела лирики. Отказ диктовался тем, что редакторы быстро соображали: в стихах речь идет о жертвах террора!

⁸ Симонова Т. Неудобный отец: Почему писатель Константин Симонов «стеснялся» своего отца — героя Первой мировой войны? // Родина. 2018. № 11. С. 102–105 (<https://rg.ru/2018/11/06/rodina-simonov-stesnialsia-svoego-otca-geroia-pervoj-mirovoj-voyny.html>).

⁹ Коржов Д. Мурманский отзыв «Жди меня» // Мурманский вестник. 2005. № 225. 29 нояб. (<https://b-port.com/mass-media/mv/900/17232>).

Но началась война, прошло лето, затем осень, настала зима...
И стихи обрели совершенно новый жанровый смысл — военная лирика. Это и определило их судьбу. Навсегда.

II.

И, в заключение, — попытка реконструкции первоначального облика стихотворения:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Изменив вчера.

Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь.
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди, и с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям на зло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Итого, 8 строф, разбитых на 4 части, и начало заключительной части повторяет первую строку стихотворения:

Жди меня и вернись... «я» не пропущено?

Лилия Брусиловская¹

ВДОВА ПОЭТА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ (Б. Ахмадулина, И. Бродский, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Мессерер)

«Надя самая счастливая из вдов» — говорила Анна Ахматова о своей многолетней подруге Надежде Яковлевне Мандельштам².

В самом деле, вдова Осипа Мандельштама не только избежала ареста, дождалась всеобщего признания творчества своего мужа, пусть и в несколько ограниченном варианте, успела написать и опубликовать мемуары, но и сумела стать авторитетом для значительного количества людей послевоенного поколения. В её квартире всегда находились её молодые почитатели обоего пола, которые пытались облегчить ей нехитрый быт, и, вероятно, ощущали себя таким образом причастными к трагическим страницам истории отечественной литературы.

Среди гостей этой квартиры были и вполне известные, авторитетные для своих поколений люди, впоследствии оставившие воспоминания об этой удивительной женщине. У представителей «литературы оттепели» было особое отношение к Надежде Яковлевне как вдове великого поэта, который являлся для них своего

¹ Лилия Борисовна Брусиловская — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Учебно-научной лаборатории мандельштамоведения Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета.

² Сергеева Л. Об Анне Андреевне Ахматовой. Воспоминания с комментариями // Знамя, № 7, 2015: <https://magazines.gorky.media/znamia/2015/7/ob-anne-andreevne-ahmatovoj.html>

рода нравственной антитезой целой сталинской эпохе, отрицанием её идейно-эстетических принципов и символом свободы.

Одним из самых частых гостей Н. Я. Мандельштам стала Белла Ахмадулина. Известно, что в силу понятных причин вдова была недоверчива, строга и достаточно осторожна, поэтому войти в круг её общения удавалось не всем. Б. Ахмадулину и её мужа, художника Бориса Мессерера, познакомил с Надеждой Мандельштам литератор Илья Дадашидзе. По словам Б. Мессерера, когда Надежда Яковлевна услышала от Ахмадулиной стихи о Мандельштаме, где были строки «... поэт, снабженный кляпом в рот, и лакомка, лишенный хлеба...», она прониклась к Белле особенной любовью: Надежда Яковлевна гладила Беллу по голове, охотно позировала для фото вместе»³.

«Белле Надежда Яковлевна напоминала струйку дыма — вспоминал художник. — Перед глазами стоит зрелище, когда ее тончайшие длинные пальцы ведут бесконечную игру с сигаретой, которая служит продолжением руки и становится ее неотъемлемой частью»⁴.

В 1972 году Ахмадулина пишет стихотворение «Медлительность», посвященное Н. Я. Мандельштам, где есть следующие строки:

Замечаю, что жизнь не прочна и прервется.
Но как не заметить,
что не надо, пора не пришла
торопиться, есть время помедлить...

Отбыла, отспешила. К душе
льнет прилив незатейливых истин.
Способ совести избран уже
и теперь от меня не зависит.
Сам придет этот миг или год:
смысл нечаянный, нега, вершинность...
Только старости недостает.
Остальное уже совершилось⁵.

³ Мессерер Б. Промельк Беллы: романтическая хроника. М., 2016. С. 631, 633.

⁴ Там же. С. 631.

⁵ Ахмадулина Б. Медлительность // Ахмадулина Б. «Друзей моих прекрасные черты... М., 2010. С. 286–287.

По мнению Ахмадуиной, Надежда Яковлевна полностью выполнила своё предназначение: сохранила тексты своего великого мужа, опубликовала их, и написала книгу собственных воспоминаний, которые стали объектом ожесточенных споров в среде отечественной интеллигенции. Б. Мессерер и Б. Ахмадуина были единодушны в этом вопросе — они полагали, что вдова Мандельштама имела полное право на свои оценки советской эпохи и живущих тогда людей, и эти оценки не казались им чрезмерными: «В моем сознании никогда не было неприятного ощущения от книг Надежды Яковлевны. Я воспринимал ее резкости не как злобу, а как горечь из-за поправленного чувства правды, а та страсть, с которой Надежда Яковлевна это высказывала, была знаком ее тонкости и чуткости ко лжи... Помню, как изумительная Фаина Раневская в присутствии Беллы сказала, что это “злая книга”, и как Белла стала защищать Надежду Яковлевну настолько яростно, так что даже Фаина Георгиевна смутилась и отступила»⁶.

Теперь, когда всё «уже совершилось», она могла просто жить, окружив себя симпатичными ей людьми. В письме к своему другу, писателю Василию Аксенову, подробно описывая похороны Надежды Яковлевны, Ахмадуина отмечает: «Н. Я. не была одинока, ведь я — налетала и улетаала. Знаю, что Н. Я. любила эти налеты, очень дорожила им... Я налетала с обожанием, с умом, с цветами, с пустяками. А кто-то — был всегда. По очереди. Денно и ночью. То есть я знаю, кто и каковы, их много»⁷.

Надежда Яковлевна, в свою очередь, не только по-человечески симпатизировала Ахмадуиной, но также высоко ценила её творчество, видя в нём продолжение поэтических традиций О. Э. Мандельштама. Об этом свидетельствует шуточный диалог, описанный Ахмадуиной в еще одном письме тому же Аксенову: «Писала про Н. Я. Мандельштам, как она мне сказала: “На том свете пушу тебя к Осе”. Я: “А я — не пойду”. — “?” — “Н. Я., вы же не предполагаете, что я на том свете буду развязней, чем на этом”»⁸.

Образ вдовы поэта, воссозданный в воспоминаниях Б. Ахмадуиной и Б. Мессерера, корреспондируется с воспоминаниями ещё одного гостя Н. Я. Мандельштам, знаменитого уже тогда и поэта, и че-

⁶ Мессерер Б. Промельк Беллы: романтическая хроника. С. 633.

⁷ Там же. С. 651.

⁸ Василий Аксенов — одинокий бегун на длинные дистанции / Сост., предисл. В. Есипова. М., 2012. С. 472.

ловека — Иосифа Бродского, хоть хотя его впечатления и относятся к более раннему периоду жизни вдовы поэта: «В последний раз я видел ее 30 мая 1972 года в кухне московской квартиры. Было под вечер; она сидела и курила в глубокой тени, отбрасываемой на стену буфетом. Тень была так глубока, что можно было различить в ней только тление сигареты и два светящихся глаза. Остальное — крошечное усохшее тело под шалью, руки, овал пепельного лица, седые пепельные волосы — все было поглощено тьмой. Она выглядела, как остаток большого огня, как тлеющий уголек, который обожжет, если дотронешься»⁹. Весь облик Надежды Яковлевны соответствовал тому скромному и даже аскетичному образу жизни, который она вела. Годы вынужденных скитаний наложили отпечаток на её привычки, стали её второй натурой.

Об этом размышляет Бродский в некрологе Н. Я. Мандельштам: «Она была небольшого роста, худая, с годами она усыхла и съеживалась больше и больше, словно в попытке превратить себя в нечто невесомое, что можно быстренько сложить и сунуть в карман в случае бегства. Также не имела она совершенно никакого имущества: ни мебели, ни произведений искусства, ни библиотеки... В годы ее наивысшего благополучия, в конце шестидесятых — начале семидесятых, в ее однокомнатной квартире на окраине Москвы самым дорогостоящим предметом были часы с кукушкой на кухонной стене. Вора бы здесь постигло разочарование, как, впрочем, и тех, кто мог явиться с ордером на обыск»¹⁰.

Тем более кажется удивительным и даже трогательным случай с покупкой кольца, описанный Б. Мессерером и придающий Н. Я. Мандельштам какие-то новые черты человеческой слабости и женственности: «В один из наших с Беллой приездов Надежда Яковлевна была чрезвычайно возбуждена и, к нашему изумлению, буквально потребовала от нас, зная, что я на машине, ехать в магазин художественного фонда на Якиманке, покупать “зеленый камешек”... Мы искали отдел ювелирии и метались причудливой вереницей по магазину... Но толковая продавщица быстро поняла, о чем идет речь, и стала подбирать колечко нужного размера, что было трудно, потому что пальцы Надежды Яковлевны были невероятно тонкими и бесплотными... Но наконец кольцо бы-

⁹ Бродский И. Надежда Мандельштам (1899–1980) Некролог // <https://brodskiy.su/proza/nadezhda-mandelshtam-1899-1980-nekrolog>.

¹⁰ Там же.

ло найдено и куплено. Надежда Яковлевна осталась чрезвычайно довольна»¹¹.

Бродский, как и Мессерер и Ахмадулина, говорит о книгах Н. Я. Мандельштам исключительно в превосходной степени: «Ее воспоминания суть нечто большее, чем свидетельство о ее эпохе: это взгляд на историю в свете совести и культуры. История в этом свете съезживается, а индивидуализм осознает свой выбор — между поисками источника света или совершением антропологического преступления против самого себя... Эти два тома Н. Я. Мандельштам действительно могут быть приравнены к Судному дню на земле для ее века и для литературы ее века, тем более ужасного, что именно этот век провозгласил строительство на земле рая»¹².

И, наконец, не могут быть забыты те молодые люди, составлявшие окружение Н. Я. Мандельштам в последние годы её жизни, бывшие с ней «денно и ночью» и без которых её образ был бы неполным. Хотя все они остаются и в воспоминаниях Бродского безымянными, поэт называет кухню московской квартиры Надежды Яковлевны местом паломничества и утверждает, что «Почти каждый вечер лучшее из того, что выжило или появилось в послесталинский период, собиралось вокруг длинного деревянного стола, раз в десять побольше, чем псковская тумбочка»¹³.

Б. Мессерер тоже пытается проанализировать этот своего рода феномен связи вдовы поэта и молодых людей, многие из которых годились ей во внуки: «Я всегда спрашивал себя, что заставляет этих молодых людей с таким истовым старанием поддерживать быт этого дома, ютятся на кухне, чтобы не мешать Надежде Яковлевне и не быть слишком на виду. Все-таки думаю, ими двигала совесть. Прочитав книги Надежды Яковлевны и как бы пройдя с ней ее жизненный путь, молодые люди могли ощутить всю несправедливость власти, преследовавшей ее мужа — великого русского поэта и ее — его жену и соратницу»¹⁴.

Другой поэт «оттепели» Андрей Вознесенский, вспоминая Н. Я. Мандельштам, размышляет о судьбе муз, впоследствии ставших вдовами, в России: «Трудна судьба муз в России. Людская

¹¹ Мессерер Б. Промельк Беллы: романтическая хроника... С. 632–633.

¹² Бродский И. Надежда Мандельштам (1899–1980). Некролог // <https://brodskiy.ru/proza/nadezhda-mandelstam-1899-1980-nekrolog>.

¹³ Там же.

¹⁴ Мессерер Б. Промельк Беллы: романтическая хроника. С. 634.

молва не любит их, видно ревнуя к своим кумирам. “Нас на бабу променял”. Но поэты пренебрегают советами потомкам. Они выбирали своих муз сами. И завещали нам защищать их»¹⁵.

Несмотря на это, Вознесенский, вполне справедливо полагая, что в каждой из муз поэтов есть немного от ведьмы, рисует портрет Надежды Яковлевны, несколько отличный от других свидетельств: «“Это же фурия, чудовище”, сбивчиво говорила мне о Н. Я. Мандельштам Мариолина Марцотто, изысканная юная венецианка, графинюшка... Так вот эта Мариолина и раскрыла мне вторую сторону тишайшей Надежды Яковлевны. “Вхожу я в комнату, там атмосфера скандала. С распатланными седыми волосами, как ведьма, оглашает воздух четырехэтажным матом безумная женщина. Это и оказалась Надежда Яковлевна. Она швыряет на пол рукописи молодых поэтов, рвет их, бесновато хихикает. «Ленинградское г...» — самый мягкий эпитет интеллектуалки.

Она замечает меня. Отвлекается от молодых поэтов. «Так ты красивая, — говорит — ну-ка, красивая, отдай мне серьги твои”. Быстро и ловко вырывает у меня из ушей фамильные мамины серьги. “Мне понравилось” — урчит и принимается снимать с моих пальцев бриллиантовые кольца. Я робею. Не знаю, как себя вести, но кольца не отдаю... Я кинулась к двери. Выбежала. Вслед мне неслось безумное хихиканье старухи: “А ты жадная! Скупая...”»¹⁶.

Впрочем, И. Бродский также признавал, что «...если ей и не доставало чего-то, так это терпимости... Она была чрезвычайно предвзятой, категоричной, придирчивой... короче говоря, характера у нее хватало, что и неудивительно, если принять во внимание, с какими фигурами она сводила счеты в реальной жизни, а подчас и в воображении»¹⁷.

Ещё один поэт поколения «оттепели», Евгений Евтушенко, был убежден, что именно жёсткий и непримиримый характер вдвойне позволил ей не только сохранить творческое наследие супруга, но и сохранить прежде всего себя, дожить, по выражению А. Ахматовой, до «вегетарианских времен». Такой выбор спутницы жизни, по его мнению, был несомненной удачей О. Мандельштама.

¹⁵ Вознесенский А. Судьбабы // Вознесенский А. А. Рубанок носорога: Избранные произведения о современной культуре. СПб., 2008. С. 109.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бродский И. Надежда Мандельштам (1899–1980) Некролог // <https://brodskiy-su/proza/nadezhda-mandelstam-1899-1980-nekrolog>.

Об этом Евтушенко в конце жизни написал небольшое стихотворение «Надежда Яковлевна», где он называет её «кошкой царапучей», и утверждает, что эта женщина не «просто» хранительница наследия великого поэта, но и сама по себе является полноценным соавтором своего мужа, и их жизнь достойна двойного памятника:

В литературе недолюбливают яканье

Но как нам повезло,
Надежда Яковлевна,
что вы спасли,
эпоху раскроя,
свое чуть злое,
неуступчивое «я».
Как хорошо,
что с кошкой царапучей
его когда-то познакомил случай.
Счастливцев!
Не достался милым кисам.
Он не написан Вами,
а дописан.
Соавтором его,
его женой
Вы стали.
Вам бы памятник двойной¹⁸.

Что, собственно, в ряде случаев и делается при мемориализации мест пребывания Мандельштамов от Екатеринбургского вокзала до киевской улицы.

Судьба Н. Я. Мандельштам подтверждает уже ставшее избитым выражение «В России надо жить долго». В соответствии со своими симпатиями и антипатиями ей удалось в своих «Воспоминаниях» показать живых людей и нерв страшной эпохи в первую очередь тому поколению, для которого это была уже далекая история. Можно сказать, что так не порвалась связь времен, и это достойный итог жизни и судьбы.

¹⁸ Евтушенко Е. Надежда Яковлевна ... // <http://litresp.ru/chitat/ru/E/evtushenko-evgenij/schastija-i-rasplati-sbornik/5>.

ЗАБЫТОЕ И СОКРЫТОЕ: НОВЫЙ ТЕКСТ ПЕТРА СТРУВЕ О ЛЕНИНЕ (1903).

Рецензия на «Что делать?»»

П. Б. Струве откликнулся своим первым собственным микро-очерком истории русской социал-демократии 1890-х годов на одну из самых известных книг В. И. Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (1902), где тот дал его собственный очерк истории партии (хотя личный опыт Ленина не давал ему достаточных оснований к изложению этой истории)², но никогда не упоминал и не переиздавал эту свою рецензию. Она не вошла в оба его авторских сборника статей, хотя, несомненно, была написана сразу же, по горячим следам публикации памфлета Ленина (в марте 1902) и лишь ждала времени своей публикации³.

¹ Модест Алексеевич Колеров — кандидат исторических наук (Москва).

² Поэтому этот очерк, хоть и был прославлен и канонизирован в эпоху СССР, не может быть признан даже в общем плане корректным. См., например, важное указание свидетеля, который по состоянию на начало 1894 года ещё даже не встречал Ленина «на общих собраниях представителей рабочих кружков различных районов Петербурга»: *Тахтарев К.* Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // *Былое.* № 24. М., 1924. С. 6.

³ См.: *Струве П.* На разные темы (1893–1901 гг.). СПб., 1902; *Струве П.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм: сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб., 1911. Отчасти тематическим сборником его статей можно считать его авторскую книгу: *Струве П.* Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX в. [СПб.], 1913 (см. переизд.: *Струве П.* Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. [1913] / Под ред. М. А. Колерова, вст. ст. О. Я. Сапожникова. М., 2021). Часть ранних текстов Струве собра-

Брошюра вышла в свет в штуттгартском издательстве Дица (Социал-демократической партии Германии). В этом же издательстве уже в июне 1902 года Струве начал издание своего социал-либерального журнала «Освобождение» — и жил там же, и несомненно — прочёл труд Ленина немедленно после его выхода в свет, взяв его непосредственно из типографии.

Рецензия Струве ждала своего часа, по-видимому, без изменений: настолько она отличалась от авторского мифа о свободо-мыслящем марксисте, прошедшем через «критическое направление» в марксизме к социал-либерализму и далее — к либеральному консерватизму и даже монархизму. Рецензия была опубликована в эмигрантском и потому бесцензурном сборнике («книжке» в приложении к одноименному журналу) «Освобождения»⁴ под криптонимом Р. Д. (видимо, означавшем принятую тогда самоидентификацию для русских пост (транс) марксистских социалистов — *радикальный демократ*) и прежде не была атрибутирована Струве, пока этого не сделал исследователь «Освобождения» К. Ф. Шацилло. Но и Шацилло не акцентировал на этом своего внимания. Похоже, и многие другие исследователи могли бы обратить внимание на расшифровки псевдонимов, которые историк сделал, опираясь, прежде всего, на данные личного фонда Струве в нынешнем Российском государственном архиве социально-политической истории. В частности, они свидетельствуют об авторском участии в журнале кроме давно и широко известных либералов П. Н. Милюкова, Д. И. Шаховского, марксистов, составивших «идеалистическое направление» в русском освободительном движении, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, также марк-

на мной в изданиях: *Струве П. Б. Избранные сочинения* / Сост. М. А. Колерова. М., 1999; *Колеров М. А. Пётр Струве: революционер без масс, 1870–1918. Приложение: Новое собрание сочинений П. Б. Струве (1903–1917)*. М., 2020; *Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России [1894]. Приложение: Воспоминания, революционные и марксистские труды П. Б. Струве 1890-х гг. Новое собрание* / Ред.-сост. М. А. Колеров. М., 2020. Здесь же, в последней книге, дан полный свод отдельных воспоминаний Струве о Ленине.

⁴ Переиздание полного комплекта см.: Журнал «Освобождение» (1902–1905): Репринтное издание под редакцией М. А. Колерова и Ф. А. Гайды / Подг. текста Н. А. Кутуевой : в 3 кн. Кн. 1–3. М., 2021. Переиздание двух сборников, вышедших в свет в приложении к этому журналу, находится в печати: Сборники «Освобождение» («Книжки Освобождения») (1903–1904) / Переизд. полного текста под ред. М. А. Колерова. Ст. М. А. Колерова и Ф. А. Гайды. М.

систов П. А. Берлина (*Карин*), Б. А. Кистяковского (*Освобождение; Украинец*), Е. Д. Кусковой (*Всегда некогда; Credo*), С. Н. Прокоповича (*Н. Н.; N. N.*), народников В. Г. Короленко (*N. N.*), а также статьи «Самодержавная беспомощность» (№ 14); «Суррогаты гласности...» (№ 16), А. В. Пешехонова (*А. Старицкий; Антон Старицкий*), В. И. Вернадского (*Влдр*), П. Г. Виноградова (*абв*) и его ученика М. О. Гершензона (*Заслуженный отставной педагог*), М. А. Волошина (*М.; W.*), Л. Я. Гуревич (*Е. Н.; +*) и её отца, педагога и издателя Я. Я. Гуревича (*Земский гласный Т.*), А. Ф. Кони (*Обыватель; Саламандра*) и др.⁵

Итак, — прежде чтения републикованной ниже рецензии Струве — что именно обращает на себя внимание в брошюре Ленина «Что делать?» (далее — ЧД), если читать её глазами современного русского исследователя марксизма, социал-демократии и широкого социал-либерального освободительного движения в Российской империи начала XX века, а именно в начале 1900-х годов, когда большевизм ещё не родился, марксизм стал чрезвычайно широкою модой, а традиционный русский радикализм столкнулся с резким ростом интеллектуальных, культурных и общественных интересов интеллигенции, «входной билет» в лидерство над которыми становился всё более дорогим даже для профессорских кругов?

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что Ленин ЧД, в те годы однозначно состоявший в рядах революционных материалистов-практиков, публицистических вождей «экономического материализма», вовсе не стремился ещё вступить в острую философскую полемику в среде революционеров, ограничиваясь специальными дискуссиями на темы марксистской политической экономии (теории стоимости-ценности и т. п.) и *по существу* совершенно не затрагивая (в отличие от других революционеров в России и на Западе!) вопросы философии, методологии знания, современной, всё более модернистской, литературы и современного, всё более модернистского искусства. Его

⁵ Шацлло К. Ф. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 112–114. Его итоговый труд по этой теме: Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М., 1985. См. также: Кацис Л. О псевдонимах раннего Владимира Жаботинского в журнале «Освобождение» (1903–1905) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. X. М., 2011.

не вырвало из плена этой вне-философской революционной пассивности даже громкое «ревизионистское» выступление авторитетного наследника и душеприказчика со-основателя марксизма — Фридриха Энгельса — Эдуарда Бернштейна, его не тронула даже мощная неокантианская волна в марксистском движении во главе с Рудольфом Штаммлером (на которую в России громко откликнулись Струве и С. Н. Булгаков), его не возмутил ярко выстроенный Бернштейном культ Ф. Лассаля как *идеалистического и практического строителя германской социал-демократической партии*. Ленин послушно пошёл вслед за Бернштейном и лояльно цитировал письмо Лассаля к Марксу от 24 июня 1852 года, с материалистической точки зрения лукаво умалчивая о фундаментальном для Лассаля культе немецкого идеализма и особенно Фихте, но твердя апологию самозаконной, якобы безыдейной партии: «Партийная борьба придает партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя...». Одним словом, Ленину ЧД было буквально нечего сказать по существу против революционного идеализма и марксистского ревизионизма, который в образцовой для русских революционеров Германии давно уже стал *официальной парламентской силой*, а во Франции социалист Мильеран даже стал министром.

Но Ленин с присущей ему феноменальной политической чуткостью сконцентрировал своё внимание на узком лозунге «критического марксизма» в его неокантианском (критическом) и бытовом (самокритическом) смысле, поскольку явленные современным ему германским ревизионизмом политическая и интеллектуальная сложность и широта были просто не под силу его кругозору. Он описал в ЧД ситуацию в духе вполне нейтрального реферата, не противопоставив «критическому марксизму» ничего по существу, кроме лозунгов и психологических аргументов:

Почему такой «невинный» и «естественный» лозунг, как «свобода критики», является для нас настоящим боевым сигналом? (...) почему мы не можем столкнуться даже по основному вопросу о роли социал-демократии по отношению к стихийному массовому движению? (...) «Свобода критики» — это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран.... Неуже-

ли из среды передовых партий раздались голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? (...) В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министриалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью сказал Бернштейн и показал Мильеран. Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась теория классовой борьбы, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д. (...) «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Описывая период в истории русской социал-демократии с 1898 по 1902 годы, проводивший их в ссылке и эмиграции далеко от личной идейно-политической борьбы Ленин (опять не имея личных свидетельских данных!) назвал его так: «Это — период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью, — с одной стороны, в произведениях гг. Струве и Прокоповича, Бугакова и Бердяева ... Сознательность руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема среди социал-демократов преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной

ная и имевшая больший революционный опыт, соосновательница вместе с Г. В. Плехановым первой русской марксистской группы «Освобождение труда» (1883) В. И. Засулич в том же 1902 году, что и ЧД, изобразила актуальное развитие русской социал-демократии в России заметно иначе. Она писала о конце 1890-х годов в России в своей специальной статье для органа Германской социал-демократической партии «*Neue Zeit*», легко внутренне дистанцируясь от лично симпатичного ей Струве, но рисуя резко отличную картину марксистской легальной печати, из которой следовало, что Лениным в его осуждении «легального марксизма» двигали обыденное лицемерие и маргинальная неблагодарность:

(...) на людей, взгляды которых только еще начали оформляться, самым роковым образом подействовал тот переворот, который произошел в мыслях известнейших «столпов» марксизма Стру-

но сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором. Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления — естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опоясывая марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов. Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Спрашивается теперь: ввиду таких особенностей русской «критики» и русского бернштейнианства в чем должна была бы состоять задача тех, кто на деле, а не на словах только, хотел быть противником оппортунизма? Во-первых, надо было позаботиться о возобновлении той теоретической работы, которая только только была начата эпохой легального марксизма и которая падала теперь опять на нелегальных деятелей; без такой работы невозможен был успешный рост движения. Во-вторых, необходимо было активно выступить на борьбу с легальной «критикой», вносившей сугубый разврат в умы».

ве и Ко, работавших в легальной прессе. (Другие, которые писали в легальной прессе из мест ссылки или изгнания [как Ленин и Потресов в издания Струве. — М. К.], могли пользоваться лишь незначительным влиянием уже по той причине, что они оставались незнакомыми для читателей, так как они почти каждую статью должны были подписывать разными псевдонимами.) Они стали «критиками», которые больше не пропускали ни одного положения Маркса, не снабдив его эпитетом «наивное», «устаревшее», «бессмысленное», причем место этих «наивностей» занимало не что иное, как вера в божественное провидение. В начале 1900 года та социал-демократическая группа, которая с самого начала участвовала в закономерно развивающемся движении пролетариата [Потресов, Ленин, Мартов. — М. К.] и еще до появления «экономизма» временно была вытеснена с боевой позиции, смогла возобновить свою деятельность⁷.

Но Струве-рецензент даже не обратил тогда на формулу «легального марксизма» никакого внимания, или — *демонстративно* не обратил внимания, и лишь потом, в иных целях, ради мемуарной минимизации своего бывшего марксистского радикализма, стал использовать в своей публицистике.

В этом идейно-публицистическом контексте особую ценность представляет собою поистине уникальное для Ленина поэтически-романтическое признание, которым он аргументировал своё ЧД как орденско-партийный манифест и которое, как известно из революционных мемуаров, действительно произвело яркое впечатление на его читателей:

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимают кричать: пойдете в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отстающие люди!

⁷ «Террористическое движение в России» (1902). Впервые в русском переводе переиздана в: Засулич В. И. Избранные произведения. М., 1983. С. 367.

и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту! (...) Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!

Революционер, затем видный советский функционер, а затем — авторитетный мемуарист в эмиграции, оставшийся верным социализму и оставивший часто уникальные свидетельства о русской культурной и советской политической истории, писал об этом исповедании Ленина:

(...) интерес к Ленину (...) начал появляться в 1901 г. (обращали на себя внимание статьи Ленина в «Искре») и стал очень большим в 1902 г., когда вышла в свет его книга «Что делать». О ней Каменев правильно сказал, что в истории предреволюционной эпохи нельзя назвать ни одного произведения, влияние которого можно сравнить с тем, что имела эта книга «на процесс формирования политических сил в России». Ее влияние можно показать, взяв для примера киевскую группу студентов, молодых социал-демократов, к которым принадлежал и я. В нашей группе иные (как я) познакомились с марксизмом в конце <18>90-х годов, другие несколькими годами позднее, но все начали вступать в общественную и политическую жизнь, когда народническая идеология была смята победно торжествующим марксизмом. Предыдущие поколения легальных и нелегальных марксистов от начала <18>80-х до середины <18>90-х годов подняли знамя новой идеологии, нам оставалось лишь стать под него. Мы пришли на готовое.

Что толкало нас стать под это знамя? Точно могу ответить и говоря не от себя, а от лица целой уже упомянутой группы: в нашей среде это много раз обсуждалось.

Мы обеими руками хватали марксизм потому, что нас увлекал его социологический и экономический *оптимизм*, эта фактами и цифрами свидетельствуемая крепчайшая уверенность, что развивающаяся экономика, развивающийся капитализм (отсюда и внимание к нему), разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями. Свойственная молодости оптимистическая психология искала и в марксизме находила концепцию оптимизма. Нас привлекало в марксизме и другое: его *европеизм*. Он шел из Европы, от него веяло, пахло не домашней плесенью, самобытностью, а чем-то новым, свежим, заманчивым. Марксизм был вестником, несущим обещание, что мы не останемся полуазиатской страной, а из Востока превратимся в Запад, с его культурой, его учреждениями и атрибутами, представляющими свободный политический строй. Запад нас манил. Наша группа сугубо читала всякие истории западной цивилизации и культуры, обозрения иностранной жизни в толстых журналах и тщательно искала всякие элементы западной струи в русской истории. Запад манил ценностями уже в нем существующими (парламент, свобода слова, собраний, печати, партий, союзов и т. д.), а еще больше тем, что в нем рождается, а силу и распространенность этого нового рождающегося — социализма — мы *преувеличивали* в громадной степени и сентиментально раскрашивали. Строй буржуазный, хотя бы культурный и свободный, нас, конечно, не удовлетворял (в нем нет социального равенства, социальной справедливости). Для нас неопровержимой истиной было, что только «социализация всех средств и орудий производства» изменит радикальным образом всё положение.

Добавлю, что уже в конце <18>90-х годов я лично не встречал никого, кто разделял бы народнический взгляд, что от самодержавного строя можно перейти к «высшему этапу» — строительству социализма, минуя «средний этап» — буржуазно-капиталистическое общество. (...) «Искра» в 1901 г. подготовила почву для «Что делать» Ленина и когда эта книга появилась — она была восторженно принята всей нашей киевской группой молодых социал-демократов, уже «ходящих» в рабочую среду, но далеко не всегда уверенных, делают ли они то, что «надо делать». Ленинская книга была уже безудержной борьбой с панихидным марксизмом и экономизмом.

Идее, что даже «волосок нельзя содрать с головы самодержавия, пока не разовьется капитализм» и рабочий класс не станет мно-

гочисленным, Ленин противопоставлял: «дайте нам организацию настоящих революционеров и мы перевернем Россию». Призыву идти только в рабочую среду он противопоставлял призыв «идти во все классы общества» в качестве «теоретиков, пропагандистов, агитаторов, организаторов». Вместо «тред-юниониста», организующего стачечные кассы и общества взаимопомощи, он выдвигал образ «профессионального революционера», Георгия Победоносца, борющегося с драконом, откликающегося «на все случаи произвола и насилия, к каким бы классам ни относились эти случаи». Это нам нравилось.

Ленин воспевал «беззаветную решимость», «энергию», «смелость», «инициативу», «конспиративную ловкость» революционера и доказывал, что личность в революционном движении может творить «чудеса». Могучая, тайная, централизованная организация, состоящая из профессиональных революционеров, «все равно студенты ли они или рабочие», по его словам, будет способна на всё «начиная от спасения чести, престижа, преемственности партии в момент наибольшего угнетения и кончая подготовкой, назначением и проведением всенародного вооруженного восстания». Эта организация опрокинет самодержавие «могучий оплот не только европейской, но и азиатской реакции» и сделает «русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». Словом, из «Искры» возгорится пламя.

Лишь чрез много лет обнаружилось — куда собственно вела книга Ленина, но тогда, в 1902–<190>3 гг., о том не могло быть и мысли. В книге были какие-то неувязки, но на них не обращалось внимания. Она полыхала буйным волюнтаризмом (в ее основе, несомненно, лежало далеко отходящее от марксизма «героическое понимание истории») и ее призывы «водить», действовать, бороться, проникаясь «беззаветной решительностью», находили у нас самый пламенный отклик.⁸

Как раз о 1901–1902 годах и об этой революционной молитве Ленина позже в своём фундаментальном труде по русской интеллектуальной истории точно высказался и его младший современник: «В марксизме были крипто-религиозные мотивы. Утопическое мессианство, прежде всего, и затем чувство общественной

⁸ *Валентинов Н.* Встречи с Лениным [1953] // Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С.39–40, 42–43.

солидарности».⁹ Альтер-эго Булгакова в его известных диалогах «На пиру богов», вошедших в сборник «Из глубины» (1918), чутко отмечал эту природу уже после победы большевиков в столицах России: « [Беженец:] русская интеллигенция, как духовная виновница большевизма, есть, действительно, передовой отряд мирового мятежа, как об этом и мечталось революционным славянофилам от Бакунина до Ленина».¹⁰

Р. Д. [Струве П. Б.] [Рец.:] Н. Ленин. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. J. H. W. Dietz Nachf. Verlag, Stuttgart 1902 ...¹¹

«Наше движение» — это движение той части интеллигентной России, которая поставила себе целью создать у нас самостоятельную рабочую партию, преследующую как свою конечную цель — переворот социальный, а как ближайшую — уничтожение самодержавного произвола для замены его правовым демократическим порядком. «Наболевших вопросов» в этом движении крайне много, ибо наряду с чисто тактическими и организационными неурядицами партия переживает тяжёлую борьбу в области чисто теоретических вопросов. Ей приходится теперь подвергать критической проверке весь философский, социологический, экономический и исторический фундамент, на котором воздвигнута социал-демократическая программа. Г. Ленин, однако, не ставит себе такой широкой задачи и в интересующей нас работе ограничивается по преимуществу вопросами тактики и организации. Лишь мимоходом, в различных отступлениях, он посылает своим теоретическим противникам более или менее увесистые *Seitenhiebe*, не всегда, однако, попадающие в цель.

Распадаясь на пять отделов, книга г. Ленина в первом из них трактует о «догматизме» и «свободе критики». Это очень нескладный, очень сердитый и очень неинтересный отдел. В общих чертах речь в нём идёт вот о чём:

Некоторая часть нашей русской и иностранной социал-демократии, высказав свои сомнения относительно некоторых пунк-

⁹ Флоровский Г. Пути русского богословия [1937]. Paris, 1988. С.454.

¹⁰ Вехи. Из глубины. М., 1991. С.127.

¹¹ Освобождение. Книга первая. Stuttgart, 1903. С. 253–255.

тов программы и положенных в её основание теоретических идей, встретила со стороны большинства партии резкий отпор и осуждение. Были даже намёки на исключение еретиков и «отступников» из партии. Естественно поэтому, если у последних явилась мысль, что партия запрещает всякое сомнение в истинности известных идей и не допускает никакой «критики». Наш автор на первой странице отрицает такое подозрение партии в посягательстве на «конституционный закон большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования» (стр. 1). Но, по его мнению, в «современном употреблении слова «свобода критики» заключается внутренняя фальшь», ибо она, т. е. свобода критики, «есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов» (стр. 3). Вот почему он и не прочь поспособствовать «переселению» всех «критиков» в «болото», под которым он подразумевает всё, что не входит в лагерь «догматиков», т. е. не прочь от того, чтобы всех несогласно мыслящих исключили из партии. Мы не можем согласиться с г. Лениным в его отношении к «критикам», но не считаем нужным входить с ним здесь в полемику. Скажем только, что вся эта глава могла бы с большим успехом остаться не написанной, — книга не только ничего не потеряла бы от этого, но, пожалуй, выиграла бы.

Остальные главы всецело посвящены организационным и тактическим вопросам. Для их уяснения необходимо в кратких чертах обрисовать ход развития социал-демократических идей и социал-демократического движения в России.

Русская социал-демократия существует уже два десятка лет. Начало — 1883 год, когда сформировалась группа «Освобождение труда» и впервые выступила на литературную арену с двумя небольшими изданиями. Начиная с этого времени и, приблизительно, до 1894 года социал-демократические идеи пропагандируются и распространяются у нас, главным образом, в кружках интеллигентной молодёжи, иногда захватывая и рабочих. Большого общественного значения они [идеи. — М. К.], однако, ещё не имеют. Литературным выразителем их являются почти исключительно произведения заграничной «нелегальной» печати. Но вот приходит <18>94-й год, появляются первые легальные книжки «марксистского» направления, основывается (в 1897 г.) марксистский

журнал — и разливаются по всему лицу земли русской, захватывая широкие слои интеллигентной молодёжи, толкая её, с одной стороны, на борьбу с господствовавшим ранее мировоззрением, а с другой — на просветительную и организационную работу среди городского пролетариата.

В это время как среди литературных, теоретических, так и практических руководителей этого движения заметных разногласий не существует. Работа идёт дружно, энергично, не ослабляясь внутренними раздорами.

Однако уже в конце 1890-х годов среди марксистов, и в литературе, и на практике, наблюдается, если не раскол, то во всяком случае некоторое расслоение. Среди действующих социал-демократов стали раздаваться голоса, указывающие русскому марксисту новую практическую программу, сформулированную в одном документе в следующих словах: «Участие, т. е. помощь *экономической* борьбе пролетариата, и участие в либерально-оппозиционной деятельности». Эта программа ставила таким образом крест над русской социал-демократией, как рабочей политической партией. Она признавала, что мечта о создании политической партии из рабочих невыполнима, а потому и вредна. Русский пролетариат, — говорили сторонники этой программы, — не дорос ещё до понимания известных политических требований и всё, на что он теперь способен, — это борьба за свои *экономические* нужды. Русский рабочий не чувствует ещё нужды в политической свободе, он не в состоянии ещё подняться до борьбы с самодержавием, его привлекает лишь борьба за высокую заработную плату и короткий рабочий день.

Но такая программа, в виду всего строя современной русской жизни, не возымела и не могла иметь успеха. В стране с таким деспотическим режимом, как наш русский, в стране, не существует элементарных демократических прав, как право свободной речи, собрания и т. п., где каждая рабочая стачка считается политическим преступлением, и рабочих пулями и нагайками заставляет стать вновь на работу, в такой стране никакая партия не может замкнуться в рамки исключительно экономической борьбы. И г. Ленин справедливо восстаёт против такой программы. Исходя из факта, что известная часть русского пролетариата уже и теперь доросла до понятия необходимости борьбы с самодержавием, он находит возможным и нужным вести борьбу не только за ближайшие экономические требования пролетариата.

та, но и за преобразование существующей формы правления. Он полагает, что «идеалом социал-демократии должен быть не секретарь трэд-юниона, а *народный трибун*, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнёта, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщить все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждою мелочью, чтобы излагать перед *всеми* свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата» (стр. 62).

Таким образом г. Ленин ставит перед русской социал-демократией задачу сделаться передовым отрядом в великой борьбе с господствующим у нас произволом. Не веря в то, что русская либеральная оппозиция совершит у нас в России то, что совершили либералы Западной Европы, т. е. завоюет конституцию, он находит нужным поставить эту проблему перед русской социал-демократией, полагая, что она и только она в состоянии разрешить эту назревшую для всей прогрессивной России задачу. Для этого русская социал-демократия должна завоевать гегемонию в руководительстве русской революционной и оппозиционной борьбы. «Мы, пишет он, т. е. социал-демократы, должны позаботиться о том, чтобы наталкивать людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои. Мы должны вырабатывать из практиков-социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы, умели в нужную минуту “продиктовать положительную программу действий” и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и возмущённым сектантам, и обиженным народным учителям, и проч. и проч.» (стр. 64–65). Такая всесторонняя политическая работа требует и соответствующей организации. При нашем самодержавном режиме эта «организация должна состоять, главным образом, из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью» (стр. 94), способных при малейшей опасности быстро менять паспорт, квартиру, вообще людей,

искушённых в борьбе с полицейским произволом. Как же приступить к созданию такой организации? Г. Ленин рекомендует начать с постановки общерусской газеты. «Газета, говорит он, не только коллективный пропагандист, но и коллективный организатор. В этом последнем отношении её можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обобщать общие результаты, достигнутые организованным трудом» (стр. 126).

Не довольствуясь одной рекомендацией, г. Ленин взялся и за осуществление своего плана — и руководимая с товарищами газета «Искра» и должна явиться тем «коллективным организатором», о котором он говорит в книге.

Свои несложные мысли г. Ленин развивает в форме сердитой полемики с товарищами другого толка и нужно сказать, что полемические набеги его не всегда удачны. Автор часто не понимает или не хочет понять своих противников и приписывает им мысли, которых те не высказывали.

Брошюра эта усердно читается и будет читаться нашей революционной молодёжью, некоторые мысли, положенные в её основу — можно сказать с уверенностью — будут долго ещё служить практическим руководством в деятельности русских социал-демократов, а потому всякому русскому, не совсем беззаботному насчёт того, что делает и о чём думает наша революционная молодёжь, мы рекомендуем познакомиться с этой брошюрой.

Освобождение. Книга первая. Stuttgart, 1903. С. 253–255

А. Кацис

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ, ФОРМАЛИСТОВЕДЧЕСКОЙ И «УКРАИНОЛОГИЧЕСКОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ. XXIII

Детская болезнь «модерности» в формализме или «Путешествие в историю литературоведения слобожанской Швейцарии». К выходу в свет монографии: Г. Бабак, А. Дмитриев. Атлантида советского нацмодернизма. Формальный метод в Украине (1920-е — начало 1930-х). М. : Новое литературное обозрение, 2021 (Научное приложение. Выпуск ССXXVI) с Приложениями:

Приложение 1. Киевская русскоязычная полемика с М. Зеровым и М. Хвылевым 1927 г.: contra «Азиатского ренессанса». *Книжник*. Против реставрации. Вечерний Киев. 1927 г. № 82.

Приложение 2. «Топор Некрасова» Б. Розенцвейг: между формалистами и «Некрасова молотком» Мандельштам? Б. Розенцвейг. «Топор Некрасова» в «Вечернем Киеве» № 7 (278) за 1928 г. С. 2.

Приложение 3. Между «Сентиментальным путешествием» В. Шкловского и «Бегом» Михаила Булгакова с остановкой в Киеве. *Василевский (Не-Буква)*. «Россия номер 2» в эти дни. Вечерний Киев. 1927 № 11. С. 2–3.

Приложение 4. К происхождению «Словарика Шафира» в «Гамбургском счете» В. Б. Шкловского и «Золотом теленке» Ильфа-Петрова. В. Г. «Реформа» языка». Вечерний Киев. 1927. № 191. С. 3.

Лев Троцкий как-то сказал, что в полемике нужно сохранять пафос расстояния. Ему лучше знать, он полемизирует давно. Но вот в искусстве нужнее всего сохранять пафос расстояния, не давать себя прикручивать. Нужно сохранять отношение к своему мате-

риалу, нужно не подпускать его к себе. Как в боксе и в фехтовании.

Виктор Шкловский. О теории прозы

А то, что Шкловского мне приятнее читать, чем Коряка, а Эйхенбаум мне в двадцать раз приятнее, чем Загул, то это потому, что Шкловский, Эйхенбаум возбуждают мысль, стимулируют ее, оттачивают мое восприятие литературного факта.

*Микола Зеров — Йеремии Айзенштадту,
30.09.1926*

Із теперішніх письменників більше від усіх я люблю Хвильового й Досвітнього. Якби ви знали, які це прекрасні письменники! Як з ними хорошо на полюванні! Коли ранок, коли над лиманом срібний туман устає, коли сидиш у ямці й очі твої плавають у плавають у тумані, вишукуючи десь аж он там чорну крапку з чиряти або з крижня. Ах! А праворуч од тебе Хвильовий, а ліворуч од тебе Досвітній. Як їх не любить?! І коли вони, — ні Хвильовий, ні Досвітній, — ніколи не говорять про літературу. А решта всі — хороші письменники, — так тільки ж вони весь час про літературу, і стрілять не вміють. Я й їх люблю, тільки менше. Із старих письменників мені подобаються: Нестор Літописець та Остромир. Як ставлюся до театрів? Я їх люблю. Я люблю березильців, франківців, одещан, заньківчан... Я всіх люблю.

*Остан Вишня. Моя автобіографія.
15–16 березня 1927 р. Харків*

Эпиграф из В. Шкловского требует объяснения.

Дело в том, что сегодня в условиях сложного и тяжелого, да часто еще и «без правил», фехтования или кикбоксинга в российско-украинских отношениях на всех уровнях, включая, едва ли не особенно, культурный и научный¹, за рецензию на любую рус-

¹ Знаю по себе, никогда не забуду, и буду постоянно напоминать, что однажды, как по команде в один прекрасный день исчезли из электронных средств связи мои одесские товарищи «по Жаботинскому», так, по-видимому, понимающие

скую книгу, изданную в Москве, написанную и защищенную в Праге, дополненную московским выходцем из степной Украины, работающим в НИУ ВШЭ, и т. д. лучше не братья. Однако очень невеселый опыт наблюдения за тем, что происходит в украинском мандельштамоведении² говорит об обратном. Независимо от того, что происходит сейчас в/на Украине, выяснение позиций стон совершенно необходимо.

Итак, основой монографии стала докторская диссертация, защищенная поэтессой Галиной Бабак в Карловом университете в 2020 году. И Карлов же университет любезно выделил грант на издание нашей «Атлантиды», как сообщают соавторы (с. 7).

Поэтому перед нами не только украинский проект, но проект украино-российско-чешский, если не Евросоюзовский.

Кроме того, среди благодаренных соавторами и составитель новейшего громадного Собрания сочинений В. Б. Шкловского И. Калинин, он же один из редакторов журнала «Неприкосновенный запас», выпускаемых в «НЛО», где публиковались, как и в одноименном журнале, препринты глав нашей книги; здесь и продолжатели «шапировской» мифологии истории русской (и, наверное, теперь, украинской) филологии И. Пильщиков (Россия-Эстония-США) и А. Устинов (США), и автор недавней книги о формалистах, недавний опять же сотрудник НИУ ВШЭ, а ныне работник «Нового литературного обозрения» Ян Левченко; печальные посмертные благодарности вынесены И. Булкиной и М. Петровскому, и это далеко не все причастные.

Не указано, например, очень представительное международное сообщество в ФБ «Russian Formalists», но многие его участники мелькают на страницах интересующей нас работы, при этом указан целый круг международного журнала «Ab Imperio».

Поэтому разговор необходим, даже, если ответной реплики в открытую, как показывает опыт рецензии на киевское мандельштамоведение, которое, конечно «Не треба», не будет. Ведь в XXI веке есть и Academia.edu, и другие способы коммуникации. Да и в книге Дмитриева-Бабак имя Мандельштама мелькает не один раз. Так что рискуем.

сами или вынужденные так понимать принципиально важный для меня лозунг беспартийности науки.

² Кацис А. Не треба? Мандельштамовский Киев в современных исследованиях// Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. XXI. М., 2017. С. 455–485.

Итак, начнем.

На с. 38 авторы почти авангардно заявляют о своих целях и задачах:

«В результате исследования мы хотим ответить на вопросы: каким был формализм на Украине на фоне прочих нацмодернистских проектов, насколько правомерно рассматривать его как целостное и сложившееся явление. Сразу скажем, что каким бы он ни был, к отражению формализма русского он точно не сводится. Перед нами феномен оригинальный, своеобразный, и притом диалогический.

Наша книга рассчитана в первую очередь на российского читателя, для которого сравнение с русским формализмом уже как бы автоматизировано, входит в перцептивный фон. Но без критической рефлексии такой взгляд на героев нашей книги чреват существенным сдвигом, если не сбоем восприятия: точно также, как Жирмунского, Шпета или Бахтина было бы совершенно ошибочно видеть “недоопоязовцами”».

Авангард здесь в термине «недоопоязовцы». Ну ладно, к В. М. Жирмунскому он относится в полной мере в его лингвистической ипостаси, а уж о символистской мистике предреволюционных лет мы и не говорим. А вот хотел ли феноменолог и теоретик исторического знания Г. Г. Шпет иметь хоть какое-то отношение к Опоязу, это нам еще подоказывают? Как критиковавший Тынянова в сохранившихся лекциях о русской литературе М. М. Бахтин мог успеть «захотеть» побыть Опоязовцем просто хронологически, занимаясь своими хорошо известными делами? Жаль, что нет здесь еще Арона Штейнберга или Матвея Кагана!

Другое дело, что Р. Якобсон и В. Шкловский, даже в со-служении Маяковского, могут быть названы недо-МЛКашниками (т. е. неверными членами Московского лингвистического кружка, где у Шпета было свое место, но все-таки, не наоборот!).

Итак, понимание карты формализма или анти-формализма так или иначе авторами заявлено. Похоже, что из него нам и придется исходить.

Читаем дальше и в неизбежных сопоставлениях предшественников формализма на Украине находим Ивана Франка, о котором читаем на с. 98. совершенно верные слова:

«Франко — фигура принципиально важная для истории украинского гуманитарного знания. Будучи представителем галицкой литературы и науки, он является “связующим звеном” между австро-венгерской традицией научной мысли и российской (...) Подтверждением того, что Франко был в некотором смысле “агентом трансфера” научного знания между “западной” и “восточной” частями украинского академического сообщества, может служить профессиональное сотрудничество и его многолетняя переписка с историком литературы Владимиром Перетцом».

Разумеется, предельно осовремененная терминология «агент трансфера» входит в некоторое противоречие с тем, что писали многие годы о, например, связующей для двух, а то и трех, культур роли Ивана Фрака. Но не это главное. Куда серьезнее, что авторы книги просто забыли о базовых текстах русской эстетики, без которых о Фрако говорить очень трудно, кстати, с учетом и предыдущей цитаты о его отношениях с Перетцом.

Яркий пример этого мы видим на с. 101:

«Оспаривая позицию Николая Добролюбова, ведущего авторитета т. н. “реальной критики”, Франко подчеркивает, что художественное произведение не может оцениваться, исходя из его “соответствия” реальной жизни, и приходит к выводу, что к анализу произведения нужно подходить с *вопросом об “отношении искусства к действительности*, о причинах эстетического удовольствия < ... > о способах, посредством которых данный автор вызывает это эстетическое удовольствие в душе читателей и слушателей”. По мнению Франко, литературная критика должна быть, во-первых, научной (основанной на определенных законах), во-вторых, эстетической и пользоваться теми же методами, что и современная психология, поскольку “эстетика есть наука про ощущение художественной красоты, значит, она является частью психологии” (Полужирный курсив наш. — Л. К.).

Вопрос о “психологичности” украинской филологической критики еще встретится нам. А пока нас интересует то, что противопоставляется “примитивному” Добролюбову, да и Белинскому с Чернышевским о которых можно прочесть в другой связи и на с. 468 такое: “Украинский социалист Панас Феденко, давний друг Чижевского еще с гимназических времен, в юбилейной статье в канадской газете коротко резюмировал специфику восприятия ученым

Гоголя через призму мистики и фантастики, а не реализма, о котором так заботились критики вроде Белинского, Чернышевского и их прямолинейных (ну хоть на этом, спасибо! — Л. К.) наследников...».

Больше имя автора «Что делать?» в книге не упоминается, а зря!

Мы могли бы сейчас процитировать все, что угодно, о связях Франко и Чернышевского, однако не будем цитировать даже совсем недавнюю книгу покойного исследователя русской, украинской и русско-еврейской литератур, харьковского профессора Л. Фризмана.

А процитируем мы отрывок из рецензии на нее именно в «Новом литературном обозрении», даже рискуя ее заведомой информационной неполнотой³:

«Часто Франко писал о русских классиках, дополняя критиков-россиян, которые, например, принижали значение объективно главных — мужских — персонажей в произведениях Тургенева, противопоставляя им эмоционально более стойких “тургеневских девушек”. По контрасту со статьями революционных демократов-шестидесятников у него нет “не то что внимания или анализа, но даже упоминаний о женских образах в тургеневской прозе <...>” (с. 317). Писаревым он увлекался больше, чем Чернышевским и Добролюбовым, однажды ему случилось назвать первого из них (Чернышевского) “продолжателем” второго, младшего (можно предположить, потому, что Добролюбов умер гораздо раньше). “Стилистическая палитра статей Франко заметно ближе к Герцену, чем к Чернышевскому и Добролюбову” (с. 308)».

Ну а теперь — самое главное на десерт. В тексте Ивана Франко о Добролюбове мы выделили особым курсивом название общеизвестной диссертации Чернышевский Н. Г. «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), которое, на сей раз, оказалось противопоставлено словам Франко о Добролюбове, которые прекрасно иллюстрируют замечательный хронологический «перевертыш», замеченный Л. Фризманом.

³ Кормилов С. Рец. на: Фризман Л. Иван Франко: взгляд на литературу. Киев : Изд. дом Дмитрия Бураго, 2017. — 608 с. (<https://magazines.gorky.media/nlo/2019/2/novye-knigi-119.html>).

Имени же Герцена в книге об украинской формальной Атлантиде нет вообще, поэтому поверим старому харьковскому ученому и его киевской русскоязычной книге.

Однако разного рода цитаты из русских классиков — не цель авторов книги, считающих возможным их вообще, то ли не знать, то ли не учитывать. Возможно, это связано с тем, что А. Н. Дмитриев — историк, специальность его соавторши, кроме чисто литературной деятельности, нам не известна. Но есть то, что есть.

К длительной истории украинского формализма от Франко и Потебни мы еще вернемся, тем более, что создатель схемы типа Франко-Потебня-Белецкий и т. д. известен.

А сейчас обратимся к тому русско-украинскому контексту 1917–1919 гг., который сами авторы книги считают формообразующим для украинского формализма. Пройдем ключевые моменты последовательно.

На с. 122. Авторы цитируют: *Меженко Ю.* Твочість індивідуума і колектив//Музагет: Місчник літератури та мистецтва. К., 1919. № 1/3. С. 65 и говорят: «Меженко заключает, что те взгляды, на которых основаны принципы так называемой пролетарской культуры, настолько незрелы, что с ними даже невозможно полемизировать». В этом контексте Меженко делает резкий исторический выпад против русской культуры, но одновременно указывает на сходство задач, стоявших в тот момент перед нею и перед украинской культурой:

Перед нами сейчас большая по размерам нация, которая имеет претензии сказать новое слово в культуре, еще не образовав своей собственной, а вместе с тем уже успевшая отречься от всех предыдущих своих культурных достижений. Мы говорим о Московии и в этом случае всецело присоединяемся к московскому народу, который до сих пор не имел своей культуры, а до революции ее заменяли ему объедки с западного стола и псевдоиндивидуалистические безделушки, начиная от псевдоклассицизма и заканчивая футуризмом.

Стоит отметить, что к кругам, где зародился, будем считать, украинский формализм относились и деятели т. н. «Молодого театра», т. е. группа Леся Курбаса. Не вдаваясь сейчас в особенности «выпада против русской культуры», кратко упомянем совершенно параллельную ситуацию и именно в Киеве в 1926 го-

ду, когда во время встречи украинского «Березоля» и идишского ГОСЕКТа, т. е. театра Грановского-Михоэlsa, последний на прощании «Березоля» с Киевом и переездом его в тогдашнюю столицу Украины Харьков, сказал, как мы знаем от О. Э. Мандельштама, что оба театра одной крови.

Это не украинско-еврейский инцест, не дай Б-г! Это как раз то, что объединяло идеологию новых национальных (если соавторам хочется, то «модернизационных», проектов), когда не только Лесь Курбас, в своем случае, отраженном Меженко, но и Грановский в манифестах своего еврейского театра, в том числе и в 1926 году по пути из Киева в Ленинград, возмущая дореволюционных деятелей еврейского театра типа А. Кугеля, утверждал, что еврейского театра до ГОСЕКТа в России не было⁴. Это и есть «одной крови», говоря словами Михоэlsa.

Другое дело, что все это печаталось и до черновиков Мандельштамовских киевских текстов в киевском журнальчике «Театр. Музыка. Кино» в 1926 г., однако никогда эта сцена не попадала в канадские, а потом уже и киевские книги о Курбасе, где остальные материалы журнальчика борца с сионизмом Хаима Токаря собраны были с удивительным тщанием.

Однако имя Мандельштама применительно к 1917 году, а не только к 1926, возникло у нас совсем не случайно. К этому нас привели авторы монографии, заставив пристально и сквозь мутные воды всмотреться в очертания их Атлантиды.

И еще одна параллель, впрочем, сомнительная, приводится на с. 130 в цитате из Маккавейского:

... И все эти возможности — победа молотка над металлом, веса над массой, песни над усталостью, ритма над шестнадцатичасовой поденщиной, как известно, искони близки, органически вняты в их принципе духу ремесленника, чуткого к индивидуальности материала, к вещиности вещества, к той идее, которая совпадает с формой и не совпадает с подлинно-буржуазной, мещански-городской идеологической.

Выступление Маккавейского (Из сб. «Классовое творчество и диктатура пролетариата» К. 1919. Перепеч. В кн. *Молодяков В.*

⁴ Кацис Л. Театральная критика «Рассвета» (1908-1910) и программа Еврейского камерного театра А. Грановского (1919) // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: архивы, библиотеки, информация. Десятые Международные Михоэлсовские чтения. М., РГБИ, 2018. С.37–57.

Тринадцать поэтов: Портреты и публикации. М. : Водолей, 2018. С 187).

Здесь авторы привели параллель с анти-буржуазными инвективами А. Ф. Лосева, которые нам не кажутся обязательными.

А вот следующее размышление со с. 131. уже обязательно:

Сам Маккавейский, по одним данным, уже в начале 1920 года прикнул к белым и погиб, но для нашей книги очень важно и показательно представленное даже в таком пафосно-ироническом виде пересечение идей социальной и научно-художественной: высокого союза «актера» и «рабочего» (вторя стихотворению Осипа Мандельштама) и принципа опоры теории искусства, пусть и с аллюзиями к первоначальному христианству и Средневековью, на опыт умелого мастера-творца, а не только на методологизм философа-систематизатора.

Хотелось бы понять, каким образом Маккавейский пошел за Мандельштамом, если стихотворение «Дом актера» написано (по воспоминаниям Э. Миндлина) незадолго до ареста Мандельштама в Феодосии, т. е. 22 июля 1920 г.⁵

Другое дело, что опубликовано стихотворение было в Харькове и Одессе только в 1922 г., а в 1926 строки из него стали эпиграфом к статье Б. Розенцвейга против отъезда «Березоля» в Харьков. В свою очередь, Курбас считал для себя важным сначала показывать спектакли рабочим, а уже потом — пресыщенной интеллигенции⁶.

⁵ [www.krimoved-library.ru/books/evrei-kryma11.html#:~:text=«Постановление%201920%20года%20июля%2022, всех%20обстоятельств%20дела%20подвернуть%20названного. В статье П. Поберезкиной, аккуратно обходящей за исключением очень случайных упоминаний «Вечернего Киева» \(подробно описанного в рукописи нашей изъятой статьи для т. н. «Мандельштамовской энциклопедии»\) упомянуто, что в 1923 г. в «Пролетарской правде» Р. Скоморовский тоже напечатал стихи с эпиграфом из «Дома Актера».](http://www.krimoved-library.ru/books/evrei-kryma11.html#:~:text=«Постановление%201920%20года%20июля%2022, всех%20обстоятельств%20дела%20подвернуть%20названного. В статье П. Поберезкиной, аккуратно обходящей за исключением очень случайных упоминаний «Вечернего Киева» (подробно описанного в рукописи нашей изъятой статьи для т. н. «Мандельштамовской энциклопедии») упомянуто, что в 1923 г. в «Пролетарской правде» Р. Скоморовский тоже напечатал стихи с эпиграфом из «Дома Актера»)

⁶ Здесь же авторы очень поверхностно и случайно упоминают еврейскую «Культур-лигу», о которой уже написано совсем немало и в новой Украине. И по-украински. Но чего нет — того нет! Что касается наших многочисленных работ на эту тему с 2002 г., приведем завершающий на сегодня текст, где есть соответствующая библиография, подтверждающую, наверное, наше право на театральную строку из эпиграфа Остапа Вишни: *Кацис Л.* Об одной не-встрече О. Мандельштама, Л. Курбаса и С. Михоэлса в Киеве 1929 г. // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: архивы, библиотеки,

Таким образом, там, где надо бы работать акварельными принадлежностями, нам предлагается «модерность», воссозданная малярной кистью, хорошо еще, что не пульверизатором или валиком.

Со с. 128 начинается большой сюжет, который покажет нам, как строится новая источниковая база не только украинского формалистоведения, но и новейшей истории науки этой страны XX века вообще.

Скажем сразу, что это один из самых идейно нагруженных моментов всей толстенной монографии. Это ее становой хребет. Ведь, как мы сейчас увидим, цель его поставить на одну доску уже развитый русский формализм и становящуюся украинскую литературную мысль. Но мысль пока еще, все-таки, на русском языке. Да и надо еще подумать о критериях отнесения к украинской мысли теоретической игровой статьи героя мандельштамовской киевской прозы Маккавейского.

Итак, авторы книги находят первый момент «настоящего» (слово наше) формализма в маленьком сборничке 1919 г.: *Шкловский В.* Из филологических очевидностей современной русской науки о стихе. Киев : Гермес, 1919.

«Удобство» этого текста состоит в том, что тут же напечатана и критика Маккавейского взглядов Шкловского на Потебню и т. д. К тому же, об этом тексте писали и Р. Янгиров, и А. Крусанов, и И. Пильщиков, и А. Устинов. Более того, на с. 128 мы узнаем, что «Статья перепечатана в недавнем Собрании сочинений Шкловского, выпускаемом издательством «Новое литературное обозрение»»!

Но и это не все: перепечатана статья в сопровождении в основном (!) тексте как раз возражений Маккавейского ...

Однако возражения эти авторы читают в лоб: «Ехидно-косноязычно, языком футуристического манифеста «киевский Малларме» Маккавейский подхватывает идею Шкловского о *несвязности* форм искусства с формами жизни из гермесовской статьи. Иначе «два года революции успели бы что-нибудь дать, превзойти нашего единственного, барочного, вчерашнего Маяковского, одноголосого, как припев старообрядцев, всемирного в размере булочной Филиппова, но как она в себе совершенного, несмотря

информация. Одиннадцатые Международные Михоэлсовские чтения. М. : Рос. гос. Б-ка искусств, 2020. С. 67–89.

на то, что один из восьми академических бликов половинного цилиндра от *porte cochere* (Paris) отражает коллектив, как отражал городского на перекрестке».

Чего здесь только нет: и «ваш любимый, ваш единственный (Серверянин) я поведу вас на Берлин», и «перекрестком распяты городские» в сочетании с «городовой — хвост» из «Я» и «Как я сделался собакой», и отголоски, похоже, картины «Город Париж» Робера Делоне 1912, где есть эти грани, в сопоставлении с квази-барочной булочной Филиппова в отеле «Luxe» на Тверской, и идея того, что одна грань творчества революционного поэта отражает уже отошедших в прошлое городского в единственном числе на перекрестке, а другая представляет едва ли не «коллектив» этих же граждан в новой формации. И все это наряду с футуризмом:

Час его пробил лишь в 1917 году, когда он, счастливо сочетав недоработанное богатство с приязнью к авангарду, сделался ненадолго своим в кругу московских футуристов. Началось их сотрудничество с приглашения Филипповым художника Г. Якулова для оформления принадлежавшего ему кафе на Кузнецком мосту, которое впоследствии стало называться «Питтореск». Сам Якулов объяснял в официальной бумаге, поданной в Наркомпрос: «В конце июля 1917 года ко мне обратился Николай Дмитриевич Филиппов с предложением принять участие в небольшом конкурсе на декорирование кафе на Кузнецком мосту дом № 5. Проект мой, как самого внешнего характера, декоративно долженствовал являть собой род ярмарочного, уличного народного празднества, каковым являются Парижские квартальные ярмарки, так и в своей программной части, долженствовавшей <так> быть ярмаркой современного декоративного, бытового, сценического и музыкального искусства, был Филипповым принят и для организации его в части сценической, к составлению плана сцены, был привлечен Вс. Э. Мейерхольд. <...> 30 января 1918 года кафе “Питтореск” было открыто и передано фирмой Филипповых предпринимателю М. М. Шлуглейт, который заключил договор с художественной коллегией, составленной Вс. Эм. Мейерхольдом, и в состав которой входили: В. Мейерхольд, В. Вермель, Кроль и я, Георгий Борисович Якулов»⁷.

⁷ Этот текст А. Соболева соавторы пропустили, хотя и знают его ЖЖ Лукас в Лейден: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/291043.html>.

На наш взгляд, это небесполезный комментарий к пародии Маккавейского. Впрочем, с анализом пародий, даже очевидных, у соавторов книги проблем больше, чем достижений, что из предыдущего анализа «Актера и рабочего», а вообще-то говоря, «Дома актера» мы тоже видели.

Между тем, совершенно не случайно «О теории прозы» цитируется не по книге 1925–1929 гг., а по Собранию сочинений Шкловского, где находим существенно более простой анти-потепнианский, да еще и не специальный текст. Ведь в подлинной книге будет очень жесткая и более ранняя статья о Потепне, которую никоим образом игровой текст Маккавейского не опровергает. А позиция Шкловского относительно того, что теория Потепни сработала на текстах типа басни, а не на более сложных, отчего и остались в рукописях многие тома заготовок к лекциям, так осталась неизменной до конца дней русского мыслителя-формалиста.

И здесь трудно сказать, кто виноват? То ли сам Шкловский, в своей предсмертной «О теории прозы» оставивший только две первые статьи из книг 1920-х, т. е. без Потепни, то ли пошедшие за ним составители «игрового» и спрямляющего все зигзаги и оставляющие единственные примеры «скучных» составителям повторов судьбы и творчества Шкловского. Это элементарно делается в рамках его Собрания сочинений издательства «НЛО» в составленных нашими современниками тематических томах типа «Революция» или «Биография», и остановившихся на редком русском киевском тексте взамен классического. В любом случае соавторам книги об украинской Атлантиде именно сложившаяся ситуация оказалась удобнее, чем общефилологическая и историческая реальность, где у каждого текста есть свое особое место.

Дело, однако, куда серьезнее. Это становится ясно, когда соавторы переходят к анализу творчества и «формалистической» деятельности Майка Йогансена. От себя скажем, самого яркого героя их книги даже на фоне М. Зерова или Д. Чижевского с В. Петровым. Впрочем, те известны русскому читателю несколько более.

Много забавного можно найти в том, как именно цитируются соавторами манифесты и тексты Йогансена. Так, приведя из его поздней, конца 1920-х гг., «Автобиографии» сведения о том, что тот когда-то участвовал в написании «Универсала» (конституции, как у свободной Украины!) своей группы в конструктивистском духе и упомянув ниже, что в 1920 г. автор еще думал стать футуристом, с большим опозданием, скажем от себя, соавторы

не приводят слов Йогансена, что тогда он понимал конструктивизм совершенно по-своему! И пишется это на грани существования литературного конструктивизма⁸ вообще, и тогда, когда, например, киевлянин Николай Ушаков или Макс Тарловский бегут от этого именованія, как от «старообрядческого», вспомним Маккавейского, ладана!

Для того, чтобы это знать, надо взять украинский том «Вибрані твори», на который и ссылаются соавторы.

Ну так мы дальше и будем поступать, цитируя не творчески обрешанные переводные цитаты, а подлинные украинские тексты блистательного Йогансена, который недаром писал, размышляя о далеко не прямой связи слова, значения и, страшно вспомнить, внутренней формы слова так:

Кожному, певне, доводилося чувати отаке, що не тільки, скажемо, слово «цвірінькати» нагадує само відповідний йому пташаний го-мін, але і що, скажемо, слово «роза» нагадує квітку троянди, а слово «фіялка» подібне чимсь до самої цієї квітки. Цей так званий мовний фетишизм особливо розвинений у людей, що володіють однією тільки мовою. Український письменник мусить володіти принаймні російською та польською мовою. Цього дуже легко досягти, і не зробити цього невеличкого зусилля — просто ганебно!

Но неужели только «Український письменник мусить володіти принаймні російською та польською мовою». Попробуем, вспомнив и свое полонистическое детство и диссертацию «Владимир Маяковский и Польша: реконструкция исторической рецепции», прочесть Йогансена «так, как он написан», говоря словами Мандельштама из его «Выпада».

Итак, самый теоретически нагруженный отрывок, который в русской обработке соавторов находится на с. 206.

До того, как его процитировать приведем мнение соавторов о ситуации с изучением проблемы «Йогансен и Шкловский»:

Вопрос влияния работ Шкловского на Йогансена уже рассматривался в работах Я. Цимбал, А. Белой, Г. Гринь, однако эта пробле-

⁸ Обращаем внимание на стилистически нагруженную и семантически при небольшом желании осмысляемую ссылку соавторов: *Біла А.* Український літературний авангард. Киев: Смолоскип, 2006. С. 215–238 (Глава «Від “конструктивної лірики” до конструктивістської прози»!)

ма не ставилась ими в более широкий контекст — истории литературной пародии в русской (и [почему же? — Л. К.] отчасти украинской) литературе ... (Курсив в цитате наш. — Л. К.)

далее ссылки, впрочем, и на замечательное название статьи *Hryn H. Iohansen's Journeys: Ukraine's First Formalist Novel* // *Harvard Ukrainian Studies: Part 1. 2011–2014. Vol. 32–33. P. 377–393* в сочетании с подзаголовком главки из книги *Біла А. Український літературний авангард. К. : Смолоскип, 2006. С. 215–238. (глава «Від “конструктивної лірики” до конструктивістської прози»)* (Корпус наш. — Л. К.).

Поистине, стоит разобраться во всей этой пародийности и пародичности (по Тынянову) текстов Йогансена.

Итак, самый типичный и, одновременно, яркий пример:

Оголення техніки (обнаження приєма).

Новелістична техніка (збудування фабули, умотивування розв'язки натяжками тощо) має цілком певне завдання: дати максимум напруження при читанні. Отже, це не іграшки і не добра воля авторова, а конечна потреба.

В той момент, коли письменницька техніка вже не встигає вганятися за новими вимогами життя, письменник-новатор одкриває цю техніку публіці. **Як фокусник-престижист-татор, по закінченні сеансу, показує, яким чином він добував із свого носа крашанки, так письменник, оголюючи прийоми та роздягаючи техніку, показує читачеві її старі кістки, щоб йому захотілось іншої.**

Нема чого й казати, отаке розкриття фокусів варто влаштовувати лише тоді, коли якісь фокуси, якась техніка справді були. Коли ж отак оголяти прийом починає якийсь новачок, що сам про техніку не має достатньої уяви (не те, щоб нею добре володіти), то буває дуже смішно, а подекуди навіть сумно. Більш того, коли ціла література, ще не оволодівши технікою, кидається її розкривати перед читачем, то він бачить дуже смішну... і дуже сумну картину. В усякім разі, для молодого письменника таке діло скидається на самогубство.

Из всего этого текста в русской книге осталось название «Обнажение приема» и эпизод про карточного фокусника, который мы выделили корпусом. Из этого сочетания делается далеко идущий и далеко уводящий читателя в сторону вывод: «Не сложно в подобном утверждении увидеть формалистскую теорию литера-

турной эволюции (см. главу «Пародийный роман» у Шкловского [«О теории прозы». — Л. К.]⁹).

Прежде всего, заметим: и «обнажение приема», и «максимум напряжения», и другие следы «анальной эротики» (по Крученых), настолько очевидны, что комментарии не требуют. Это не столько пародия, сколько просто использование терминологии Шкловского.

А вот рассуждения о том, что, если обнажать прием начинает новичок, да еще и не владеющий этой техникой, да еще и (Sic!) представитель того, что Йогансен называет «ціла література, ще не оволодівши технікою» и даже становящийся смешным, комментарии требуют. Более того, речь у Йогансена идет даже о том, что «таке діло скидається на самогубство»!

Где здесь обнаружена теория литературной эволюции, нам не ведомо.

А ведомо нам, что здесь пародируется тот предельно значимый терминарий, тезаурус которого приложен к «О теории прозы». Там столько разного рода «обнажений», что простор для пародии безграничен.

Но есть там одно очень важное место, где появляется один самообнажающийся автор:

Нельзя воспринимать произведения поэта как ряд его признаний, скрепленных честным словом. *Даже самообнажающийся писатель, как Андрей Белый, себя обнажить не может.* То, что кажется Белому личным высказыванием, — оказывается новым литературным жанром.

Еще менее следует верить в документальность признаний поэтов и в серьезность их мировоззрения.

Мировоззрение поэта своеобразно преломлено — при условии, что поэт профессиональный — тем, что оно является материалом для построения стихов.

Поэтому в верованиях поэта много иронии, они — игровые. Границы серьезного и юмористического сглажены у поэта отчасти

⁹ В примечании отметим, что ссылаются соавторы на книгу Шкловского издания 1929 г., в то время как Йогансен имеет в виду в своей книге 1928 г. издание книги Шкловского «Кругом» 1925 г. Однако, к сожалению, его нет в сети. Не будем огорчать соавторов и пойдем в цитатах за ними по изданию 1929 г., чтобы их не сбивать. Нам это не помешает, т. к. в любом случае нам будут важны лишь три первых статьи из этой книги любого издания.

и тем, что юмористическая форма, как наименее канонизованная и в то же время наиболее ярко работающая с ощущениями смысловых неравенств, — подготавливает новые формы для искусства серьезного¹⁰ (Курсив в цитате наш. — Л. К.).

Вот как связано «самообнажение» классика русской литературы с литературной эволюцией. Более того, даже его «самообнажающаяся» техника оказывается связана с тем, что Белый, говоря словами Йогансена, «покаже читачеві її старі кості». На сей раз, обнажаемые им «старі кості» лежащего в могиле Александра Блока с бесконечными отсылками к ссоре поэтов года 1901.

Совершенно очевидно, что в рамках осушения платоновского океана, из которого должна сама собой подняться украинская Атлантида, очень не хочется говорить о том, что украинская литература даже по мнению Йогансена в ее самообнажении «смешна».

Однако в рамках концепции книги, где ближе к концу будет опровергаться теория великого Д. Чижевского о т. н. «неполноте» украинской литературы в его фундаментальной ее истории, лучше процитировать что-то про фокусника и карман, чем полный и очень глубокий абзац Йогансена.

Но все не так скучно. Шкловский продолжает строить «тыняновскую» теорию литературной эволюции:

Поэтому в верованиях поэта много иронии, они — игровые. Границы серьезного и юмористическою сглажены у поэта отчасти и тем, что юмористическая форма, как наименее канонизованная и в то же время наиболее ярко работающая с ощущениями смысловых неравенств, — подготавливает новые формы для искусства серьезного.

В случае Йогансена — это новые формы именно украинской литературы. И увидеть их можно, если чуть отвлечься от Шкловского и вспомнить о Тынянове, который едва ли не откровенно назван автором в следующем пассаже, не приведенном соавторами:

Скорочення штатів

Вибравши таким робом ефектну ситуацію і знайшовши фігури, що її виконуватимуть (а знаходимо ми їх, приміром, підбираючи кон-

¹⁰ Шкловский В. О теории прозы. М., 1929. С.221.

трастові фігури для яскравішої характеристики: до старого беремо молоде, до злочинців святе, до брюнетів — блондинів тощо. Подекуди ми подвоюємо фігуру — так Бобчинський та Добчинський є пощеплена надвоє дієва особа), знайшовши, кажу, виконавців, ми обмірковуємо ті посередні стани, що призводять урешті до кінцевої ситуації¹¹. При цьому ми дивимось, чи не можна скоротити число дієвих осіб чи об'єднати якусь двійцю в одну особу. Коли в нас, окрім головних героїв, є ще кілька другорядних, то часом буває вигідно віддати всі другорядні функції одній особі. Замість показувати п'ять душ по одному разові, вигідніше буває показати п'ять разів одного¹². Приміром, у "Миколі Джері" Нечуя-Левицького показано кілька цукроварень, кілька управителів тощо, і все схематично. Вигідніше було б соковито показати одну цукроварню, та так, щоб вона в'їлася в свідомість читачеву. Що з *меншими засобами* досягнуто ефекту, то *більше вражіння* буває від цього ефекту — це загальне правило. Нас не дивує, що курка могла за п'ять днів знести п'ять яєць враз, та коли клоун в цирку виймає з свого носа чи з вуха п'ять крашанок, це справляє на нас колосальне вражіння.

Далі ми провадимо «скорочення видатків на подорожі, квартирі й декорації». Ми не додержуємося фанатично того правила, що все має відбутися протягом одного дня, в однім місці, та те саме правило економії засобів має чинність і тут. Отака собі фраза: «Минуло п'ятнадцять років» усередині якогось оповідання прикро розколює його на дві частини — а цього треба уникати — це порушує єдність.

¹¹ Ср. у Шкловського на с. 222: «Кроме вставных антропософских статей с цитатами о лиловом и золотом цвете, «Воспоминания о Блоке» наполнены отголосками ссор Блока с Белым. Ссоры Блока с Белым, вероятно, реальные, их трудно целиком разложить на явления стиля. Но нужно сделать очень существенные оговорки.

В старину писатель об этом не писал бы (Львов-Рогачевский думает, что это потому, что в старину писатели были лучше).

В руках писателя — выбор фактов. Например, Чехов при жизни не напечатал своих записных книжек, для нас же они интересны сами по себе, теперь же Горький свои «Записные книжки» печатает, а вот повести Чехова нам скучноваты.

Есть сказка про мужика и медведя. Работали они пополам: одному корешки, другому вершки. Мужик же сеял то рожь то репу и надувал медведя. В литературе есть свои корешки и вершки, и фокус литературного момента все время перемещается. Сейчас сеют репу, и мемуарная литература, «Сырой материал» «записных книжек», и есть гробневая литература наших дней».

¹² Уж не Гоголь ли с его «Мертвыми душами» — українець, писавший по-руськи, кстати, о мертвецах — имеется здесь в виду?!

Вище ми бачили, як письменник подекуди може уникнути такого щеплення. Коли ж така фраза буде траплятися два й більше разів у одній новелі — то це буде давати просто гумористичний ефект.

Ох, и хитер же М. Йогансен, который «гумористичний ефект» обращает на теории русских формалистов, легким движением пера произдевавшись над их проблемами. Причем, свою вполне очевидную, скажем прямо, русофобию, он обыграл не менее блестяще, чем Шкловский, «напряг» и «обнажил» свій «прием», очевидно достанный «из широких штанин».

Итак, Юрий Тынянов и его¹³

Сокращение штатов

Не надо пугаться — литературных. Я говорю о сокращении литературных штатов; впрочем, очень существенном. *Сокращен русский герой. И опять-таки не надо понимать этого слишком буквально — я говорю, разумеется, о герое романа, повести и т. д., а отнюдь не о реальном герое.*

Будь я на месте Госиздата, я бы объявил конкурс на создание русского героя. Но, принимая во внимание, с одной стороны, ставки Госиздата, а с другой — нынешнее состояние русской литературы, можно быть заранее уверенным, что конкурс удовлетворительных результатов не дал бы. Да и конкурсы что-то не помогают. Заказать закажут, а исполнения не видно. Директор театра у Диккенса заказал Николаю Никкльби: «Сочините такую пьесу, чтобы в ней были обязательно бочка и пожарный насос». — «Какая бочка, какой насос?» — «Я купил прекрасную бочку и прекрасный насос, и я хочу, чтобы мои зрители посмотрели на них». Но не всегда можно поместить в пьесу бочку и пожарный насос, хотя, быть может, это мировая бочка и насос мирового значения.

И вот — критика заказывает русский роман. Критике надоела маленькая повесть, или повестушка, или как еще это называется. Критик и читатель и сам писатель уже не чувствуют маленькой вещи: она перестала существовать как жанр. Когда Чехов написал всего две странички — и это было рассказом, он, вероятно, ощутил боль-

¹³ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 144–146. Здесь важна и дата публикации, и место: Жизнь искусства, 1924, № 6, 5 февраля. С. 21–22.

шую радость. Это была новая форма, новый жанр. А мы так привыкли к рассказу и в лист, и в пол-листа и в две строки, что удивляемся, почему не меньше, — почему не совсем ничего?

Роман нужен, чтобы снова ощутить жанр. А для романа нужен герой. Мы отвергли экзотику («Ленинград», и «Атеней», и «Всемирная литература» нас обкормили экзотикой, и уже Атлантида имеет для нас вкус пшенной каши). Стало быть, нам нужен русский роман. А в русском романе не может быть действующим лицом иностранец, даже если его зовут Федоров и даже если он из Москвы. Стало быть, русский герой.

Итак, юмор здесь многоэтажный. Полу-немец Йогансен создает теорию украинской литературы, пародируя по-украински русских формалистов, один из которых, как раз автор «Сокращения штатов», скрылся под «обнаженным» и «голландским» псевдонимом «Ю. Ван-Везен.» да еще и с китайским отзвуком «Ю. Ты-Ня-Нов». Герои очень украинской что прозы, что теории Йогансена откровенно издеваются над проблемами русской критики и литературы. Кроме того, переводчик на украинский язык западной литературы Йогансен именно оттуда берет свои примеры строения новеллы, впрочем, как и Шкловский, и Тынянов. Только у него эти примеры подробные и практические, а не теоретические.

Более того, на с. 211 соавторы приводят традицию его прозы «Путешествие ученого доктора Леонардо и его будущей возлюбленной Альцесты в слобожанскую Швейцарию» 1928 г. разом и к киевлянину Михаилу Булгакову, и к путешествию журналистов на Турксиб у Ильфа-Петрова!

Им, однако не приходит в голову, что пародирует украинский теоретик, переводчик и прозаик не одного и не другого, а третьего (!) русского писателя, даже имя которого в указателе отсутствует: Это Чаянов и его «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М. Романтическая повесть, написанная ботаником Х. и иллюстрированная антропологом А. — М., I год республики [1918]. — 108 с. Тираж не указан, а также «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». — М., 1920 (Под псевд.: Иван Кремнёв) и, раз уж нам надо найти соответствие Леонардо из Йогансена, то пусть будет и «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека. Романтическая повесть, написанная бота-

ником Х. и на этот раз никем не иллюстрированная. — Берлин: Геликон, 1923. — 48 с.» того же Чаянова.

Это поразительно и странно. Ведь к этому месту даются очень внешние ссылки на А. Вулиса и его книгу 1991 г., здесь же описана роль покойного исследователя в публикации «Мастера и Маргариты» и т. д., хотя Вулис давным-давно написал о Чаянове, Булгакове и т. д. в своих более ранних работах¹⁴. Более того, в указанной книге Вулиса есть та же самая мысль о предсказании Чаяновым Булгакова и его фантастики, да еще и о герое чаяновской прозы просто Булгакове! Писал об этом Вулис с давних времен. Но есть этот сюжет и у М. О. Чудаковой. Поэтому объяснить такой промах мы не в силах. Однако судьба-злодейка оказалась еще жестче по отношению к соавторам, которые писали на с. 218:

Как уже отмечалось выше, «Путешествие ученого доктора Леонардо ...» — одна из тех прозаических книг, которые завершают период поисков советской литературы 1920-х годов в области пародии и стилизации. Эта книга замыкает ряд, который еще до революции начинается с «Подвигов Великого Александра» (Кузмина) [с указанием на влияние этой прозы на Кафку]. В условиях становления сталинского режима и нового типа советской культуры, ориентированной на «большой имперский канон» и «большие жанры», стилизация и пародия становятся нежелательными, если не опасными.

Кажется, финальную точку в этом процессе поставили Ильф и Петров в романе «Золотой теленок», где Остап Бендер, путешествующий в «пресс-вагоне» на открытие Турксиба, *пытается заработать, предлагая советским журналистам своего рода писательский лексический «конструктор», из которого можно соорудить и передовицу, и очерк, и репортаж в любом стиле 1920-х годов.* В «наборе» Бендера можно встретить слова из обихода (!?) конструктивистов, раппопцев и других литературных объединений. Как и в случае «Парнаса дыбом» и «Путешествия ученого доктора Леонардо ...» перед нами двойная пародия — на тех, кто механически воспроизводил свой стиль, и на тех, кто строил свою литературную теорию на идее набора приемов. Шкловский «покаялся» в 1930 году, год спустя Ильф и Петров пародируют уже «мертвый» формализм и культ литтехники.

¹⁴ Например: <https://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43393309665/Kak-professor-CHayanov-byil-pisatelem-i-predskazal-Bulgakova>.

Лучше бы не поминали соавторы «покаяние» Шкловского (являющееся лейблом “Russian Formalists” ФБ) в связи с т. н. словариком Шафира, который и пародируют Ильф-Петров. С одной стороны, существует статья А. Федуты¹⁵, где высказывается идея о связи продаваемого пособия по писанию дорожных репортажей с «Техникой писательского ремесла» Шкловского. С другой стороны, А. Федута цитирует только статью «Перекресток» 1924 г. из современного сборника «Гамбургский счет» 1990 г.

Между тем, Ильф-Петров пародируют очень конкретный материал — это пособия Шафира, которые было принято называть «словарик Шафира». Например, в статье Г. Винокура «Язык нашей газеты»¹⁶, используется книга Я. Шафира «Газета и деревня» 1923 г., а в «Гамбургском счете» Шкловского в т. н. «Заготовках II» читаем:

Дело не в понимании слова, а в незнании его тесного значения.

Дело идет не о замене слова словом, а о сообщении читателю наибольшего количества знаний. Слово существует в фразе.

Нужны словари не слов, а понятий.

Неважно — русские слова или иностранные.

Пока же мы имеем увлечение переводом, — в этом есть хорошее.

Обнаружилось, что газетчики слов, ими употребляемых, не понимали. Возьмем, например, словари Шафира. Там все неточно. Впрочем, в одной крупной столичной газете слово «чемпион» было переведено — зачинщик.

Шафир — один из зачинщиков всей истории, он же и чемпион неточного знания слов.

Нужно знать слова. Например, слово х а л т у р а . Откуда оно?

Одни говорят, что это слово греческое, что происходит оно от «халькос» — медь.

У духовенства различались доходы: парофияльные и халтуральные.

На юге России халтурой называлась плата за требу (богослужение по частному заказу), исполненную вне своей епархии¹⁷.

В примечаниях ясно сказано:

¹⁵ Федута А. Остап Ибрагимович Шкловский // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 156–174.

¹⁶ Винокура Г. «Язык нашей газеты» // Леф. 1924. № 2. С. 117–140.

¹⁷ Шкловский В. Гамбургский счет ... С. 351.

Очевидно, имеется в виду кн. Я. Шафира «Газета и деревня» (2-е изд. М. — Л., 1924), в которой были приведены результаты исследования понимания крестьянами языка современных газет. Как указывают там же комментаторы «Цикл составили: ответ Шкл. на анкету “Ваши пожелания художественной литературе” (Журналист. 1925. № 5. С. 31 — три первые заметки) и заметки из “Записной книжки Лефа” (НЛ. 1927. № 7. С. 7–9, без назв. Подп.: В. Ш.)».

Но ведь это «Заготовки» к злым статьям о Зориче и тот самом Сосновском, которые, как указывают комментаторы:

ЗОРИЧ. Впервые — Журналист. 1925. № 6–7. С. 16–17 (под назв. «А. Зорич»). Печ. по ГС, с. 63–67. Ст. явилась одной из первых советских работ о фельетоне (ср.: *Шафир Я.* От остроты к памфлету. М., 1925; *Журбина Е.* О современном фельетоне. — Печать и революция. 1926. № 7). В 1927 г. под маркой ГИИИ вышел сб. «Фельетон» — сост. И. Груздева, Е. Журбиной, В. Сержа и Вл. Шкловского и предисл. Ю. Тынянова и Б. Казанского.

И все же, как мы и говорили, ситуация еще хуже, хотя, казалось бы, куда еще Дело в том, что в 1927 году в № 191 «Вечернего Киева» на с. 3 была опубликована статья некоего В. Г. «Реформа языка», посвященная куда более близкой для нас теме — книге Я. Шафира «Вопросы газетной культуры», где важна каждая особенность библиографического описания: *Шафир, Яков Моисеевич.* Вопросы газетной культуры... [Текст] / Я. Шафир; Предисл. Л. Сосновского. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1927 (Л. : тип. Печатный двор). — 209 с.

Итак, перед нами не просто книга уже известного нам «путаника» значений слов, над которым смеется В. Шкловский или издевается Г. Винокур, но откровенный полемический отклик на формалистические издевки. Впрочем, газета «Вечерний Киев» 1927–1929 г., имеющая прямое отношение к О. Мандельштаму, Лесю Курбасу, А. Грановскому и С. Михоэлсу, соавторам не известна.

Статью о реальном «словарике» Шафира, приложенном к упомянутой в киевской газете книге, мы приведем, как и всегда в этой серии в приложении в качестве бонуса, среди других не менее интересных.

Так закончилась традиция путешествий в «Слобожанскую Швейцарию» и в неназванную «страну крестьянской утопии», которых так неосторожно коснулись А. Дмитриев и Г. Бабак. Нетрудно видеть, что класс литературно-пародийной игры у московских и питерских формалистов абсолютно равен «асимметричным ответам» блестящего Йогансена. И так поразительно, что искатели подводной украинской Атлантиды умудрились пройти мимо всего лишь струй дождя!

Теперь самое время обратиться к проблеме упомянутой выше т. н. «халтуры». На с. 175 читаем:

Важно обратить внимание и на разные функции учебников и пособий по «литературности» в российском (в терминологии НИУ ВШЭ!) и украинском контекстах. И в том, и в другом случае речь шла о ликвидации элементарной словесной безграмотности, учитывая и растущий идеологически мотивированный призыв тружеников от сохи и станка в литературу

(...) Но все-таки одними «протосоцреалистическими» целями эта ставка на литературную учебу не ограничивалась. В конце концов, и русский формализм был тесно связан в самом начале 1920-х с литературными студиями издательств и в меньшей степени с Всероссийским литературно-художественным институтом. В нэповской России самоучители словесности порой были и формой литературно-идейной борьбы разных течений и школ (как в случае соответствующих руководств Шенгели и Маяковского). (Ссылка на статью Постоутенко 1991 г.! — Л. К.)

У сторонников Опояза были и теоретически выдержанные (как у Томашевского), и более «халтурные» заказные пособия, как «Техника писательского ремесла» Шкловского.

Здесь даже трудно что-то сказать всерьез. Ведь «Как делать стихи» В. В. Маяковского — никак не «руководство», да и обсуждает «руководство» Маяковского Шенгели не в своих книгах для молодых, а в «Маяковский во весь рост», книге, доложенной предварительно в ГАХНе тем, кому начальное литмастерство ни в каком виде не надобилось — это были звезды российской гуманитарии, которым «с умом и талантом» довелось работать в Советской России. От себя заметим, что этот доклад основан на вывернутых наизнанку старых дореволюционных вступительных словах Шенгели на в основном провинциальных вечерах поэз

Северянина, и во многом это связано с попыткой отбиться от возможных обвинений Маяковского во всем этом. Хотя сам Маяковский вовсе не был врагом эмигранта-поэзотворца¹⁸.

Совершенно другое — серьезная книга по поэтике Б. Томашевского, издающаяся по сию пору. Книга Шкловского именно типа руководства «Техника писательского мастерства», обращенная к молодым писателям — это выжимка из «О теории прозы». Халтуры там не много, в отличие от того, что думает плохо понимающий Шкловского украинский рецензент М. Могилянский, чей отзыв есть в книге Дмитриева и Бабак.

Наконец, укажем на один невеселый эпизод 1936 г., когда перед самой посадкой и казнью Л. Каменев предложил формалистам после «дискуссии» о них самих «подроботать».

И вот итог по дневнику К. Чуковского:

Ноябрь 14. Приехал Каменев. Остановился в Академии Наук у академика Кржижановского. Прелестный круглый зал — куда собрались вчера вечером *Томашевский, Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский, я, Швальбе, Саянов, Оксман, Жирмунский*. Каменев с обычным рыхлым добродушием вынул из кармана бумажку — вот письмо от Алексея Максимовича. Он пишет мне, что надо сделать такую книгу, где были бы показаны литератур. *приёмы* старых мастеров, чтобы молодежь могла учиться. — Какая это книга, я не знаю, но думаю, что это должно быть руководство по технологии творчества.

Тут он предъявил к бывшим формалистам такие формалистические требования, от которых лет 12 назад у Эйхенбаума и Томашевского загорелись бы от восторга глаза. Мысль Каменева — Горького такая: «поменьше марксизма, побольше формалистического анализа!..» Но формалисты, к-рых больше десяти лет отучали от формализма, жучили именно за то, что теперь так мило предлагается

¹⁸ Подробно и специально см. реальный и не учебный контекст всех этих текстов: *Кацис Л.* Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. Изд. 2-е, доп. М., 2004. С. 328–369. (2.1.8–2.1.10. Маяковский. Северянин. Шенгели «Маяковский во весь рост» Г. Шенгели; Маяковский. Шенгели. Белый «Маяковский во весь рост» Г. Шенгели. «Мастерство Гоголя» и «Ритм как диалектика» А. Белого; Белый. Шенгели. Бобров «Маяковский во весь рост» Г. Шенгели. «Ритм как диалектика» А. Белого. С. Бобров в «Словаре литературоведческих терминов». «Сдвигология русского стиха» А. Крученых. «Как делать стихи Маяковского»).

им в стильной квартире академика Кржижановского за чаем с печеньями, — встретили эту индульгенцию холодно. Эйхенбаум сказал с большим достоинством:

«Мы за эти годы отучились так думать (о приемах). И по существу потеряли к этому интерес. Отвлеченно говоря, можно было бы со-
здать такую книгу... но...»

— *Это была бы халтура...* — *подхватил Томашевский.*

Эйхенб. Теперь нам пришлось бы пережевывать либо старые мысли, либо давать новое, не то, не технологию, а другое (т. е. марксизм).

Во всех этих ответах слышалось:

А зачем вы, черны вороны,

Очи выклевали мне.

Каменев понял ситуацию. Ну что же! Не могу же я вас в концен-
трационный лагерь запереть.

Жирмунский. Мы в последнее время на эти темы не думали. Не слу-
чайно не думали, а по какой-то историч. необходимости»¹⁹.

Теперь без этого эпизода, когда бывшие формалисты не «сда-
ли» своего лидера, не приглашенного на встречу, говорить о «хал-
туре» просто так и вне реального контекста невозможно. Впро-
чем, этот эпизод настолько труден и серьезен, что мы его здесь
только упоминаем.

Все эти разговоры о «халтуре» с одной стороны, и какой-то це-
лостности украинского формализма, с другой, заставляют поиск-
ать истоки подобной позиции. Тем более, что соавторы уверенно
возводят историю украинского формализма к последовательности
имен Франко-Потебня-Булаховский-Белецкий.

В самом начале мы уже видели довольно странный комплект не-
до-Опоязовцев, но они, как кажется, придуманы соавторами.

А вот сложносочиненная история украинского формализма,
как оказалось на с. 252, где в трудах марксистски ориентированно-
го В. Коряка мы находим очень важное построение:

...вслед за Плехановым критик выстраивает систему взаимооб-
условленности и иерархии разных «этажей» — социально-поли-
тического, экономического, психологического, идеологического,
литературного (мифологического), где последний служит для «ху-
дожественного оформления идеологии.

¹⁹ Чуковский К. Дневник. Т. 2. М., 2003. 1930–1969. С. 125.

Начинает Коряк с выделения «фракций формалистов» (вот оно важнейшее для нас место! — Л. К.) 1) психологический формализм (потребницанцы); 2) этнографический формализм (школа Веселовского); 3) лингвистический формализм (Опояз); эклектический формализм (Жирмунский), 5) футуристический формализм (разные комфуты)²⁰.

При таком подходе, который негласно используют соавторы, включив в предшественники, как мы видели и Ивана Франка, можно строить любые конструкции, даже толком не понимая, о чем идет речь на с. 343:

Опоязовцы до определенного момента были теоретиками русского футуризма, который отчасти стал импульсом для их поисков в области поэтического языка. Вспомним. Помимо близости Якобсона и Шкловского к Маяковскому Бориса Кушнера (1888–1937), участника Опояза и одного из первых коммуно-футуристов, члена РКП (б), а в последующем плодовитого очеркиста-лефовца.

И примечание:

Кушнер был автором замеченного рецензентами краткого трактата-манифеста «Родина и народы» (1915) в духе еврейского мессианизма и тезисов о демократизации искусства для детей левого блока работников искусства (1917). А также причастен к созданию «Вольфилов» в 1919 г. Из поздних очерков отметим: Кушнер Б. [Трактор] Джон Дир и украинка: повесть о станице Старошербиновская. М. ЗИФ. 1930.

Понятно, что авторы не сопоставили еврейский мессианский манифест, явно в духе Бера Борохова и с аналогичным сочинением или текстами белорусского еврея и московского теоретика Льва Выготского. Не знают они, что Кушнер был важным звеном в той торговле мехом, которой занимался Леф, торговле, перехваченной у него Конструктивистами и «Пушторгом» Сельвинского²¹. Того самого Сельвинского, который писал и «Теорию вузов-

²⁰ Отметим изрядную провиденциальную проницательность Коряка, который еще в 1923 году «... рассматривает идеологическую позицию Дмитрия Донцова и «Литературно-научного вестника», называя последний «органом украинского фашизма»». С. 250.

²¹ Подробно: *Кацис А.* Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. Изд. 2-е доп. М., 2004. С. 391–392.

ки Лютце» с явными отсылками не только к режиссеру однофамильцу героини, но и к Лотце. См. 487 и др. об источниках «Мысли и языка» Потебни²² и с. 285.

Но это о предшественниках. А теперь о современниках.

С. 29. Яркая литературная и идейная жизнь 1920-х в зеркале памяти (даже если речь шла о бывших свидетелях) явно заслоняла перипетии научных споров. Так было с крупнейшим украинским лингвистом, литературоведом и критиком Юрием Шевелевым (Шерехом), ко-

²² Здесь предельно кратко остановимся на одной немаловажной особенности украинской литературной ситуации. Мы говорим об участии евреев в становлении, в числе прочего, и украинской литературной теории. Так, Владимир Коряк (Волько Давидович Блюмштейн, 1889–1937), Иван (Израиль) Кулик 1897–1937, погибшие, в числе многих украинских писателей в годы террора, либо Иеремия Яковлевич Айзеншток (20 февраля (4 марта) 1900, Елизаветград — 7 июня 1980, Ленинград), Абрам Акимович Гозенпуд 10 июня 1908 г. (23 июня) Киев — 2 июня 2002 г. Санкт — Петербург; Исаак Григорьевич Ямпольский, 09 (22).XII.1902 (7. I.1903), Киев — 1991 СПб.), Александр Михайлович Лейтес (3 (5) апреля 1901 — 3 мая 1976 Москва), и т. д., будучи учениками украинских профессоров, героев книги, по разным причинам, среди которых обычно не упоминается антисемитизм, покинули Украину и работали в Москве и Ленинграде. Это касается предвоенного поколения. А уж то, сколько уроженцев Украины и Белоруссии развивали формализм, семиотику и бахтинистику «на просторах родины чудесной», и говорить не хочется. А ведь их ученики могли бы оказаться примерами распространения украинской науки в РСФСР...

Впрочем, не считать же основанием эстонской семиотики, наследницы формализма и живого Якобсона, питерских филологов Ю. Лотмана и З. Минца, оказавшихся в Тарту как раз по волне вполне российского антисемитизма. Похоже, здесь еще есть, о чем подумать. Об эмиграции — чуть позже. А пока заметим, что соавторы ссылаются на единственную специальную англоязычную книгу Йоханана Петровского-Штерна об украинских писателях еврейского происхождения, где есть и их герои. Сейчас же скажем, что позиция этого исследователя, связывающего выбор украинского языка с обязательным антиимперским выбором украинских евреев, нашла своего критика в лице идишского и ивритского поэта, выходца с Украины, издателя украинской антологии переводов еврейской поэзии В. Чернина. См. Чернин В. «Усе життя ітимеш через терни»: Українські літератори євреї в ХХ в. // Вестник Еврейского университета. № 15 (33). М.; Иерусалим, 2014–S755. С.125–167. Обратим внимание, что автор этой статьи рассматривает украинско-еврейских деятелей в тесной связи с их белорусско-еврейскими литературными собратьями. В рецензируемой книге это редчайшие примеры, а задача их изучения почему-то ставится только в заключении. И еще одна деталь. Более чем странно, что соавторы не упоминают громадный проект проф. Еврейского университета в Иерусалиме Р. Д. Тименчика по изучению читателя эпохи символизма-акмеизма, где именно идеи Белецкого являются методологической базой. А ведь это тоже могло считаться «влиянием» украинской науки о литературе на мировую.

торый как историк науки немало сделал для возрождения интереса в первую очередь к уничтоженным в годы террора украинским языковедам. Тяжелый личный и научный конфликт Шевелева с Якобсоном с 1950-х годов, перемена и «Удревление» интересов Дмитрия Чижевского в контексте эволюции немецкой славистики²³ весьма осложнили возможности продуктивного историографического диалога российского и украинского формалистоведения.

Этот «конфликт» в немалой степени связан и с лингвистической позицией Шевелева, отрицавшего существование единого праславянского или прорусского языка и считавшего что русский, украинский и белорусский языки происходили от независимых отдельных племенных языков. Не будем обсуждать идеологическое наполнение подобной лингвистики. В любом случае, ее как-то трудно сегодня соотнести хотя бы с ностратикой.

Но дело не в этом. Ведь имел место и еще один конфликт, приведший к возвращению уже Д. Чижевского в Германию из США. Однако остался там и успешно доработал до пенсии аспирант Чижевского времен работы в гитлеровском Галле проф. Всеволод Сечкарев²⁴, уроженец Харькова:

8 апреля 1914, Харьков — 1 декабря 1998. Профессор славянских языков и литературы Гарвардского университета на кафедре имени Курта Гюго Рейснинера. Окончил гимназию и университет

²³ «Удревление» никого не должно пугать. Не каждый день находятся тысячестраничные рукописи космологических трудов Яна Амоса Коменского, с одной стороны, и ничто не мешает сочинять «Гегеля в России» вместе с «Кризисом советской философии», с другой. Собственно, сама немецкая славистика даже гитлеровского времени тут ни при чем. Кстати, обвинять в коллаборационизме Чижевского никому в голову не приходит. Дело в другом: «Жена Чижевского, Лидия Израилевна Маршак, с дочерью Таней вынуждены были уехать в США. В нацистской Германии неарийские родственные связи не приветствовались. Деятельность Чижевского была под пристальным наблюдением властей. 19 апреля 1937 года был объявлен указ об увольнении всех преподавателей, находящихся в родственных отношениях с евреями. Такие лица отныне переходили в категорию нежелательных элементов» http://www.hrono.ru/biograf/bio_ch/chizhev_di.php.

²⁴ Обо всем этом см цикл публикаций.: *Владимир Янцен. О влиянии идей Шеллинга в России: В. М. Сечкарев и Д. И. Чижевский.* С.310–320; Всеволод Сечкарев. Влияние Шеллинга в русской литературе 20-х и 30-х годов XIX столетия. С.320–453. Д. И. Чижевский (Галле на Заале). С. 453–474; Всеволод Сечкарев (Бонн на Рейне) С. 474–486: Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 годы / Под редакцией М. А. Колерова. М., 2018.

в Берлине. Удостоился степени магистра по славистике и докторской степени в Берлине, Бонне и Гарварде. Занимал должность профессора славистики в Бонне, Гамбурге, с 1957, до ухода на пенсию, в Гарвардском университете,

что нетрудно узнать в интернете.

От Чижевского и его ученика вернемся к Шевелеву: с. 148:

И наконец, чуть позже, уже в конце 1920-х годов, лекции Белецкого, а также его учеников — Булаховского, Шамрая, Габель — посещает известный в будущем украинский славист и историк литературы Юрий Шевелев (Шерех).

Примечание к этому месту:

Юрий Шевелев (фамилия при рождении — Шнайдер; псевдоним Юрий Шерех; 1908–2002) — славист, историк литературы и литературный критик, писатель, эмигрант второй волны. Действительный член Научного общества им. Т. Г. Шевченко (1949), и Украинской академии искусств и наук (1945), иностранный член НАН (1991). Во время войны публиковался в Харькове в издававшейся немцами украинской газете, работал в оккупационной немецкой администрации, ушел с отступающим вермахтом в Словакию, затем в Германию, где и продолжал после 1945 года научные занятия. Во второй половине 1940-х работал в Украинском свободном университете в Мюнхене. В 1950 переехал в США, преподавал в Гарварде, профессор Колумбийского университета. Получил широкую академическую известность как лингвист. В постсоветской Украине деятельность Шевелева 1942–1944 годов порой рассматривается как свидетельство его коллаборационизма, что до сего дня вызывает ожесточенные дискуссии, в частности, в связи с попыткой установить мемориальную доску ученому на харьковском доме, где он родился и жил до эмиграции.

Это серьезная проблема для всех, пишущих об Украине. Порой не хватает слов, чтобы решиться прямо назвать происходящее. Но мы это сделаем: **В Харькове топором разбили мемориальную доску Юрию Шевелеву**²⁵

²⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=YLUEjcEeKNg>.

Тем более, что авторы так и не решили для себя, можно ли со всей очевидностью и без экивоков написать о белорусском деятеле просто «коллаборационист» в скобках, либо на с. 177 написать, упреждая законодательно запрещенный на Украине термин:

Борис Якубский (1889–1944) ... В 1921–1941 годах занимал разные должности в Киевском университете (в то время — Киевский институт народного образования им. М. П. Драгоманова). В 1932–1934 годах был деканом филологического факультета, в 1933–1941 годах заведовал кафедрой русской литературы. *Во время Великой отечественной войны* остался в оккупированном Киеве, продолжал работать в университете. В 1941–1943 годах — штатный сотрудник газеты «Новое украинское слово» («Нове українське слово»). В сентябре 1943 года вместе с семьей переехал в Житомир. В 1944 году арестован НКВД. Умер 28 декабря 1944 года в тюрьме в Киеве. Со ссылкой дисс. К., 2019 г. (!?).

И все это на страницах одной книги. А ведь этот термин входит теперь в список с характерным глубоко лингвистически обоснованным названием: «анти-оккупационный глоссарий».

Не хочется смеяться. Но тень «словарика Шафира» в исполнении нового Шевелева витает над нашей наукой.

Есть в книге и еще некоторые особенности. Так, авторам показалось очень важным указать, что соратник и, отчасти, соавтор, В. Шкловского младоформалист Н. Тренин с. 320. уроженец Елисаветграда, однако родину отца Шкловского Бориса там же они не указали, хотя она и совпадает с родиной Тренина.

Масса странностей и в исторической терминологии типа ставшего официальным в стране — «русские и украинская революции», либо на с. 355 дословно: «Зеров в период национальной революции».

Похоже, динамика разрешенного и запрещенного в Украине развивается слишком быстро...

Однако не настолько же быстро, чтобы соотнести «азиатский ренессанс» М. Зерова и т. н. «консервативную революцию» с коминтерновскими «буддийскими» текстами Мандельштама:

Модернизация в то время была одна, и она была советской. Ни о каком консерватизме здесь речи и быть не может. Любопытно отметить, что в литературной дискуссии в качестве примеров

собственного захватывающего интереса к пролетарской тематике Зеров приводит речи Бебеля и недавний роман французского писателя Пьера Ампа (...) который в 1924 г. параллельно для разных издательств перевели Бенедикт Лившиц и Осип Мандельштам; последний посвятил автору в одном уральском журнале весьма положительную статью.

Дается ссылка:

Мандельштам О. Пьер Гамп // Мандельштам О. Собр. Соч. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 2. С. 346–346. (Так! — Л. К.) (атрибуция неподписанной статьи принадлежит П. Поляну (неужели не П. Нерлеру?! — Л. К.).

Перед продолжением цитирования сноски заметим, что, похоже, соавторы не поверили в существование журнала «Товарищ Терентий», отсюда и дефиниция «один уральский». Но «Остапов» несет:

В связи с темой «азиатского ренессанса» стоит напомнить, что героем другого ближайшего по времени мандельштамовского очерка в декабре 1923 года в «Огоньке» стал молодой коминтерновец, будущий президент Вьетнама Хо Ши Мин. См. то же. С. 342–345.

Все так, только очерк не называется Хо Ши Мин. Теперь соавторы не узнали его в неприятном соседстве с термином, надемся, пока не попавшим в «анти-оккупационный глоссарий»: «Нью-эн-Ай-Как. В гостях у коминтернщика», поэтому нет и точного названия. Однако ближайшим по времени очерком был не очерк в «Огоньке», а очерк в «Товарище Терентии» «Международная крестьянская конференция», первая редакция которого напечатана в том же «Огоньке» недели за две до того. Не стоит к украинскому «азиатскому ренессансу» присобачивать буддийско-коминтерновские проблемы Монголии, Бурятии, Афганистана, тогдашней гигантской Индии. Все-таки, глобус Украины должен иметь свои пределы, если не территориальные, то хотя бы ограниченные профессиональными компетенциями соавторов-славистов²⁶.

²⁶ Специально см.: Э. Г. Сангадиева. Кто такие коронационные буряты? Из комментария к очеркам О. Э. Мандельштама «Первая международная крестьянская конференция».

Сложнейшие вопросы французского католико-буддийского колониального «синтеза» и прочие тайны очерка о Хо Ши Мине выходят за пределы нашей статьи, их обсуждение лишь начато с вьетнамистами. Однако проблемы с идеологическими построениями у авторов еще серьезнее.

На с. 366 авторы упоминают т. н. «азиатский вектор» Хвылевого, который:

«...включает в понятие “Европы” и тех, кто географически может с ней не соотноситься. “Европа” в его концепции выступает в качестве определенной и определяющей культурной категории, а также разновидностью интеллектуальной традиции в литературе и искусстве. (...) В своем памфлете “Украина или Малороссия” (1926), который не был опубликован при жизни, Хвылевой пишет: “Ленин нес свет в Азию, но он всегда советовал учиться у Европы. Он очевидно думал, что психологическую Европу можно объединить с Востоком”».

Сам Хвылевой писал также:

«Мы понимаем его (“азиатский ренессанс” Г. Б., А. Д.) как большое духовное возрождение азиатски отсталых стран. Он должен пройти, этот азиатский ренессанс, ибо идеи коммунизма бродят призраком не столько по Европе, сколько по Азии, поэтому Азия, понимая, что только коммунизм освободит ее от экономического рабства, использует искусство как боевой фактор». С. 367.

Здесь авторы не касаются влиятельной теории «Славянского ренессанса» Ф. Ф. Зелинского либо других Ренессансов, которые потом на протяжении XX века все возникали и возникали, например, у академика Конрада и т. д., нет здесь следов утопии Троцкого, где в Европу революция приходит по маршруту Кандагар-Будапешт, нет даже «простого» Велимира Хлебникова. Поэтому сопоставить уже подсоветские идеи Хвылевого с предшественниками, пусть и российско-польскими, необходимо.

янская конференция» и «Международная крестьянская конференция». OSTKRAFT / Литературная коллекция. Научное обозрение. № 2–3. М., 2020. С. 152–159; А. Кацис. Postscriptum к статье Э. Г. Сангадиевой «Кто такие коронные буряты?». Там же. С. 159–182.

Кстати, в 1944 г. Зелинский закончил свои дни в Баварии, на явном Западе. Ф. Ф. Зелинский был уверен, что у славян, вслед за классическим ренессансом, последует основанный на классике ренессанс славянский²⁷. Трудно не увидеть здесь то, с чем polemизует Хвылевой. Сюда же вписываются идеи Эры славян д-ра Штайнера или в «Истории становления самосознающей души» Андрея Белого, и т. д., а не только «Закат Европы», который видят соавторы и их предшественники.

Есть смысл коснуться и воздействия или параллелизма евразийства в связи со всеми этими проблемами:

«Стоит отметить, что в плане одействования для украинской культуры эмиграции — по сравнению с российской — куда перспективней оказалось в 1920–1930-е “вестниковство” Донцова с его консервативно-романтической апологией национальных героев — аристократов духа. (...) Внимание к географии славистики касалось не только трех (споловино) угольника Украина/“Азия” — Россия/Евразия — Европа, но и внутреннего измерения украинской филологии 1920-х, которая не ограничивалась только непростыми отношениями киевского и харьковского центров». С. 410.

Здесь опять же приходится указать на необходимость дополнения приведенных идеологом хотя бы концепциями М. А. Кириенко-Волошина, который

«... подробно изложил идеологию стихотворения в письме Петровой (от 26 января 1918): “Меня сейчас мучает и волнует один образ, который, не знаю, удастся ли выявить в стихах: он очень труден и опасен по теме. Посмотрите на карту Европы: Константинополь с системой проливов и Мраморным морем — это материнские органы Европы: и это не только внешне, но и внутренне: Византия в свое тысячелетнее царство была сосредоточием всех нервных — страстных — волокон — похотником Европы. Греция и Рим — они невинны — они до сознания пола, которое приходит только с христианством. Только в четырнадцатом веке,

²⁷ См. давнюю работу: *Хоружий С.* Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии. М., 1994. № 11. С. 52–62. Ср. подробный обзор: *Новиков М., Перфилова Т.* Ф. Ф. Зелинский и идея славянского возрождения // Известия ВГПУ. № 3 (37). Волгоград, 2009. С. 107–116.

когда мужская сила Ислама насильственно овладевает Константинополем, Европа становится женщиной и зачинает. Ее плод, еще не выношенный, но созревающий и уже вызывающий родовые схватки, — Россия. Родиться для мировой своей роли она может только через проливы.

“Выявить” этот сложный “образ” поэтическими средствами Волошину,

похоже, не удалось. (...) “Слово” было найдено в публицистическом дискурсе — в статье “Россия распятая” (оставшейся неопубликованной): “Мне представляется возможным образование Славии — славянской южной империи, в которую, вероятно, будут втянуты и балканские государства, и области Южной России. (...) Славия будет тяготеть к Константинополю и проливам и стремиться занять место Византийской империи”.

Волошин предлагает достаточно своеобразный (по-видимому, чисто православный) вариант российско-балканской Славии, к которому, например, католическая Польша или Чехия касательства иметь не будут, да и о воссоединении церквей (в духе Владимира Соловьева) речь у Волошина, похоже, не идет. Такой вариант Славии представляет для нас идеологический интерес, а на уровне топика “славянской взаимности” оказывается “вывертом” коллапсовской идеологии “славянских ре”. Только славянские реки неожиданно превратились в русское Черное море с турецкими проливами. В черновике “Европы” обращает на себя внимание и хлебниковского типа игра слов “Словенец” — “Скловенец”, т. е. раб-славянин, СКЛОНИВШИЙ голову»²⁸.

Эти идеи гарантированно были замечены евразийцами.

Именно сюда и надо отнести идеологию Марра с его малоазийской прародиной всех языков мира, причем, в основе этой теории лежит мысль о том, что в районе самого древнего языка мира — абхазского — находятся «Русский дух» и «Русь», понимает-ся, «яфетическая», что свидетельствует не столько о стремлении в Азию, сколько применяется для полемики с германской прародиной индоевропейского или арийского типа, хотя это намного выходит за рамки рецензии²⁹.

²⁸ Кацис А., Одесский М. «Славянская взаимность». Модель и топика. Очерки. М., 2011. С.195–196.

²⁹ См. нашу работу о «Сухуме» О. Мандельштама в этом номере.

За пределами наших рассуждений остается еще масса проблем, затронутых авторами. Но «всего не упустишь»³⁰.

Поэтому мы переходим к заключению, которое касается происхождения термина Атлантида. Поразительно, но возникает он опять же в «Вечернем Киеве» в очень своеобразном тексте:

ДВЕ ЛЕКЦИИ ПО УКРАИНОВЕДЕНИЮ. Остапа Вишни.

1. Для ярых русаков.

Что такое Украина?

³⁰ Так, мы оставили на будущее связь между этапами украинизации и делом об убийстве Петлюры; проблему активизации переводов украинской литературы на русский язык, в чем преуспел Маяковский [описание этой ситуации в ильф-петровской по названию статье «Вечернего Киева» «Лед тронулся» Вечерний Киев. 1929 № 51 (625)]. С. 2. См. в статье о «невстрече Курбаса и Михоэлса», написавший специальные стихи о необходимости изучения мовы; красивейшие теории Д. Чижевского и В. Петрова. О нем кратко скажем, что соавторы, зная о массе поворотов его биографии от украинского деятеля, через советского археолога, ставшего коллаборантом по заданию советских органов (в это не верил до конца Шевелев!), наконец украинского советского ученого, написавшего, тем не менее, мартиролог украинской культуры и похороненного на военном участке киевского кладбища с советским орденом на груди, не имеет вроде бы одного носителя единого авторства. Здесь укажем лишь на фигуру польско-русско-украинского деятеля Льва Гомолицкого, не так давно переоткрытого в его русской ипостаси в трехтомнике, подготовленном под руководством А. Флейшмана. Пусть у него не будет возвращения на Украину. Зато — будет агент и руководитель соцреалистической литературы Польши и на польском языке, чье творчество едва ли можно будет собирать и изучать всерьез как литературное вне специфической политологии и социологии стран соцлагеря. А вот захватывающая история, лишь недавно выплывшая наружу Живя в Париже, Илья Борщак работал на советские спецслужбы — профессор Вадим Ададунов <https://ru.espreso.tv/zhivya-v-parizhe-ilya-borshchak-rabotal-na-sovetskie-spetssluzhby-professor-vadim-adadurov>, а ведь это важнейший породитель современного варианта украинского исторического мифа побыл и евреем с момента рождения. И украинским деятелем. И бойцом французского сопротивления, агентом советских спецслужб. Ср. Приключения оборотня. Как еврейский мальчик Элияху Баршак работал украинцем: <https://ukraina.ru/history/20211011/1032426396.html>.

См. академическую работу: Ададунов В. Лабіринти ідентичності одного українського інтелектуала: Ілля Баршак перед Ільком Борщаким // Український історичний журнал. 2020. Число 6. С. 139: http://resource.history.org.ua/publ/UIJ_2020_6_13. А вот уже совсем недавняя история еврея-власовца Эмиля Ярхо, рожденного Эмилем Ярхо и крещеного в Екатеринославе сына Слуцкого мещанина Израйла Зимелева Ярхо. Вот передача по радио «Свобода» с характерным названием: <https://www.svoboda.org/a/na-svete-nravstvennom-zagadka/31561053.html>. Таким образом, ничего особенного, если обратиться к истории «украинского формализма» к украинской истории, судьба Петрова собой не являет. Только он еще, Слава Б-гу, не еврей. Так что в его случае все куда проще.

Украиной называется искони русская земля — Малая Русь, где все обильем дышит.

Расположена она на просторах Харьковской, Полтавской, Черниговской губерний.

Кроме того, к Украине относятся Червонная Русь, Прикарпатская Русь.

Столица Украины — Киев.

Исполняет обязанности матери городов русских.

Батяка русских городов где-то тоже должен быть, но, наплодив слишком много городепят, сбежал.

Население Украины — малороссийские хохлы. В широких штанах.

Говорят по-мужицки. Поют малорусские песни с гопаком.

Мужицкий язык теперь государственный.

Он очень похож на русский.

Синдикат и по-русски, и по-малорусски — синдикат.

Тантьема — тоже.

Так что разница не велика и научиться тем, для кого эта лекция пишется нетрудно.

II. Для ярых украинцев.

Что такое Украина?

Мама.

Украина это государство от Бискайского моря и до пустыни Гоби или Шамо. Основано оно за 5000 лет до сотворения мира.

Первого человека звали Остап (не Вишня, фамилий тогда не было), а первую женщину Галя-чернобровка.

Потом на Украине жили фараоны, Генрих Наваррский, римский папа, Иван Калита.

Все они были украинскими гетманами, но Иловайский это, конечно, скрыл.

Главная река Днепр (идет от Миссисипи, через Гольфштрем в Синее море. На нем плавали раньше «Титаники», но треклятые кацапы выпили воду и он обмелел³¹).

Только — дудки. Эту воду мы выжмем из кацапов с помощью Франции.

Язык на Украине самый лучший, небо самое лучшее, земля самая лучшая, народ самый культурный.

³¹ Сегодня акторы текста «Если в кране нет воды ...» в русской культуре изменились с «треклятых кацапов» на «живую русскую интеллигенцию».

На север от Украины живут треклятые кацапы, которые питаются исключительно украинцами.

На запад — Европа, которая постепенно подымается до украинской культуры».

Пер. с укр. А. Л. (Вечерний Киев. 1927. № 15. С.2.).

Это, действительно, сам Остап Вишня.

На первый взгляд, перед нами предельно оскорбительный текст, годный лишь в «canceled culture», но это совсем не так. Это внутри-украинская полемика.

Однако есть у этого автора и еще один текст, вышедший тогда и по-русски, и по-украински, еще более близкий к нашей Атлантиде:

Чухраїнці

Остап Вишня

(Спроба характеристики)

ПЕРЕДМОВА

“Чухраїнці”, як ми знаємо, це дивацький нарід, що жив у чудернацькій країні “Чукрен”.

Країна “Чукрен” була по той бік Атлантиди.

Назва — “чухраїнці” (і про це ми знаємо) — постала від того, що нарід той завжди чухався...

В цій моїй науковій праці ми спробуємо, за виконаними матеріалами, зазнайомити з характеристикою вищеназваного дивного народу.

РОЗДІЛ I

Країна “Чукрен”, як про те свідчать матеріали, знайдені при розкопках гробниці чухраїнського царя Передери-матнюріохора, розлягалася на чималім просторіні від біблійської річки Сону до біблійської річки Дяну. Біля річки Дяну простягалася пасмо так званих Кирпатих гір. Це — на заході...

Південь країни “Чукрен” обмивало море з водою синього кольору. Синім те море зробилося дуже давно, ще тоді, коли найбільша в світі катаклізма — бог одділив океани від землі. Тоді те море хотіло зробитися океаном — надулося, посиніло, та так синім на весь свій вік і залишилося.

В синє море текла найулюбленіша чухраїнцями річка Дмитро. А на південному заході була велика річка Дсітро. Од цих річок і чухраїнці прибрали назв: Наддмитрянців і Наддсітрянців. Наддми-

трянці — це ті, що жили над річкою Дмитром, а Наддністрянці — над Дністром.

Чухраїнців було чимало і щось понад тридцять мільйонів, — хоч здебільша вони й самі не знали, хто вони такі суть ...³²

В общем, аккуратно надо поступать со словами типа «Атлантида», иначе получится то, что здесь и получилось. Политические режимы приходят и уходят, национальные мифы периодически неизбежно выходят из подсознания (или темной зоны) в светлое (по формалисту Л. Якубинскому) поле сознания, а потом — наоборот. Процесс этот постоянный, равно как должна быть постоянной позиция гарантированной внаходимости исследователя столь опасных материй, а то вместо «Атлантиды советского модернизма» можно оказаться в «Країні “Чукрен”» шо «була по той бік Атлантиди».

Если же говорить о том, что дает теории формализма и книга соавторов, и наша работа, то Г. Бабак и А. Дмитриева можно только поблагодарить за то, что теперь можно поставить со всей серьезностью вопрос о расширении теории пародии Ю. Н. Тынянова, где, в рамках его «Мнимой поэзии»³³ литературные пародии делились на «фельетон» и «образ и стиль». В нашем случае мы имеем дважды-трижды спародированные и национальные украинские мифы у Вишни, и их совершенно иное бытование в русской языковой среде в переводе, и «обнажение» украинского литературного приема в «Сокращении штатов» Майка Йогансена, пародийно породававшегося исчезновению русского литературного героя из «страны крестьянской утопии», и т. д. В рамках межъязыковых игр в пародийность и пародичность украинских и русских формалистических (и не только и даже — не столько!) текстов, такая ситуация дает возможность поставить вопрос о том, что в советских условиях только глобализованная пародия описанного здесь типа не на чисто литературные «образ и стиль», а на «национальный» фельетон, включающий в себя и образную составляющую, т. е. именно пародия в тыняновском понимании, модернизированная на пути от «Выбранных мест из переписки с [русскими. — Л. К.]

³² А ведь написал все это не просто доктор М. А. Булгаков, запрета чьих «Дней Турбиных» добились украинские писатели у Сталина, а начальник госпиталей армии УНР, затем боровшийся после 10-летней отсидки, уже с бандеровцами.

³³ Мнимая поэзия / Под ред. Ю. Тынянова. М.; Л., 1931.

друзьями» Гоголя и «Села Степанчикова» не самого большого поклонника Украины Достоевского, к «Слобожанской Швейцарии» Майка Йогансена, позволяет создать языки описания, автоописания, автометаописания и даже взаимно-мета-описания русской и украинской культур, и не только (русско-польско-украинский треугольник вослед Йогансену ждет нас!).

А привычный скелет формализма, облепленный ракушками и давно заизвесткованный в подводной платоновской пещере годится для этого в очень малой степени. Оставим его тем, кто все еще ищет эту загадку природы человеческого мышления, например, А. Городницкому, который точно знает, что эта СТРАНА-Континент где-то есть:

Атлантических волн паутина
И страницы прочитанных книг.
Под водою лежит Атлантида —
Голубого огня материк.
...
И хотя я скажу себе тихо:
«Не бывало её никогда»,
Если спросят: «Была Атлантида?» —
Я отвечу уверенно: «Да!»
Пусть поверят историям этим.
Атлантида — ведь дело не в ней...
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым гораздо нужней.

КИЕВСКАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПОЛЕМИКА С М. ЗЕРОВЫМ
И М. ХВЫЛЕВЫМ 1927 г.: CONTRA «АЗИАТСКОГО
РЕНЕССАНСА»

Помимо того, что эта статья интересна сама по себе, как подробное описание для русского читателя полемики новой марксистской критики с неоклассиками М. Зеровым и М. Хвильевым, она очень четко формулирует то, что такое «азиатский ренессанс», чтобы это очень четко сформулированное понятие не путалось с мандельштамовскими «буддийскими» очерками. В рецензии Книжника мы видим и ту остроту полемики, которая развернулась между Я. Савченко и неоклассиками, когда Я. Савченко и Дм. Загул выступили с памфлетами, название которых стоит привести в оригинале «Азіятський апокаліпсис» и «Література чи літературщина». Именно на это отвечал в журнале «Червоний Шлях» Зеров в статье «Наші літературознавці І полемісти». Обращаем внимание, что «Шляхи» и у тех и у других «Червонные». Забавно, что следование мертвым образцам прошлого Книжник «Вечернего Киева» называет, как в другом случае — «обнажения слабо-усвоенного приема представителем еще не ставшей на ноги литературы» — «самоубийством» на сей раз для пролетарского украинского искусства.

Вечерний Киев, № 82, 1927. Против реставрации (Яків Савченко. Проти реставрації греко-римського мистецтва. Изд. «Маса», Київ. 1924 р.).

Обратим взор в прошлое. Только тогда нам до конца будет понятна суть полемической книги т. Я. Савченко.

Два года тому назад известнейший украинский писатель М. Хвильовый выпустил книгу «Камо грядеши», книгу, посвященную судьбам украинской литературы. В этой книге он писал: ... «Новое искусство должно обратиться к образцам античной культуры, азиатский ренессанс — это эпоха европейского возрождения, плюс несравнимое, бодрое и радостное греко-римское искусство».

И эту мысль М. Хвильового горячо поддержал проф. М. Зеров, один из виднейших представителей украинской неоклассики.

Еще в 1924 г. Зеров писал: «Я, например, считаю, что римские авторы золотого века интересны для нас не только, как учителя сти-

ля, но и как авторы, близкие нашей современности по своим настроениям и чувствам». («Камена» М. Зерова).

Такая постановка вопроса вызвала отпор со стороны представителей пролет. литературы. В свое время украинские поэты Я. Савченко и Дм. Загул выпустили два памфлета («Азіятський апкаліпсис» и «Література чи літературщина»), где они решительно протестовали против признания греко-римского искусства образцом для искусства современного.

Одним из основных доводов Дм. Загула и Я. Савченко против теории Хвильового — Зерова был такой: греко-римское искусство уже потому не может быть созвучным нашей эпохе, что оно целиком исчерпало само себя, будучи продуктом иных социально-экономических условий, чем те, в которых мы сейчас живем. Авторы памфлетов указывали, что стремление возродить в наше время греко-римское искусство, есть нечто иное, как неприкрытый идеологический пассивизм, установление какого-то вечного эстетического идеала. Наша эпоха, говорили Дм. Загул и Я. Савченко, должна иметь свое особенное, пролетарское искусство.

Ответ не заставил себя долго ждать. В № 4 журнала «Червоний Шлях» за 1926 г. Был помещен ответ М. Зерова «Наші літературознавці і полемісти», где М. Зеров защищал свою точку зрения и отыскивал слабые места в аргументации его оппонентов.

Книга Я. Савченко будет понятна нам только в том случае, если мы примем во внимание всю предыдущую дискуссию. Эта книга до известной степени представляет собою ту точку зрения на философствование неоклассиков, которая свойственна пролетписателям Украины и в первую очередь ВУСПП'у.

В своей книге Савченко руководим заботой о молодом литер. поколении, которое с легкой руки неоклассиков может «потерять те безграничные перспективы, которые разворачиваются перед ним».

Анализируя сущность греко-римской культуры, Я. Савченко устанавливает, что ее исторические принципы чужды современной пролет. культуре. Савченко восстает против стремления создать из старых поэтических образцов незыблемый идеал. Например, принципы эпикуреизма — чужды нашей эпохе. Провозглашать эллинскую культуру образцом для нашей культуры — это значит отрывать от конкретной исторической обстановки, быть метафизиком. Мы же знаем, что античная эпоха целиком чужда нашему времени.

Я. Савченко прекрасно отдает себе отчет в том, что образцы высокой античной поэзии могут вызывать эстетическое наслаждение и у современного читателя. Но он отрицает какое бы то ни было значение этих образцов в деле создания пролетарской культуры. Никакой комсомолец не будет вдохновляться любовью Гектора и Андромахи! Опираясь на авторитет Маркса, Энгельса, Меринга, Каутского, Я. Савченко доказывает, что на протяжении истории человеческие вкусы меняются самым решительным образом. Если неоклассика, возвращение к «золотому веку» греко-римской культуры, были понятны в Европе XIX и XX веков, то теперь для ее существования нет никаких глубоких предпосылок. Наоборот, сейчас просто-таки нельзя возвращаться к образцам монархической литературы Рима и Греции. А что литература это была именно таковой — нам говорят об этом классики марксизма.

Зеровы смешивают воедино разные классовые системы идеологий. Они не понимают различного их классового характера и поэтому являются чистейшей воды метафизиками. Теория действительности античной культуры — теория сугубо — буржуазная и сугубо — реакционная. Она тянет назад творчество и знание молодой пролетарской культуры. Пролетарские культура и искусство должны критически усвоить достижения предыдущих эпох, а не перенимать их, как непревзойденную норму. Путь, который предлагает Зеров — это путь самоубийства для пролетарского, — и не будущего, а современного нам, — искусства.

Так заканчивает Я. Савченко свою книгу.

Нам кажется, что книга т. Савченко является логическим завершением «греко-римской дискуссии», в свое время волновавшую всю украинскую литературную общественность.

Книга Я. Савченко достойный ответ марксистской критики — неоклассикам, любителям «высокого» греко-римского искусства.

Книжник.

Здесь необходимо кратко коснуться и взаимоотношений неоклассиков с Мандельштамом. Они совсем не были благостными. Поэтому и в пионерской работе немецкого ученого *Simonek Stefan*. *Osip Mandelstam und die ukrainischen Neoklassiker. Zur Wechselbeziehung von Kunst und Zeit*. Munich: Verlag Otto Sagner, 1992, не упомянутой в монографии Дмитриева и Бабак, об этом речь не идет, равно как не касались этого ни покойные И. Булкина и представитель киевского и первого в истории двухтомника переводов

Мандельштама на украинский язык (Васильев Е. М. Осип Мандельштам: українське відлуння. *Осип Мандельштам. Поезії* / упоряд., передм. та додатки Е. М. Василюва. Київ: Дух і Літера, 2020. С. 5–37; *Васильев Е. М.* «Візьми з моїх долонь собі на радість...» Український відгомін Осипа Мандельштама. *Collegium*. Міжнародний науково-художественний журнал. 2019. № 31–32. С. 107–110), ні в роботах о мандельштамовському Києві здоровствуючої Поберезкиної: *Поберезкина П.* Мандельштам и Киевская печать. Предварительные заметки // Корни, побегі, плоди... Мандельштамовські дні в Варшаві : в 2 ч. Частина 1. М., РГГУ. 2015. С. 211–229). Ці попередні замітки акуратно обходять антимандельштамовські публікації в україномовній київській пресі, з однієї сторони, і достатньо пренебрежительні висловлювання Мандельштама о неокласиках, з другої. Вони відомі в мандельштамоведенні в формі достатньо глухих посилань з рубежа 1980–1990-х рр. (См.: *Цимеринов Б. М.* Осип Мандельштам на Україні // *Життя і творчість О. Е. Мандельштама : Воспоминания. Матеріали к біографії. «Нові вірші».* Коментарії. Исследования. Воронеж : ВГУ, 1990. С. 77–80). С покійним Е. Василювим і П. Поберезкиною ми обговорювали ці питання, відповідно, в Москві на Мандельштамовській конференції в Єврейському музеї і Центрі толерантності в 2013 р. і на Мандельштамовській конференції в Варшаві в 2011 р. Ітог перед нами.

КИЕВСКИЙ «ТОПОР НЕКРАСОВА» Б. РОЗЕНЦВЕЙГА:
МЕЖДУ РУССКИМИ ФОРМАЛИСТАМИ И «НЕКРАСОВА
МОЛОТКОМ» МАНДЕЛЬШТАМА?

На фоне приводимых в книге сведений о лекциях Б. М. Эйхенбаума в Харькове в 1926 г., а также на фоне писем Иеремии Айзенштока, особый интерес представляет статья Б. Розенцвейга «Топор Некрасова» в «Вечернем Киеве» № 7 (278) за 1928 г. С. 2.

Прежде всего, процитируем одно место из более позднего письма И. Айзенштока Б. М. Эйхенбауму от 12.09.1930 г., С. 683, чтобы понять, что же такое «украинский формализм»: «Я уже писал к Оксману, высказывал ему, что наши украинские настроения и возможности позволяют привлечь к работе и младшую братию ленинградскую при условии легкой «украинизации» ее: мы охотно используем все работы, лишь бы они имели хоть отдаленную и формальную связь с Украиной».

Хочется верить, что наша работа (охотно или нет, не важно!) будет использована на/в Украине или в украиноведении/ Українознавстве, в отличие от аналога «советологии» или «кремленологии» — той идеологизированной науке «украинологии»/ «Українології», о которой мы здесь говорим.

И еще одна цитата: 2.10.1931: «Мы на Украине переживаем сейчас нечто подобное тому, что у вас, на Севере, было в 1928–1929 гг., — формализм является одним из жупелов, которых пугаются наши литературные критики, и Ваше имя неожиданно приобрело на Украине еще большую одиозность, чем в Ленинграде». С. 684.

Чудесным образом мы имеем в «Вечернем Киеве» пример критики формализма Б. М. Эйхенбаума, который очень точно хронологически совпадает с самым началом жесткой атаки на формалистов в российских городах и весях.

Здесь укажем также на то, что статью эту написал уже известный нам Б. Розенцвейг, а, следовательно, коли Мандельштам был знаком с кругом «Вечернего Киева», стоит обратить внимание на интересный и ударный параллелизм «Топора Некрасова» и строк поэта:

Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Розенцвейг цитирует здесь Письмо В. Г. Белинского И. С. Тургеневу — 19 февраля (3 марта) 1847 г. Петербург, а это как раз точная годовщина обращения Мандельштама к Некрасову:

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать —
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвётся в халтурные стены
Московского злого жилья,

Т. е. точно за 70 лет до Февральской революции 1917 г.

И еще одна деталь. Б. Розенцвейг считает, что не так уж важно, произнес ли Некрасов речь в Английском клубе в честь Муравьева-вешателя, владел ли он винокуренным заводом в момент, когда призывал всех «в стан погибающих за великое дело любви», не говоря уже о том, что его «подзащитные» из народа «довольно смиренно обносили гостей» поэта «шампанским». Биографический ряд Розенцвейг легко отделяет от ряда поэтического и социального. Это вполне формализм тыняновского разлива.

Но все это приводит критика к важной и странной мысли: «Некрасов создал новую дрожь в поэзии — если так можно выразиться — дрожь социальную воплотив ее во всю неповоротливую косолапость своего стиха». Забавная пара «генерала Топтыгина» с «новой дрожью» заставляет поискать «дрожь старую». Кажется, мы ее знаем:

Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?
Пока в Дарьял, как к другу, вхож,
Как в ад, в цейхгауз и в арсенал,
Я жизнь, как Лермонтова дрожь,
Как губы в вермут окунал.

Это 1917 год, когда у Пастернака и Мандельштама еще не было квартиры, «наводящей грусть», и вызвавшей ответ с «Некрасова молотком» в «Квартира тиха, как бумага ...»

Тогда дом выглядел так:

На тротуарах истолку
С стеклом и солнцем пополам,
Зимой открою потолок
И дам читать сырым углам.

Задекламирует чердак
С поклоном рамам и зиме,
К карнизам прянет чехарда
Чуждачеств, бедствий и замет.

А вот в 1930 дрожь у Мандельштама была уже не романтической, а вполне «социальной»:

Или охватит тебя,
Только уста разомкнешь,
При наступлении дня
Мелкая хвойная дрожь.
Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал.

Октябрь 1930. Тифлис

Вот и начало будущего, 1933 г., «некрасовского» страха!

Похоже, что автор давних статей о Мандельштаме, киевский критик Б. Розенцвейг, еще может преподнести нам сюрпризы не только в истории формализма. Читаем «Вечерний Киев»:

Вечерний Киев, № 7 (278), 1928

Топор Некрасова (К 50-летию со дня смерти)

В лесу раздался топор дровосека ...
Некрасов.

Что за талант у этого человека
и что за топор его талант.

Белинский о Некрасове.

В дремучем лесу Российской Империи стояло густое безмолвие реакции в тот момент, когда раздался удары некрасовского то-

пора. Уже первые гулкие отклики лесного эхо приободрили поэта, число «поэтических попаданий» стало расти и скоро весь бор наполнился шумом и озарился каким-то мягким мерцанием прозрачных предрассветных сумерек. Все это настолько общеизвестно и так прочно вошло в программу школы первой или второй ступени, что почти не дает материала для дальнейшего углубленного изучения поэта, как литературно-социологической проблемы. Чем-же замечателен Некрасов в наши дни и каковы те предметные уроки, какие может извлечь наша поэзия с пользой для себя из его творчества?

Некрасов обозначил собой приход разночинца в гостиную лирической, альбомной поэзии, являющейся «под'отделом» изящной литературы. «Кающийся помещик», люмпен-дворянин, выброшенный суровым пинком экономики на панель Невского проспекта, Некрасов попал в бурный водоворот народовольческой романтики и сам, не будучи по складу своей натуры, борцом, «принял до-спех на рамена» и стал светить отраженным светом революционных настроений того времени.

Мы проходим мимо того обстоятельства, что Некрасов, заботясь о правах народа, произнес в английском клубе свою речь в честь умиротителя польского восстания Муравьева, стяжавшего у истории красноречивую кличку «вешателя». Нас не интересует также и тот вопрос, был ли действительно Некрасов владельцем винокуренного завода в тот момент, когда столь горячо призывал окружающих удалиться «в стан погибающих за великое дело любви». В данном случае не важен и тот факт, что всякое новое литературное произведение поэта, сочиненное им в его имении, прочитывалось в присутствии семьи, под кедром, вошедшим уже в «историю литературы», причем те, о ком столь трогательно заботился в своих стихах поэт, довольно смиренно обносили господ шампанским.

Все эти противоречия, целиком относящиеся к биографии поэта и, следовательно, не могущие принятыми в расчет при анализе его творчества, все-же свидетельствуют о том, насколько пассивной была личность Некрасова и как его творчество служило революционным целям лишь будучи максимально об'ективированным.

Был ли, все-таки, прав Некрасов, когда писал:

Я дворянскому нашему роду
Блеска лиры своей не стяжал.

Говоря иначе, были-ли у Некрасова лично какие-то заслуги, или он только явился пассивным инструментом в руках своего времени? Заслуга Некрасова, как поэтической индивидуальности, заключается в том, что именно он, (а не Полонский, не Майков, не Фет), распахнул дверь литературы для так называемой гражданской поэзии, поскольку, по справедливому выражению одного из критиков, «творчество вообще есть акт осознания себя в потоке истории»; заслуга его в том, что он уже тогда приблизил поэзию, до него бывшую набором вдохновения, сладких звуков и молитв к нуждам «печного горшка» повседневности; заслуга его в том, что он уже тогда взрыхлил почву для своеобразной смычки поэзии с политической злобой дня, развенчав нелепую легенду о поэтах, как об «избранниках музыки»; заслуга его в том, что не будь Некрасова, может быть не было некоторых вещей Блока и Маяковского.

Как полагал поэт такого колоссального ума, как Пушкин, — «поэзия должна быть глуповатой». Для Флобера все прочие условия не были необходимыми, если только поэзия не являлась «пеною сердца». Как характерны именно в литературно-социологическом смысле эти признания! Некрасов не мог удовлетвориться грациозно глуповатым содержанием поэзии, как, впрочем, не мог им, наедине с собой, удовлетвориться и Пушкин; поэзия Некрасова была топорно-умна. Не будучи «пеною сердца», она была для Некрасова кровью сердца, т.-е., таким «предметом», о котором Флобер вряд-ли мог и мечтать. Некрасов создал новую дрожь в поэзии — если можно так выразиться, — дрожь социальную, воплотив ее во всю неповторимую косолапость своего стиха.

И когда поэт говорит:

Умрешь недаром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь

или:

Не плачь над ними, мученица мать,
Не говори им о молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которых нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка. —

это не сантиментальные вытяжки из надсоновской «подушки, намочшей от слез». Это уже наметка некой политической програм-

мы, несмотря на всю романтическую дымку, которой овеяны эти строки. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что Толстой — «барин до кончиков ногтей», как характеризовал его Плеханов — называет Некрасова «совершенно лишенным поэтического дара», а Тургенев считает, что «поэзия тут и не ночевала, а все написанное Некрасовым не более и не менее, как «жеванное папье-маше с подливкой из острой водки». В свете нашего понимания эти определения сейчас приемлются как комплимент. Их глухая неприязнь есть ничто иное, как борьба враждебных идеологий, рядящаяся в лживую мантию чисто эстетических разногласий.

И здесь мы подходим к тому, что можно было бы назвать приемами своеобразной литературной конспирации Некрасова. Как, совершенно верно, указывали формалисты, поэт пользовался приемами снижения поэтического стиля, ритмико-синтаксическими формулами Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Тютчева, пародированием, т.е., использованием обычных штампов формы для укладывания нового поэтического содержания. Однако, здесь первенствующую роль играл, конечно, тот материал содержания, который укладывался поэтом в уже заранее изготовленные для него формы.

Некрасов играл сознательно на контрасте между чужой формой («твои поэмы бестолковы, твои элегии неновы», — как говорил сам поэт) и не соответствующим ей своим содержанием, творя тем самым свою собственную форму стихотворения, свой собственный поэтический стиль. Ибо новое содержание само по себе искривляло, пародировало, смещало формулы поэтических штампов, ломало традиции, сносило плотины между отдельными жанрами. Так родился поэтический фельетон Некрасова, так «мечты и звуки» приобретали совершенно невероятные, чуть-ли гротескские цвета и оттенки.

Этот разрыв между формой и содержанием создавал по замыслу поэта то состояние эстетического конфликта, при котором содержание поэтической строки воспринималось самым острым, плакатным, ударным образом.

В небесной красоте, неслышима, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух,
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла *).

*) Сравните с Пушкиным: В младенчестве моем она меня любила И семиствольную цевницу мне вручила.

Здесь пародируется известное пушкинское стихотворение вовсе не только для того, чтобы «выбрать новую лирическую позу и создать новую театральную эмоцию» (как полагает историк литературы Эйхенбаум). Здесь подвергается действию иронии вся идеологическая безмятежность и безоблачность пушкинской поэзии (момент социологический) с помощью использования уже готового штампа формы (момент формальный).

Так контрабандой, под ширмой «чужой обложки», под прикрытием уже готовых поэтических образцов Некрасов вводил в сознание читающих масс свои новые, революционизирующие, взрывчатые идеи.

Один из критиков полупрезрительно назвал поэзию Некрасова — «мельхиоровой поэзией»). Но в то время, как «благородные металлы» многих иных поэтов, прошедшие сквозь пробную палату критики, покрывались сейчас ржавчиной забвения — «мельхиор» Некрасова сохранил и до сих пор свой блеск. В Некрасове мы ценим и сейчас то, что он ответил утвердительно всем существом своего стиха на вопрос о том, возможно ли возникновение поэзии из духа и гущи современности. Злоба дня стала его штатной музой. Он владел в совершенстве тем, что Беранже называл «развенчиванием высокой поэзии».

Все это дает ему полное право присоединить и свое имя к тем, кого он перечислял, мечтая о тех временах, когда

... мужик не Блюхера
И не милорда глупого
Белинского и Гоголя
С базара понесет

Б. Розенцвейг

МЕЖДУ «СЕНТИМЕНТАЛЬНЫМ ПУТЕШЕСТВИЕМ»
В. ШКЛОВСКОГО И «БЕГОМ» МИХАИЛА БУЛГАКОВА
С ОСТАНОВКОЙ В КИЕВЕ. ВАСИЛЕВСКИЙ (НЕ-БУКВА).
«РОССИЯ НОМЕР 2» В ЭТИ ДНИ. ВЕЧЕРНИЙ КИЕВ.
1927 № 11. С. 2–3.

Здесь вполне могло бы быть не приложение № 3 к статье об украинском формализме, а, как первоначально и планировалось, рецензия на специальную книгу: Яблоков Е. Тараканий век: энтомоморфные персонажи Михаила Булгакова в русле литературной традиции. М., 2020. Ведь в нашей статье, наконец, четко и ясно объясняется загадочное для русского литературоведения устройство стола для «тараканьих бегов», более того, именно этот образ и становится главным в оценке русской далеко не либеральной эмиграции. Наконец, теперь можно точно сказать, откуда Булгаков все это узнал и когда, не вмешивая сюда его вторую жену Белосельскую-Белозерскую, бывшую до этого как раз женой «Не-Буквы».

Однако нам сейчас важнее киевский контекст «Сентиментального путешествия» с пропущенными в монографии Дмитриева и Бабак Шульгиным, Петлюрой и т. д. Поэтому сейчас просто читаем И. Василевского (Не-Букву) с этой точки зрения, лишь периодически вспоминая о Михаиле Булгакове, который подождет до особого случая.

Вечерний Киев, № 11, 1927.

«Россия номер 2» в эти дни. 1. Как чувствует себя ко дням десятилетия февральской революции эмиграция?

Газеты время от времени сообщают кое-какие детали о том, «как живут и работают» за границей бывшие люди. «Знаменитый» генерал Шкуро с особой труппой казаков-джигитов выступил в парижском цирке, но нога, сломанная во время одного из «номеров» прекратила его цирковую карьеру. Известный сподвижник Деникина, генерал Эрдели, служит тапером в веселом заведении на Монмартре. Ничего исключительного в таких известиях нет. Как известно, М. В. Родзянко в последние годы своей жизни добывал себе пропитание, раз'езжая с хором по городам Сербии и Болгарии.

Отдельные известия такого рода дают только отрывочные и случайные сведения о быте эмигрантщины. В свое время на шумели, напр., «тараканьи бега», устроенные русскими эмигрантами в Константинополе. На главной улице, в пышном помещении была налажена эта тараканья антреприза. В специальные желобки на зеленом столе были помещены «отборные», крупные, рыжие и черные тараканы. Что-бы они не стояли на месте, а бегали, — металлические желобки подогревали снизу, накаливая их особыми лампами. Выдумка имела успех, и сиятельные русские, стоявшие во главе этого почтенного учреждения и тотализатора при нём, весело потирали руки. Известия такого рода рассказывают только об отдельным «удачниках» из эмигрантской среды. Вся остальная масса прозябает.

...Как относятся за границей к русским эмигрантам? Они давно надоели всем, эти беспокойные, пропитанные атмосферой тараканьих бегов, неутомонные люди. «Эмигранты стали евреями Европы», — грустно говорил оказавшийся на чужбине Леонид Андреев. Как известно, среди эмигрантов немало антисемитов профессионалов. Тут и В. В. Шульгин с Антонием, и Суворины с Евлогием... Тут и П. Б. Струве, автор особой теории о «национальном отталкивании» от евреев.

Но вот теперь все эти истинно-русские люди оказались на эмигрантском положении, и как четко повторяется по отношению к этим русским пришельцам тоже самое уродливое «национальное отталкивание», какое существовало в царской России для евреев под именем антисемитизма.

Есть что-то глубокое и поучительное в том, что по адресу Шульгиных и Струве полностью повторяются те же самые упреки и обвинения, какие они в свое время, в царской России, обращали по адресу евреев.

Эмигрантщина существует всего несколько лет, но эмигрантов русских уже и теперь горько упрекают в том, что они занимаются непроизводительным трудом, и в том, что из-за них усиливается и квартирный кризис, и дороговизна, и т. д. и т. д.

Неужели «тараканьи бега» эмигрантской жизни закончатся трагически? Стоит подождать мне еще несколько лет, и м.б. «национальное отталкивание» вызовет то, «народное негодование», на почве которого в царской России инсценировались ритуальные обвинения и погромы?

Трудно говорить об эмиграции, как об однородном целом. Что общего между рядовым солдатом, принудительно мобилизованным и обманно увезенным Врангелем в Галлиполи, и — мечтающим о возвращении к старому режиму В. В. Шульгиным? Что общего между юношей-студентом, учащимся в берлинском политехникуме и сытым, лоснящимся спекулянтом с Курфюрстендама? Что общего, наконец, между «лидерами», полководцами без войска, вроде П. Н. Милюкова и Виктора Чернова, занятыми высокой политикой, и — рядовыми беженцами, обывателями от эмиграции, целиком ушедшими в погоню за насущным куском хлеба?

Горек хлеб изгнания, и не легко достается он на чужбине. Многому, надо думать, научились бывшие лицеисты, которым удалось устроиться в качестве грузчиков угля в Марселе, бывшие генералы, служащие официантами в кабаках Константинополя.

«Тараканьи бега» — это символ всего житья-бытья эмигрантщины.

Как будто в трансе, в каком-то летаргическом сне живут люди. Как будто нет на свете никакого СССР и не было этих расплавленных лет, и девятой годовщины Октября, как будто только и есть на свете митрополит Евлогий и митрополит Антоний, и барон Врангель с Борисом Сувориным.

Удушливая атмосфера не ограничивается пределами «Нового Времени», столько красноречиво и пылко доказывающего, что и Керенский — жид, Арон Кирбис, и Ленин — жид, Вульф Беренсон, и, вообще, все жида. Тем то и примечательна эмигрантщина, что в этом мраке все кошки одинаково серы, и отличить бывших «левых», П. Б. Струве, и Г. Алексинского, — от неумеренно-правых никак невозможно. Недаром же такой пылкий сионист, как Д. Пасманик, — в наши дни выступает гражданским истцом по делу об убийстве С. Петлюры. Именно он, Д. Пасманик, взял на себя жуткую миссию доказывать, что петлюровские погромы с бесчисленными жертвами, — это всё злые люди выдумали, а на самом-то деле Петлюра был подлинный демократ, идеалист и шестидесятник.

В своей книге «Письма не о любви» Виктор Шкловский дает неожиданное определение исторической роли пребывающей в эмиграции, белой интеллигенции. «Пробники» — таков предложенный им термин.

«Пробники» — это слово, входящее в обиход конных заводов. Когда самка отбивается от предназначенного ей производителя, — его на время отводят в сторону, и на его место ставят пробника. Он успокаивает будущую мать, «ухаживает», как будто что-то ласково шепчет ей, убеждает и, наконец, добивается успеха. Но в этот момент закончившего свою роль «пробника» уводят в сторону и на его место пускают настоящего племенного производителя.

Для ухаживания, для умиленных убеждений годится и временный заместитель, низкорослый, слабосильный «пробник». Но когда наступает серьезный и решительный момент, — тогда он не годится. В сторону «пробника». Его место по праву заступает настоящий производитель.

Но мысли В. Шкловского, пусть парадоксальной, но яркой и образной, — в роли «пробника» была своеобразная историческая миссия. От времен декабристов исполняли эту роль интеллигенты российские. Пока надо было убеждать, уговаривать, — они были пригодны. Но вот настала пора действовать, и они отодвинуты в сторону, и на их месте здоровые, крепкие рабочие силы. Дело нешуточное. От него зависит будущее!

Трудно сравнивать быт русской эмиграции, как он сложился в Константинополе, и — в Париже. В Константинополе дело налажено прочно. Если ты бывший генерал или адмирал, — тебе прямая дорога швейцаром в ресторан. Если ты адвокат или инженер, отправляйся грузить уголь в порт.

По иному живут эмигрантские «верхи» в Париже и Лондоне. Здесь из-за препятствий с визами отложились только «сливки» эмигранткины, в первую очередь банковские деятели.

Когда банки у нас были национализированы, любой Азовско-Донской или Сибирский банк сохранил свои отделения в разных городах Европы. Те деньги, какие находились в Парижских, Лондонских и др. отделениях, остались целы. Как подсчитать, как определить, чьи именно деньги конфискованы, а чьи остались неприкосновенными

Банки разрешили вопрос до крайности просто. Оказалось, что деньги вкладчиков — полностью национализированы, а те, которые остались за границей — это деньги банковских директоров, членов правлений их родственников и близких знакомых. Эти — не пострадали! И какую же игру ума на страх врагам и на удивление всей Европы показали с этими оборотными средствами российские финансовые деятели.

О какой-либо производительной деятельности нет и речи. Фабрики и заводы — это не для русских, которые психологически живут на чемоданах и ждут обратного возвращения в Россию. Но спекуляция, всяческая игра ума, в этом русские дельцы умудряются показывать «класс» воистину небывалый.

При всей разнице имущественного положения бывшего адмирала, служащего ныне швейцаром в ресторане, и бывшего банкира, ныне спекулирующего на падении валюты, — идеология у них одинаковая. Обусловлена она не нынешним бытием, — это временно, вот-вот кончится, — а тем старым временем, с каким связаны память о былой царской России.

Пусть бы о ненависти к русскому народу говорил черносотенный В. В. Шульгин. Пусть «боже царя храни» возглашают Марков П. Но ни на ноту не отличаются от них ни П. Б. Струве, ни Г. Алексинский, ни В. А. Бурцев.

Разве не характерно, что не кто иной, как А. И. Куприн, например, за полной подписью выступил со статьей «Царь», в которой черным по белому объяснил, что будущий Романов в'едет в Москву не только на белой лошади, но и в горностаевой мантии. Эта мантия, видите ли, не случайна. Все эти традиции необходимы, ибо они полны глубокого внутреннего смысла. Горностаи — животное исключительное. Он не выносит ни единого грязного пятнышка на своей шкуре. Если пятно не удастся слизать языком, горностаи от огорчения умирает. Вот почему именно горностаевая мантия приличествует грядущему на спасение Руси Романову.

В свое время, как известно, убитый Распутин был брошен в воду, завернутым в шубу. Была ли эта шуба горностаевая? — этого А. И. Куприн так и не объяснил.

Нет оттенков, нет различий в идеологии эмигрантщины. Как пораженные особой душевной болезнью все они оказались одинаковы. Во мраке эмигрантской ночи все кошки серы, и как определить, кто был левым, а кто правым, если все, как один, тянут все ту же унылую жвачку отрицания всего СССР в целом.

В фельетоне «Контр» Тэффи рассказывает, каковы взаимоотношения между эмигрантами. Все завистливо относятся друг к другу. О ком бы ни шла речь, — первый вопрос:

- Интересно знать, в чьей он контр-разведке служит?
- Что?
- Все-же служат. Кто просто в разведке, кто в контр-разведке. В контр дорожке платят. И еще агитаторы есть, — хорошо зарабатывают. Попадайкин — контр-азербейджанский агитатор. Вот были вчера у Булкиных. Он очень раздражен против Зайкина. Зайкин, говорят, в Южно-Авганистанской разведке служит. А сам Булкин, по моему, в контр-румынской разведке служит. Сильно причастен.
- Скажите, а вы с Сопеликным встречаетесь.
- Видел раза два
- Гм...
- А что?
- Агент большевиков.
- Господь с вами! Бывший жандарм.
- Ничего не значит!
- А, знаете, говорят, контр-Попов тоже в разведке. Т. е., я хотел сказать, Попов в контр-разведке. В монархической контр-агитации.
- О чем вы говорил с Сопелкиным?
- Да так, пустяки. Он рассказывал тут про одного типа, который, будучи в разведке, — и в контр-разведке служит. Сам на себя доносы пишет, и с двух сторон жалование получает. И как будто с ним — ничего поделаться нельзя, потому что от взаимных контр-действий двух сил существо его неуязвимо.
- Вот прохвост. Кто же это? Ловкий! Надо бы на него ориентироваться.
- Слушайте, вы никому не скажете? Даете слово?
- Ну, разумеется, даю.
- Ей богу, никому не скажете? А то выйдет, будто я сплетник.
- Да ну же. Говорю же, что не скажу.
- Ну, так я должен вам сказать, что этот самый человек, который... Гм... Ну, да что там. Скажу прямо: говорят, что это вы. Только помните, чтоб не вышло сплетен».
- Удивляться ли, что в этой обстановке всеобщего сплетничества и взаимного подсыживания — между изголодавшимися эмигрантами растет злоба и раздражение?

Белая печать последних дней полна негодования против В. В. Шульгина, который в своих записках «Как я побывал в совет-

ском Киеве» позволил себе дословно заявить: «Физически я себя чувствовал на родине превосходно. Да и морально тоже. Я ожидал увидеть вымирающий русский народ, а вижу несомненное его воскресение*)

Среди общего негодования, каким встретила заявление Шульгина эмигрантская печать, увидевшая в них предательство и нож в спину контр-революции, — самое спокойное указание принадлежит «Рулю»:

«В. В. Шульгин пробрался в советскую Россию, чтобы отыскать своего безвестно пропавшего сына. Сына он не нашел, а книгу написал. Лучше бы он нашел сына и не писал этой своей книги!

И. Василевский (Не-буква).

*) Курсив наш

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ «СЛОВАРИКА ШАФИРА»
В «ГАМБУРГСКОМ СЧЕТЕ» В. Б. ШКЛОВСКОГО
И «ЗОЛОТОМ ТЕЛЕНКЕ» ИЛЬФА-ПЕТРОВА. В. Г.
«РЕФОРМА» ЯЗЫКА». ВЕЧЕРНИЙ КИЕВ.
1927. № 191. С. 3.

Сказанного в основном тексте нашей работы абсолютно достаточно, чтобы понять из простого чтения даже рецензии на книгу Шафира, что именно издание 1927 года легло в основу издательств формалиста В. Б. Шкловского над «трансформатром» русского языка в советский, а уже потом Ильфа-Петрова над В. Б. Шкловским, хорошо послужившим соавторам в деле создания Остапа Ибрагимовича. Поэтому в заключение присмотримся еще к одной статье в важнейшей, как оказывается, киевской газете, которая с таким вниманием относилась и к Шкловскому, и к формализму, и к массе других проблем, затронутых в «Атлантиде», включая и неожиданные в этом контексте похождения Остапа Бендера. Имеет ли все это отношение к истории русского или украинского формализма — решать не нам, но привлекли наше внимание к этой проблеме соавторы «Атлантиды», а, следовательно, за все надо отвечать, и им, и нам. И не так уж важно, что сам текст заинтересовавшей нас заметки грамотным назвать очень трудно. А важно то, в каком виде получил все это на первых порах будущий украинский читатель «Гамбургского счета» и плутовских романов о герое в фуражке киевской милиции. Здесь много чего переплетено, и стихи Маяковского «О фиасках и апогеях», и языковые упражнения Деда Щукаря из второй книги «Поднятой целины», явно пародирующие, похоже, по-Платоновски-Климентовски, естественно, и безграмотность простого народа с его народным этимологизированием, и, как было не нами замечено, теорию сдвига Якобсона-Крученых. В любом случае, знать, о чем идет речь, лучше, чем не знать!

В. Г. «Реформа» языка». Вечерний Киев. 1927. № 191. С. 3.

Несколько лет тому назад как-то особенно широко стал вопрос о необходимости произвести чистку нашего литератур-

но-газетного языка. Не мало было высказано дельных мыслей, предложений, но как часто бывает: воз не движется с места. Мудреные обороты, при всяком удобном неудобном случае, выдумываемые новые слова, обилие иностранных слов, наконец, литературно-книжные выражения — всем этим изобилует наша обыденная речь.

Чистка языка необходима, в этом нет сомнения. Но как подойти к ней? Вопрос сложный и не поддается разрешению с плеча (? — Л. К.).

Совершенно понятно, что самым разумным, самым простым кажутся (!? — Л. К.) поиски в толще народного языка, в самом естественном строении его лекарств от бед неопрятности... Но в том-то и горе, что очистители начинают приступать (?! — Л. К.) к делу, не зная не только народного, но и русского языка. И тогда получается совсем скверно.

Особую опасность приобретают попытки безграмотных «знатоков», пытающихся производить эту очистку очень недоброкачественными средствами.

К числу таких попыток принадлежит книга Шафира — «Вопросы газетной культуры», в частности, отдел, посвященный вопросам газетного языка.

Самое основное утверждение автора, что газетный язык должен быть близок к разговорному языку, с известной поправкой, может быть правильно.

Но выводы, сделанные автором — потрясающие.

«Наш читатель-массовик не понимает: 1) слов сокращений, 2) иностранных слов, 3) громоздких по своей конструкции предложений, 4) книжных оборотов». Это безусловно верно, хотя и не до конца. Но Шафир смешивает в одну кучу и «репарации», и «совнарком», «павильон» и «СССР», — объявляя их в равной мере непригодными на основании своих опросов красноармейцев, крестьян и рабочих.

Позволительно усомниться, чтобы наш красноармеец не знал, что такое «льгота», «СССР», «классовый враг», «проДФонд», «но-та», «меморандум», «интрига», «госсельсклад» и т. д.

Но Шафир не удовлетворяется изгнанием из употребления непонятного слова «СССР» — он требует, чтобы газета не смела употреблять даже такие невинные словечки, как «показательное хозяйство», «согласованные действия» и т. д.

Взамен непонятных, по мнению Шафира, слов как русских так и иностранных, он предлагает свой собственный «словарик», —

который достоин опубликования на страницах какого-нибудь юмористического журнала.

Приведем наудачу несколько выдержек из этого неподражаемого документа. Глава эта носит заголовок — «Не пора ли об’явить войну коверканию русского языка».

Употребляется. Можно заменить.

Ажиотаж — торговля деньгами.

Гипербола — предположение.

Гуттаперчивый — бесчувственный.

Дивиденд — участок из прибыли в торговле.

Драпироваться — выставять себя напоказ.

Зигзаги — излучение.

Иллюстрация — картинное пояснение.

Когорта — толпа.

Компетентный — надлежащий.

Лаконизм — малословие.

Летаргия — сонная болезнь.

Мефистофель — насмешник.

Монотонный — скучный.

Олимпийское спокойствие — беззаботность.

Сальто-мортале — отчаянный поступок.

Вариация — переверстка.

Экцессы — распутство.

Кажется, достаточно.

Каждое из этих предложений достойно помещения в будущий словарь русского языка в качестве образца беззаботного перевода.

Надо хорошо не знать (!? — Л. К.) языка, чтобы додуматься до таких предложений.

Худо только то, что такой словарь печатается в книжке, издаваемой ГИЗ’ом, и может ненароком смутить неопытного, рискнувшего принять его всерьез.

Олег Лекманов. О двухадресной установке
поэзии Анны Ахматовой: на примере
четырех фрагментов цикла «Реквием» //
Новый мир. 2021. № 2. С. 186–195.

Поэтика акмеизма как сложного единства («цветущего разнообразия» по словам О. Мандельштама) и поэтика акмеистов как манифестация этого единства по-прежнему привлекает внимание исследователей. Недавно опубликованная статья Олега Лекманова «О двухадресной установке поэзии Анны Ахматовой: на примере четырех фрагментов цикла “Реквием”»² вызывает несомненный интерес как её отправной точкой, связанной с вышеназванной проблематикой, так и обращением к ахматовскому «Реквиему», произведению, важному как для понимания русской поэзии советского периода, так и для творчества Ахматовой. Однако эта статья³ вызывает и некоторые вопросы.

Начнём с цитаты, содержащей ключевое для рассматриваемой работы высказывание, так сказать, авторское *credo*: «Многие мандельштамовские и ахматовские стихотворения писались с расче-

¹ Наша искренняя признательность А. К. Жолковскому, А. Г. Пановой и С. Г. Шиндину за советы и замечания по поводу этой заметки. Ответственность за любые ошибки и промахи несёт исключительно автор.

² Новый мир. 2021. № 2. С. 186–195. Все цитаты из текста статьи даются без указания номеров страниц.

³ Статья О. Лекманова опубликована в рубрике «Литературоведение», да и сам характер её изложения и оформление не оставляют сомнений в том, что она по характеру жанра, выбранного автором, должна рассматриваться именно как научная работа.

том на два круга читателей. Первый, широкий круг составляли адресаты, которые ничего не знали про обстоятельства личной жизни авторов. Второй, интимный круг состоял из читателей, которые в эти обстоятельства были посвящены».

Оставим без комментария высказывание «стихотворения писались с расчетом», будем считать его неудачной фигурой речи, и обратим внимание на формулу «двухадресная установка». Феномен, несколько упрощенно описанный здесь, был сформулирован в классической работе Ю. М. Лотмана «Текст и структура аудитории»⁴. Нам придется привести здесь довольно пространную цитату из этой статьи Лотмана — смысловая насыщенность и компактность письма затрудняют любые существенные сокращения:

(...) интересным представляется обратить внимание на конкретные механизмы взаимоотношений текста и его адресата. Очевидно, что при несовпадении кодов адресанта и адресата (а совпадение их возможно лишь как теоретическое допущение, никогда не реализуемое при практическом общении в абсолютной полноте) текст сообщения деформируется в процессе дешифровки его получателем. Однако в данном случае нам хотелось бы обратить внимание на другую сторону этого процесса — на то, как сообщение воздействует на адресата, трансформируя его облик. Явление это связано с тем, что всякий текст (в особенности, художественный) содержит в себе то, что мы предпочли бы называть образом аудитории и что этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом. Этот последний навязывается сознанию аудитории и становится нормой ее собственного представления о себе, переносясь из области текста в сферу реального поведения культурного коллектива. Таким образом, между текстом и аудиторией складывается отношение, которое характеризуется не пассивным восприятием, а имеет природу диалога. Диалогическая речь отличается не только общностью кода двух соположенных высказываний, но и наличием определенной о б щ е й п а м я т и у адресанта и адресата. Отсутствие этого условия делает текст недеши-

⁴ Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 422: Труды по знаковым системам. IX. 1977. С. 55–61.

фруемым. В этом отношении можно сказать, что любой текст характеризуется не только кодом и сообщением, но и ориентацией на определенный тип памяти (структуру памяти и характер ее заполнения). С этой точки зрения можно выделить два типа речевой деятельности. Одна обращена к абстрактному адресату, объем памяти которого реконструируется передающим сообщением как свойственный любому носителю данного языка. Другая обращена к конкретному собеседнику, которого говорящий видит, с которым пишущий лично знаком и объем индивидуальной памяти которого адресанту прекрасно известен⁵.

Ю. И. Левин, говоря о семиотической типологии непонимания текста, охарактеризовал сходную ситуацию так: «(...)“биографическое” непонимание текста часто возникает при чтении “интимных”, не рассчитанных на широкое распространение текстов (письмо, дневник), или же текстов (обычно стихотворных), хотя и предназначенных для публикации, но ориентированных либо на расслоение аудитории на “посвященных” и “профанов”, либо на “домашнюю”, “интимную” семантику — как бы без оглядки на аудиторию вообще (например, поздняя Ахматова или ранний Пастернак)»⁶.

Таким образом, можно заметить, что описанная Лотманом коммуникативная функция художественного текста («диалогическая речь») рассматривается О. Лекмановым, во-первых, как относящаяся то к поэтике акмеизма, то ко «многим мандельштамовским и ахматовским стихотворениям», то к «поэзии Анны Ахматовой», и, во-вторых, без видимого резона, заменяется на «двухадресность». И замечание «разумеется, не только акмеисты обращали произведения к двум группам адресатов, то есть — к далеким и интимным читателям. Однако именно они превратили подобную адресацию в сознательный прием» нельзя считать обоснованным: «“Игра адресатом” — свойство художественного текста»⁷. Переходя к материалу, на который в своей статье опирается О. Лекманов, остановимся на следующем фрагменте:

⁵ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 55–56.

⁶ Левин Ю. И. О типологии непонимания текста // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 584. Впервые опубликовано: Structure of texts and Semiotics of Culture. The Hague; Paris, 1973. P. 177–195.

⁷ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 61, прим. 12.

По устному предположению Вадима Борисова, в этом стихотворении, обращенном к Марине Цветаевой, спрятана ее фамилия (Флоренция — цветущая — Цветаева), чем и объясняется анимирование Успенского собора в финале первой строфы — спроектированная флорентийцем церковь обретает черты внешнего облика возлюбленной с «флорентийской» фамилией. Однако при публикации это стихотворение посвящением Цветаевой не сопровождалось, следовательно, разгадать заданную Мандельштамом загадку могла только его адресатка.

Между тем, в цитируемом комментарии к стихотворению Мандельштама сказано следующее:

Навеяно (...) впечатлениями от соборов Московского Кремля во время прогулок вместе с Мариной Цветаевой. Ее образ в стихотворении прямо не дан, однако, по наблюдению В. Борисова, «Цветаева» соответствует «Флоренции» как буквальный перевод. Соотношение итальянских и русских мотивов вызвано тем обстоятельством, что Успенский собор был построен итальянским зодчим, но по образцу одноименного собора во Владимире и явился гениальным синтезом византийского, романского, готического и русского искусства⁸.

Как мы видим, пересказ этой цитаты не вполне точен. Различие между «спрятана» и «буквально переведена» достаточно очевидно, а фраза «при публикации это стихотворение посвящением Цветаевой не сопровождалось, следовательно, разгадать заданную Мандельштамом загадку могла только его адресатка» опровергается уже тем, что загадку разгадал В. М. Борисов, и к его разгадке присоединился целый ряд исследователей, включая автора рассматриваемой статьи.

В приведенном выше фрагменте Лотман пишет о «двух типах речевой деятельности»: один предполагает обращение к «абстрактному адресату», другой — «к конкретному собеседнику, которого говорящий видит, с которым пишущий лично знаком и объем индивидуальной памяти которого адресанту прекрасно известен». О. Лекманов называет эту особенность текста «двух-

⁸ Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца. СПб., 2020. С. 612–613.

адресной установкой поэзии», характеризуя её как установку либо на «широкого» (или «далекого»?) читателя, либо на «интимного», что, в целом, совпадает с концепцией Лотмана. Поэтому автору статья и следовало бы объяснить, в чём необходимость этого терминологического нововведения и чем оно отличается от феномена диалогической речи.

Создавая «Реквием», Ахматова конечно же осознавала, что ни о какой его публикации в обозримом будущем и речи быть не может, поэтому фигура читателя («интимного» ли, «широкого» ли) предполагала особый тип коммуникации, отличный от того, который был бы рассчитан на ситуацию, в которой Ахматова предполагала бы отнести рукопись в издательство и дожидаться выхода тиража. «Реквием» в этом смысле типологически ближе «умной молитве», с одной стороны, и трагическому монологу, с другой.

По точному замечанию Е. Эткинда, «ахматовская поэма — лирика, устремленная к эпичности»⁹. Именно напряжение между этими двумя жанрами формирует поэтику цикла. Кроме того, «Реквием», как это показано в цитируемой работе Эткинда, — произведение, обладающее внутренней целостностью¹⁰, связностью и связанностью обладают все его строения, и каждое из них получает смысл в отношении к другим. Вне учёта этих двух обстоятельств дифференциация читателей на какие-либо круги, равно как и отбор отдельных примеров, остаются проблематичными.

Обратимся к наблюдениям О. Лекманова над стихотворением Ахматовой «Молитва» (1915) в связи с одним из мотивов «Реквиема»:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —

⁹ Эткинд Е. Бессмертие памяти. Поэма Анны Ахматовой Реквием // Эткинд Е. Там, внутри: О русской поэзии XX века. СПб., 1996. С. 347.

¹⁰ Эткинд Е. Указ. соч. С. 344–345. А. Жолковский (Жолковский А. Между могилой и памятником. Заметки о финале ахматовского «Реквиема» (1940); цит. по: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/bib228>) отметил, что «в ахматоведении нет единой точки зрения на жанр “Реквиема”», а также указал на ряд работ, содержащих «аргументацию в пользу взгляда, что это поэма, а не цикл стихов» (Эткинд Е. Указ. соч.; Jaccard J.-Ph. Le «Requiem» d'Anna Ahmatova, femme et poète. Histoire d'une image, de la lucidité de N. Nedobrovo à la ruse (?) de V. Žirmunskij // La femme dans la modernité. Lyon, 2002. P. 217–236).

Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Толкование автора статьи, следующее за этой цитатой, кажется весьма проблематичным: игнорируя жанровые особенности стихотворения, в котором лирическое начало, связанное с традицией литературного жанра «молитвы», соединено с эпическим пафосом (включая использование таких одических клише как «тучи над Россией», «лучи славы»), О. Лекманов отождествляет «наивно-реалистическое», практически пародийное, восприятие ахматовского стихотворения, для которого строка «отыми и ребенка и друга» означает обращение к Богу, — с просьбой убить её трёхлетнего сына Лёву, а заодно и его отца, Николая Степановича Гумилёва. В качестве подтверждения этой довольно экстравагантной идеи в статье приводится цитата из мемуаров Ирины Одоевцевой — пересказ слов Гумилёва:

Но вот, — (...) с чем я никак не мог примириться, что я и сейчас не могу простить ей, — это ее чудовищная молитва:

Отними и ребенка, и друга...

то есть она просит Бога о смерти Левушки для того,

Чтобы туча над скорбной Россией
Стала облаком в славе лучей...

Она просит Бога убить нас с Левушкой. Ведь под другом здесь, конечно, подразумеваюся я. Впрочем, меня она уже похоронила, как только я ушел на войну.

Очень жаль, что, цитируя эту часть гумилевского монолога, автор статьи непривел монолог целиком или хотя бы не процитировал и этот фрагмент:

— Сколько лет прошло, а я и сейчас чувствую обиду и боль. До чего это несправедливо и подло! Да, конечно, были стихи, которые я не хотел, чтобы она печатала, и довольно много. Хотя бы вот:

Муж хлестал меня узорчатым
Вдвое сложенным ремнем...

Ведь я, подумайте, из-за этих строк прослыл садистом. Про меня пустили слух, что я, надев фрак (а у меня и фрака тогда еще не было) и цилиндр (цилиндру меня, правда, был) хлещу узорчатым вдвое сложенным ремнем не только свою жену — Ахматову, но и своих молодых поклонниц, предварительно раздев их догола. Я не выдерживаю и хохочу, представляя себе эту нелепую картину. Он круто останавливается.

— Смеетесь? А мне, поверьте, совсем не до смеха было. Я старался убедить ее, что таких выдумок нельзя печатать, что это неприлично — дурной вкус и дурной тон. И не следует писать все время о своих вымышленных любовных похождениях и бессердечных любовниках. Ведь читатели все принимают за правду и создают биографию поэта по его стихам. Верят стихам, а не фактам.

Гумилёв, несколько рисуясь выбором амплуа «обиженного мужа», разыгрывает перед Одоевцевой спектакль, в котором пародирует восприятие поэзии Ахматовой наивным читателем, «все принимающим за правду»¹¹ и создающим биографию поэта по его стихам»¹². Однако О. Лекманов предлагает нам отнестись к пафосу поэтической риторики именно с такой точки зрения:

Попробуем поставить себя на место тех немногочисленных адресатов стихотворения, для которых «ребенок» и «друг» из этой строки в мае 1915 года были не абстрактными символическими фигурами, а конкретными людьми. Льву Гумилеву тогда еще не исполнилось трех лет, а Николай Гумилев в мае лечился в Петрограде от воспаления почек (...).

И далее:

Мы видим, что эмоциональное воздействие третьей строки «Молитвы» [«отними и ребенка, и друга». — В. Б.] на читателей из интимного круга и, в частности, на того, о ком шла речь в этой

¹¹ Образ такого читателя, «эмоционально» толкующего «Лесного царя» Гейне в переводе Жуковского, создала Тэффи в рассказе «Летом» (сб. «Земная радуга»).

¹² Одоевцева И. В. На берегах Невы. М., 1988. С. 302.

строке, было куда более сильным и сложным, чем на адресатов из широкого круга.

Рассмотрение четырёх примеров из цикла «Реквием» О. Лекманов предваряет следующим утверждением:

С одной стороны, потенциально «Реквием» был адресован максимально широкому кругу читателей и читательниц, в первую очередь — женщин, потерявших в годы репрессий родных и близких... (...) С другой стороны, реальными читателями и слушателями «Реквиема» до 1957 года оставались считанные друзья и по-други Ахматовой, самые близкие, самые проверенные.

Далее в статье речь идёт о словосочетании «голубые губы» во вступлении к «Реквиему». Л. Чуковская приводит слова Ахматовой: «Сегодня у меня самая страшная годовщина. В 1938 году в этот день я узнала, что Лева арестован. В этот день и начались мои хождения. Эти лица, эти, как у вас написано, голубые губы, эти ответы из-за окошек». Комментарий Чуковской: «“Губы у нее были голубые” — цитата из моей повести “Софья Петровна”, которую я прочитала Ахматовой 4 февраля 1940 г. (...) Позднее Ахматова перенесла эти “голубые губы” в свой текст — в прозаическое начало “Реквиема”»¹³. О какой «тайной адресации» может идти речь в этом вполне открытом диалоге Ахматовой и Чуковской? Известны ли какие-либо другие примеры, связанные с этой цитатой? В чём, с точки зрения автора статьи, разница между цитатой и коммуникативным актом? Ответ на эти вопросы нам найти не удалось.

Следующий фрагмента «Реквиема», написанный в 1938 г., «Тихо льется тихий Дон...», анализируется уже не столько в плане «двуадресности», сколько в более привычном жанре поиска подтекстов, хотя сам О. Лекманов приводит это стихотворение именно как «пример тайного обращения (...) к двум интимным адресатам Ахматовой» (речь здесь идёт о «сыне Ахматовой Льве Гумилеве и его тогдашней возлюбленной Эмме Герштейн») и, более того, утверждает, что лишь они могли тогда «адекватно распознать и правильно интерпретировать главный подтекст этого сти-

¹³ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. Т. 2: 1952–1962 / 3-е изд., испр. и доп. М., 1997. С. 375.

хотворения и цикла в целом». Однако разная степень осведомленности относительно биографических обстоятельств, связанных с написанием стихотворения, с «адекватностью» его восприятия никак не связана: восприятие его читательской аудиторией было вполне «адекватным» и без «тайного обращения». А уж что следует здесь понимать под «главным подтекстом» мы истолковать не берёмся.

О. Лекманов ссылается на статью Р. Тименчика¹⁴, который возводит «Тихо льется тихий Дон...» непосредственно к циклу стихотворений А. Блока «На поле Куликовом». Это утверждение, хоть и небесспорное, заслуживает внимания наряду с другими истолкованиями этой строки. Обратимся, однако, к самому началу статьи Тименчика: «В 1938 году во время свидания в тюрьме Лев Николаевич Гумилев прощаясь, сказал блоковское:

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна».

Цитата из Блока, которую Тименчик рассматривает как «толчок» к созданию цикла «Реквием», а также ее биографический контекст, даны со ссылкой на воспоминания Эммы Герштейн «Лишняя любовь. Сцены из московской жизни»¹⁵. Солидаризируясь с мнением Тименчика, О. Лекманов пишет:

От себя добавим, что в данном случае Ахматова позаботилась о двух своих тайных адресатах гораздо больше, чем о множестве читателей из широкого круга, — если не в момент написания, то в момент начала широкого хождения «Реквиема», почти все такие читатели с неизбежностью видели в разбираемом стихотворении цикла отсылку к «Тихому Дону» Шолохова. И это напрашивающееся предположение, как видим, было ложным.

Увы, вынуждены сознаться, что в приведённом фрагменте мы не увидели решительно никаких аргументов, которые бы заставили считать «это напрашивающееся предположение ложным». В названной работе Тименчика о «ложности» отсылки к «Тихо-

¹⁴ Тименчик Р. К генезису ахматовского «Реквиема» // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 215–216.

¹⁵ Новый мир. 1993. № 12. С. 145.

му Дону» ничего не говорится. Отчего менее очевидный блоковский подтекст исключает наличие «шолоховского» (и шире — «донского», см. далее) или каких-либо других? Неужели поэтике Ахматовой как-то противоречит возможность использования цитаты, относящейся более чем к одному источнику? Неясно также, почему не упоминается другое мемуарное свидетельство Эммы Герштейн:

Анна Андреевна (...) читает мне, почти бормочет новое стихотворение «Тихо льется тихий Дон...». Мне в голову не приходит, что это будущий «Реквием». И она еще не помышляет об этом. Я не задумываюсь над тем, почему в ленинградском стихотворении откликнулась река Дон. Только значительно позднее, в Москве, я спросила Анну Андреевну об этом. Она ответила уклончиво: «Не знаю, может быть, потому, что Лева ездил в экспедицию на Дон?..» Она сказала также, что «Тихий Дон» Шолохова был любимым произведением Левы. «А вы не знали?» — удивилась она. Я действительно не знала этого¹⁶.

В качестве дополнительных подтверждений «двуадресности» в статье рассматриваются «еще две скрытые в стихотворении «Тихо льется тихий Дон...» цитаты».

Первая цитата — это всем известная считалка: «Вышел месяц из тумана, / Вынул ножик из кармана. / Буду резать, буду бить, / Все равно тебе водить». В контексте цикла этот подтекст воспринимается как весьма зловеющий. Не только потому, что в считалке изображен месяц-убийца (сравните в ахматовском стихотворении описание brutального проникновения месяца в жилье героини: «Желтый месяц входит в дом. / Входит в шапке набекрень»).

Сомнительной представляется попытка установить сходство двух цитат на основании совпадения только одного слова — «месяц» («Вышел месяц из тумана» // «Желтый месяц входит в дом»). Однако, процитированные строчки Ахматовой действительно содержат связь с фольклором, в частности, с донским фольклором (как и с «донским контекстом» в целом), что впол-

¹⁶ Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 264

не убедительно было рассмотрено в работе М. Ч. Ларионовой¹⁷. Что до первой строки стихотворения, то здесь можно также припомнить и мнение Эткинда, соотнесшего её с русскими историческими песнями типа: «Ой ты, кормилец, скажем, тихий Дон / Донченок нам, Дон Иванович!.. / Как, бывало, славный тихий Дон, / Бывало, быстер бежишь...»¹⁸. К фольклорной идиоме «тихий Дон», собственно, восходит и название шолоховского романа.

Кстати сказать, поскольку О. Лекманов пишет о словосочетании «голубые губы» в предисловии к «Реквиему» как в связи с его наиболее вероятным источником, так и в отношении к его функции тропа, имело бы смысл обратить внимание на следующий фрагмент из второй книги «Тихого Дона» Шолохова:

— Не мешай! — он побагровел и, вновь вытягивая **голубые губы** в бессмысленную улыбку, тем же жутким речитативом продолжал (...)¹⁹.

Продуктивным в рассматриваемой статье является, на наш взгляд, указание на параллели между стихотворением «Тихо льется тихий Дон...» и упомянутой выше «Молитвой»:

В стихотворении «Тихо льется тихий Дон...» исполняется почти все, о чем просилось в «Молитве». Героине были «дарованы» болезнь («Дай мне горькие годы недуга» — «Эта женщина больна»), бессонница («Задыханья, бессонницу, жар» — «Видит желтый месяц тень»), а также потеря мужа и сына («Отыми и ребенка, и друга» — «Муж в могиле, сын в тюрьме»).

К сожалению, продолжение этого рассуждения звучит несколько странно: возможно, оно было бы уместнее в художественном или публицистическом сочинении, нежели в литературоведческой статье:

¹⁷ Ларионова М. Ч. «Тихо льется тихий Дон...»: донской контекст поэмы А. А. Ахматовой «Реквием» // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 193–203.

¹⁸ Эткинд Е. Указ. соч. С. 348; см. также: Донские казаки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Ю. Г. Волкова. Ростов н/Д, 1998; книга содержит ряд отсылок к донскому фольклору, в котором словосочетание «тихий Дон» встречается довольно часто.

¹⁹ Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в четырех книгах. Книга вторая // Шолохов М. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. Кн. 2. М., 1957. С. 44. Вторая книга была впервые напечатана в журнале «Октябрь» за 1928 год.

Только вот вместо солнца, которое должно было залить Россию лучами славы, из тумана вышел «желтый месяц» «в шапке набекрень». А потому истовая «Молитва» Ахматовой о России теперь сменилась обращением к людям России: «помолитесь обо мне».

Следующее сопоставление, приведенное в статье О. Лекманова, основано на сближении стихотворения «Показать бы тебе, насмешнице...» из цикла «Реквием» с ранним стихотворением Ахматовой «Все мы бражники здесь, блудницы...» И здесь снова неясно, во-первых, идёт ли речь о тех, кому знакомы дореволюционные стихи Ахматовой (их автор статьи почему-то назвал «элитарными читателями»), или только о друзьях молодости. Во-вторых, правильнее было бы сопоставлять стихотворение «Показать бы тебе, насмешнице...» с несколькими ранними ее стихотворениями, в частности, и теми, в которых присутствует царскосельская тема как автобиографическая, на что уже указывал в своей статье Эткинд²⁰. И, в-третьих, здесь стоило бы обратить внимание на то, что воспоминания о поэтической юности, о «насмешнице», «любимице всех друзей» и «грешнице» — это «**веселые**» воспоминания, контрастирующие с трагическим настоящим времени «Реквиема», тогда как в указанном раннем стихотворении речь идёт о «бражниках» и «блудницах», которым вместе «**невесело**».

Что же касается утверждения — «для пятой — одиннадцатой строк стихотворения “Показать бы тебе, насмешнице...” отыскивается конкретный подтекст — известный тюремный романс “В воскресенье мать-старушка...”» — то этот подтекст из «простонародной песни», видимо, адресован читателю попроще, «неэлитарному». И потом, рассматривая этот «конкретный подтекст» важно было бы уточнить, о чём идёт здесь речь — о «словах» или о «вещах»? При сопоставлении тезаурусов двух стихотворений общими им является слова «передача». А вот сопоставление сходного мотива («мать приносит в тюрьму передачу для сына») примечатель-

²⁰ «Повернувшись к собственному Я, Ахматова естественно обращается к излюбленной ею в молодости поэтической форме трехударного дольника, основанного на анапесте; ср.:

- Сжала руки под темной вуалью ...
- Смуглый отрок бродил по аллеям ...
- Так беспомощно грудь холодела ... »

(Эткинд Е. Указ. соч. С. 349).

но как раз различиями на фоне этого сходства: детальность и завершенность сюжета фольклорного текста соположена «закрытости» ахматовского стихотворения, где не упоминаются ни слово «тюрьма» (но «Кресты»), ни «мать-старушка», но риторическое «ты», соответствующее лирическому «я».

Последний (четвёртый) пример «двуадресной направленности многих фрагментов «Реквиема» касается стихотворения «Уводили тебя на рассвете...» И здесь с «адресатами» уже полная неразбериха: вначале нам сообщается, что «тайными адресатами»²¹ этого стихотворения «были те читатели Ахматовой, которые хотя бы в общих чертах были посвящены в историю ее семейной жизни». А далее после текста стихотворения мы читаем:

Адресат цикла из широкого круга ахматовских читателей закономерно видел в этом стихотворении описание ареста, то есть исходной точки горестного пути заключенного и его близких. Внимательный читатель из этого круга понимал, что речь идет об аресте мужа героини.

И в следующем абзаце:

Адресаты из интимного круга Ахматовой знали, что поводом к написанию стихотворения «Уводили тебя на рассвете...» стал арест ее сына и ее третьего мужа, Николая Пунина.

Оставим попытку разобраться в том, «кто на ком стоял», и зададимся простым вопросом: о каких «адресатах» вообще идёт речь? О тех, кто читал «Реквием» в самиздате, «тамиздате», в перестроечной публикации или в собрании сочинений, выпущенном «Эллис Лак»? Это всё разные читательские аудитории, и источники сведений о жизни Ахматовой у них разные. Следует ли считать позицией О. Лекманова приравнивание коммуникативной установки к знакомству читателя с биографией писателя? То, что в статье называется «открытой адресацией всем носителям русского языка» не совпадает ни с первым, ни со вторым обстоятельством.

За этим следует заключение несколько неожиданное: «Именно адресат из второго, интимного круга читателей “Реквиема” мог

²¹ «Тайными» для кого являются эти «адресаты»?

по достоинству оценить скрытую автоцитату в стихотворении «Уводили тебя на рассвете...» из ахматовского стихотворения «Он любил...» (1910)». Вероятно, указание на параллель между строками «не любил, когда плачут дети» и «в темной горнице плакали дети»²² вполне возможно, но причём здесь «тайный читатель»: неужели только он знал упомянутое стихотворение из книги «Вечер»? Но считать Гумилёва прототипом «его» из стихотворения «Он любил три вещи на свете...» будет не более оправданным, чем утверждение, что Анна Андреевна молилась о смерти Николая Степановича. Смысл же слов «Ахматова превращала ситуацию ареста своего мужа [читай — арест Пунина. — В. Б.] в повторяющуюся во времени [читай — арест Гумилёва. — В. Б.]» может «по достоинству оценить» только сам О. Лекманов.

Одной из огорчительных особенностей рассматриваемой статьи является очевидное пренебрежение её автора исследовательской традицией, мнением и приоритетом предшествующих исследователей «Реквиема», поэтому следует добавить, что слова о «мягкой, ненавязчивой фольклоризации текста» следовало бы сопроводить ссылкой на цитированную нами статью Эткинда, который уже писал о фольклорной стилистике текста и фольклорной семантике размера, которым это стихотворение написано, но только более подробно²³. То же относится и к образу стрелецкой жёнки²⁴.

²² Ср. комментарий к этой строке в воспоминаниях И. Пуниной: «После ареста Николая Николаевича и Левы в 1935 Анна Андреевна написала стихотворение “Уводили тебя на рассвете...”. Она описывает бывшую детскую, которая сейчас ее мемориальная комната. “В темной горнице плакали дети” — это плакали не дети вообще, а это были я и мой двоюродный брат Игорь Аренс, который жил у нас, потому что отец его уже был в лагере («Под кровлей Фонтанного Дома...». Запись выступления И. Н. Пуниной на вечере в Музее Анны Ахматовой (октябрь 1994 года) // Попова Н. И., Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб., 2000. С. 145).

²³ Эткинд Е. Указ. соч. С. 347.

²⁴ Сопоставляя эти две строки ахматовского стихотворения с картиной Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни», видимо, следовало бы указать, что, во-первых, это наблюдение несколько ранее было сделано М. Д. Вольпиным в беседе с В. Д. Дувакиным (см.: *Вольпин М. Д. Беседа В. Д. Дувакина с М. Д. Вольпиным (1970–1980)* // «Собрание фоновых документов имени В. Д. Дувакина» Отдела устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/ahmatova-v-zapisyah-duvakina/volpin.htm>). Во-вторых, открытым в статье остаётся и вопрос об источнике стилистически окрашенного словосочетания «стрелецкие жёнки», которое отсылкой к Сурикову объяснить нельзя. О языке и стиле ахматовского цикла см.: *Бельчиков Ю. А.*

Неловко повторять банальности вроде «в работе исследователя нет мелочей», но нам придётся сказать и об этом, утешив себя другой банальностью: «Истина от повторения не тускнеет».

Небрежность в способе изложения деталей напрямую приводит к существенным методологическим просчётам, что отражается на качестве работы в целом. Протицируем самое начало статьи: «Исследователи уже отмечали, что акмеизм в отличие от символизма сделал ставку не на тайну, а на загадку». Если речь действительно идёт об утверждении, постоянно повторяемом «исследователями», соответствующие ссылок всё же необходимы. Вероятно, речь здесь идёт о работе Д. Сегала «Русская семантическая поэтика двадцать лет спустя»²⁵, в которой её автор рассматривает эту дихотомию с точки зрения двух разных типов хронотопа. О том, что «“тайны” символизма стали в акмеизме филологическими загадками», писал и О. Ронен²⁶. Это замечание важно одной, конечно же, неслучайной деталью, а именно, указанием на «филологические загадки» акмеизма. Однако О. Лекманов высказывает мнение, что появление этих загадок есть результат авторской интенции: «Одним из способов загадывания загадок для Мандельштама и Ахматовой стала сознательная двухадресная установка поэтических текстов». Ср. в работе Сегала:

С одной стороны, следует говорить об общей *установке* на загадку даже без того, чтобы эта установка была обязательно выражена формально. С другой стороны, вследствие далеко идущей автономности каждого текста имеется тенденция к построению новой формальной конструкции загадки в каждом отдельном тексте²⁷.

Таким образом, достаточно сложная проблема структуры и функциональной природы загадки без должного обоснования заменена у О. Лекманова той самой «двухадресностью», о которой мы уже говорили в этой заметке ранее. Об указанной О. Ро-

К стилистическому комментарию «Реквиема» Анны Ахматовой // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 121–128.

²⁵ Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. II. № 1. С. 7–52; то же — в: Сегал Д. М. Литература как охранная грамота. М., 2006.

²⁶ Ронен О. В. М. Жирмунский и проблема «преодоления» в смене стилей и течений // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2003. Т. I. Ч. I. С. 58.

²⁷ Сегал Д. М. Указ. соч. С. 16.

неном «филологичности» таких загадок в данной статье даже не упоминается.

В заключении к статье делается попытка описать эволюцию поэтики Ахматовой, также вызывающая ряд вопросов. Почему поэтика «Реквиема» отождествляется здесь с поэтикой стихотворений 1911 г. и каковы основания считать, что она «выработана полностью», что означает «печальный пример Бальмонта», который охотно повторял себя, не видя в том никакой трагедии и, тем паче, при чём здесь пример Рембо: опасения, что Анна Андреевна бросит писать стихи и займется работоторговлей, как кажется, совершенно излишни. И никакого «решительного отказа от двойной адресации текста, сделанного в пользу интимных читателей, а не широкого читательского круга» у Ахматовой нет, поскольку и ранние её стихи никаким «читательским массам» адресованы не были. Эволюцию поэтики Ахматовой и эволюцию её стиха М. Л. Гаспаров описывает следующим образом:

(...) два ранних, тесно прилегающих друг к другу периода (1909–1913 гг.: овладение стихом, 1914–1922 гг.: выработка собственной манеры) и два поздних, отбитых долгими, вынужденными творческими паузами (1935–1946 гг. и 1956–1965 гг.), тоже во многом подхватывающие и продолжающие друг друга. Ранние периоды соответствуют «простому», «вещному» стилю акмеистической Ахматовой, поздние — «темному», «книжному» стилю старой Ахматовой, ощущающей себя наследницей миновавшей эпохи в чуждой литературной среде²⁸.

И последнее: как писал Геннадий Шпаликов, «никто из нас не Карамзин / А был ли он, а было ль это». Конечно, суть научной статьи не в качестве её языка, по крайней мере, не только в нем, но «анимирование Успенского собора», введение в научный стиль доверительного диминутива «теперь чуть-чуть поговорим», характеристика стихотворения Ахматовой как «во многом поворотного», «реалия «голубые губы», «инкрустируя стихотворение отчетливой цитатой», «брутальное проникновение» (перечень примеров можно продолжить) — не говоря уж о «двухадресной установке», вряд ли способствуют ясности изложения.

²⁸ Гаспаров М. Л. Стих Ахматовой: четыре его этапа // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 26–28.

Владимир Романович Молотников (9 августа 1947 — 26 сентября 2021). Некролог

Владимир Романович родился в Москве, закончил школу в 1965 г., из-за не самой лучшей характеристики, данной ему в школе, не рискнул поступать на дневное отделение МГУ и поступил на вечернее отделение исторического факультета. После первой сессии был переведен на дневное. Закончил университет в 1971 году с отличием. Несмотря на красный диплом, был распределен в Музей «Бородинская панорама», затем в Музей революции. Будучи человеком принципиальным, отказался от навязанного соавторства с руководством, хотя тогда ничего еще и не писал. Затем традиционное репетиторство. С начала 1990-х годов подрабатывал на выборах, сотрудничал с рядом издательств, редактировал переводы с иностранных языков. С начала 2000-х годов начал планомерную работу над давно задуманной книгой о Борисе Пастернаке. Работа продолжалась много лет, сопровождалась публикациями на proza.ru.

В 2019 году опубликовал объемную монографию «Борис Пастернак, или торжество хаотуры» в издательстве «Икс-Хистори». Резко написанная, эта книга была, тем не менее, насыщена массой новых документов и материалов, найденных в архивах, как тех, куда ходят литературоведы, как РГАЛИ, так и тех, куда не ступала их нога, как например, Архив Администрации Президента РФ, где отложились материалы тех периодических изданий и издательств, с которыми сотрудничал Пастернак.

К удивлению автора и издателей, книга не была принята к продаже ни в «Доме книги» на Новом Арбате, ни в «Москве» на Тверской, ни в «Библио-Глобусе» на Мясницкой. Книга продавалась лишь в «Фаланстере», позже — в «Русской деревне» и т. д. Сам автор не оставался в стороне и, купив небольшое место, самостоятельно продавал свою книгу на больших книжных ярмарках на ВДНХ.

Вершиной этого процесса стал запомнившийся многим поистине авангардный и активистский акт продажи книги перед зданием «Гостиного двора» во время выставки **non/fiction**, на что было получено специальное разрешение местного отделения полиции.

После критического упоминания «Бориса Пастернака, или Торжества халтуры» в журнале «OSTKRAFT. Историческое обозрение», с высокой оценкой архивной составляющей работы и недоумения относительно тона книги и способа толкования стихов автора «Марбурга», В. Р. Молотников со свойственной ему прямотой обратился в редакцию.

С этого момента началось его сотрудничество в OSTKRAFT'е, но уже в «OSTKRAFT. Литературная коллекция». И здесь выяснилось, что запасы архивных материалов, находящихся в распоряжении автора, превышают все ожидания. Наиболее важными из них были опубликованные нами документы редакции «Нового мира» о судьбе «Доктора Живаго» и восстановление биографии В. Силлова, тайного героя «Охранной грамоты».

Последним научным выступлением В. Р. Молотникова стал его доклад в ИМЛИ им. Горького на конференции по сравнительной истории «Доктора Живаго» и «Тихого Дона», где по абсолютно новым материалам было показано, что «зловещая» роль А. А. Суркова, кстати, как и К. А. Федина, как видно из его дневников, опубликованных Н. В. Корниенко, в жизни Пастернака явно не связана с действительностью. Мы надеемся, что текст доклада сохранился в архиве автора.

На протяжении ряда последних лет В. Р. Молотников печатал статьи по проблемам доступности российских архивов в газете «Литературная Россия». Его публицистические тексты можно найти на сайте «Полит.ру».

Высшим признанием заслуг В. Р. Молотникова в официозном пастернаковедении явилось немотивированное использование найденных архивистом «новомирских материалов», (опубликованных в «OSTKRAFT. Литературная коллекция» даже факси-

мильно (!)), в книге С. Чуприна «Оттепель» (М., 2020), разумеется, безо всяких ссылок, и в журнальной публикации в чупринском «Знамени», и в «Новом литературном обозрении», хотя «репуббликатор» никогда не был замечен в архивах, равно, как писал сам В. Р. Молотников, никто из его коллег, благодаренных в «Оттепели», также до этих материалов никогда не добирался...

Письма, направленные нашим автором руководителям «Знамени», «Нового литературного обозрения» и Премии «Просветитель», наградивших архивный плагиат, сохранившиеся в архиве, равно как и публикации В. Р. Молотникова на эту тему в сети, станут ярким памятником тому, как и где делаются «оттепельные» дела в наше «морозное» время.

В последние год-полтора своей жизни В. Р. Молотников увлекся восстановлением издательской и даже бухгалтерской судьбы книг самого Пастернака и, особенно, его переводных работ. Масса договоров, просьб об отсрочке, разного рода финансовых сюжетов, связанных с одновременной сдачей в разные издательства одних и тех же переводов, угроз судебного преследования, и т. д. обязательно должны быть систематизированы и войти в Хронику жизни и деятельности поэта.

Редакция «OSTKRAFT. Литературная коллекция»

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ**

OSTKRAFT

| н а у ч н о е о б о з р е н и е |

Редакционная коллегия:

Л. Ф. Кацис (главный редактор),

М. А. Колеров,

С. Г. Шиндин.

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Корректор: *А. В. Мартынов*

ISBN 978-5-905040-79-5

9 785905 040795 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 29.03.2022. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Artnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru